

horror thriller mysticism horror thriller mysticism horror

BEST NEW HORROR

Под редакцией Стивена ДЖОНСА и Рэмси КЭМПБЕЛЛА

УЖАСЫ

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Рэмси КЭМПБЕЛЛ, Ричард ЛАЙМОН,
Роберт МАККАММОН, Йен УОТСОН и многие другие

УЖАСЫ

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Санкт-Петербург
2011

УДК 82/89
ББК 84.7 США
У 33

BEST NEW HORROR

Edited by Stephen Jones & Ramsey Campbell
Copyright © 1990 by Stephen Jones & Ramsey Campbell
All rights reserved

Публикуется с разрешения редакторов через
Dorian Literary Agency (Великобритания)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Екатерины Александровой, Ольги Гайдуковой, Валерии
Двининой, Тамары Казаковой, Николая Кудрявцева,
Ольги Ратниковой, Марии Савиной-Баблюян

Оформление Александра Золотухина

У 33 **Ужасы: Замкнутый круг** / Пер. с англ. Е. Александровой, О. Гайдуковой, В. Двининой и др. — СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2011. — 448 с.

ISBN 978-5-389-01489-3

Все лучшее в жанре ужасов за два последних десятилетия в новой серии «Best New Horror»! От всемирно известного составителя сборников, признанного мэтра Стивена Джонса! Впервые на русском языке!

Привидения и вампиры, маньяки и психопаты, таинственные монстры и ходячие мертвецы — все самые популярные персонажи жанра хоррор на страницах произведений Рэмси Кэмпбелла, Ричарда Лаймона, Роберта Маккаммона, Йена Уотсона и многих других знаменитых писателей. Смертоносные твари выползают из тьмы, сходят с экранов телевизоров, являются с того света или из глубин вашего воспаленного сознания. Если вы не прочь пощекотать нервы, не страдаете бессонницей и нечасто выходите из дома по ночам, двадцать душераздирающих историй, собранных в этой антологии, доставят вам истинное удовольствие!

УДК 82/89
ББК 84.7 США

© Е. Александрова, О. Гайдукова, В. Двинина,
Т. Казакова, Н. Кудрявцев, О. Ратникова,
М. Савина-Баблюян, перевод, 2011

© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-01489-3

РОБЕРТ МАККАММОН

Булавка

Роберт Маккаммон родился в Бирмингеме, штат Алабама, где и по сей день живет вместе с женой Салли. В двадцать шесть лет он выпустил свой первый роман «Ваал» («Baal»), и с тех пор его произведения в жанре хоррор неизменно становятся бестселлерами. Среди них романы «Грех бессмертия» («Bethany's Sin»), «Корабль ночи» («The Nightboat»), «Они жаждут» («They Thirst»), «Неисповедимый путь» («Mystery Walk»), «Участь Эшеров» («Usher's Passing»), «Песня Сван» («Svan Song»), «Кусака» («Stinger»), «Час волка» («The Wolf's Hour») и «Моё!» («Mine»), а также сборник «Синий мир» («Blue World»).

Рассказ «Булавка» — это душераздирающая история о психическом расстройстве, которое толкает на саморазрушение.

Я сделаю это.

Да. Сделаю.

Я держу булавку в руке; сегодня вечером я собираюсь заглянуть во внутреннее солнце.

И тогда, когда я до краев буду полон ослепительным сиянием и жаром, когда мой мозг заполыхает таким пожарищем, что хоть звони во все колокола, я прихвачу в «Макдоналдс» на углу свой винчестер, и посмотрим, кто что кому скажет.

Вот, пожалуйста, разговариваешь сам с собой. Так здесь больше никого нету, с кем же мне разговаривать? Нет, нет, здесь моя подружка. Вот она, у меня в руке. Да ты знаешь. Булавка.

У меня есть остренькая подружка-невеличка. Ты только взгляни, как блестит это крохотное острие. Она — Булавка — завораживает. Она говорит: смотри на меня, смотри долго и внимательно и увидишь во мне свое будущее.

Очень острое будущее, и в нем — боль. Булавка лучше Бога, потому что Булавку я могу держать в руке. Бог где-то терзается и стонет в тишине... где-то там, наверху. Высоко-высоко за потолком. Черт, трещина, а я и не знал. Неудивительно, что этот паскудный потолок в этом месте протекает.

Ну, так. Джонни — нормальный парень. В смысле, стрелять в него я не стану. Он в порядке. Остальные... бац, бац, бац, ровно две секунды — и все в этой лавочке покойники. Мне не нравится, как они захлопывают рты, когда я прохожу мимо, точно у них есть секреты, которые мне знать не положено. Как будто у человека могут быть секреты, если он целый день возится с машинами, чинит тормозные колодки да клеит шины, и под ногти ему забивается такая грязюка, что не отмоешь. Хороши секреты! А вот Булавка... у Булавки секреты есть. Сегодня вечером я узнаю их и поделюсь своим знанием с людьми на углу, с теми, кто жрет гамбургеры в безопасном, надежном мире. Держу пари, там крыша не течет, будь она неладна, я заставлю ее потечь — всажу пулю навывлет, вот так.

Я потею. Тут жарко. Подумаешь, новость — вечер-то летний.

Булавочка, ты такая хорошенькая, аж слеза прошибает.

По-моему, фокус в том, чтобы не моргать. Я слышал про таких, кому уже случалось делать это. Они видели внутреннее солнце и выходили сияющие, светозарные. Здесь у меня всегда темно. В этом городе всегда темно. По-моему, им требуется немного солнечного света, как думаешь?

Вообще-то, с кем это ты беседуешь? Я сам с собой. Вместе с Булавкой выходит четверо. Черт возьми, можно бы сыграть в бридж, если б была охота. Лукас любил играть в бридж; любил жульничать и по-всякому обзывать, да все равно что еще тут делать? О, эти белые-белые стены. По-моему, белый — цвет Сатаны, ведь у него нет лица. Я видел по телевизору проповедника-баптиста, и на нем была белая рубаша с закатанными рукавами. Он говорил: подходите поближе по проходу, ну давайте, да-

вайте подходите, пока можно, и я покажу вам дверь в Царствие Небесное.

Это большая белая дверь, сказал он. Сказал и улыбнулся, да так улыбнулся... О, я-то знал, просто знал, что на самом деле он говорит, ты смотришь на меня, верно, Джои? На самом деле он говорил: Джои, ты же все знаешь о больших белых дверях, не так ли? Ты знаешь, что когда они с размаху захлопываются, слышно, как щелкает задвижка и бренчит в замке ключ, и ясно, что эта большая белая дверь уже не откроется, пока кто-нибудь не придет и не откроет ее. Когда она закрывалась, открывалась она всегда очень нескоро.

Я всегда хотел стать звездой. Как в кино или по телику, кем-нибудь важным, чтоб вокруг было полно народу, и все они кивали бы и говорили: да-да, как верно, вы очень разумно рассуждаете. Вид у них всегда такой, будто они знают, куда идут, а еще они вечно торопятся туда попасть. Ладно, я тоже знаю, куда сейчас пойду. Прямоком на угол, туда, где золотые арки. Выгляни из окошка, их видать. Вон машина к ним заворачивает. Субботний вечер, народу будет полно. Яблоку негде упасть. У моего винчестера семизарядный магазин. Рифленый черный орех. Атласная полировка. Резиновая накладочка на прикладе. Весит он семь фунтов — хороший вес. И запасные пули у меня тоже есть. Субботний вечер, полно народу. Вечер встреч, о да, я надеюсь, она там, эта девчонка, ну знаешь, та, что водит синий «камаро», у нее длинные светлые волосы и глаза как брильянты. Брильянты твердые, но всадишь в такой брюлик пулю — и он сразу смягчает.

Не станем мы про нее думать, Булавочка, верно? Не-е! Ежели она там — это Судьба. Может, в нее я стрелять не стану, и она увидит, что я славный парень.

Держи Булавку близко. Ближе. Еще ближе. Против правого глаза. Я долго думал об этом. Решение далось нелегко. Левый или правый? Я правша, стало быть, логично использовать свой правый глаз. Я уже вижу, как солнце искрится и сверкает на кончике Булавки, точно обещание.

О, что я мог бы сделать, будь у меня автомат. Элиот Несс, «Неприкасаемые» — какая-нибудь штучка типа «томми»¹.

Я наверняка сумел бы отправить за ту большую белую дверь уйму народу, ведь верно? Понимаешь, занятно получается, то есть просто настоящая хохма, всем охота попасть в Царствие Небесное, но все боятся умереть. Вот что я собираюсь сказать, когда зажгутся прожектора и парень из новостей сунет мне под нос микрофон. Сперва надо побриться. И надеть галстук. Нет, в галстук меня не узнают. Надо будет надеть свою серую форму, серый — вот цвет для мужчины. Серый телекамера хорошо берет.

Поговори со мной, Булавочка. Скажи, что больно не будет.

Ах ты, лживая сучонка.

Нужно попасть в центр. В то черное местечко. Она должна войти глубоко. По-настоящему глубоко, и тебе придется проталкивать ее все дальше, до тех пор, пока не увидишь внутреннее солнце. Знаешь, я готов спорить на что угодно, это место все равно мертвое. Уверен, в этой черной точке даже боли никакой не почувствуешь. Просто воткни и проталкивай — и увидишь, как вспыхнет солнце, а потом, когда все будет сказано и сделано, можно будет сходить на угол и съесть гамбургер.

Пот так и льет. Жаркий вечер. Толку от этого чертова вентилятора, как от козла молока, шум один.

Ты готов?

Ближе, Булавочка. Ближе. Вот уж не знал, что острие может казаться таким большим. Ближе. Почти впритык. Не моргать! Моргают трусы, никто отродясь не мог сказать, что Джои Шэттерли трус, нет, сэр!

Погоди. Погоди. Я думаю, не обойтись без зеркала.

Я нюхаю у себя под мышками. Шариковый дезодорант «Бэн». Ты же не хочешь, чтоб от тебя разило потом, когда на тебя направят прожектора, вдруг последние но-

¹ «Томми» — пистолет-пулемет Томпсона, сорок пятый калибр.

вости делает не парень, а девчонка, та с большими титьками и словно отмороженной улыбкой?

Нет, бриться ни к чему, я выгляжу отлично. О черт, «Бэн» кончился. «Олд спайс» — это подойдет. Мой батя всегда пользовался «Олд спайсом», как все папаша. И славный же был денек, мы посмотрели, как «Красные» играют с «Пиратами», и он купил мне пакетик арахиса и сказал, что гордится мной. Денек что надо. Ну он был хоть и чужак, а настоящий Морской Пехотинец, факт. Я помню эту чушь про Иводзиму¹, когда он тронулся и запил, все Иводзима да Иводзима, я хочу сказать, он прожил это в уме миллион раз. Отошнело слушать про всех тех, кто сгинул на Иводзиме, и про то, почему надо гордиться тем, что ты американец, и про то, что все стало не так, как раньше было. Все переменялось, верно? Кроме «Олд спайс». Его до сих пор продают, и бутылка все такая же. Иводзима... Иводзима... А потом он пошел и сделал вот что: прицепил в гараже к потолку веревку и шагнул со стремянки, а я тут и войди за великом, и батина ухмылка, которая говорила: Иводзима.

Ох, мам, я не нарочно его нашел. Почему ты не зашла туда, тогда ты могла бы возненавидеть себя.

Ладно, тогда выдался хороший день, мы посмотрели, как «Красные» играют с «Пиратами», и он купил мне пакетик арахиса и сказал, что гордится мной. Он был настоящий Военный Моряк.

Черный кружок в зеркале выглядит маленьким, не больше точки. Но Булавочка меньше. Острая, как правда. В мой винчестер входит семь пуль. Великолепная семерка. Мне всегда нравился Стив Мак-Куин, у него там такой маленький обрез; Стив, по-моему, помер от рака.

Булавочка, ты такая красивая. Я хочу научиться всякому разному. Хочу знать разные секреты. Я буду шагать в сверкании внутреннего солнца, гордый и высокий, как Военный Моряк на горячем песке Иводзимы. Ближе, Булавочка. Еще ближе. Почти все. Рядом черный кружочек,

¹ Иводзима — остров на юге Японии, захваченный США во время Второй мировой войны, в 1944 г.

немигающая чернота. Гляди в зеркало, не гляди на Булавку. Не моргать! Ближе. Спокойней, спокойней. Не...

Упала. Только не закатись под раковину! Достань Булавку, достань ее! Не упусти...

Вот ты где. Милая Булавочка, милая подружка. У меня потеют пальцы. Вытрись полотенчиком — аккуратно, как следует. «Холидэй-Инн». Когда это я останавливался в «Холидэй-Инн»? Когда ездил навещать мамулю, ах да, верно-верно. В старом доме жил еще кто-то, мужчина и женщина, я так и не узнал их имена, а мамуля, она просто сидела там, где кресла-качалки, и говорила про отца. Она сказала, ее приезжал повидать Лео, а я сказал, Лео же в Калифорнии, а она сказала, ты ненавидишь Лео, да? Я не испытываю к Лео ненависти. Лео хорошо заботится о мамуле, посылает ей деньги и держит ее там, в том доме, но я скучаю по старому дому. Нынче все не так, как бывало, планета крутится все быстрее и быстрее, и иногда я держусь за кровать, потому что боюсь, как бы мир не скинул меня, точно старый башмак. Поэтому я вцепляюсь крепко, костяшки пальцев у меня белеют, и очень скоро я снова могу встать и ходить. Крохотными шажками, будто малое дитя.

Что это за машина просигналила? «Камаро», да? Блондинка за рулем? Семь пуль. Я много клаксонов гудеть ставлю.

Какая Булавочка прямая и сильная, будто маленькая серебряная стрела. Как и кто сделал тебя? Булавок миллионы и миллионы, но Булавочка только одна. Моя подружка, мой ключик к правде и свету. Ты сияешь и подмаргиваешь, и говоришь: загляни во внутреннее солнце и прихвати свой винчестер к золотым аркам, куда боятся ходить Военные Моряки.

Я сделаю это.

Да. Сделаю.

Ближе. Ближе.

Прямо против черного. Сияющее серебро, исполненное правды. Булавочка, подружка моя.

Гляди в зеркало. Не моргай. Ох... пот... пот так и льется. Не моргай!

Ближе. Почти есть. Серебро, до краев заполняющее черноту. Почти. Почти.

Ты не будешь моргать. Нет. Не будешь. Булавочка о тебе позаботится. Булавочка поведет тебя. Ты. Не. Будешь. Моргать.

Думай про что-нибудь другое. Думай про... Иводзиму.

Ближе. Еще чуть-чуть.

Один укол. Быстро.

Быстро.

Есть.

Уй.

Уй. Нет. Нет. НЕ МОРГАЙ. Не надо, договорились? Да. Теперь понял. Уй. Больно. Чуть-чуть. Булавочка, подружка моя. Сплошь серебро. Больно. Правда глаза колет, вот и ты тоже. Да-да. Еще тычок. Быстро.

О ИИСУСЕ. Глубже. Капельку глубже. Ох, не моргай, пожалуйста, пожалуйста, не моргай. Смотри туда, туда, да, в зеркало, втыкай глубже, я ошибался, черный кружочек не мертвый.

Глубже.

Ох. Ох. Так. Ох. ВЫТАЩИ! Нет. Глубже. Я должен увидеть внутреннее солнце, я потею, Джои Шэттерли все не трус, нет, сэр, нет, сэр. Глубже. Тише, тише. Ох. На этот раз лучик света. Синего света. Не внезапно открывшееся полыхающее солнце — холодная луна. Втыкай, втыкай. Ох. Ох. Больно. Ох, больно. Синий свет. Пожалуйста, не моргай, втыкай глубже, ох, ох, пап, где мой велик?

ОХ, БОЖЕ, ВЫТАЩИ, ВЫТАЩИ. ОХ, БОЛЬНО, ВЫТА...

Нет. Глубже.

Мое лицо. Оно подергивается. Острая боль. Явственная острая боль. Судорога. Семь пуль. Вниз к золотым аркам и еще глубже, туда, где внутреннее со...

Ох... больно... так... хорошо...

Булавочка входит вглубь. Медленно. Холодная сталь. Я люблю тебя, пап. Булавочка, открой мне правду, открой мне, открой мне, открой...

Глубже. Сквозь биение крови. Центр немигающей черноты. Белое стало красным. Семь пуль, семь имен. Глубже, к центру внутреннего солнца.

О! Вот оно! Я увидел его! Вижу! Вот же оно, вот! Я увидел его мгновенный проблеск, втыкай глубже в мозг, где внутреннее солнце, сюда, сюда! Вспышка света! Булавочка, отведи меня туда. Булавочка... отведи меня туда...

Пожалуйста.

Глубже. За границы боли. Холод. Внутреннее солнце жжет. Заставляет улыбаться. Я почти на месте.

Втыкай глубже. Всю Булавку, до конца. Страсть как больно.

Белый свет. Фотовспышка. Привет, ма! Ох... вот... вот... вот здесь...

Булавочка, спой мне.

Глубже.

Я люблю тебя, папа, ма, мне так жаль, что мне выпало найти его, я не нарочно, я не...

Еще одно нажатие. Несильное. Булавка почти исчезла. Мой глаз отяжелел, он отягощен грузом увиденного...

Булавочка, спой мне.

Глуб...

ЧЕРРИ УАЙЛДЕР

Дом на Кладбищенской улице

Черри Уайлдер родилась в Новой Зеландии, много лет прожила в Австралии, а затем переехала в Западную Германию. Рассказы писательницы публиковались в журналах «Issac Asimov's Science Fiction Magazine», «Interzone», антологиях «Новые ужасы» («New Terrors»), «Темные голоса. Выпуск 2» («Dark Voices 2») и других.

В числе крупных произведений Черри Уайлдер роман «Вторая натура» («Second Nature», 1982), фэнтезийная трилогия, начинающаяся с романа «Принцесса Чамелна» («A Princess of Chameln», 1984), и роман в жанре хоррор «Жестокие замыслы» («Cruel Designs», 1988), действие которого разворачивается в Западной Германии.

Несмотря на то, что представленный ниже рассказ впервые был напечатан в научно-фантастическом журнале, это мощное, вселяющее ужас произведение повествует о холокосте.

Два младших ребенка немецкого прозаика Августа Фуллера прожили в Калифорнии восемь лет. Их мать, Вики, вторая жена писателя, при первой же возможности улетала к мужу. Но взять с собой в Германию детей она не рискнула — в стране царили разруха и голод. Поэтому до конца 1947 года они оставались в семье школьной подруги Вики, Эстеллы Барт О'Брайан, и вернулись на родину только тогда, когда Люси уже год отучилась в колледже, а Джо закончил восьмой класс.

Уезжали они Луизой и Иоахимом, а возвращались как Люси и Джо. Ребята они были симпатичные и выделялись всюду, где бы ни появились. В свои тринадцать лет Джо, невысокий и худой, обладал мягкой юношеской красотой, огромными темными глазами и копной вьющихся волос. Изящно сложенной высокой Люси почти сравня-

лось восемнадцать. Красивое лицо с тонкими чертами казалось слишком худым, каштановые волосы вились от природы, глаза были серыми.

Чтобы улететь на родину, пришлось задействовать все мыслимые и немыслимые связи. К всевозможным привилегиям и особому отношению дети привыкли, ибо их отец мог творить чудеса. Во время войны папа поддерживал с ними связь письмами в конвертах со штемпелем Португалии и полевой почты США. Всего дети получили около пятидесяти, написанных по-немецки, только более удобочитаемым латинским шрифтом. Вики бережно хранила письма: потом можно будет их опубликовать. Время близилось к Рождеству, и дети летели в самолете с женами американских летчиков. И делились друг с другом воспоминаниями о детстве в стране отцов.

— Ты помнишь Рождество? — спрашивала Люси. — А дом в канун Рождества?

Самой ей никогда не забыть северного Рождества. Навсегда в душу запали стужа, приятное тепло дома и ожидание праздника в свете горящих свечей.

— В доме пахло печеньем, — вспоминал Джо. — Лестницу украшали зелеными ветками. А на кухне нам разрешали вырезать рождественское печенье. Тетя Хельга сидела на углу покрытого клеенкой громадного стола и молла кофе для папы на ручной мельнице.

— Правда? — удивилась Люси. — А я помню, что прихожая была слишком узкой, особенно зимой — все эти шубы и сапоги. Еще там стояла напольная вешалка с зеркалом, которую папа называл «болгарской жутью». Хотя мне она даже нравилась, потому что на зеркале была нарисована какая-то дама. А перечисли-ка комнаты, которые ты действительно помнишь, и жильцов, в самом деле сохранившихся у тебя в памяти.

— Папа в кабинете, — тут же сказал Джо. — Это просто. Он разрешал мне затачивать карандаши и вращать глобус. Ведь папин кабинет наверху?

— В мезонине, туда вела лестница; а еще на папину дверь вешали рождественский венок.

— Так. Я помню, как мама внизу звенела в маленький серебряный колокольчик — в комнате с синими занавесками, где обычно ставили елку. Припоминаю, как в столовой тетушка Хельга резала гуся. Теперь перейдем на второй этаж. Тут уже все как в тумане. Ну... в спальне на северной стороне дома — Гаральд. Как-то раз я стоял и смотрел в окно на группу людей в черном, которые шли с цветами в руках. Он сказал: «Траурная процессия. Хоронят кого-то». Больше ничего не могу вспомнить.

— Я спала одна, — продолжила воспоминания Люси, — потому что бедняжка Розвита уехала учиться в университет. И спальня целиком досталась мне. Она напротив той, где спали вы с Гаральдом.

Их сводная сестра Розвита вышла замуж за декадентского художника Ганса Мольбе и умерла вдали от родины, в Париже, в 1940 году. А их брат по отцу Гаральд, отсидевший за свои левые взгляды, теперь работал над созданием газеты в американской зоне.

— Я помню день свадьбы Розвиты. — В голосе Джо слышались стыдливые нотки. — Мне пришлось надеть бархатный костюм. Вот черт, это единственное воспоминание!

— А я хорошо помню. У Ганса была борода и галстук-бабочка. Гаральд перебрал шампанского, и даже папа выпил лишку. Мама среди бела дня надела длинное вечернее платье. Тетя Хельга так убегалась, что уселась в плетеное кресло под дубом, где у нее случился нервный срыв.

Теперь она начинала понимать, какой роковой, обреченной на неудачу и тевтонской была свадьба. Мужчины постарше нарядились в черные сюртуки и цилиндры. Пошатывавшийся Гаральд взобрался на кованую садовую скамейку и обвинил отца в буржуазных наклонностях. Папа оставил речь сына без внимания и лишь сказал по-английски: «Я — олицетворение сего».

Люси с удивлением обнаружила еще одно воспоминание. Она вышла из ванной комнаты на втором этаже, взгляд упал на залитую солнцем лестницу. Тетя Хельга взяла ее под руку. Она уже оправилась от приступа и возвышалась над Луизой с ненапудренным лицом и влаж-

ными волосами. «Твой папа такой наивный, — прошептала она, — такой простодушный. Те люди внедряются в наш дом...» Какие такие *те люди*? Тогда Люси понятия не имела, но сейчас понимала, что на свадьбе присутствовало несколько нежелательных личностей. Артисты, социалисты и — самолет нырнул в воздушную яму — евреи. Мама ведь наполовину еврейка, именно поэтому им пришлось эмигрировать.

Тогда тоже задействовали связи. Папа принял решение остаться, о чем объявил в письме № 4, отправленном из Лиссабона в декабре 1939 года. Он должен оставаться в немецком языковом пространстве. Нацисты оставили его в покое после формального ареста 1941 года; найдя пристанище в землях Шлезвиг-Гольштейн, отец писал, но ничего не издавал, ожидая, когда возродится свободный дух.

— Еще я помню замечательное местечко — чердак, — продолжал Джо. — Там у нас был *Geheimbutze*¹, где мы вместе с игрушечными зверюшками и куклами устраивали рождественский праздник. Помнишь, там был старый портняжный манекен — дама без головы и без рук. И маленькая дверца, оклеенная обоями.

— Боже Всемогущий! — Люси закатила глаза. — Вот что ты, оказывается, запомнил, *Bruderherz*².

На самом деле Люси тоже прекрасно помнила душное и пыльное помещение под самой крышей, где играла в дочки-матери. Портняжный манекен всегда ее немножко пугал.

И вот самолет приземлился на холодный бетон Рейн-Майна. Кругом радовались встрече жены и их мужа, служащие ВВС США. Джо был в безукоризненно отутюженных брюках с отворотами, а Люси — в плиссированной юбке и капроновых чулках. Теперь они оценили пальто и сапоги, которые показались им в Калифорнии столь неуместными. Дети настороженно оглядывались по сторонам, рассматривая первых штатских немцев. Сквозь толпу,

¹ Тайный чуланчик (нем.).

² Дружок, братец (нем.).

показываясь, пробирался высокий истощенный мужчина в пальто с деревянными пуговицами, из-под которого виднелся очень потрепанный синий костюм. Его остановил офицер военной полиции, и длинный высокомерно махнул ему документами. Люси подумала, что вот прямо сейчас помрет.

— Гаральд!

Он казался таким старым. И ужасно худым. А его немецкий понять было так сложно.

— О-го-го, вы только посмотрите! Парочка американских баловней!

Он по очереди пожал им руки, причем сжимал до боли.

— Где мама? — допытывался Джо. — Где папа?

— Ваша мать все еще не сменила водительские права, — отвечал Гаральд. — И вы думаете, что папа появится на людях? Нет, нет, *mein Lieber*¹, сию неприятную обязанность возложили на меня.

Неохотно Люси признала, что обязанность в самом деле была весьма неприятной. На то, чтобы выбраться из здания, ушел целый час. Гаральд затолкал их в дряхлый «опель», и мимо разрушенных заводов и насаждений молодых елей они поехали в небольшой городок Брайтбах. Вот и длинная высокая стена розоватого камня с железными воротами, через которые видны надгробия и серые памятники. День выдался совершенно безветренным, сумрачным и холодным, но снега не было. И вот перед ними дом в глубине длинного и узкого участка.

— Фридхоф-штрассе, — возвестил Гаральд, обращаясь к молчаливым пассажирам. — Кладбищенская улица.

Высокая женщина с пепельными волосами мела выложенную камнями дорожку.

— Это тетя Хельга, — сказал Гаральд. — Фрау Фуллер-Кранц.

— Что случилось с дядей Маркусом? — спросила Люси.

Она знала, что тетя вышла замуж поздно; дядя Маркус пришел с войны и вскоре умер.

¹ Мой милый (нем.)

Гаральд поскреб затылок.

— Что ж, я вам прямо скажу, — решил он. — Дома вы услышите массу уклончивых ответов и вздора, но, клянусь, я не стану болтать чушь. Бедный старина Маркус вернулся с войны...

— Он был нацистом? — уточнил Джо.

— Нет. Конечно же нет! — рявкнул Гаральд. — Он был славный парень, сын книготорговца из Франкфурта. Его призвали в вермахт. Ему повезло вернуться с русского фронта в июле сорок пятого. Через неделю он покончил жизнь самоубийством.

— Прямо в доме? — шепнула Люси.

— Повесился на лестнице, — ответил Гаральд. — Он был болен, изнурен... Не знаю...

— Папа был дома? — спросил Джо.

— Нет, — покачал головой Гаральд. — Он все еще жил на даче среди северных лугов. Хельга как раз приводила дом в порядок к его приезду.

С чемоданами в руках дети двинулись по дорожке к дому, а Гаральд остался возиться с машиной. Люси остановилась, не в силах идти дальше. Она потирала руки в перчатках и все глубже натягивала на уши синюю шерстяную шапочку. Трава засохла, деревья стояли голые. Где же мама? Почему не выходит их встретить? Ведь они не виделись целую вечность, почти так же долго, как и с папой. Как тяжела разлука!

Дом был большим и высоким, темно-желтая штукатурка кое-где потрескалась, обнажив кирпичную кладку. Ставни шоколадного цвета были откинuty к стенам, а в центре, над входной дверью, нависал обширный балкон того же коричневого дерева. Люси отлично помнила и балкон, и ящики с вечнозелеными растениями. А дальше — папин кабинет. И вдруг на Люси нахлынуло чувство глубокой любви... Наконец-то...

Она бросила взгляд на неряшливую живую изгородь из болотного кипариса и в брешь между ветвями заметила фигуру какого-то оборванца в черном. Среди бурьяна и серых памятников петлял молодой человек — вильнул

раз, другой и исчез, словно большая черная птица. Люси взяла чемодан и подошла к тете Хельге и Джо. Тетушка откинула со лба мальчика кудри и спрятала под вязаную шапочку. Схватила за плечи и держала на расстоянии вытянутых рук.

— О, он будет доволен! — подытожила осмотр она. — Наконец-то здесь Иоахим! Иоахим, младший сын!

Только теперь Люси признала тетю и была потрясена. Лишь роскошные волосы остались прежними. Лицо Хельги вытянулось и усохло, на лбу залегли глубокие морщины. Она была очень бледна, губы казались бескровными. Люси поняла, что тетя не пользуется никакой косметикой: лицо было без прикрас, словно она только что встала утром с постели, хотя она и принарядилась в синее шерстяное платье, а в ушах болтались серебряные серьги. Сама же Люси поверх основы для макияжа нанесла слой пудры и подкрасила губы розовой помадой с мятым вкусом. Тетя Хельга повернулась к ней, взглянула на племянницу, поджала губы и со вздохом оглядела с ног до головы.

— Итак, Луиза...

Она быстренько обняла племянницу.

— Проходите.

Тетя отошла, махнув метлой, а дети подняли чемоданы и двинулись к дому. В тесной маленькой прихожей, рядом с «болгарской жутью», заливаясь слезами, их встретила мама. С радостным воплем Джо бросился к ней.

— Тсс! — шикнула на него Вики Фуллер. — О милые мои, мои дорогие...

Люси тоже ринулась обняться с мамой, вспомнив наконец, как прежде обстояли дела. Из-за папы их день-деньской утихомиривали. Но какое сейчас это имеет значение, коль скоро у них есть мама, их собственная, прекрасная, словно сошедшая с зеркала той напольной вешалки особа, по-девичьи тонкая и гибкая, с темными глазами Джо!

— Где папа? — закричал Джо, сбрасывая пальто. — В кабинете? Бегу наверх!

— Шшш! — Это вошла тетя Хельга. — Наверх ты можешь подняться спокойно и тихо.

Она рассмеялась.

— Бедный Август — к нему ворвется такой верзила!

— Иди, — мягко улыбнулась мама. — Иди, Джо, ты помнишь дорогу?

Джо с грохотом понесся по лестнице, Люси было последовала за ним, но тетя Хельга остановила ее, поймав за запястье.

— Сначала он, — сказала она. — Пусть сперва сходит Иоахим. Ты должна умыться, Луиза. Твой папа не любит пудру.

Люси стряхнула тетину руку. И обратила внимание на то, что мама тоже косметикой не пользуется. А еще она знала, что от мамы помощи не дождешься. В подобных случаях она никогда не вступалась за детей.

— Пошли-ка, — позвала Хельга. — Ты похожа на шлюху, которая бежит за американцами.

— Хельга! — Тетины слова потрясли маму.

Люси легко взбежала по ступенькам, даже не обернувшись на женщин. Вот и дверь в кабинет, она приоткрыта. Осталось только войти.

Джо остановился, не доходя до большого письменного стола, за которым сидел отец. Люси показалось, что папа вообще не изменился. Он выглядел абсолютно так же, как на фотографии с суперобложек: густые белые волосы, седые с сорокалетнего возраста, широкое кроткое лицо. Он дописал предложение и поднял глаза, весь такой робкий и обворожительный.

— Итак, вы здесь? — сказал он.

И протянул руки с каждой стороны кресла. Джо бежал вокруг стола и приткнулся к родителю, Люси же приблизилась медленней. Пока дочь шла, отец не спускал с нее глаз.

— Кинозвезда, — констатировал он.

Он прижал к себе детей с двух сторон, и печаль искажала его лицо.

— Я думал, что уже никогда не увижу своих малышей.

— Папа, — шепнул Джо, — а Гитлер правда умер?

— Надеюсь, что да, — ответил Август Фуллер.

— Папа, а правда то, что рассказывают о лагерях смерти? — спросила Люси, чтобы не чувствовать себя отщепенкой.

Но, спрашивая, она уже чувствовала, сколь неуместен ее вопрос. Наверняка Гаральд, собственный ее брат, был жертвой одного из лагерей.

— Я бы сказал — да, — ответил отец. — Дети мои, это так. И страданиям не будет конца. Пятьдесят лет еще будут считать погибших и спорить, кто виноват больше.

— Папа, — сказал Джо, — хочу подарить тебе кое-что в честь встречи.

Они привезли с собой уйму всяких подарков. И сейчас Джо вытащил из кармана брюк головоломку из магазина дешевых товаров: крохотный шарик нужно было закатить тигру в глаз. Люси оставила их упражняться с игрушкой, а сама подошла к балконной двери. Вдалеке слышались детские голоса, доносящиеся то ли с заднего двора, то ли с детской площадки. Она взглянула на сад и подумала, что было бы здорово, если бы пошел снег.

В кипарисовой изгороди зиял просвет в два дерева шириной. Молодой человек в черном, может, тот самый, что ускользнул при их появлении, стоял среди кладбищенского бурьяна и не сводил с дома глаз. Люси видела черные кудри и бледное лицо. И длинное черное пальто наподобие шинели. Среди запустения виднелись опрятные, убранные цветами могилы и расчищенные граблями дорожки.

Тетя Хельга пришла за детьми.

— Время посещения закончено, — словно медсестра, сказала она.

Джо упрямылся, как шестилетний. Хотел остаться с папой. Вырываясь из твердой хватки тети Хельги, он громко протестовал:

— С ума сойти! Да мы только что зашли!

Люси взглянула на отца. С кроткой, робкой улыбкой тот отложил в сторону головоломку и взял ручку. Тетя Хельга потащила упирающегося Джо вокруг стола. Папа сидел, словно под стеклянным колпаком, и не мешал сестре

выдворять младшего отпрыска из кабинета. Тетя Хельга и Люси приказала:

— И ты! Ты тоже, Луиза!

Напоследок Люси взглянула в окно и увидела, что молодой человек в черном исчез. Вслед за теткой дети прошли в свои прежние спальни, которые некогда делили с Гаральдом и Розвитой. В общем-то, Люси нравилась ее комната, и она попыталась не думать о залитой солнцем спальне в доме О'Брайнов, украшенной рюшами и узором в горошек. Чемоданы уже подняли наверх, и Люси вместе с мамой принялась разбирать вещи, смеясь и рассматривая последние снимки из калифорнийского Окленда. Когда Джо переобулся в тапочки, ему позволили пойти осмотреть дом. Наконец мама села за пишущую машинку внизу, и тетя Хельга позвала:

— Луиза, пойдем со мной!

Они отнесли пустые чемоданы на третий этаж, где обитала тетя, затем поднялись еще выше, по узкой чердачной лестнице. Там была крохотная лестничная площадка с окном, которое выходило на шиферную крышу. Тревожно Люси глядела на перила, думая о дядюшке Маркусе. Длинный чердак был перегорожен на маленькие чистенькие комнатки, в которых сильно пахло нафталином. Именно здесь некогда находилось место их игр, возле перегородки стояли старый диван и большой платяной шкаф. В одном углу притаился портняжный манекен, обмотанный тюлем. На лестнице послышались глухие шаги, и появился взволнованный Джо.

— Мы здесь играли! — вскрикнул он. — Я помню!

— Ох, Иоахим... — тихонько вздохнула Хельга.

Стоя рядом с тетей, дети увидели серую полевую форму, разложенную на диване, рядом стояла пара поношенных сапог.

— Грустное место, — сказала тетя. — Мой бедный Маркус...

Подавленные, все вышли на лестницу, и тетя Хельга заперла дверь.

— Похоже на то, что играть здесь сейчас слишком холодно, — вздохнул Джо.

В пять часов все спустились в столовую, чтобы поесть ржаного хлеба с маргарином, сливового джема, жареных колбасок и противного кислого сливового пирога, украшенного сверху полусырыми сливами. Мама зажгла первую свечу на рождественском венке из еловых и сосновых веток, украшенных золотистыми шишечками. Из напитков дети смогли пить лишь воду, попробовав противного мятного чая и обезжиренного молока. Джо задумчиво повел рассказ о Дне благодарения, и тут тетя Хельга спросила: «Благодарение за что, собственно?» В половине шестого тетя воскликнула:

— Иди наверх, скорей наверх, крошка Вики, он ждет!

Вики понесла поднос своему мужу. Когда Джо хотел было последовать за матерью, тетя Хельга удержала его на стуле, положив руки мальчику на плечи.

— Тихо! — сказала она. — Нужно понимать. Это время принадлежит им двоим.

— А когда нам дадут хоть какое-то время побыть с отцом? — спросила Люси.

Ирония на лице Хельги сменилась ласковой улыбкой, и она смилостивилась:

— Думаю, вам будет позволено прогуляться вместе с Августом.

— Позволено?! — вскричал Джо. — Ты что?! Он мой отец, а не ты!

Тетя Хельга ударила Джо по лицу. Люси, вмиг сделавшись сильной, как супермен, вскочила со своего места, оттолкнула тетю и загородила собой брата.

— Как ты смеешь! — крикнула она. — Мама! Папа! Она ударила Джо по лицу!

Никто не появился. Кабинет и столовая были в разных концах дома. Тетя Хельга упала на стул и залилась слезами. Кипящий злобой Джо вскочил и выбежал из столовой.

— Я не должна была бить мальчика, — повернула она к Люси жутко заплаканное лицо. — Луиза, дитя мое, заботиться о твоём отце было так трудно. Создать ему условия для работы, оградить от помех.

— Джо пойдет к папе и маме, — проговорила Люси.

— Ох, Август отошлет его назад, — сказала тетя Хельга. — Это время принадлежит только ему и крошке Вики.

Она отхлебнула мятного чаю и продолжала:

— Мне казалось, что я умру, когда пришли его арестовать. Август вел себя так храбро. Нас предупредили, мы всегда были хорошо осведомлены. С пальто и шляпой он вышел на дорожку. Не хотел, чтобы они заходили в дом.

— Кто приходил за ним? — спросила Люси.

— Двое мужчин в мягких шляпах и плащах, — ответила тетя Хельга. — Август тогда сказал мне: «Что за штамп...» В нашем доме прятались беженцы, он жертвовал собой ради них. Он говорил с теми двумя мужчинами; я стояла в передней у двери; фрау Ротмайер с детьми убежала в сад за домом, а оттуда через живую изгородь пробралась на кладбище. Никто бы не стал там искать. Мы так поступали при каждой тревоге, только зимой бывало непросто.

Фрау Фуллер-Кранц снова заплакала, лицо ее сморщилось.

— Ох, Луиза, такой кошмар...

— Пожалуйста, ну пожалуйста, не плачь. — Луиза постаралась, чтобы ее голос звучал как можно более тепло и участливо. — С папой все в порядке. Все мы здесь.

— Целых тридцать шесть часов я ждала в президиуме Дармштадта, — рассказывала тетя Хельга. — Пошла в дамскую комнату в большом универмаге, там умыла лицо и руки. Съела булочку и выпила кофе. На автобусе вернулась домой, сюда, и сумела дозвониться до американского бизнесмена в Берлине, мистера Уолкера. Я сказала без обиняков: «Арестовали Августа Фуллера». Несколько часов я проспала прямо в одежде, как вернулась домой, но фрау Ротмайер меня разбудила. Я переоделась, села на велосипед и принялась кружить по Брайтваху: съездила в полицию, в мэрию, к очень культурному человеку, члену Трудового фронта, интеллектуалу, у которого была вилла в Штейнберге. Мне кажется, все вместе помогло. Через три дня Августа освободили. Тогда, осенью сорок первого, мы решили перебраться в Шлезвиг-Гольштейн — в маленький домик на Мариенсе.

— Ты спасла папу, — сказала Люси. — Ты очень смелая, тетя Хельга.

Наконец-то тетя улыбнулась. Они сидели в тишине, не спеша убирать со стола. На улице было темно, комнату освещала лишь одна-единственная свеча в рождественском венке. Отопление не работало, дом сковал холод. Издалека доносилось однообразное постукивание, словно плотник чинил какой-то соседний дом. Вдруг раздался приглушенный расстоянием жалобный вопль и глухой звук удара.

— Ты слышала?

Спрашивать едва ли имело смысл; тетя Хельга, конечно же, ничего не слышала.

— Ей-богу, — сообщила Люси, — такое чувство, будто кто-то... упал.

Выражение лица Хельги сделалось стылым и неодобрительным, и она процедила:

— Похоже, Гаральд заморочил вам голову всякими печальными небылицами.

— Какими такими печальными небылицами?

— Довольно! — отмахнулась тетя Хельга. — Уберем со стола, и если ты будешь хорошей девочкой, то получишь рюмочку настойки из бузины.

Несколько ступенек вниз вели в кухню, где больше не пахло печеньем, вместо этого от плиты исходил сильный запах копоти. Всего было в обрез: и мыла, и порошка, и полироля, и спирта. Горшки и сковороды чистили песком. Когда они покончили с мытьем посуды, Люси открыла заднюю дверь и выглянула во двор. Ночь не была темной — пошел снег. Старые качели раскачивались туда-сюда, словно девятилетняя Луиза только что вбежала в дом.

«О, я помню...»

— Я зову это место детской площадкой, — сказала тетя Хельга. — Надо показать Иоахиму. Я развесила все огоньки, которые у нас нашлись. Когда я думаю о том, как мы летом украшали двор разноцветными фонариками, а в Рождество — гирляндами, то вспоминаю всех детей: Розвиту, Гаральда, Луизу, Иоахима...

— В доме были и другие дети...

— Да, маленькие Ротмайеры. Они были такими тихими и хорошими, но, когда в сумерках их выпускали побегать по двору, они носились как сумасшедшие. Этот двор с улицы не виден.

Тетя Хельга щелкнула выключателем, и вспыхнуло с полдюжины разноцветных лампочек, натянутых между бельевой веревкой и навесом. В компании призрачных детей, которые носились сломя голову, Люси прошлась по саду. Розвита умерла, Гаральд отошал и постарел, Джо сделался перемещенным лицом, а Луиза превратилась в Люси. Тетя Хельга окрикнула племянницу. Накинула ей на плечи старое пальто.

— Тетя Хельга, а что стало с Ротмайерами?

Стоявшая на верхней ступеньке тетка протянула руки к огням и площадке.

— Они спаслись! — воскликнула она. — Мы спасли эту семью, твой папа и я. Все они благополучно добрались до Палестины.

Люси осторожно прошла по лужайке, которую чуть припорошил снег, который пока не примерз к земле. Качели висели на железном каркасе, выкрашенном когда-то белой краской, которая теперь местами вздулась и прожавела. Дойдя до стены из розового камня, Люси обернулась и посмотрела на дом.

Холод пробирал до костей. Никогда еще ей не было так холодно. Люси дрожала, клацая зубами, лицо окоченело. Она не могла даже шевельнуться, не то что сойти с места. В необычном освещении дом выглядел странно, его расцветили красные и зеленые пятна фонариков. На крыше, неподалеку от железной лестницы, которой пользуются трубочисты, стоял человек. Среди гробового молчания человек шагнул вперед и упал лицом вниз, черными крыльями взметнулось пальто. Люси узнала звук: страшный жалобный вопль, сорвавшийся с его губ, когда он летел вниз, и влажный тяжелый стук упавшего на землю тела.

Она не двигалась, не могла ни позвать на помощь, ни ясно размышлять об увиденном. Постепенно вернулись

обычные вечерние звуки. Тетя Хельга хлопнула дверцей буфета. Где-то вдалеке просигналила машина. Завыла собака. Дрожащая Люси бросилась к задней двери, на миг приостановившись заглянуть за угол дома. Тела на земле она не увидела.

Оказавшись в доме, она сняла пальто и по приказу тети выключила огни. Она двигалась словно лунатик. У передней двери зазвонил колокольчик.

— Гаральд пришел, — сказала тетя Хельга. — Пойди открой.

В передней Люси, задыхаясь, упала брату на грудь.

— Ну-ну! — попытался успокоить сестру Гаральд. — Почему ты так замерзла? Что тебя расстроило, Люси?

Он бросил книги и пальто в библиотеке, где спал. Потом отвел ее в теплую гостиную и усадил на диван.

— Что все это значит?

— Что за грустная история о том, как кто-то упал с крыши?

Гаральд все еще держал в руках портфель. Теперь он вытащил из него бутылку кока-колы и откупорил. Люси жадно глотнула газировки, словно ей предложили эликсир жизни.

— История в самом деле печальная, — отвечал Гаральд. — А также мистическая. На самом деле даже неизвестно наверняка, что он упал с крыши. Если же падение в самом деле имело место быть, тогда непонятно, что он там делал. Неприятно...

Он тоже хлебнул кока-колы.

— Видишь ли, дома никого не было. Папа вместе с Хельгой тогда жил в домике у озера. Я был в Терезиенштадте. И только в тысяча девятьсот сорок четвертом году старина Шульц, который прежде у нас садовничал, пришел к дому в поисках дров. И нашел его, распростертого на земле. Со сломанной шеей.

— Господи, кто же это был?

— Разве я не сказал? Бедный молодой Штейн. Соломон Штейн, брат фрау Ротмайер. Она порой уходила, чтобы встретиться с ним.

— Но разве никто не заметил, что он пропал?

— Конечно, на это обратили внимание, — горько сказал Гаральд. — Он числился в списках на депортацию, и в следующую облаву его должны были взять. Семья-то его уже давно сгинула.

— Он пытался укрыться в доме, — твердо сказала Люси.

— Возможно.

— И упал с крыши, — заключила Люси, пристально глядя на Гаральда. — Я слышала, как тело упало на землю. Я видела, как он падает.

Гаральд покачал головой:

— Ты не лучше папы с его кошмарами!

Люси поняла, что подошла к той черте, которую Гаральд преступить не мог; он сражался не со своим скептицизмом, а с ее неразумием.

Послышался радостный возглас:

— Дети! Хельга!

Это звала Вики. Держа под руку Августа, она медленно и величественно спускалась по лестнице. В честь особого торжественного повода папа изменил заведенный порядок. Мгновенная реакция не заставила себя ждать: явилась Хельга с бутылкой вина, Гаральд затопил печь. Все собрались в гостиной. Снова зажгли свечу в венке, включили радио — и полились звуки вальса Штрауса. Что это? «Утренние газеты»? «Вино, девушки и песни»?

— Нет! — воскликнул Август. — Это «Жизнь артиста»!

Но где же Джо? Люси взбежала по ступенькам и, миновав три пролета лестницы, заглянула в комнату брата. В тусклом свете ночника она увидела, что он калачиком свернулся на кровати и спал. Лицо казалось нездорово бледным, а лоб — влажным. Повернутые вверх ладони оказались выпачканы, густой слой грязи покрывал отвороты брюк. Люси потрясла его за плечо, пытаясь разбудить.

— Джо! Джо! Папа спустился вниз!

Джо посмотрел на нее невидящим взглядом — на Люси уставились два черных блестящих озера. Разбудить брата было всегда непросто.

— Ты здоров?

— Меня вырвало.

— Папа в гостиной. Ты будешь продолжать болеть или все-таки спустишься?

Покачиваясь, Джо встал с кровати и направился в ванную комнату. Он умылся холодной водой, и они вдвоем с Люси спустились в гостиную. Август был в прекрасном расположении духа и поддразнивал всех по очереди. Как они хохотали! Как смущалась Люси! Как из конца в конец комнаты метались остроты Гаральда! Мама примостилась на подлокотнике папиного большого кожаного кресла. Над каминной доской висела акварель, где была изображена миловидная женщина во фруктовом саду. Это Нина, первая жена Августа, мать бедной Розвиты и Гаральда. Она была школьной подружкой Хельги.

Наконец тетю удалось уговорить подойти к фортепьяно, хотя она и утверждала, что инструмент расстроен. Тетя запела «Тихая ночь», и все робко и потихоньку подхватили рождественскую песню. Красивый, еще не ломавшийся альт Джо вторил прекрасному ясному баритону Августа и поставленному сопрано Хельги. Закончив первый куплет, все в изумлении остановились. Вики рыдала.

— Все кончилось, — утешал ее Август. — Теперь конец невзгодам. Мы вместе. Можно начать жить!

Сострадание охватило Люси. Бедняги, подумала она, бедные вы мои. Тетя Хельга заиграла «Ёлочку», и Гаральд вскричал:

— Вот оно самое! Вот то, что надо!

Потом, опьяненные теплом, вином и музыкой, они принялись за другие рождественские песни: «Каждый год приходит младенец Христос» и «Звоните, маленькие колокольцы», где в роли младенца Христа солировал Джо, который просился пустить его с холода в дом. Люси, Джо и мама а капелла спели «Белое рождество» и «Далеко, в яслях», но вскоре тетя Хельга играла уже одна.

Наконец решили сделать перерыв, чтобы передохнуть, и тут Джо спросил:

— Тетя Хельга, а что случилось с моим игрушечным тигром?

— Ох, Джо, — вздохнула мама.

— Знаете, он мне нужен, — объявил Джо. — А еще у меня были мишка и деревянная лошадка. Целая коробка игрушек, которые мы не взяли с собой.

— Тише, — шикнула мама. — Думаю, они где-то здесь.

— Иоахим, ты уже большой, — заметила тетя Хельга. — Зачем тебе понадобились игрушки?

— Я бы хотел отдать их детям беженцев, — краснея, заявил Джо. — Знаете, по радио передавали воззвание.

Все были удивлены, но сочли желание мальчика весьма достойным. Все, кроме Люси, которая знала наверняка, что Джо зачем-то лжет, причем весьма убедительно.

— Это делает тебе честь, Иоахим. — Голос тети Хельги был спокойным и осторожным. — Игрушек больше нет. Их уже отдали детям беженцев. Маленьким Ротмайерам, которые у нас скрывались.

Тут всю веселость как рукой сняло. Гаральд горячо начал:

— Они родились и выросли в Германии и вдруг в одночасье сделались беженцами. Роза, Бенни Ротмайер и дитя. Нечего сказать, не самое наше высшее достижение.

Август, готовый к борьбе, заспорил с Гаральдом, и дошло до того, что оба они раскричались. Что за жалкая организация! Натуральный фарс! Тут ничем не поможешь. Что, он винит Хельгу? Больше ответственности лежало на самой фрау Ротмайер. Чудо, что они все не сгнили в тюрьме!

— Тетя Хельга! — вскричала Люси. — Ты же сказала, что они спаслись, что невредимыми добрались до Палестины!

— Такова их Земля обетованная, — сказал Гаральд. — Бедные маленькие дьяволята...

— Луиза, я тебе солгала, — ответила тетя Хельга. — Все это слишком грустно.

Семью Ротмайеров выследили и арестовали на окраине города, пока они ожидали машину, которая должна была отвезти их к швейцарской границе.

— Господи боже мой, что я могла сделать?! — заламывая руки, вскричала тетя. — Я помогла фрау Ротмайер застегнуть их пальтишки, надеть ботиночки. Вечером, ко-

гда я уже благодарила Всевышнего за спасение, позвонил герр Штейн, ее брат. Машина приехала слишком поздно... Он видел, как арестовали его сестру и детей. Бедняга, я думаю, что от этого разум его и помрачился. На следующий день я уезжала к Августу. Уже даже вещи собрала... На получение разрешения ушли недели.

— Ты уверена, что всех Ротмайеров... не стало? — прошептала Вики. — И матери, и троих малышей?

— Я уверен! — рявкнул Гаральд.

— Мы посылали запрос в Красный Крест, — с трудом проговорил Август. — Я писал в Америку. Надеяться бессмысленно.

Но все же с этого мгновения Люси стала надеяться. Теперь ее занимали окна, выходящие на дорогу. То и дело она выглядывала в окошки и видела, как они идут по дороге. Такие же тощие, как Гаральд, они шли, прижимая к себе игрушечного тигра, мишку и маленькую деревянную лошадку.

Эти грезы ей нравились куда больше снов, которые сделались стылыми и тревожными. Когда Люси смотрела на брата, то видела безжизненное выражение лица и шевелящиеся губы, словно тот беззвучно молился. В доме постоянно слышались постукивание, царапанье и такой звук, словно что-то сверлят, это продолжалось вновь и вновь, порой будто бы доносились голоса — то ли младенца Христа, то ли пропавших детей, просящих их впустить. По ночам она просыпалась от воплей отца, которому снились кошмары, и мать успокаивала его.

В канун шестого декабря, дня памяти святого Николая Чудотворца, возле двери кабинета все выставили по башмаку. Люси и Джо положат каждому тщательно выбранные подарки из американского магазина: мыло, носки, духи. Но что они получат взамен?

— Наверное, они пошутят, — решил Джо.

— Шшшш, — тихонько прошептала Люси, совсем как мама или тетя Хельга. — В канун Рождества нас ждут самые настоящие дары...

Без четверти шесть было страшно холодно и темно, хоть глаз выколи. Еще пару часов электричество включать не будут, поэтому они положили подарки в башмаки и с помощью фонарика Джо отыскиали свои собственные. Скоро тетя Хельга спустится вниз, чтобы при свете свечи растопить кухонную плиту. Дети уселись прямо на лестницу и уткнулись носами в апельсины. На них были свитера и брюки, а сверху еще и халаты.

— Я поеду домой, — заявил Джо.

— Ты не можешь так поступить, — сказала Люси, которая даже не стала делать вид, будто не поняла. — Ты еще маленький. И должен остаться с мамой.

— Она согласится со мной. — В голосе мальчика слышалась непреклонная решимость.

— У папы на тебя планы.

— Папа может приехать в Америку, чтобы повидаться со мной. Он тоже должен был уехать с нами тогда.

— Джо, они в самом деле стараются изо всех сил... даже тетя Хельга.

— Она плохая, — твердо стоял на своем Джо, сминая апельсин. — Это жуткое место. Подумай о дяде Маркусе и том бедолаге, который свалился с крыши.

— Это война виновата. Джо, ты должен остаться здесь.

— Да этот дом не лучше, чем концлагерь.

Эта фраза рассердила и возмутила Люси.

— Ты с ума сошел! — холодно решила она. — Ты хоть представляешь себе, каково было в тех лагерях?

— Да!

Тетя Хельга заскрипела ступеньками и вскоре обнаружила в своей старой синей бархатной тапочке подарок.

— Лавандовое мыло! — вскричала она. — Сколько лет я его не видала!

Гаральд вытеснил Августа из кабинета, где он принимал теперь корреспондентов. В обычный распорядок дня пришлось внести и другие изменения, поскольку дети готовились к поступлению в немецкую школу. Даже Люси придется год отучиться в гимназии перед тем, как она

попытается поступить в университет. Мама натаскивала их в математике, а Гаральд — в немецкой грамматике. Общее мнение сводилось к тому, что отлично выучить немецкую грамматику настолько сложно, что Люси и Джо, возможно, никогда не преуспеют в этом, что помешает им претендовать на ряд профессий.

Август обнаружил, что Люси читала все его романы и в подлиннике, и в переводе. Он выкроил четыре часа в неделю, чтобы заниматься с дочерью литературой. Они спорили и весьма смело излагали свои мысли. А потом оба умолкли в изумлении: Люси потому, что говоривший был мужчиной и писателем, а Август оттого, что эта резкая, энергичная американка была его дочерью. Тетя Хельга, которая приходила прервать семинар, изобрела поговорку: «Дети превращаются в людей».

Нападало довольно много снега, и все радовались, потому что не всегда в Байтбахе выдавалось снежное Рождество. Самыми холодными месяцами были те два генерала, что некогда разгромили Наполеона: январь и февраль. Люси, которая как-то раз бродила по кабинету, выглянула из окна и обмерла. Тот молодой человек стоял сейчас совсем близко, прямо в саду, и смотрел на дом с таким страданием и ужасом, что кровь стыла в жилах.

— Папа, — прошептала Люси. — В саду кто-то есть!

— В чем дело? — уточнил Август. — Кто-то пришел за дровами?

Где-то из недр дома донеслось постукивание, нарастающая череда тихих ударов, звуки стали громче, а потом все стихло. Люси была уверена в том, что стук слышат все.

— Я вижу молодого черноволосого мужчину, — быстро проговорила она. — На нем длинное черное пальто... на котором какое-то желтое пятно неправильной формы.

У Августа вырвался испуганный возглас, и он заторопился к окну. Теперь они смотрели вместе, но молодой человек исчез. Они глядели на нетронутый снег.

— Это Штейн, молодой Штейн, — сказал Август. — Он носит Звезду Давида.

— Он пришел с кладбища, — заметила Люси.

— Там он похоронен, в дальнем конце, где еврейское кладбище, обособленное от остальных могил. Похоже, что там он был похоронен последним, когда его нашли... за домом.

Август рухнул в кресло возле балконной двери и обхватил голову руками.

— Он мне снится, — рассказывал он. — В кошмарах. Я вижу его на дорожке и бегу навстречу со словами: «Зайди, войди же...», но он отворачивается, потому что мой дом проклят. Вся моя жизнь, моя работа, моя страна, все проклято...

— Ты слышишь... стук? — спросила Люси. Голос ее стал очень низким.

— Да, — подтвердил Август. — И царапанье, и будто бы кто-то что-то грызет... крысы и мыши разгулялись в подвале...

— Ох, папа! — вскричала Люси, обнимая отца. — Все снова станет хорошо. Все будет хорошо. Завтра канун Рождества!

Она снова взглянула на заснеженный сад и вдруг вскрикнула. Теперь там стоял не молодой Штейн, а ее брат Джо. Он бросил снежок, который приземлился на балконе. В следующий миг показалась тетя Хельга, которая прогнала его. Люси поняла, что ее крик доконал папу, который не выносил громких звуков. Покачивая красивой головой, он вернулся за письменный стол. На сегодня урок литературы был окончен.

Куда же поставить рождественскую елку? В комнате с синими шторами на первом этаже печатала Вики, так что Гаральд установил елку в столовой. Тетя Хельга разогнала всех и принялась за дело.

Ближе к вечеру Люси сидела с матерью в комнате с пишущей машинкой, и к ним присоединился Джо. По случаю Рождества все нарядились. С Джо явно было что-то не то. Он подрос на два дюйма, лицо стало худым, он странно сжимал зубы, когда говорил. Взрослые в присутствии Люси употребляли словосочетание «пубертатный

период», что вовсе не рассеивало подозрений сестры. Может, и пубертатный период, но явно и еще что-то. Вот он сидит с ними, немного похожий на Гаральда, и листает копии отцовских писем в Америку.

Они ожидали явления младенца Христа. Заглянул Гаральд. Забрал упакованные в оберточную бумагу подарки, чтобы положить под елку. А еще заставил всех искать ключи тети Хельги, которая перевернула весь дом вверх дном в поисках связки. И спросил, готовы ли их номера: и Люси, и Джо, как младшие, должны были читать вслух во время праздника.

— Тебе нечего бояться, — сказала мама, когда ушел Гаральд. — Я уверена, что вот Люси совсем не боится.

— Это я-то боюсь? — презрительно бросил Джо. — Бояться прочесть что-то этим вот...

Но тут ему стало стыдно, и он обнял маму. Теперь заглянула тетя Хельга:

— Вики... Вики... Ты должна помочь!

И шаловливо улыбнулась детям.

— А вы подождите, когда зазвонит маленький серебряный колокольчик.

Когда они остались одни, Джо вскочил на ноги и заявил:

— Мне всегда казалось, что для девчонки ты слишком бесчувственна и способна выдержать что угодно.

Его манера общения была странной; Люси понимала, что он просит о помощи.

— Вот, — сказал он. — Прочти эту страницу папиного письма. Прочти им. Если ты не в состоянии сообразить, то Гаральд поймет, я уверен.

У него был еще один подарок: небольшая картонная коробка, кое-как завернутая в подарочную бумагу из Америки.

— А вот это подарок для всей семьи, — заявил он.

— Джо, Джо, если ты пошел вразнос, то зря, это глупо.

— Вовсе не вразнос, — отмахнулся Джо. — Совсем наоборот. Ты ведь тоже можешь сходить туда... куда и я. Ой, совсем забыл... Это для тети Хельги.

Он сунул руку в карман куртки и вытащил связку ключей. Затем подхватил мамину красивую муфту из вигоня и выскочил из комнаты. Люси услышала, как он поднялся наверх. И начала читать страницу из письма № 12, датированного ноябрем 1941 года.

«Я прячу книги, — писал папа, — чтобы спасти от огня, пожирающего нашу страну. Размышляю о тайниках в дачных поселках, в лесах, на чердаках и в подвалах по всей нашей земле, где мужчины и женщины доброй воли прячут тех, кого преследуют.

В нашем доме, который вы, я надеюсь, все еще помните, скрывается мать с тремя детьми. Я не могу назвать вам имена ребят. Когда опасность угрожает хоть самую малость, они убегают в маленькую комнатку под самой крышей. Они выучились сидеть очень тихо.

Я думаю о бесчисленных памятниках бесчеловечности, воздвигнутых по всей Германии фюрером и его приверженцами. Эти монументы тщеславию обратятся в прах и тлен. Лишь тайники останутся да память; души мужчин, женщин и детей, которые укрывались в них, останутся там навеки».

Люси была озадачена, ей сделалось страшно. Она стояла на краю бездны. Послышался какой-то звук — звон маленького серебряного колокольчика. Она медленно прошла через гостиную с упакованным Джо подарком в руках. Но прошмыгнуть в столовую незамеченной ей не удалось. Детей ждали все, включая папу. Ее глазам предстала прекрасная елка — как раз такая, какой Люси ее помнила: сверкающая огнями настоящих свечей. Она созерцала мерцающую серебристую мишуру, очаровательные безделушки из разноцветного стекла, целый сонм деревянных ангелочков и серебряную звезду на верхушке.

— Где Джо? — воскликнули все. — Ну где же он?

— Он пошел в туалет, — ответила Люси. — Перенервничал.

Все засмеялись. Тетя Хельга выдала поговорку, замечательно подходившую к этому моменту: «Eine schöne Beschreibung», что означает «Ну, как твои дела сегодня?»

— Люси, — позвал Гаральд, — в чем дело?

Люси по-прежнему стояла на том же месте, сжимая сверток. Сцена начала разворачиваться в замедленном темпе. Так плавно, что Люси смогла поверить во вмешательство неких высших сил.

Папа и мама стояли за своими стульями возле обеденного стола, заставленного тарелками со сладостями, апельсинами и орехами. Только тетя Хельга сидела и обмахивалась бумажным веером, отгоняя от себя очередной нервный срыв. Гаральд выхватил у Люси копию письма.

— Джо сказал, что ты поймешь, — прошептала она.

Медленно, чтобы не упасть, она двинулась вперед. Перед тетей Хельгой положила ключи, а потом поместила сверток в самый центр стола. Начала разворачивать оберточную бумагу и поняла, что ее догадка оказалась верна. Сверток пах устрашающе — прахом и разложением. После того, как руки касались обертки, хотелось скорее вытереть их. Голос прозвучал неконтролируемо громко:

— Это от Джо... для всей нашей семьи.

— Не хватает одного ключа! — воскликнула тетя Хельга.

— Что же, во имя всего святого?.. — недоумевал папа.

Люси открыла крышку картонной коробки, но смогла вынуть оттуда лишь одну вещь, которую опустила на камчатную скатерть. Вещь была старой и очень грязной, к плюшу прилипли темные нити; это был игрушечный тигр. Гаральд издал звук наподобие рыка и быстро вывернул содержимое коробки. На столе оказались шесть ужасных и дурно пахнущих предметов.

— Это детские ботиночки. Их ботинки! — прогремел Гаральд, голос его сорвался.

Он поворошил детскую обувь и обнаружил, что некоторые из башмачков не пусты. Схватил салфетку и вытер пальцы. Потом вручил папе его собственное письмо.

— Что если фрау Ротмайер взяли одну? — предположил Гаральд. — Она пошла на встречу с братом, спрятав детей в укритии...

— Невозможно, — сказала мама. — То, что ты говоришь, не представляется возможным. Дети...

После затянувшегося молчания папа очень тихо спросил:

— Хельга?..

Вдруг послышался громкий плеск, журчание все не стихало, и в столовой запахло мочой. Лицо тети Хельги приобрело пунцовый оттенок, с ней сделалась истерика, она то ли смеялась, то ли рыдала. Никто не посмел хлестнуть ее по щеке. Люси попятилась от мокрого ковра; с рождественской ели упал красный шар.

— Я ехала к Августу, — заговорила тетя Хельга. — Вещи уже собрала. Я ждала этого разрешения целую вечность...

Люси продолжала пятиться, пока не оказалась у двери. Папа и Гаральд разом заговорили. Она выскользнула прочь и взбежала вверх по ступеням: бесшумно и легко, словно летела. Выше и выше. Дверь на чердак была открыта, в замке торчал ключ. Она вошла туда, вдыхая запах нафталина; на чердаке было страшно холодно; окна заледенели морозными цветами. Джо прилепил к старой тарелке свечи; на кушетке лежали плед и меховая муфта. Люси тихонько опустилась на диван, и тут дрогнула дверь платяного шкафа. Оттуда показался Джо. Он сел подле сестры. Не смущаясь, они взялись за руки.

— Дверь была оклеена обоями, — сказала Люси. — Она задвинула ее платяным шкафом.

— Может, они всегда так делали, — предположил Джо.

— Ты украл ключ сегодня или вчера. Как же ты попал туда раньше?

— Через крышу. Вылез из окна на лестнице и влез через люк в крыше. Домик-то всегда был с секретами.

Джо мог упасть, подумала Люси. Пошел один, придумал, как пробраться в тайную комнату. Нашел детей. Худел, старился и молчал.

— ...выломал доску сзади шкафа, — говорил Джо. — А потом попал в комнату. Вовсе не сложно. Я просто хотел найти коробку с игрушками.

— Соломон Штейн догадался, где они, — поняла Люси. — Он пытался их спасти. Хотел залезть к ним.

Тут Люси наконец заплакала; почувствовала, как по холодным щекам текут горячие слезы.

— Извини, — шепнула она. — Не могу не думать о...

Ледяной холод. Тьма. Они вели себя очень хорошо, сидели тихо, но в конце концов стали звать, стучать, скрестись, как мыши, которые вгрызаются в дом, пустой дом...

— Там очень плохо? — спросила Люси. — Могу я?..

Что она имела в виду? Сумеет ли она протиснуться в пролом? Сможет ли перенести то, что увидит? Она вспомнила о видении или предвидении Джо, который сидел за столом с мертвым взглядом. В итоге она открыла шкаф и посмотрела в щель. Тела двух старших детей, Розы и Бенни, он покрыл еловыми ветками, охалка поменьше схоронила останки малыша на истлевшей подушке. Все еще тяжелым был воздух. Комнатка была не больше буфета; свет проникал через уголок большого люка на крыше. Заглянув в комнату, можно было почувствовать, что им пришлось вынести...

— Она знала, что их мать никогда не вернется, — сказал Джо. — Бросила их и уехала заботиться о папе, никому не сказав ни слова.

— Не совсем так, — качнула головой Люси. — Наверное, все же сказала.

Она повернулась посмотреть на портняжный манекен, на который Джо накинул серый армейский китель.

— Я думаю, что она сказала дяде Маркусу.

Люси припомнила слова Гаральда. Маркус Кранц был славным малым, он покончил жизнь самоубийством вскоре после возвращения с русского фронта.

Потом Джо спросил:

— Что будет? Что они сделают?

Люси покачала головой. Она потеряла способность предсказывать действия взрослых. Отождествить себя она могла лишь с Джо и с мертвыми детьми.

Так они и сидели со свечой, ожидая, когда заскрипят ступеньки на чердачной лестнице.

Стивен Галлагер родился в Солфорде, графство Ланкашир, в настоящее время живет в Блэкберне. Литературная карьера Галлагера началась в 1980 году, когда он написал сценарии для двух серий популярного телесериала канала BBC «Доктор Кто» («Doctor Who»). Рассказы этого автора публиковались в журналах «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Azimov's», «Fantasy Tales», антологиях «Потрошителю!» («Ripper!»), «Тени. Выпуск 9» («Shadows 9»), «Ночные видения. Выпуск 8» («Night Visions 8») и «Зимние холода» («Winter Chills»).

Среди ранних работ Галлагера — новеллизация фильма «Сатурн 3» («Saturn 3»), а также принадлежащих его перу эпизодов сериала «Доктор Кто». На основе романа «Химера» («Chimera») был создан четырехсерийный телефильм. Помимо этого следует отметить романы Галлагера «Преследователь» («Follower»), «Долина огней» («Valley of Lights»), «Октябрь» («Oktober»), «Вниз по реке» («Down River») и «Дождь» («Rain»).

Сюжет рассказа «Зов» можно назвать классическим для жанра хоррор: группа путешественников застигнута снежной бурей, и нечто одновременно прекрасное и смертоносное заманивает людей в ночь... Стивен Галлагер мастерски нагнетает напряжение, рисуя картины суровой непогоды.

Отрывок из стенограммы заседания суда, процесс «Корона против Робсона», 24 сентября 1987 года.

Адвокат: Вы заманили ее в безлюдное место под предлогом того, что собираетесь с ней сбежать.

Робсон: Я ей ничего не обещал.

Адвокат: Затем вы избили ее до потери сознания и оставили умирать.

Робсон: Потихе, шеф! Я шлепнул ее один раз, чтобы успокоить, и все.

Адвокат: Вы хотите сказать, что не имеете отношения к убийству?

Робсон: Когда мы расстались, она была жива и здорова.

Адвокат: И как вы предполагаете, когда она умерла?

Робсон: Не раньше утра.

Адвокат: А точнее?

Робсон: Я бы сказал, примерно тогда, когда туда залили бетон.

— У нас есть тепло, у нас есть свет, у нас есть крыша над головой, — сказал Мик. — Эти парни даже оставили нам несколько грязных книжонок. У нас есть все, чтобы переждать плохую погоду, так почему бы просто не посидеть тихо, пока все не кончится?

Именно в этот момент лампочки замигали и погасли, и «тлеющие угли» в электрическом камине с двумя поленьями окончательно «догорели». Сами поленья остывали медленно, и мы трое в каком-то беспросветном отчаянии наблюдали, как они темнеют. Ледяной ветер бил в стены небольшого придорожного домика, и я чувствовал себя примерно так же уверенно, как мышь, сидящая в обувной коробке на пути бегущего стада бизонов. Я уже замерз. И положение наше стремительно ухудшалось.

Майк щелкнул зажигалкой, на стенах и потолке заплясали гигантские тени.

— Должно быть, ветром оборвало провода, — заметил он.

Другой человек, которого звали Дэвид, — фамилию его я забыл, — спросил:

— Может, мы попробуем починить их?

— Только не я, приятель. Я хочу жить.

— И что нам теперь делать? Жечь мебель?

— Тогда нам не на чем будет сидеть. — Могучий человек, который велел нам называть себя Миком, поднял зажигалку, и наши тени устремились в укрытие. — Гляньте, здесь есть свечи и газовая плита. Все по-прежнему. Мы даже можем заварить чай.

— Чайник электрический, а водопроводные трубы замерзли, — живо возразил Дэвид.

Мик окинул его тяжелым взглядом.

— Тогда можешь пойти прогуляться, — сказал он. — Хочешь?

Остатки свечей, укрепленные на небольших оловянных блюдах, были из тех, что горят медленно и тускло. Газовая плита работала от баллона, стоявшего под столом; шланг был перекручен, и газ пошел не сразу. Свечи горели желтым пламенем, газ — голубым, и при таком освещении наши лица выглядели бледными и испуганными.

Мик, Дэвид и я. Три истории о снежной буре, три аварии и три покинутые машины, три жизненных пути, которые в обычной обстановке, скорее всего, никогда бы не пересеклись, три человека, оказавшиеся запертыми в жалкой хижине у заметенного снегом шоссе.

— Ну что, пойду попытаю счастья, — сказал Мик, взял кастрюлю и вышел за дверь, чтобы набрать снега.

Человек по имени Дэвид в очередной раз подошел к неработающему телефону и поднял трубку.

Я нашел это место последним и, войдя, сразу понял, что эти двое — не попутчики. Они были слишком разными, чтобы путешествовать вместе. Мик весил, наверное, восемнадцать стоунов¹ и казался — ну просто невозможно выразиться иначе — неряхой, хотя был пострижен и прилично одет. Он походил на одного из тех торговцев, что стоят со своими тележками около футбольных стадионов, продавая гамбургеры и хот-доги, выглядящие так, словно их размягчали в моче. Дэвид (он сказал мне свою фамилию, но она вылетела у меня из головы) скорее принадлежал к людям, разъезжающим на машине фирмы, в которой на вешалке болтается запасная рубашка; он сообщил, что «занимается продажами», и я решил, что он — коммивояжер. Он был примерно моего возраста, тонкие светло-рыжие волосы создавали впечатление, что у него нет ресниц. Насколько я понял, Мик направлялся к боль-

¹ Около 114 кг.

шой заправке, расположенной в двух милях дальше по дороге, но шоссе закрыли, и он вынужден был оставить свой фургон, груженный резиновыми шлангами, и отправиться пешком назад, к единственному огоньку, виденному им на протяжении последних нескольких миль. Добравшись до хижины, он застал здесь Дэвида, скрючившегося перед электрокамином в наброшенной на плечи спецовке. Я присоединился к ним примерно через полчаса, и с того момента здесь больше никто не появлялся; погода ухудшалась с каждой минутой, вряд ли кто-то еще сможет добраться сюда, подумал я. Должно быть, дорога уже несколько часов была закрыта.

— Ничего себе дела! — выдохнул Мик, ввалившись в дверь.

Он провел снаружи три или четыре минуты. Я думал, что он сделает пару шагов, наберет снега и вернется, поэтому спросил:

— Что так долго?

Он подошел к плите, растопырив руки, словно раздавал благословения, и краска понемногу начала возвращаться на его лицо. Из него получился бы неплохой деревенский патер.

— Я спускался взглянуть на дорогу, — объяснил он, — хотел взглянуть, вдруг там проехала снегоуборочная машина.

— Видел что-нибудь?

— Мне еще повезло, что я смог вернуться обратно. Я прошел всего ярдов двадцать, метет так сильно, что я чуть не ослеп, ничего не видно. Там никакого движения. Похоже, мы застряли надолго.

— Прекрасно, — мрачно сказал Дэвид.

— Сначала высунь свой нос наружу, а потом критикуй, — предложил Мик. — Там стало еще хуже — как будто с неба сыплются бритвы, и я тебе еще кое-что скажу. Когда ветер свистит в проводах, кажется, что тебя зовут какие-то голоса. Послушаешь некоторое время и, Богом клянусь, услышишь собственное имя. Знаешь, что я думаю?

— Что? — спросил я.

— Это все те мертвецы, которых они соскребали с асфальта. Они там, снаружи, холодные и одинокие. — С этими словами он подмигнул мне — подозреваю, потому, что стоял спиной к Дэвиду, и тот не видел его лица.

— Ради бога, — угрюмо пробормотал Дэвид, затем отошел в дальний конец хижины и начал рыться в шкафах в поисках кружек и чая.

Мик радостно ухмылялся, но я не совсем понимал, чему именно. Понизив голос, чтобы Дэвид меня не услышал — он наполовину скрылся в одном из шкафов, — я спросил:

— О чем это ты?

— А ты не видел доски с вырезками? — ответил Мик и указал на стену у меня за спиной. — Посмотри. Мы нашли настоящий маленький Дом радости¹, чтобы нас здесь занесло снегом. Десмонд все это читал, когда я появился.

— Я Дэвид, — поправил его приглушенный голос откуда-то из недр буфета.

— Конечно, — невозмутимо произнес Мик.

Я взял свечу и поднес ее к стене; пространство между какими-то шкафчиками было оклеено старыми газетными вырезками. Здесь было несколько пожелтевших девчонок с третьей страницы², но остальные представляли собой колонки новостей. Кое-где были фотографии — фотографии изуродованных обломков. До меня не сразу дошло, что все это были снимки автокатастроф на трассе и что произошли они на том участке дороги, который лежал под трехфутовым слоем снега неподалеку от нашей хижины.

— Должно быть, здесь эти парни ждут вызова, ждут, когда произойдет что-нибудь неприятное, — произнес Мик у меня за спиной. Он подошел и принялся рассматривать подборку вырезок из-за моего плеча. — Ничего себе, навидались они всякого, а? Лучше они, чем я.

¹ «*Happy House*» — песня британской рок-группы «*Siouxsie and the Banshees*», выпущенная в 1980 г.

² На третьей странице британского таблоида «*The Sun*» публикуются фотографии обнаженных моделей.

«Аминь», — подумал я. И обнаружил, что рассматриваю детали фотографий в тусклом свете мигающей свечи с каким-то отстраненным любопытством, которое всегда охватывало меня при виде чужого несчастья. Гибель целых семей. Девочка-подросток, которой отрезало голову. Водители грузовиков, раздавленные в кабинах, похожих на сплюснутые банки из-под кока-колы. Надоевшая любовница — на этой заметке я задержался дольше, — надоевшая любовница, втиснутая, словно Джимми Хоффа¹, в проволочную клетку опоры моста, готовую к тому, чтобы наутро туда залили бетон. «ЗАЖИВО ПОХОРОНЕННАЯ!» — гласил заголовок, но даже эта история бледнела перед катастрофой с участием экскурсии для стариков и фургона, полного потрохов.

Рассмотрев эту коллекцию, я решил, что мы забрели на базу бригады чистильщиков, работавших на ближайшем к хижине участке дороги и искренне гордившихся своей мрачной профессией. Я представил, как они шагают к своей «мастерской на колесах», насвистывают, натягивая куртки, и размышляют о том, как провести следующий отпуск. А потом, на месте, выходят из машины с мешками и лопатами и дежурными фразами разговаривают с родными какого-нибудь скупердяя, который решил не тратить на каюту на пароме или номер в отеле и ехал со спущенной шиной всю ночь. Я мог только предполагать, куда подевалась бригада. Наверное, когда погода начала портиться, они переехали дальше по шоссе, на заправочную станцию, потому что вряд ли кто-то, имея выбор, согласился бы сидеть взаперти в этом сарае. Я подумал, что сейчас заправка, наверное, похожа на лагерь беженцев — там есть все необходимое, но она отрезана от остального мира. Я пожалел, что нахожусь здесь, а не там. Газовая конфорка горела на полную мощность, и все же изо рта у меня вылетали облачка пара.

¹ Джимми Хоффа (1913–1975) — американский профсоюзный лидер, исчезнувший при загадочных обстоятельствах. Согласно одной из версий СМИ, он был похоронен на поле стадиона «Giants Stadium» в Нью-Джерси.

Дэвид, возившийся у стола, спросил:

— Это все, что ты принес?

Я оторвался от любопытных заметок на стене и вслед за Миком подошел к плитке. Дэвид разглядывал алюминиевую кастрюлю. Только что она была набита снегом с верхом и походила на гигантскую трубочку мороженого, но теперь на дне плескался слой воды примерно дюйм толщиной.

Мик заметил:

— Когда снег тает, от него мало что остается, верно?

Затем воцарилась напряженная тишина — так в ресторане каждый из сотрапезников ждет, когда кто-то другой протянет руку к счету.

Наконец я произнес:

— Пойду принесу еще.

Не знаю, как описать ощущения, которые охватили меня, когда я вышел на улицу, — холодный воздух словно ударил меня в лицо, мне показалось, что я налетел на стену. Погода стала намного хуже, чем была несколько часов назад, когда я добирался сюда. Ветер мешал ориентироваться, он сыпал в глаза ледяную крошку и норовил повалить на землю, так что я едва мог дышать; но вскоре, к счастью, он стал немного потише, снег перестал валить, и я смог осмотреться, не боясь ослепнуть.

Видимость была плохая — от пятидесяти до ста ярдов, дальше все сливалось в серую мглу, как будто реальность больше не могла выдержать натиска бури. Я разглядел вереницу примерно из полудюжины желтых фонарей, тянущуюся вдоль дороги; свет их был приглушен и рассеян сильным снегопадом. От шоссе остались только параллельные линии разделительных барьеров, похожие на черточки, проведенные карандашом по снегу, и это было все. Несколько легких пластиковых конусов, установленных ранее, чтобы перекрыть дорогу, снесло ветром в сторону, они валялись на снегу, словно не попавшие в цель ракеты, и больше ничто не нарушало однообразие снежного покрова.

Я не заметил того, о чем говорил Мик. Я не слышал никаких голосов — только где-то вдалеке от дороги, в

темноте, ветер гудел в проводах. В этом звуке я не нашел ничего особенного.

У меня с собой была небольшая банка из-под печеных бобов, единственный чистый на вид сосуд, который я смог найти, и я, наклонившись, попытался набить ее снегом. Свежевыпавший снег был слишком пушистым, его уносило ветром, когда я пытался набрать его в банку, но затем я попробовал скатывать из него снежки, и дело пошло лучше. Меня уже трясло от холода. Я на миг выпрямился, чтобы вытереть нос тыльной стороной перчатки, и с ужасом понял, что не чувствую прикосновения к своему лицу.

Я ввалился в хижину, словно утопающий, которого вытаскивали из ледяного моря. Я пробыл на улице меньше минуты.

Дэвид, стоявший у телефона, поднял голову. Еще несколько часов назад я бы ни за что не поверил, что с радостью увижу эту хижину — освещенную свечами, относительно теплую, с выставленными на стол кружками дорожников, на каждой из которых чем-то вроде лака для ногтей было написано имя владельца. Я изо всех сил постарался сделать вид, что владею собой, и поставил снег на плиту, пока Мик закрывал за мной дверь.

— По-прежнему не работает? — спросил я у Дэвида, кивнув на телефон.

— Не то чтобы не работает, — ответил он, наверное, в сотый раз щелкая рычагом. — Скорее, похоже на незащищенную линию, на другом конце которой никого нет.

— Это как полевой телефон, — откликнулся Мик, стоявший у двери. — Если никто не подключился, значит, никого там нет. Как снаружи?

— Я по-прежнему согласен лучше побыть здесь, чем там, — сказал я.

Мик заварил чай в пакетиках и добавил каких-то синтетических сливок, из тех, что выглядят и пахнут, как масляная краска. Это был самый отвратительный чай, какой я когда-либо пробовал, но выпил я его жадно, словно нектар. Мы пододвинули свои стулья к плите, где чувствовалось какое-то тепло от горелки, и скоро у нас нача-

лась головная боль от угарного газа. Разговор неизбежно свернул на вырезки на стене.

— А вы взгляните на это с их точки зрения, — сказал Мик. — Это похоже на работу в морге. Первые несколько недель вам снятся кошмары, а потом привыкаете, и это становится просто работой, как все другие.

— А *ты* откуда знаешь? — спросил Дэвид.

— Мой зять работает санитаром, он всякого посмотрелся. То есть я хочу сказать, что обычные люди, вроде нас с вами, и половины не знают из того, что в мире творится.

Дэвид ничего не ответил, но я думаю, что к тому времени он начал в каждой фразе Мика находить какое-то оскорбление в свой адрес. Я решил, что раскусил его. Некоторые люди, оказавшись в стрессовой ситуации, ищут кого-то, чтобы выместить свои эмоции; они становятся злыми, ядовитыми, и если вы все же выкарабкиваетесь, то скорее несмотря на них, чем с их помощью. Я понял, о чем говорит Мик. Я представил себе эту бригаду, как они сидят здесь, терпеливо убивая время за чтением или игрой в карты и ожидая очередной мясорубки. Они похожи на всемогущего Господа. Мы идем по жизни, говоря себе, что с нами подобного никогда не произойдет, но они-то знают, что это случится, и это знание не является для них чем-то особенным.

Казалось, только благодаря Мику мы пока не теряли головы. Я не уверен, что в тот момент смог бы хоть в чем-то положиться на Дэвида. Он сидел с хмурым видом, уставившись в пол, неуклюжий в чужой куртке. Неужели он добрался от своей машины до этого домика в одном пиджаке, без пальто? Он же должен был понять, когда выезжал, что погода ухудшается; видимо, ему и в голову не приходило, что он будет вынужден покинуть натопленное здание или теплую машину. Некоторые люди слишком верят в незыблемость своего мира. Я не таков — да, я верю, что Господь сотворил что-то неизменным, но, например, дизайнерская одежда, туфли для гольфа или новая модель «вольво» вряд ли являются таковыми.

Когда мое путешествие неожиданным образом было прервано, я ехал в соседнее графство к своей девушке. Она работала в крупной сети супермаркетов, ей платили гроши и все время переводили из города в город, а я как раз зацепился на одном из тех мест, где начальство никак не может толком сказать, возьмут тебя на постоянную работу или нет. Мы могли встречаться только на уик-эндах, в ее однокомнатной квартире, прячась от хозяйки. Должно быть, я выехал одним из последних перед тем, как дорогу закрыли. Я вынужден был остановиться, ожидая, пока с въезда на автомагистраль не уберут сложившийся вдвое тягач с прицепом, и после этого мне удалось тронуться с места только при помощи двух полицейских — шины скользили по обледеневшему асфальту. Они посоветовали мне ехать на первой передаче и не налегать на мотор; я запомнил последние слова полисмена, сказанные перед тем, как я отправился дальше: «Не хотел бы я оказаться на твоём месте, приятель». Дальше стало еще хуже. Через полчаса езды на первой передаче, когда я тащился вдоль барьера, как слепой вдоль поручня, стрелка термометра съехала в красную зону, и в конце концов оба шланга лопнули. Я остановился, заклеил их и долил воды, но вскоре после этого двигатель заглох.

Казалось, когда я рассказывал свою историю, меня слушал только Мик. Он заметил:

— Я езжу по этому шоссе с тех пор, как его открыли. Никогда такого не видел. Похоже на конец света.

— У тебя прямо дар во всем подмечать положительные моменты, Мик, — ответил я.

— Ты не видел автопоезда, который стоит примерно в полумиле отсюда, — возразил он. — Большой новый фургон и два трейлера. Они заблокировали всю дорогу, вот почему мне пришлось вылезти из машины и пешком идти к последнему виденному огоньку. Эти штуки похожи на динозавров, они везде проедут. Но с такими заносами даже им не справиться. А ты как думаешь, Десмонд?

— Я Дэвид!

От резкого крика в тесной комнатке я вздрогнул, и, по-моему, даже Мик был удивлен такой реакцией.

— Хорошо-хорошо, — произнес он. — Извини.

— Тогда, черт тебя возьми, произноси мое имя правильно!

— Я же сказал — извини. Я просто спросил тебя, что ты об этом думаешь.

— Я хочу домой, — с несчастным видом пробормотал Дэвид, глядя в пол, словно чувствуя неловкость после своего взрыва.

И тогда Мик сказал неожиданно мягко:

— Я тебя понимаю, Дейв.

В этот момент газовая горелка начала хлопать. Мы все обернулись к ней, я услышал чьи-то слова: «Вот дерьмо», затем понял, что это сказал я сам.

Огонь погас не сразу, но очевидно было, что он на последнем издыхании. Мик сунул руку куда-то под стол и вытащил приземистый металлический цилиндр; когда он взялся за него двумя руками и встряхнул, мы поняли, что на дне плещется около чашки жидкости.

— Там что-то еще осталось, — с надеждой произнес Дэвид.

— Там всегда что-то есть на дне, — возразил Мик. — Газ закончился.

Под столом, в углу, нашелся еще один баллон, но содержимого там оказалось не больше. Горелка перестала давать тепло и трещала так, что никто не возразил, когда Мик повернул выключатель.

Тишина сковала нас прежде, чем холод. Но через пару минут холод начал свое наступление.

Мы взломали шкафчики в поисках курток или одеял, но нашли только инструмент, пустые коробки для завтраков и заляпанные грязью рабочие сапоги. Замечание Дэвида насчет сжигания мебели уже не казалось таким смешным, но проблема заключалась в том, что жечь было почти нечего. Стулья были сделаны в основном из металлических трубок, стол — из ДСП, так что нам осталась пачка порножурналов, несколько книжонок в бумажных обложках и колода карт. Хижина из приюта превратилась в ледник.

Дэвид первым облек это в слова. Он сказал:

— Придется выходить и искать другое место, да? — В его устах это прозвучало так, словно хибара выкинула мерзкий трюк и предала нас. — Здорово, — горько продолжал он. — Теперь нам действительно крышка.

Возможно, мы могли бы остаться здесь, немного побегать на месте, сделать все, чтобы продержаться при температуре ниже нуля до тех пор, пока буря не утихнет и спасатели не придут к нам на помощь. Но Мик уже принялся снова шарить в шкафчиках, словно ища что-то, только что виденное.

— По-моему, — сказал он, — у нас остался только один выход.

— Заправка? — предположил я.

— Так далеко нам никогда не добраться. До нее больше двух миль, а сейчас это все равно что двадцать. Думаю, в лучшем случае мы едва ли четверть пути пройдем.

— Тогда нам ничего не остается, — пробормотал Дэвид.

— Нам остается большой автопоезд, который перегородил проезжую часть. — С этими словами Мик сунул руку в третий шкафчик и извлек оттуда короткий гвоздодер. Взмахнув железкой, он продолжал: — Если мы сможем забраться в тягач и завести двигатель, то продержимся в кабине с включенной печкой.

— До того момента, когда закончится бензин, — сказал я, возможно, слишком пессимистично.

— У этих чудищ никогда не заканчивается бензин. У них баки как цистерны. Мы сможем дождаться снегоочистителя или выберемся наружу, когда погода улучшится. Что думаете?

— Может, там есть рация, — сказал Дэвид с таким выражением, словно сделал открытие, удивившее даже его самого.

Мы оба устали на него.

— Радиостанция гражданского диапазона, — продолжал он. — По-моему, она есть в каждом таком большом трейлере. Мы сможем сообщить людям, где мы.

— Точно, сможем, Дейв, — сказал Мик с ноткой одобрения в голосе, затем перевел взгляд на меня. — Ты с нами?

— Пошли, — сказал я тоном, в котором было, наверное, в пять раз больше оптимизма, чем я чувствовал на самом деле.

Но Мик поднял руку, словно говоря: «Потише».

— Погодите минуту, — начал он. — Нет смысла нам всем троим ползти туда. Вот что я подумал: допустим, один из нас сделает вылазку и провернет все необходимое, а потом нажмет на клаксон, это будет сигнал остальным выходить.

— Я не знаю, что нужно делать, — уныло произнес Дэвид.

— Я тоже, — сказал я.

— Ну, — фыркнул Мик, — раз уж мы заговорили о взломе, уgone и маленьком фокусе с проводкой, то, видимо, только у меня здесь имеется соответствующее образование. Я прав?

Он был прав, и, по моему мнению, он мог сколько угодно ехидничать насчет образования, если способен вытащить нас отсюда. Он поднял воротник, застегнул пальто и натянул перчатки на меху. Я проводил его до двери. Пока я готовился выпустить Мика в суровую ночь, Дэвид решил в очередной раз попытаться кому-нибудь дозвониться.

Я сказал:

— Ты сумасшедший, ты это знаешь?

— Мне сделали операцию по удалению мозгов, — хмыкнул Мик. — И знаешь, без них гораздо лучше. — Затем он заговорил серьезно: — Я хочу добраться до барьера и идти вдоль него, иначе черт знает куда забреду. Жди сигнала. — Он мельком взглянул на Дэвида. — И присматривай за ним.

— С ним все будет в порядке.

— Если он начнет валять дурака, врежь ему как следует. Я не шучу.

За какие-то одну или две секунды, пока я выпускал Мика, в помещение ворвался порыв ледяного ветра, и на этот раз холодный воздух остался внутри — словно бродячая собака забежала в дом и отказывалась уходить. Дэвид с проклятием швырнул трубку на рычаг, словно те-

лефон не работал намеренно, затем уселся на стул, глубоко засунув руки в карманы рабочей куртки и натянув воротник на нос, чтобы дышать согретым воздухом. Он был похож на какое-то чудное животное, спрятавшееся в синем шерстяном панцире.

— Знаешь, я слышал, что он сказал. — Голос его, приглушенный плотным материалом, звучал как будто издалека.

— Он пошутил.

— Ага, как же. Кем это он себя возомнил? Скоттом в Антарктиде?

— Да мне плевать, кем он себя считает, хоть Скотти с «Энтерпрайза»¹. Если он вытащит нас из этой клетки, я буду ему благодарен.

Дэвид устроился поудобнее.

— Ну, не надо насчет меня волноваться. Я не балласт.

— А я и не говорил, что ты балласт.

Некоторое время мы молчали.

Затем он произнес:

— В хорошую переделку мы угодили, а?

Да, подумал я, действительно, в хорошую... но могло быть и хуже. Например, когда тебя разрезает надвое при столкновении автомобилей, мчащихся со скоростью сто пятьдесят миль в час, только потому, что кому-то вздумалось выбрать день твоей поездки для того, чтобы пересечь разделительную полосу и покончить с собой. Или быть заживо похороненным в бетоне, так глубоко, что твое тело не обнаружить даже рентгеном. Или сидеть за рулем, откинув голову на спинку кресла. В общем, оказаться героем одной из полусотни газетных вырезок, составлявших частный музей ужасов дорожных рабочих.

— У нас еще остается выход, — возразил я. — А значит, не все так плохо.

— Если он доберется туда, — буркнул Дэвид.

Следующие двадцать или тридцать минут, казалось, тянулись целую вечность. В компании Дэвида было не очень-

¹ В сериале «Звездный путь» — главный инженер звездолета «Энтерпрайз».

то уютно, особенно после прощальных слов Мика, которые застряли у него в памяти. Я не знал, чего от него ждать, — будет ли он по-прежнему мешать мне, словно ядро на ноге, или ударится в опасный энтузиазм? Я решил, что в последнем случае с радостью отправлю его на улицу первым.

Наконец ветер немного утих, и мы расслышали далекий звук автомобильного сигнала.

Я с некоторым облегчением заметил:

— Наверное, это нас зовут.

Дэвид ответил, что он готов идти. Я спросил, не хочет ли он сделать последнюю попытку с телефоном, но он отказался.

— Этот мешок жира был прав в одном, — сказал он. — Если слушать достаточно долго, действительно начинает казаться, что кто-то зовет тебя по имени.

Я дал ему пройти и вышел следом.

Как только дверь с грохотом захлопнулась за нами, моему оптимизму немедленно был нанесен могучий удар; по сравнению с этой яростной бурей ветер, гудевший в проводах во время моей последней вылазки за снегом, казался ласковым бризом. Я ничего не слышал, ничего не видел вокруг себя и уже начал паниковать, когда почувствовал, как Дэвид грубо схватил меня за руку и толкнул вперед, в слепящий водоворот. В некоторых местах намело высокие сугробы, маскировавшие впадины в земле, что еще более затрудняло передвижение. Мы, спотыкаясь и барахтаясь в снегу, сползли к дороге, и пока мы спускались по открытому склону, ветер, к счастью, немного утих. Мы добрались до центрального разделительного барьера, с острой верхушки которого непрерывно сдувало снежную пыль, но к тому времени я совершенно потерял ориентацию, как будто меня сунули в ящик и хорошенько встряхнули.

— Куда? — проорал я, и Дэвид вынужден был приблизить лицо к моему уху, чтобы я расслышал его.

— На север! — взревел он.

— Что?

— Туда! — И он пихнул меня изо всех сил, чтобы заставить идти.

Еще несколько минут назад я бы ни за что не поверил, что идти будет так тяжело. Снегу намело выше колена, временами попадались сугробы высотой по пояс, затем они снова сменялись более мелкими, и барьер на несколько метров исчезал, так что мы вынуждены были идти, ориентируясь по желтым фонарям у нас над головой. Какое-то время я прокладывал тропу, затем Дэвид сменил меня. Следы, оставленные Миком, полностью исчезли, но время от времени, когда буря немного ослабевала, изда-лека раздавался гудок, указывая нам направление.

Он сделал это. Значит, я тоже смогу сделать.

Мне казалось, что мы шли три часа, хотя более рациональная часть моего сознания говорила мне, что на самом деле путь занял около пятнадцати минут. Наконец мы добрались до первого места, где смогли остановиться и передохнуть. Это был путепровод, слишком широкий и высокий, чтобы служить укрытием, но все же немного защищавший от режущего, как бритва, ветра. Мы ввалились под мост, совершенно онемевшие, как будто последнюю четверть часа лежали под капельницей с новокаином, и рухнули у стены, словно два пехотинца какой-то забытой войны.

— Ты в порядке? — спросил я Дэвида, и мой голос был странно приглушен ковром снега, наметенного под мостом.

— Дьявол тебя возьми, ты что, шутишь, — выдохнул он, и больше я ничего не мог от него добиться.

Я попытался стряхнуть снег, прилипший к моей куртке. Я не хотел, чтобы он растаял и просочился сквозь одежду, чтобы превратиться в лед, когда мы пойдем дальше. Он отваливался кусками. Дэвид, сидя на корточках, обхватил себя руками, чтобы терять как можно меньше тепла. Если мы пробудем под мостом слишком долго, подумал я, то рискуем остаться здесь навсегда.

Я прислушался.

Хотя пространство под мостом было открыто, участок дороги длиной в несколько метров казался изолированным помещением. Здесь было светлее, чем снаружи, потому что ничто не заслоняло свет желтых фонарей, и, как я уже

заметил, заговорив с Дэвидом, звуки замирали, словно наткнувшись на что-то мягкое. Опоры на противоположной стороне проезжей части были окружены лесами, но сквозь их решетку я различил граффити, нанесенные аэрозолем; там было написано красной краской: «Робсон, когда выйдешь — ты покойник». Моей любимой была надпись, виденная на стене одного здания на пляже, простая и элегантная: «Я чувствую себя немного нормально сегодня»¹, но тот пляж, казалось, находился в миллионах миль отсюда.

Должно быть, ветер ненадолго перестал свирепствовать, потому что я расслышал писк автомобильного гудка, прозвучавший, казалось, совсем близко. Он подействовал на Дэвида, как остроконечная палка на быка. Он неловко поднялся на ноги и пошел дальше, спотыкаясь и размахивая руками, словно не мог полностью контролировать свои конечности. Я устало сказал себе, что вряд ли смогу найти силы встать, но тронулся вперед, не успев додумать эту мысль. Дэвид бормотал что-то на ходу, но я не слышал его слов.

Я постоянно спотыкался, потому что под снегом в этом месте было навалено всякой дряни; нога моя зацепилась за шланг от компрессора, и мне пришлось пинком отбросить его прочь. Поодаль, на том месте, где должна была находиться обочина, я разглядел наполовину занесенные снегом механизмы, громоздкие генераторы с тяговыми устройствами и небольшой самосвал, который был бы для нас спасением, если бы не тот факт, что у него не хватало одного колеса. Выглядело это так, словно перед ухудшением погоды рабочие сверлили бетонную опору, как больной зуб. Холст, натянутый на леса, скрывал место работы, но ветер оборвал его, и вокруг дыры хлопало несколько лоскутов. Виднелась металлическая арматура, прутья были выгнуты наружу, словно в результате взрыва. Как будто рабочие дошли примерно до половины, а потом попавшая внутрь вода замерзла и дыра расширилась.

¹ «I Feel a Bit Normal Today» (1997) — альбом американского музыканта Криса Батлера.

Сейчас я понимаю, что мне надо было как следует подумать, прежде чем идти дальше. Но есть некоторые вещи, вы можете обдумывать их сколько угодно, но никогда не догадаетесь, что вам суждено увидеть.

Я сосредоточился на одной картине и не видел ничего вокруг; я думал об автопоезде, который выступал из мглы в сотне ярдов впереди.

Первым, что я разглядел, были аварийные огни, и их было множество; я почти смог различить очертания тягача, как на тех рисунках, где горстка беспорядочно рассеянных звезд соединяется в невероятное созвездие. Они мигали в такт звуку сирены, и это зрелище было одним из самых радостных в моей жизни. Дэвид шагал впереди меня, словно заводная игрушка, которую ничто не может остановить.

Это был большой «континенталь» с тремя сложившимися, словно складной нож, секциями, настоящий дорожный монстр; должно быть, в движении он походил на горную лавину. Негромкий писк, который привел нас сюда, постепенно превратился в мерные, оглушительные звуки сирены. Дэвид попытался перейти на бег, но не смог — должно быть, силы его были на исходе.

Мы помогли друг другу забраться в кабину. Внутри синхронно с сиреной и огнями редела сигнализация. Мика нигде не было видно.

— Где он? — спросил я.

— Бог его знает, — ответил Дэвид, изучая приборную доску, которая выглядела как часть кабины космического шаттла. — Он мог хотя бы оставить двигатель включенным.

— Может, он до этого не дошел.

Но Дэвид указал на пучок проводов, торчавший позади рулевой колонки.

— А это тогда что? — воскликнул он. — Спагетти с кетчупом? Проверь радио.

Я проверил.

— По-моему, не работает, — сообщил я.

Через минуту после нашего появления сигнализация отключилась и сирена смолкла. Тишина показалась мне почти болезненной.

К тому времени Дэвид нашел стартер и пытался завести мотор; первые две попытки закончились неудачно. Затем он подергал за провода, как ребенок, запускающий воздушный шарик, после чего, наверное, восстановился какой-то контакт, потому что с третьей попытки мотор под полом кабины мгновенно завелся. Через несколько секунд он заурчал, но затем, почти сразу, заглох.

— Мерзкая штука, — пробормотал Дэвид и попробовал снова, но двигатель упорно не желал оживать.

Дэвид тяжело откинулся на спинку водительского кресла. Я сказал:

— Может, мы сможем продержаться здесь.

— Печь не работает, — возразил он. — Тебе, наверное, кажется, что здесь тепло, но это после улицы. Если мы не заведем мотор, не вижу разницы, где сидеть — здесь или в том сарае.

Дэвид снова нажал на кнопку стартера, но безрезультатно.

— Вот тебе и причина, — вдруг сказал он, указывая на приборную доску. По-видимому, передо мной был датчик уровня горючего; судя по показаниям прибора, бак был почти пуст.

— У этих чудищ никогда не заканчивается бензин, — горько заметил Дэвид, видимо пытаясь передразнить Мика. — У них баки как цистерны. — И он с силой ударил по рулю, затем откинулся на спинку кресла с лицом темным, словно помятая слива.

В этот момент где-то во тьме загудел автомобильный сигнал.

Мы прислушались; вой ветра заглушил гудок, затем он донесся до нас снова. Сигнал шел откуда-то с шоссе.

— Пошли, — устало выговорил Дэвид и открыл дверь со своей стороны, чтобы вылезти наружу.

На этот раз он даже не вздрогнул от яростного порыва ветра. «Ну хорошо, — хотел было сказать я, — ты доказал свое, доказал, что ты не балласт, так почему бы теперь не посидеть и не отдохнуть немного», но вместо этого я неуклюже приподнялся и пополз наружу. Я был готов рухнуть

и уснуть прямо здесь, на полу. Тогда я, скорее всего, умер бы во сне, после чего мой свежемороженый труп был бы готов для морга, но в тот момент мне было все равно.

На полу кабины лежали перчатки на меху, принадлежавшие Мику.

Я протянул руку и подобрал их. Это была не галлюцинация, передо мной и в самом деле были перчатки. Должно быть, он снял их, чтобы сделать тонкую работу — замкнуть провода... Но как он мог бросить их здесь? У меня на руках были громоздкие лыжные рукавицы, но даже в них я почти не чувствовал пальцев от холода. Если Мик смог добраться до следующего брошенного грузовика, о чем, видимо, говорил сигнал, то вряд ли в ближайшее время ему придется играть на пианино.

Я выслизнул из кабины и повалился на снег с северной стороны гигантской машины. Дэвид ушел без меня, привлеченный сигналом, словно глубоководная рыба, попавшаяся на крючок. Гудки раздавались не так регулярно, но были слышны лучше.

Я чувствовал какую-то тревогу.

Во-первых, я думал об оставленных перчатках. Во-вторых, я знал, что никто не доверит большой трейлер и его груз стоимостью не меньше четверти миллиона водителю, который вылезет и пойдет по обочине с консервной банкой, чтобы добыть топлива. И радио — радио должно работать, хотя бы давая только белый шум, вроде той снежной пелены, что кружилась за окнами.

Я осматривал грузовик, когда споткнулся о тело Мика. Он лежал лицом вниз, и его почти замело снегом, отчего у меня на миг возникла безумная мысль, будто он на самом деле жив и просто спрятался в сугробе от ледяного ветра. Но, прикоснувшись к нему, я почувствовал, что тело затвердело, как мокрая простыня, вывешенная на улице зимой. Когда я наконец перевернул его на спину, то увидел, что из-под подбородка Мика торчит кусок железной арматуры, видимо извлеченный из опоры моста. Прут прошел сквозь горло, словно кто-то наколот голову, собираясь жарить ее на костре. Глаза убитого бы-

ли полуоткрыты и превратились в куски льда. В голой руке он по-прежнему сжимал короткий лом, защитное орудие, которым он так и не сумел воспользоваться.

Это произошло около больших бензобаков, за кабиной. Баки были разрезаны, бензин вытек и ушел в снег. В прямом смысле разрезаны — их не просто проткнули или продырявили чем-то острым, я увидел четыре параллельные царапины, словно нанесенные когтями.

Дэвид остановился и смотрел на меня, но он был слишком далеко, чтобы разглядеть, что я делаю, я едва видел его — серый призрак, сгусток дыма. Он поманил меня за собой широким жестом, словно пытаюсь поймать что-то в воздухе. Я крикнул: «Нет! Не ходи туда! Это не он!» Но Дэвид лишь прокричал в ответ что-то неразборчивое, отвернулся и двинулся дальше, и буран поглотил его.

И откуда-то издалека донесся вой, брачный зов какой-то кошмарной сирены, измазанной бензином, с выгнутой спиной и длинными железными когтями, готовыми впиться в жертву.

Я бросился бежать вслед за ним.

Я называю это бегом, хотя уйти мне удалось недалеко. Думаю, энергии, потраченной мною на то, чтобы сократить расстояние между мной и Дэвидом, вполне хватило бы, чтобы снабдить электричеством небольшой городок. Но я не смог его догнать. Он даже не оглянулся. Я увидел, как он попытался поймать нечто, пролетавшее мимо, и у меня на миг остановилось сердце, но, думаю, это был один из пластиковых конусов или другой подобный мусор, падающий на дороге. Сейчас Дэвида не могли бы отвлечь от его цели даже обнаженные монахини, танцующие в воздухе, потому что он увидел второй грузовик.

Грузовик.

Он был гораздо более старым, чем первый, и не таким большим. Он стоял у дальнего края барьера, передом ко мне; выглядел он так, словно его сильно занесло на льду, после чего он остановился, затем водитель покинул его, и его наполовину замело снегом. У него был какой-то зловещий вид, казалось, он приготовился к прыжку; двига-

тель работал, из трубы валил дым, бледные фары светились, как глаза больного, прикованного к постели. Дэвид протянул руку и постучал по дверце кабины, чтобы его пустили. Я остановился у барьера и мог только смотреть. Сирена смолкла. Дверь открылась. Внутри горел свет, но стекла запотели и были залеплены снегом, поэтому можно было разглядеть лишь какой-то смутный силуэт. Дэвид уже поставил ногу на ступеньку и почти поднялся, но я понял, что что-то насторожило его. Распахнутая дверь загрозила ему от меня, и внезапно он исчез — его с невероятной скоростью втащили внутрь; затем дверь захлопнулась и свет погас. Из кабины понеслись пронзительные, непрекращающиеся жуткие крики; я поморщился, зная, что ничего не могу сделать. Вспомнив длинные разрезы на бензобаке, я молился лишь о том, чтобы для Дэвида все закончилось побыстрее.

Но это продолжалось еще долго.

Наконец крики смолкли. После долгой паузы я увидел, как дверь кабины приотворилась, словно мышеловка. В заснеженную мглу упала узкая полоска света. Я взглянул на окна кабины — они были залиты алой жидкостью, как кувшин блендера; кровь начала медленно стекать вниз, осевший на стекле пар смывал ее. Я еще немного подождал, но не заметил никакого движения.

Я рассчитывал свои шансы добраться до заправочной станции. То, что до сих пор казалось совершенно невозможным, теперь выглядело как заманчивая и вполне достижимая цель. Ведь я уже преодолел большую часть пути, разве нет? Теперь, когда я мельком увидел то, что ожидало меня в случае задержки, мне внезапно ужасно захотелось идти вперед.

Первым делом необходимо было пересечь проезжую часть, чтобы оказаться как можно дальше от грузовика. Теперь я уже ничем не мог помочь Дэвиду, не было смысла оставаться здесь, под фонарями, которые освещали меня даже в снежную бурю. Я наискосок пересек заснеженное поле, когда-то бывшее скоростным рядом; я превратился в спотыкающееся на каждом шагу, замерзшее

существо, внутри которого бился ужас. Внезапно сирена завывала снова.

Это обрадовало меня, это было очень кстати. Если те, кто сидит в кабине, нажимают на кнопку, значит, они не вышли на охоту за мной, и именно это мне было нужно. Я пытался вспомнить дорогу — ведь мне уже приходилось ездить здесь. Я решил, что сейчас должен выйти на возвышенный, открытый и изогнутый участок дороги, идущий над водохранилищем, затем дорога должна была свернуть в холмы, где располагалась заправка. Но в любом случае я не мог почти ничего рассмотреть — снегопад усилился. Даже в лучшие времена крупногабаритные грузовики попадали в аварии на этом участке, а сейчас время явно было не лучшее. Я решил, что нужно как следует смотреть под ноги. В хорошую погоду я смог бы разглядеть огни фабричного городка, расположенного внизу, в нескольких милях от дороги, но теперь вид застилала плотная снежная пелена. Я представил себе, что держу одно из этих пресс-папье с рождественскими сценами, из тех, что встряхивают, чтобы внутри взметнулся снег, но в моем сувенире была еще крошечная фигурка Дэвида, колотившего по стеклу и беззвучно звавшего на помощь. Я мысленно встряхнул шар еще раз, и внутренность его окрасилась в розовый цвет.

Глупо, я знаю — я не был виноват в их гибели, и, уж разумеется, не я толкнул Дэвида в объятия того, что ждало в кабине. Но, наверное, если увидишь, как кто-то умирает смертью, примерно схожей с тем, что бывает, когда попадаешь в турбину самолета, это не может хоть немного не воздействовать на воображение. Может быть, это объясняет кое-что из того, что произошло позже.

Но мне почему-то кажется, что дело тут было не в воображении.

Звук сирены у меня за спиной становился тише. Гудки были теперь более длинными, они походили на стоны пойманного в капкан животного, уставшего вырываться. Прекрасно, замечательно, думал я, просто сиди там и гуди, и в этот момент метель немного утихла и передо мной выросла темная фигура.

Это оказалась моя тень, я отбрасывал ее на снежную стену за обочиной, так что казалось, будто силуэт парит прямо в воздухе. Обернувшись, я заметил, что некто в кабине грузовика водит перед собой прожектором из тех, что вращаются на подставке. Этот прожектор светил прямо на меня; луч скользнул мимо, и я понял, что нахожусь слишком далеко, чтобы меня можно было заметить. И наверное, я был настолько облеплен снегом, что даже вблизи меня трудно было разглядеть.

Но облегчение это оказалось преждевременным — через несколько секунд прожектор наткнулся на линию моих следов, пересекавшую заснеженное поле. Яркий свет, падавший под небольшим углом, высветил его, не оставляя никаких сомнений. Прожектор перестал вращаться, и через мгновение сирена смолкла.

Воцарилась тишина, которая мне не понравилась, — она была полна неопределенной угрозы.

А затем дверь кабины открылась, и тот, кто там сидел, спрыгнул на снег.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Что угодно, только не это. Она была маленькой, тонкой. Легкое летнее платье было изорвано и покрыто пятнами, пряди грязных, пыльных волос свисали на лицо. Руки ее были обнажены, но она, казалось, не замечала холода и ветра. Она двинулась к тому месту, где мои следы сворачивали с обочины на проезжую часть, и я знал, что мне надо разворачиваться и бежать, но не мог сдвинуться с места. Она шла по снегу босиком, не оставляя следов; я увидел, как она наклонилась, перелезая через барьер, и прикоснулась к нему, словно перебиралась через ограду где-то за городом в конце весны.

Наконец я бросился бежать. Передо мной мелькнули смутные очертания одного из пластиковых конусов, уносимого ветром, и в следующий момент он ударил меня. Я упал на землю. Я попытался встать, но, казалось, мои нервные окончания были выдернуты из своих гнезд и перепутаны так, что сигналы от мозга не доходили к конечностям.

Она приближалась, и я слышал ее легкую поступь даже сквозь вой ветра.

Она подошла и встала надо мной. Кожа у нее была белой, как мрамор, сквозь нее просвечивали голубые жилки; лица ее я не видел, потому что прожектор светил ей в спину. Я мог разглядеть лишь остатки ее волос, развеваемые ветром вокруг безжалостной черной бездны, которая смотрела на меня.

— Луи, — прошептала она.

«Луи? — подумал я. — Какой еще, мать его, Луи? Послушайте, леди, я точно не Луи». Я открыл рот, чтобы сказать нечто подобное, но у меня вырвался лишь жалкий, едва слышный хрип. Ветер прекратился, стало тихо, а затем мне показалось, что глаза на ее раздавленном лице загорелись, словно факелы; она наклонилась ко мне, и я почувствовал их жар. Дыхание, от которого несло разложением, опалило мою онемевшую от холода кожу. Теперь я разглядел, что ее волосы были облеплены цементом, местами пряди вырваны. Кожа походила на кожу ошипанной куропатки, которая слишком долго провисела в подвале.

— Луи, — снова произнесла она, на этот раз с какой-то кошмарной нежностью, и взяла в свои мертвые руки мою онемевшую, как у мертвеца, голову.

Я с ужасом понял, что она собирается меня поцеловать. Передо мной разверзлась черная бездна, ревущая, словно самолет, летящий прямо в ад, и я хотел было закричать, но вместо этого лишь намочил штаны.

Она замерла в нескольких дюймах от моего лица и отпустила мою голову. Я решил — все, до нее дошло, что я не тот, кого она ищет.

Она подняла руку, я увидел ее пальцы и понял, каким образом ей удалось продырявить топливный бак. Я закрыл глаза, потому что понял, что это конец. Я не открывал их, ждал, ждал, ждал, и, прождав столько, что за это время можно было просмотреть «Конана-варвара», я рискнул разлепить один глаз и взглянуть вверх.

Она еще была близко, но не смотрела на меня.казалось, она к чему-то прислушивалась. Я, в свою очередь,

тоже прислушался, но не услышал ничего, кроме свиста проводов над головой.

А потом до меня донесся тонкий, одинокий вой автомобильного гудка.

— Луи? — сказала она. И начала подниматься.

Вот что я узнал об этом позднее. Луис Робсон работал менеджером в строительной компании и ездил на «мерседесе», а она была ученицей кассира в супермаркете. Как она умудрилась вбить себе в голову, что он бросит жену и сбежит с ней, — это одна из вечных загадок вроде той, почему старые машины ездят лучше после мойки и покраски. Должно быть, как-то раз он пообещал ей нечто подобное, и она прокручивала его слова в памяти снова и снова. Наконец однажды вечером он велел ей ждать его с упакованными чемоданами и готовым к отправке прощальным письмом. Она должна была встретиться с ним на стройке его компании неподалеку от нового шоссе; он сказал, что подъедет и просигналит о том, что все в порядке, автомобильным гудком. Но ей пришлось ждать этого сигнала очень долго — когда она пришла на стройку, он уже ждал ее там в темноте с гаечным ключом. Он бросил ее, еще живую, но без сознания, в опалубку для опоры моста, которую наутро должны были залить бетоном, отправил туда же ее дешевый чемодан и опустил приготовленное ею письмо в почтовый ящик, не догадываясь о том, что в нем упоминается его имя. Это произошло пять лет назад.

Не знаю, может быть, ее просто привлек сигнал, а может быть, в темной, кишасей червями яме, в которую превратилось ее сознание, осталось место для чего-то еще, кроме этой навязчивой идеи. Она неуклюже выпрямилась и, словно покинутый корабль, дрейфующий к далекому маяку, направилась туда, откуда раздавался сигнал сирены.

Когда она вышла на дорогу, ковш снегоочистителя ударил ее.

Она не отлетела прочь, а взорвалась, как будто давление внутри ее тела подскочило и высвободились газы, копившиеся там в течение пяти лет, пока разлагался ее труп.

Ее разорвало на кусочки, как глазное яблоко в вакууме, ковш и ветровое стекло снегоочистителя забрызгало чем-то липким, как смола, и вонючим, как нечистоты. Клочки гнилой кожи разлетелись в радиусе ста ярдов и дождем посыпались на снег с негромкими шлепками. Она была полностью уничтожена, останки ее невозможно было собрать так, чтобы получилось хоть что-то, отдаленно напоминающее человеческое тело. Машина остановилась, и я увидел вылезающих из нее людей в ярко-оранжевых жилетах, удивленных, не понимающих, что произошло, и я с трудом встал на колени и замахал руками над головой.

— С вами кто-нибудь есть? — спросили они меня, когда все мы оказались внутри, и мне дали термокружку с огненным кофе. — Здесь никого не было?

Я сказал им, что заметил какую-то птицу, врезавшуюся в ковш, и все произошло так быстро, что никто не смог придумать лучшего объяснения. Они назвали мне свои имена — те, что были написаны на кружках в хижине, которую они были вынуждены временно покинуть. Я сказал, что больше никого не видел. Тогда один из рабочих спросил меня, давно ли я иду по дороге, и я ответил, что целую вечность.

— Знаете, полиция вмешалась и закрыла дорогу до утра, — сказал рабочий. — Мы не собирались выезжать, но кто-то расслышал ваш сигнал, когда ветер на минуту перестал выть. Вы хоть понимаете, как вам повезло?

Я поднял голову от дымящегося кофе. Нас качнуло — огромные колеса с цепями начали превращать снег в грязь, мы разворачивались, направляясь на базу, и кто-то уперся рукой в переднее сиденье, чтобы не упасть. Когда прекратится снегопад, они найдут Мика и Дэвида, но я скажу, что в первый раз их вижу и ничего о них не знаю. Действительно, понимал ли я, как мне повезло?

— Нет, — ответил я. — Думаю, что нет.

Распад личности

Алекс Кироба родом из Лос-Анджелеса. Он дважды публиковал свои произведения в литературном журнале «West/Word», издаваемом на курсах писательского мастерства Калифорнийского университета. Недолгое время Кироба состоял в религиозной секте, руководители которой пытались убедить его, что в одной из предыдущих жизней он был Эдгаром Алланом По. Писатель утверждает, что на него оказали большое влияние произведения Камю, Достоевского, Оруэлла и Чарльза Буковски.

«Жизнь у меня до того скучная, — жалуется Кироба, — что меня развлекает даже чтение фамилий в телефонной книге»

В настоящее время он работает над своим первым романом

Алекс Кироба признается: «Я, конечно, не Клайв Баркер или Рэмси Кэмпбелл, но кое-что смыслю в хорроре». И это смелое заявление находит подтверждение в представленном ниже душераздирающем рассказе о распаде личности

Они в спальне Нэнси. Она забралась под одеяло в своей длинной фланелевой ночной рубашке, на крошечные ножки натянуты толстые шерстяные носки. Нэнси почесывается, словно кошка, устраиваясь поудобнее на ночлег. Макс только что проделал пятьдесят приседаний и стоит при тусклом свете ночника, стягивая с себя черные плавки, оставившие на теле красные полосы. Его вялый пенис и обвисшая, сморщенная мошонка слиплись, а кожа от холодного воздуха пошла пупырышками, и, укладываясь в постель рядом с Нэнси, он ощущает запах собственной мочи. Нэнси уже лежит на животе с закрытыми глазами, подобрав под себя руки. Через мгновение она открывает глаза, и ее серая с зеленым радужка воз-

буждает его — странно, какие мелочи могут возбудить человека, — но сегодня в ее пристальном взгляде читается что-то непривычное.

Он протягивает руку и большим пальцем надавливает на тугой клубок мышц возле правой лопатки: обычно это заставляет ее извиваться от боли и одновременно удовольствия, и она просит нажать посильнее. Им понадобилось несколько недель, чтобы приспособиться и освоить все потайные местечки на телах и в душах друг друга.

Сегодня она даже не шевелится, как будто он и вовсе ее не касался, потом стряхивает его руку и заявляет: отстань от меня. Он с тоской смотрит ей в глаза и думает: я это надолго запомню.

Сегодня уже два месяца, но они никуда не пошли вместе. Когда ты рядом, мне так уютно, что не надо никаких приключений. Она закрывает глаза. В этом месяце мне исполнится тридцать восемь лет, и мне уже не хочется повсюду таскаться и развлекаться. Мне хочется выйти замуж и родить ребенка, и я не намерена играть с тобой во все эти игры, потому что ты не тот мужчина, каким я хотела бы тебя видеть.

Он вглядывается в улыбчивые морщинки на ее не улыбчивом лице, закрывает глаза и чувствует, что она наблюдает за ним. Надо бы и ему что-то сказать, но в голову ничего не приходит. Он вздыхает, встает и начинает одеваться, и кожа вновь покрывается пупырышками, но он не чувствует холода. С твоей стороны глупо так поступать, ведь я еще не отремонтировал твою квартиру, говорит он, натягивая свитер. Это он так шутит: в следующие выходные он собирался покрасить стены в ее квартире.

Зашнуровав кроссовки и чувствуя спиной взгляд Нэнси, он направляется в кухню выпить стакан воды, потому что во рту внезапно пересохло. При резком свете лампочки без абажура, едва поднеся ко рту стакан с водой, Макс опирается на раковину, потому что вдруг ощущает, как в груди что-то обрывается. Тело тянет вниз, глаза слепит отблеск лампы на мойке, и он цепляется свободной рукой

за сушилку с посудой, помытой сегодня вечером перед приходом Нэнси. Пальцы нащупывают шершавую ручку ножа, и это грубое ощущение как-то успокаивает. Он подносит нож к лицу, словно собирается поцеловать, и холодный блеск стального лезвия приводит его в себя, а стакан выскальзывает из руки и разбивается в раковине. За его спиной появляется Нэнси. Макс, с тобой все в порядке? Можешь переночевать на диване, если ты не... Он молниеносно разворачивается, и холодная сталь в его руке мелькает в воздухе. Вначале он видит, как ее серо-зеленые глаза округляются, словно два рта одновременно восклицают: о! Потом у нее под подбородком раскрывается в нелепой ухмылке еще один рот, и грудь, обтянутая фланелью, покрывается блестящей малиновой жидкостью. Ее руки, словно птицы, взмывают к этому новому рту, словно прикрывая нелепую улыбку, она поворачивается и, шатаясь, идет к двери, издавая странные, булькающие звуки, а он, все еще с ножом в руках, идет за ней и говорит, что все в порядке и что ей не стоит стесняться, потому что он ее любит.

Макс, медленно моргая, завязывает шнурки на кроссовках, все время ощущая на себе взгляд Нэнси. Он идет в гостиную, где на спинке дивана висит его куртка, а за ним идет Нэнси. Макс, тебе необязательно уходить сразу, если ты хочешь обсудить все это. Нет уж, слышит он странный, как будто чужой голос и, выйдя из двери, словно во сне, шагает по улице, пока не подходит к своей припаркованной машине. Он забирается внутрь и усаживается, соображая, что же ему теперь делать. Он пытается понять, что произошло, но его отвлекают ночная жизнь на улице, шум проезжающих мимо машин и голоса прохожих, звучащие так невнятно сквозь металл и стекло его машины, что он не может сообразить, на самом ли деле они существуют или в его воображении. Свет, тень и звук представляют собой фрагменты головоломки и никак не складываются в целое. Время идет — там снаружи, — но в его крошечной машине оно остановилось, и он воображает, что может сидеть здесь годами, не испытывая голода или потребности пописать.

Макс знает, что сейчас холодно, но он не ощущает холода. Когда я почувствую, что стало холодно, говорит он, обращаясь к темной, тихой машине, я включу мотор и поеду домой. Немного погодя, однако, холод начинает донимать его, скорчившегося во тьме, едва ли не физически ощутимый и в то же время недостижимый, как радуга, но все, что при этом ощущает Макс, похоже на соющую пустоту в груди. Он склоняется вперед, упираясь лбом в рулевое колесо, но это не помогает.

Макс заводит машину и выезжает на автостраду, направляясь на запад, и понимает, что машина едет как бы сама по себе. Его это нисколько не удивляет, но он задумывается, откуда она знает, в каком направлении ехать и как соблюдать правила движения. Ну разумеется — вот его слева обогнал «BMW», — все дело в огнях! Перед ним мелькает длинный ряд красных огоньков, маня за собой, а в зеркале отражаются яркие огни передних фар. На несколько мгновений он закрывает глаза в порядке эксперимента, потом открывает снова и — да, огни не дают ему сбиться с курса. Он расслабляется, включает радио, и зеленые цифры на экране поют для него — «С тобой как в раю»¹, — пока он мчитесь сквозь ночь. Кончается песня, и диджей бормочет что-то свое, а Макс все поражается тому, как управляют машиной огни. Он стискивает руль крепче, чтобы ощутить сопротивление, потом ослабляет хватку, как будто убаюканный слаженным пением шин и дорожного покрытия, а затем делает резкий рывок влево. Машина перескакивает через две колеи, врывается в бетонный разделительный барьер и со скрежетом заваливается вверх колесами на встречную полосу. Еще не смолкло эхо от этого скрежета, а Макс уже видит сквозь треснутое лобовое стекло, как увеличиваются в размерах огни от передних фар, слышит визг тормозов, крики людей, и мощный удар разворачивает его машину на бок. Макс тоже лежит на боку, разбитый вдребезги так, что его удерживают лишь одежда и боль. Вспышка, жар, и он, с усилием повернув

¹ Строка из песни Стиви Уандера «Love Light In Flight»

голову, успевает увидеть, как язык пламени жадно тянется к нему, лижет одежду и лицо, и ощутить запах собственной плоти, когда она горит, трескается и лопается, и тогда только понимает, что эта боль посильнее боли в груди от пустоты, и тогда он кричит.

Макс встряхивается и видит «тойоту», припаркованную впереди. Он включает зажигание и выезжает на автостраду, где берет направление на запад, следуя за красными огоньками задних фар других машин, пока не подъезжает к своему повороту, и вскоре уже оказывается в собственной захлавленной квартире, с недоумением оглядываясь, словно очутился в незнакомом месте. Он бредет в темную спальню и, не зажигая света, тяжело опускается на постель, с трудом скинув кроссовки, прежде чем улечься на бок. Он чувствует слезы на глазах, но плакать, собственно, не о чем, и тогда он просто бессмысленно вглядывается в узкую полосу света из гостиной, пока не отключается полностью.

На следующее утро он просыпается рано, когда серый рассвет едва проникает сквозь жалюзи. Незачем вставать и суетиться, как обычно по будням, поэтому он просто лежит, наблюдая, как серый свет постепенно превращается в розовый, а потом в бледно-желтый, затем он встает и сообщает на работу, что заболел.

Той ночью Макс паркуется в квартале Венеция, под уличным фонарем, отбрасывающим чудной потусторонний свет, от которого тени сгущаются и приобретают зловещий вид. Он проходит по темной улице, заворачивает за угол и направляется в кинотеатр порнофильмов, каждой своей порой источая пары алкоголя, поскольку накачивался с самого утра крепким бургундским. Максу взбрело в голову, что стоит учинить побольше всякого непотребства, рано или поздно жизнь обретет смысл и цельность, а дыра в груди заполнится сама собой.

Макс сует в окно пятерку, получает назад два четвертака (так на так выходит, осеняет его безумная мысль, и он улыбается), толкает дверь и входит в кинотеатр. Это небольшое помещение, примерно на сто мест в десять ря-

дов, с высоким потолком, пропитанное запахом сигаретного дыма и мужского любовного пота. Экран размером напоминает те, что размещаются над дверями школы, а на бледном экране мужчина с женщиной трахаются. По обеим сторонам экрана висят стереодинамики, из которых разносятся прерывистые стоны женщины почти синхронно с ритмическими движениями на экране, и музыка в стиле диско сопровождает проталкивание члена во влагалище. Макс нервно озирается, когда бледные в свете экрана лица зрителей оборачиваются к нему, как поворачивают головы кошки на звук открываемой жестянки с кормом. Высокое сексуальное напряжение ощущается как заряд электричества, густо пахнет дымом и потом, а из дальнего угла доносится ритмичное поскрипывание стула, явно недостаточно смазанного. Макс сидит посередине пустого ряда и за спиной слышит шепоты и вздохи гадюк, скрывающихся в стигийской тьме вокруг него, а подняв глаза на экран, видит, как Нэнси совокупляется с племенным жеребцом. Краем глаза он замечает, как с соседнего ряда поднимается привидение, обходит стулья и садится рядом с ним. Чужая рука грубо и торопливо лезет к нему в промежность пальцами, похожими на бледных червей, и, пока Макс, оторопев, смотрит на это, расстегивает ему молнию и сует руку внутрь, стискивая его бледного червя. Макс переводит взгляд к экрану, пытаясь вообразить, будто там Нэнси, чтобы обвинить ее в том, что происходит, но обнаруживает там какую-то блондинку, которая, выгнувшись и широко раздвинув ноги, демонстрирует свою дыру. Макс в замешательстве поворачивается к соседу и видит чудовищно искаженное мелькающими тенями лицо, подумав, что, пожалуй, и сам он выглядит не менее гротескно. Мужчина убирает руку, подмигивает ему со значением, поднимается и выходит в дверь под экраном, скрытую занавеской. Макс застегивает ширинку и тоже встает. Он неуклюже пробирается по проходу между рядами туда, где, как ему кажется, находится выход, но потом решает, что нет смысла противиться происходящему, будь, что будет, и тоже проходит за

занавеску под экраном. Он оказывается в тесном помещении, освещенном только торговыми автоматами с кока-колой и конфетами, а перед одним из автоматов стоит электрический фонтанчик с водой, и возле него ждет мужчина с пальцами-червями. В дальнем углу находится туалет, и Макс решает, что именно туда они и направляются. Он открывает дверь туалета и в огненно-красном свете видит там двух мужчин, один из которых стоит на коленях и сосет член другого. При виде такого коленопреклонения Макс захлопывает двери, смущенный тем, что парень у поилки наблюдает за ним. Макс подходит к поилке и наклоняется, чтобы напиться, вообразив во рту прохладные струйки воды. Парень быстро подходит сзади, обхватывает его руками, молниеносно расстегнув и стянув с него джинсы вместе с трусами, пока Макс упирается рукой в край поилки и нажимает кнопку, и не успевает Макс напиться, как его партнер уже одной рукой грубо растягивает ему ягодицы, а другой втискивает в задний проход свой огромный член. Член не входит, тогда Макс слышит звук плевок — и дело пошло на лад. Пока парень долбит его в задницу, Макс озирается и видит симпатичного молодого человека, который наблюдает за ними, расстегнув ширинку и одной рукой стискивая собственный член, а другой держа у носа какую-то склянку. Нет, думает Макс, на самом деле меня здесь нет.

Макс сует деньги в окошко, получает сдачу и входит в кинотеатр, где пробирается на свободное место подальше от всех. Он проваливается в пьяный сон, а проснувшись, обнаруживает у себя на бедре чью-то руку. Он сбрасывает руку, словно дохлую рыбу, и уходит из кинотеатра.

Вернувшись домой, он с облегчением устраивается на полу, укладываясь с пьяной осторожностью и уставившись в потолок. Мохнатый длинноногий паук спускается по стене, Макс наблюдает за ним, но не испытывает ни малейшего желания прихлопнуть его, как обычно. Благодаря боли или упадку сил он научился испытывать страдание — живи и жить давай другим, — во всяком случае, это потребовало бы слишком многих усилий. Звонит

телефон, но ему не хочется отвечать, хотя потом его внезапно осеняет. Он объясняет пауку, что, может быть, кому-то плохо и надо с кем-нибудь поговорить. Он заставляет себя подняться, бормоча, я ведь не эгоист какой-нибудь. Макс? О, вот это сюрприз, Нэнси, какого черта ты звонишь? Макс, с тобой все в порядке? У тебя какой-то странный голос. Это потому, что я сам странный — ну да ладно, ты по делу звонишь или в приступе человеколюбия? Он смотрит на паука, подмигивает ему и садится на диван. Макс, не надо так. Она прерывисто вздыхает, а Макс молчит. Я не передумала, Макс, но вчера, уходя, ты выглядел как-то странно, и я за тебя беспокоюсь. Вот уже второй раз за полминуты ты называешь меня странным — это уже существенно. Он снимает кроссовки. Не надо так, Макс, — я правда за тебя беспокоюсь, и мы можем остаться друзьями. Мы можем остаться друзьями, повторяет он, словно эхо, и стягивает носок, вытаскивая зацепившуюся за ноготь шерстинку. Ты этого хочешь, Нэнси? Молчание затягивается. Нет, я не этого хочу — мне тебя не хватает, даже после всего, что ты натворил. Он перестает разглядывать пальцы на ногах. И я тебя правда люблю, но этого мало, потому что существует еще кое-что помимо любви. Например? Ну такие важные вещи, как доход и честолюбие. Я и делал важные вещи: вспомни, как ты приходила домой смертельно уставшая, а я тебя утешал, и ты рассказывала мне то, чем нельзя поделиться больше ни с кем на свете? Макс... И я честолюбив: разве я не стремлюсь к тебе — и разве может быть большее честолюбие, чем желание заполучить тебя? Снова пауза. Вообще я могу стать другим, правда. Ну, не знаю, Макс. В ее голосе что-то изменилось, и Макс подался вперед. Просто скажи, что хочешь попытаться, потому что, если мы попытаемся оба, может, что-нибудь и получится, но, ради бога, не ставь на нас крест. Она тяжело дышит, кажется, даже плачет и бормочет что-то, но он не понимает что. Что ты говоришь? Это все кровь — трудно говорить, когда столько крови. Он молчит. Ладно, мы попытаемся, — она всхлипывает, — но не надо ничего обещать.

Вернувшись из кинотеатра, он ложится прямо на пол и наблюдает за тем, как над ним медленно вращается потолок, и с надеждой смотрит на телефон, воображая, как резкий звонок вот-вот нарушит тишину. Он закрывает глаза и, может быть, засыпает ненадолго, потом открывает глаза, встает и плетется в крошечную кухню, где крошечные тараканы бросаются в укрытие, когда загорается свет. Покрытый известковым налетом водопроводный кран протекает, и капли падают в раковину, забитую грязной посудой. Под раковиной стоят емкости со всякими чудодейственными чистящими средствами, и он берет одну из бутылок — вот хорошо было бы очистить жизнь, словно засорившийся слив, — читает предостерегающую красную надпись на этикетке и, неохотно поставив бутылку назад, возвращается в гостиную, падает на диван и вопросительно смотрит на телефон.

— Пять минут, — говорит он вслух, — я даю тебе пять минут.

Он не соображает, что кто-то стучит в дверь, пока не слышит собственное имя. Максвелл Гриффин! Полиция Лос-Анджелеса. Пожалуйста, откройте дверь!

Он было поднимается, чтобы открыть, но потом рассуждает, если не ответить, то они, пожалуй, уйдут — он ведь ждет звонка от Нэнси через пять минут, — и вновь опускается на диван.

Максвелл Гриффин!

Макс смотрит на телефон и ждет, но телефон не звонит.

Пой, это поможет

Писательская карьера Рэмси Кэмпбелла длится около пятидесяти лет (он продал свой первый рассказ Августу Дерлету в шестнадцать), так что его с полным правом считают «лучшим из ныне живущих представителей британской вейрд-фикшн»

Обладатель Всемирной премии фэнтези и Британской премии фэнтези, Кэмпбелл написал множество рассказов и романов, среди которых можно отметить роман «Полуночное солнце» («Midnight Sun») и повесть «Бедствующие призраки» («Needing Ghosts»), которую автор назвал самой странной из своих работ. Произведения Кэмпбелла публиковались в журнале «Weird Tales»

Несмотря на то, что рассказ «Пой, это поможет» впервые появился в антологии «Книга мертвых» («Book of the Dead»), эта исполненная черного юмора история кардинально отличается от сюжетов фильмов Джорджа Ромеро

Все, должно быть, разъехались в отпуска. Что ж, если они, в отличие от него, могут себе это позволить, Брайт за них весьма рад. Сейчас, днем, были хорошо видны почти все квартиры в высотке напротив, но никаких признаков жизни на первых двух этажах не наблюдалось. Возможно, жильцы поголовно распевают псалмы, в последнее время несущиеся отовсюду. Приведя себя в приличный вид и удостоверившись в этом перед зеркалом, Брайт двинулся к лестнице.

Лифты не работали. Из грязного окошка на исписанной непристойностями железной двери застывшей между этажами кабинки на Брайта уставился некто — наверное, мастер-ремонтник. Размытое его лицо так напугало Брайта, что он был просто счастлив, увидев на третьем этаже людей. Откуда они явились, не из здания ли по другую

сторону улицы, где не горел свет прошлой ночью? Женщина, к которой они пришли в гости, явно проигрывала им соревнование по ширине улыбки. Секунда — и хозяйка нехотя отступила вглубь квартиры, а Брайт услышал звяканье снимаемой накидной цепочки.

Библиотека располагалась в цокольном этаже его дома, но для начала он побрел мимо запертых и опломбированных магазинчиков к центру занятости. Судя по объявлениям, печатник никому не требовался, а обучение новым специальностям предлагалось лишь людям моложе тридцати. Они нуждались в работе больше, чем он, даже если и не имели семью, которую надо обеспечивать. Пришлось снова повернуть к библиотеке, насвистывая по пути военный марш.

Юные искатели заработка уже закончили просматривать газеты. Брайт начал с «желтой» прессы, оставив серьезные издания на потом, хотя даже в них намекалось на то, что подлунный мир так и кишит болезнями, преступлениями, распушенностью и войнами. Хорошие новости — это не новости, говорил он сам себе, но последняя девушка, за которой он ухаживал, прежде чем совсем закоснеть в холостяцких привычках, находилась где-то там, и для нее мир просто обязан был быть лучше. И все же неудивительно, что большинство читателей приходят в библиотеку за фантастикой, а не за новостями. Он предположил, что улыбающаяся пара, заполняющая вложенные в книги формуляры, возьмет их на дом, хотя мельком увиденные Брайтом названия не показались ему соблазнительными. Потом он довольно долго наблюдал, как пара удаляется, пока дым далекого костра не скрыл их из виду.

Библиотека заканчивала работать в девять. Обычно к этому часу Брайт давно уже сидел дома, слушая радио, или записи Элгара и Веры Линн, или так любимые его отцом пластинки с танцевальной музыкой, но нынешний день отчего-то не располагал к одиночеству. Он читал об эволюции, пока библиотекарь не начал демонстративно громко кашлять и с грохотом передвигать книги на полках.

Возможно, Брайт слишком припозднился. Торопливо оглядев здание, он подумал, что окрестности никогда еще

не казались такими безжизненными. Одинаковые серые ряды домов, множась, тянулись до самого горизонта под закопченным небом; среди бездыханного сора на скучном бетоне дорожки валялось несколько растоптанных книг. Где-то вроде бы слышался крик, хотя, возможно, так начинался церковный гимн, мелодия которого тут же стала единственным парящим в пространстве звуком, откуда бы она ни неслась.

Лифты по-прежнему стояли; обе выходящие в вестибюль размалеванные створки были распахнуты, выставляя напоказ хитросплетение толстых, облепленных тьмой и ржавчиной кабелей. Уже на втором этаже задыхающийся, хватающийся за немногочисленные еще не выдернутые из ступеней штыри перил Брайт замедлил шаг. Несколько теплящихся пока лампочек были так густо забрызганы краской из баллончика, что напоминали тлеющие угли угасающего костра. Шайки теней прижимались к стенам, словно ожидая подходящий момент для нападения. Приглушенные напевы гимнов заставляли еще сильнее чувствовать одиночество. Должно быть, они исполнялись по телевизору, так как слышны были из многих квартир.

На пятом этаже зиял пустотой лифтовый проем. Провода в шахте шевелились — если, конечно, подъем не помутил зрение Брайта. С трудом добрался он до своей площадки — там двери лифта тоже были открыты. Едва головокружение прекратилось, Брайт рискнул ступить на край неосвященной шахты. Никакого движения, и на кабелях ничего — кроме днища замершего на верхнем этаже лифта. Мужчина повернулся к своей квартире. Его поджидали двое.

Очевидно, они только что позвонили и теперь глядели на дверь, заторможенно потирая руки. На них были черные футболки, просторные комбинезоны и сандалии на босу ногу.

— Чем могу быть полезен? — поинтересовался Брайт.

Они обернулись одновременно, выставив руки так, словно нарочно демонстрируя, какими серыми выглядят их ладони при свете испачканной лампы. Худощавые вежливые лица уже улыбались.

— Спроси лучше, чем мы можем быть полезны тебе, — произнес один.

Брайт так и не понял, кто именно заговорил, поскольку обе улыбки даже не дрогнули. Кстати, эти двое могли быть и женщинами, несмотря на коротко подстриженные волосы.

— Можете отойти от моей двери и пропустить меня, — сказал Брайт.

Они смотрели на него так, будто ничто из того, что он мог бы сказать, не заставило бы их прекратить улыбаться — глазами большими и круглыми, точно засунутые под веки старые монеты. Когда Брайт вытащил ключ и шагнул вперед, они отступили, но ненадолго. Едва ключ скользнул в замок, Брайт ощутил, что пара приблизилась, хотя и не слышал ни шороха. Он толкнул дверь, открыв ее ровно настолько, чтобы протиснуться самому. Гости двинулись следом.

— Эй, эй! — Он резко развернулся в тесной прихожей и ухватился за створку. Слишком поздно. Посетители проникли в квартиру, громыхнув дверью о стену. Они казались еще более безликими, чем раньше. — Какого дьявола вы творите! — рявкнул Брайт.

Улыбки на миг ожили, словно прищельцы уже не раз слышали подобное.

— К дьяволу мы отношения не имеем, — сообщили высокие голоса, один чуть громче другого.

— И, надеюсь, ты тоже, — добавил один, в то время как его спутник лишь задвигал губами.

Похоже, они не договорились, кто станет говорить, а кто закроет дверь. Тот, кто стоял ближе к петлям, двинул створку локтем, захлопнув ее и едва не прищемив своего спутника, который, неуклюже ввалившись в проем, притиснул товарища к дверям. А они забавные, подумал Брайт, так и быть, пусть поболтают. К тому же выглядят визитеры достаточно безобидно, по крайней мере до тех пор, пока они ничего не разбили.

— Много времени я вам уделить не могу, — предупредил он.

Они попытались протиснуться в гостиную одновременно. Затем в проем тяжело шагнул один, за ним, качнувшись, вошел другой, и они принялись разглядывать комнату. Возможно, пустота их глаз означала, что пришельцы сочли обстановку бедноватой: диван, заваленный мятой одеждой Брайта, моментальные снимки, сделанные им во Франции, Германии и Греции, фотопортрет его последней девушки, который она подарила ему, в отдельной рамке — копия газетной статьи, набранной им незадолго до сокращения, о том, какой будет жизнь через сто лет, когда продвинутые технологии позволят людям лучше контролировать собственную жизнь. Неодобрение гостей было обидным, но гораздо больше хозяина смутило то, как парочка выглядит при свете его люстры: серые с головы до пят, словно с них давно пора смести пыль.

— Кто вы? — требовательно спросил он. — Кто вы и откуда?

— Это не имеет значения.

— ...чения, — согласился второй, и они закончили почти хором: — Мы лишь сосуды Слова.

— Тогда выкладывайте, — буркнул Брайт, не присаживаясь, чтобы и им не пришлось в голову оккупировать стулья: бог знает, сколько они тогда проторчат здесь. — У меня еще куча дел, а время позднее.

Они повернулись к нему — всем телом, словно не умея иначе. И голос заговорившего, слетевший с застывших в улыбке губ, прозвучал еще напряженнее, чем прежде.

— Что ты называешь своей жизнью?

Разве у них есть причина чувствовать превосходство над ним? Серость, накрепко въевшаяся в их плоть, намекала отнюдь не на тяжкий труд, а скорее на абсолютное бездействие, да и в маленькой комнате пахло затхлостью.

— Я веду честную жизнь и не сетую на то, что пришлось уступить дорогу тем, кто умеет работать на новых машинах. Жить мне еще долго, и времени, чтобы все наладить, достаточно.

Пришельцы смотрели так, будто хотели заразить его своим безразличием, чтобы в этом безразличии он принял то, что они предлагают. Вид их растянутых улыбками лиц завораживал, так что потерявший чувство времени Брайт аж подскочил, когда один из гостей заговорил:

— Жизнь твоя пуста, пока ты не выпустил его.

— А что, вас двоих недостаточно? Кого еще требуется выпустить на сей раз?

Фигура слева сунула в карман комбинезона подрагивающую руку. На грубой ткани ниже пояса выпятился плоский прямоугольник, и на свет появилась видеокассета с фотографией какого-то священника на обложке.

— Мне не на чем ее посмотреть, — заявил Брайт.

Гости принялись медленно вращаться, озирая комнату. Впрочем, описавшие полный круг улыбки остались неизменными. Парочка, должно быть, заметила, что его радио является также и магнитофоном, поскольку теперь тот, кто стоял по правую руку, протягивал хозяину уже аудиокассету.

— Послушай, пока не поздно, — провозгласили они в унисон.

— Как только выпадет минутка. — Брайт пообещал бы еще и не то, только бы избавиться от этих окостеневших улыбок и тошнотворной сладковатой вони.

Он открыл дверь в прихожую и отпрянул, пропуская спотыкающуюся парочку. Задержав дыхание, он подождал, пока незваные гости прошаркают к выходу, нащупают проем и перешагнут порог, и облегченно вздохнул, только когда дверь за ними захлопнулась.

Похоже, дезодоранты претили их вере. Брайт распахнул окно и высунулся в ночь за глотком свежего воздуха. Большая часть окон дома напротив оставалась темна, точно просочившаяся сквозь стены чернота затопила этажи. В это время можно было ожидать и побольше огней. Зато звучал не один приглушенный псалом — или, возможно, один, только разные его части. Интересно, где он мог видеть физиономию проповедника с кассеты?

Когда дым костра принялся царапать горло, Брайт закрыл окно, поставил гладильную доску и включил утюг.

Он провозился с бельем около получаса, но так и не вспомнил, где читал об этом священнике. Ладно, пусть он сам напомнит о себе. Прихватив радио, Брайт уселся в кресло у окна.

Доставая кассету из пластмассовой коробочки, он поморщился, нечаянно уколотившись острым углом. Пришлось пососать большой палец и, прикусив зубами, вытащить застрявшую под кожей пластиковую занозу. После этого Брайт сунул кассету в магнитофон и нажал «пуск», стараясь не обращать внимания на боль. Послышалось шипение, щелчок микрофона, и потом — голос. «Я отец Лазарь. Я открываю вам истину».

Голос лился легко, словно вещал профессиональный диск-жокей, и казался совершенно бесполом. Нет, он явно где-то слышал это имя — ладно, палец саднит уже меньше, авось само вспомнится.

— Если истина известна тебе, — продолжил голос, — разве не захотел бы ты помочь ближнему своему, поведав ему ее?

— Как знать, — буркнул Брайт, виня голос за царапину.

— И если ты только что сказал «нет», разве не значит это, что ты не знаешь правды?

— Хо-хо, очень умно, — фыркнул Брайт. Отсутствие боли стало неожиданно умиротворяющим: казалось, покой, в котором он так нуждался, пришел лишь для того, чтобы не мешать голосу проповедника достигать слуха. — Ладно, выкладывай, — пробормотал он.

— Христос — вот истина. Он был словом, кое невозможно опровергнуть, хотя его и заставили претерпеть все муки. Почему обошлись с ним так, если не боялись правды? Он был истиной во плоти, он был рожден не во грехе сладострастия, и сам никогда не предавался похоти, и нам остается лишь стать сосудами истины, дабы призвать его вернуться, пока еще не поздно.

Пока еще не поздно вспомнить, где же он все-таки видел этого священника, подумал Брайт, если, конечно, он не начнет клевать носом — вон, уже все тело оцепенело.

— Оглянись вокруг, — говорил меж тем голос, — и увидишь, что скоро станет слишком поздно. Оглянись — и увидишь мир продажный, мир развратный, мир равнодушный, мир, близящийся к концу.

Занятое предложение. Если оглянуться и обвести взглядом окрестности, увидишь замусоренные тротуары, по которым ночью никто не ходит, кроме наркоманов, грабителей и пьяных. Но где-то дела обстоят лучше, сказал себе Брайт, с трудом повернув затекшую шею и посмотрев на фотографию в рамке.

— Хочешь ли ты, чтобы мир постиг такой конец? — воскликнул проповедник. — Разве не правда то, что ты желал бы изменить что-то, но чувствуешь себя беспомощным? Поверь мне, ты можешь. Христос говорит — ты можешь! Он страдал ради истины, но мы предлагаем тебе избавление от боли и начало вечной жизни. Возрождение тела уже началось.

Только не моего тела, вяло подумал Брайт. Поцарапанная рука казалась тяжелой, как все туловище. Так что когда он вспомнил, что не выдернул вилку утюга из розетки, это не показалось уважительной причиной для того, чтобы хотя бы пошевелиться.

— В грядущем мире да не будем мы ни мужчинами, ни женщинами, — произнес нараспев голос. — Плоть освободится от похоти, заслоняющей от нас истину.

Ну конечно, во всем виноват секс, мысленно хмыкнул Брайт, и в этот миг он вспомнил. «ЕВАНГЕЛИСТ — ВДОВЕЦ КОЛДУНЬИ ВУДУ» — гласил несколько месяцев назад заголовок таблоида. Священник отправился на Гаити, чтобы «обратить и спасти» народ своей жены, а она взяла и вернулась к своей старой вере, отказавшись отправиться домой с мужем. Разве газета не писала, что священник поклялся победить врагов их же методами? Да-да, он определенно заявил, что отныне нарекает себя Лазарем. Голос вроде бы стал громче, он гремел так, что динамик, должно быть, вибрировал.

— Слово Божье да заполнит твою пустоту. Ты двинешься вперед, дабы спасти ближних своих, и будешь

вознагражден в Судный день. Человек создан, чтобы славить Господа, и так и было, пока женщина не соблазнила его в райском саду. Когда наш хвалебный хор донесется до небес, Спаситель вернется.

Брайт чувствовал себя опустошенным, потерявшимся. Если поддаться голосу, силы наверняка вернутся, так не доказывает ли это, что проповедник глаголет истину? Но, похоже, голос собирается вытеснить всю его жизнь и угнездиться на ее месте. Брайт смотрел на фотографию, вспоминая прощание на автобусной станции, последний поцелуй и касание ее ладони, свет фар, превративший почки на придорожных деревьях в изумруд праздничного фейерверка, когда автобус исчезал за перевалом, — и тут понял, что голос священника умолк.

Он уже решил, что перехитрил пленку, когда хор грянул псалом, преследовавший его весь день. Пустота внутри побуждала присоединиться, но нет, он не станет, пока силы окончательно не покинут его. Брайту удалось всосать нижнюю губу, прикусить ее и жевать, хотя боль совершенно не ощущалась. «Вдо-вещ-ву-ду, — тянул он про себя, перебивая гнетущее повторение церковного гимна. — Вдо-вещ-ву-ду». Он пытался держать псалом на расстоянии, хотя песнопение звучало оглушительно и прямо в мозгу, когда слышал посторонний звук. Открылась входная дверь.

Он не мог пошевелиться, не мог даже окликнуть вошедшего. Онемение, источником которого стал большой палец, разлилось по телу, приковав Брайта к креслу. Он слышал стук захлопнутой двери, слышал, как молчаливые пришельцы натываются на что-то в прихожей. На дюйм приоткрылась дверь в комнату, потом широко распахнулась — и в гостиную ввалились двое в комбинезонах.

Брайт понял, кто это, едва услышал скрип двери. Гимн на кассете, видимо, служил сигналом, сообщающим, что с жертвой покончено — что Брайт стал таким же, как они. В прошлый раз они испортили замок, вяло догадался он. Брайт казался неспособным чувствовать или реагировать, даже когда тот, кто был крупнее, склонился над

ним, оттянув ему веко, — вероятно, чтобы убедиться, что глаза новообращенного пусты, и Брайт увидел вблизи растрескавшиеся уголки серых растянутых губ. На миг Брайт решил, что глаза гостя сейчас вывалятся из иссохших глазниц прямо на него, но позыва уклониться не возникло. Возможно, он узнавал в пришельце будущего себя — но разве хотя бы это не означало, что ему еще не конец?

Серая фигура завершила осмотр и сделала звук погромче. Наверное, слова должны были заполнить его голову, но Брайт по-прежнему мог выбирать, о чем думать. Он не настолько опустел, он привнес в мир свою частицу добра, он отступил, дав шанс кому-то другому. То, что привез святоша с Гаити, — чем бы это ни было, — умертвило тело Брайта, но не вполне справилось с его разумом. Неотрывно глядя на фотографию, он думал о том дне, когда они с ней отправились в горы. Брайт желал бы полностью отдаться эмоциям, но тут из кухни появился второй чужак, неся самый острый из имевшихся в хозяйстве ножей.

Они не заставят Брайта страдать — уверяла пленка. На пришельцах ведь не видно ран. Или увечья скрыты одеждой? «В грядущем мире да не будем мы ни мужчинами, ни женщинами». Наконец-то Брайт догадался, отчего гости казались бесполоыми. Он попытался отпрянуть, когда тот, кто регулировал громкость, взял утюг.

Чужак не сразу нашел ручку и сперва ухватился за раскаленную подошву. Брайт увидел, как пергаментная кожа на пальцах сворачивается, точно обуглившаяся бумага, но пришелец как будто ничего не заметил. Перехватив утюг половчее свободной рукой, он ждал, когда его спутник, тяжело шагая, подойдет к Брайту. Лезвие ножа сверкало.

— Пой, это поможет, — произнес тип с ножом.

И хотя Брайт никогда не был особенно религиозен, никто еще не молился истовее, чем он в эту секунду. Он молил Всевышнего о том, чтобы, когда первый из зомби доберется до него, он чувствовал так же мало, как и они.

Замкнутый круг

Лоуренс Стейг на протяжении долгого времени жил и работал в Саффолке, Великобритания. В прошлом администратор театра, Стейг был завсегдатаем паба «Звезда» («The Star») в Лидгейте. Критики называли его «Стивеном Кингом подростковой литературы». Стейг начал писать книги для юношества в 1980-е годы. Из-под его пера вышли романы «Сеть» («The Network»), «Цифровые вампиры» («Digital Vampires»), «Мелькание» («The Glimpses»), «Компаньон» («The Companion») и «Ночной побег» («The Night Run»), а также сборники весьма оригинальных рассказов «Переплетенные круги» («Twisted Circuits»), «Электрические герои» («Electric Heroes») и «Зловещие игрушки и потребительские товары» («Dark Toys and Consumer Goods»).

В последнее время писатель работает над произведениями для взрослых. В течение нескольких лет он сотрудничал с Американским Фестивалем Сполето (Spoleto Festival USA) в Южной Каролине.

Хотя «Замкнутый круг» впервые появился в сборнике рассказов для подростков, этот неподражаемый техно-хоррор не оставит равнодушными даже самых пресыщенных поклонников жанра.

Их мать всегда боялась многоэтажных автостоянок.

У нее не было для этого никакой определенной причины, никакого внятного объяснения. Она просто боялась, и все.

Может быть, они напоминали ей лабиринт? Возможно. Но теперь для нее настало время научиться любить их.

Семья Андерсон получила одно из оставшихся свободных мест в Городе. Теперь их домом должен был стать «Хэппи Стерлинг». За много лет ее муж наконец сумел

накопить достаточно Правительственных Кредитов для того, чтобы претендовать на рабочее место в Корпорации по Развитию. Желая ускорить дело, она отказалась от права на Рабочие Кредиты. Министерство Размещения помогло им с разнообразными выплатами.

И вот наконец они были здесь, где все находилось под рукой и не нужно было волноваться по поводу разрушительных меньшинств, вроде Бунтовщиков и Воинственных, которые портили жизнь остальным. Жизнь здесь представлялась настоящей сказкой.

Ей придется привыкнуть к посещениям автостоянки. Других магазинов здесь не было, и машина являлась самым безопасным средством передвижения. В торговом центре «Комфортабельный Шопинг» под одной крышей якобы можно было найти все что угодно.

Погода действовала на нервы. Небо нависло над ними, словно грязное серое одеяло, угрожая с минуты на минуту шлепнуться на землю. В последнее время в воздухе скопились Выбросы Великой Катастрофы, по крайней мере, так сказал охранник на автостраде. Дождь должен был вот-вот начаться, и это могло послужить оправданием для того, чтобы спрятаться под крышей.

Миссис Андерсон сделала глубокий вдох и повернула к пандусу, который вел от Жилой Зоны 09 к торговому центру. У основания темного монолитного бетонного здания виднелся вход. Здание было лишено окон и словно присело в конце подъездной дороги, готовясь к прыжку или ожидая чего-то.

Сначала им показалось, что они въехали под огромную серебряную рыболовную сеть. И только когда капот машины почти коснулся сверкающей хромированной паутины, они поняли, что это решетка.

Они подъехали к автомату, торговавшему билетами. Стекло автомобиля медленно опустилось. Из желтого агрегата выскочила небольшая пластиковая карта, словно он высунул язык для осмотра.

Миссис Андерсон взяла карту.

Синтетический голос негромко произнес:

— Добро пожаловать в «Хэппи Стерлинг», удачных вам покупок. — И за хромированной решеткой загорелся зеленый огонек. На небе беспокойно метались сердитые тучи, комочки гари плыли сквозь озон, и внезапно первые дождевые капли застучали по ветровому стеклу.

Через несколько секунд машина тронулась к поднимающейся решетке. Они осторожно вползли в плохо освещенную бетонную пещеру, за которой смутно виднелся лабиринт коридоров и краткие надписи: «Вверх», «Вниз», «Налево», «Направо», «Въезда нет», «Лестница», «Уровень 8».

До сих пор Джон молчал.

Когда они въехали в коридор под табличкой «Вверх, въезд на Уровень 8», мимо промелькнула обнадеживающая надпись: «Вандализм исключается благодаря системе видеонаблюдения „Комфортабельный Шопинг“». Под ней виднелась более дружелюбная строчка: «Ваш покой — это наш покой».

— А как они могут остановить вандализм? — удивился Джон.

Мать тоже заметила табличку.

— Разве ты забыл, как мы сюда попали?

— А-а.

Слева показался знак: «Вы въехали на Уровень 8».

Огромная безликая стоянка оказалась забита автомобилями. Машины, каждая из которых, казалось, обладала своим характером, попав сюда, становились холодными и функциональными.

Возможно, именно это пугало миссис Андерсон.

В здании не было ни души — только ряды машин, аккуратно поставленных на место. Здесь были и старые, и новые автомобили всех марок, цветов и размеров. Джон уже подумывал о возможном возвращении к прежнему автомоечному бизнесу.

Очевидно было, что в «Хэппи Стерлинг» необыкновенно много автомобилей. Когда Андерсоны жили на севере, он добывал себе карманные деньги, в выходные занимаясь мытьем машин. Но после введения системы Классо-

вых Зон доходы его начали падать. Манчестер и Ливерпуль оказались в секторе Отдыха. Его отец накопил достаточно Заслуг, ему предложили работу, и они переехали на юг вместе со всеми, кто получил привилегированный статус.

По мнению Джона, это была хорошая система: Бунтовщиков можно было держать в одном месте, подальше от социально полезных групп, таких как Производители и жители Инвестирующих Городов. Но он не хотел бы родиться в семье Инвесторов, как его телефонный друг Джимми. Они носили специальную униформу и постоянно говорили о компьютерах. По крайней мере члены семьи Андерсонов, недавно перешедшие в Класс Потребителей, могли носить что им вздумается. В здешних местах была развита промышленность, уровень жизни был весьма высоким. Андерсонам повезло. Великая Катастрофа дала каждому человеку шанс начать жизнь с нуля.

Джон решил, что необходимо возродить «Автомойку Андерсон». Многие автомобили были ужасающе грязны, казалось, владельцы их бросили. Он решил, что местные жители или очень ленивы, или очень заняты.

— Это безумие! — внезапно произнесла его мать.

Джон был настолько поглощен разглядыванием различных моделей, что не заметил, как они въехали на первый уровень, самый верхний. Джон подумал, что здесь странная нумерация, ведь обычно счет этажей начинают снизу.

— Спокойно, не волнуйся, — прошептала миссис Андерсон, — скоро все прояснится.

Она сделала глубокий вдох и поехала дальше.

Джули, маленькая сестра Джона, все это время спала на заднем сиденье. Она зевнула, села и взглянула в окно. Они уехали рано утром, а Джули любила поспать.

— Мы уже приехали, мама?

Миссис Андерсон объехала этаж, в отчаянии ища свободное место или хотя бы заводящуюся машину, готовую уезжать. Но ничего не нашла.

Ветер выл в вентиляции, и звук этот, единственный признак бушевавшей снаружи грозы, гулко разносился по

коридорам. Бесконечные ряды машин молча, терпеливо ждали хозяев.

Андерсоны никогда не видели такой огромной многоэтажной стоянки.

— А можно выйти из машины и посмотреть, что здесь есть? — спросила Джули. — Можно посмотреть наш новый дом?

— Не говори глупостей! — рявкнул Джон. — Это закрытая стоянка, здесь нечего смотреть. Дорога к нашему дому ведет через Центр, он внутри, дурочка.

Джули попыталась представить себе это, но не смогла.

— Тихо, дети, — сказала мать.

Нервы ее были натянуты до предела.

— Центр, видимо, весь занят, но нам нужно раздобыть хоть что-нибудь поесть. Папа приедет вечером. Корпорация по Развитию доставит наши вещи только завтра. Ду-маю, нам надо снова спуститься.

— А что, здесь больше нет магазинов? — простонал Джон. — Я хочу всего лишь гамбургер.

— Если верить их маленькому синему путеводителю, нет, — ответила она.

Они поехали вниз.

— Насколько мне известно, «Комфортабельный Шопинг» — единственное место, где можно что-то купить. Хватит ныть, Джон. Я еще не знаю, что здесь к чему.

Джон откинулся на спинку сиденья. Ему было скучно. Он снова подумал о бесконечных машинах и принялся мысленно подсчитывать, сколько можно заработать, если получить заказ на мытье всех автомобилей на одном уровне.

Их старый универсал медленно полз вниз. Большие желтые стрелки указывали выходы на этажи. Всюду виднелись надписи: «Вверх», «Вниз» и «Стоп». Заблудиться было невозможно.

«Уровень 7».

«Уровень 8».

Машина осторожно сделала поворот и остановилась.

— Джон? — Миссис Андерсон, моргая, уставилась сквозь ветровое стекло. — Это мне кажется или нет? По-

моему, с тех пор как мы сюда попали, ни одна машина не уехала... — Она смолкла, не договорив.

В первый раз она огляделась, всматриваясь в интерьер и расположение стоянки. Затем осторожно опустила стекло и прислушалась. Но не услышала ничего, кроме пыхтения мотора и негромкого гудения вентиляции.

На ближайшем столбе висела табличка:

«Выезд на уровень 8: банки и финансовые учреждения, камеры хранения (только первый этаж)».

Она поехала в ту сторону, куда указывала стрелка. В конце коридора виднелись широкие двустворчатые двери. Приказав детям оставаться в машине, миссис Андерсон спрыгнула на пол.

Она двинулась в сторону дверей и внезапно остановилась. Через два круглых окошка она разглядела очереди людей, ожидавших лифт. Коридор, ведущий налево, был забит спешащими покупателями, толкавшими перед собой тележки. Она рассмеялась над собственной глупостью.

Разумеется, здесь есть люди.

Она побежала к машине и забралась внутрь.

— Что там, мама? — спросила Джули.

— Ничего, дорогая моя, у мамы просто появилась одна странная мысль, вот и все. Здесь много народу. Должно быть, все наши новые соседи сегодня выбрались за покупками.

Она открыла «бардачок», где осталось несколько жевательных таблеток. Джон раздал их.

Внутренний голос приказывал ей не терять присутствия духа. Гражданин Класа Потребителей должен стойко переносить превратности судьбы. Ей нужно взять себя в руки.

Они поехали вниз по очередному пандусу.

И снова миссис Андерсон нажала на тормоза.

Она мысленно считала.

Восьмой уровень — с него они начали, это был первый этаж. Если верить путеводителю Корпорации, в торговом центре «Комфортабельный Шопинг» было двенадцать уровней. Значит, четыре этажа находятся под землей?

— Мама! — простонал Джон.

Негромко присвистнув и подумав о «подземных городах», она пожала плечами, нажала на газ и поехала дальше.

«Уровень 9».

«Уровень 10».

Здесь было темнее, чем на верхних этажах, — очевидно, часть ламп не работала. Стена явно была недавно перекрашена, сквозь краску просвечивали граффити.

Она стиснула зубы.

«Уровень 11».

«Уровень 12».

Самый нижний этаж. Машин здесь было меньше.

С глубоким вздохом облегчения миссис Андерсон въехала на одно из свободных мест и выключила зажигание. Только в этот момент она заметила, что у нее взмокли ладони. Она шепотом поздравила себя. Объехать многоэтажную стоянку — одно дело, но прочесать двенадцать этажей и в конце концов припарковаться под землей — совершенно другое.

Они остановились рядом со сверкающим «уэстлендом»-купе 1999 года выпуска. Джон первым выскочил из машины и подбежал к нему. Он легко прикоснулся к кузову, с восхищением погладил блестящий капот. Эта машина не нуждается в его услугах. Она была безукоризненна, несмотря на возраст, и ее явно регулярно полировали.

Он помыл бы ее почти бесплатно.

Почти.

Он огляделся. Казалось, на этом этаже было больше блестящих машин. Он уже заметил, что действительно грязные автомобили собрались на верхнем уровне. Казалось, они были размещены в соответствии со степенью загрязненности.

Мать взяла Джули за руку и помогла ей выйти из машины, затем захлопнула дверцу. Звук удара эхом отразился от стен. Они задержались ненадолго, чтобы забрать вещи. Уровень 12 был лишь наполовину занят.

Они направились к выходу, и шаги их гулко разносились по помещению.

Сейчас им предстоит увидеть достопримечательности Центра.

Двойные двери отворились, и новичков оглушили шум и суета.

— Боже мой, — едва слышно выговорила миссис Андерсон.

Они на несколько мгновений замерли на пороге, взявшись за руки, словно это могло защитить их от хаоса и суматохи, открывшейся перед ними.

Они оказались на широком балконе, окружавшем гигантский зал, похожий на стадион. «Арена» находилась всего в нескольких ступенях вниз. Вдоль задней стены балкона тянулась бесконечная цепь магазинов. Над каждым магазином сияли неоновые вывески, на которых значилось название и возможность покупок в кредит: «Лазер Лайт Лимитед», «Голограммы на заказ» (выгодные условия). «Антробус Электроникс»; «Помощь по дому в одном микрочипе» (принимает все типы кредитов).

Подняв голову, миссис Андерсон смогла оценить размеры здания. Ряды балконов и галерей тянулись вверх к далекому темному потолку (если там действительно был потолок). Казалось, они находились на дне цилиндра, укрепленного серией широких ребер, расположенных через одинаковые промежутки. Каждое «ребро» состояло из бесконечной череды магазинов и супермаркетов.

Стоял оглушительный шум. Миссис Андерсон едва различала звуки поп-музыки, заглушаемые непрерывным гулом и стуком.

Повсюду мелькали люди.

Отрывистые разговоры перекрывал скрип и грохот тележек, торопливо сновавших во всех направлениях.

Время от времени тележки сталкивались на полном ходу, затем разъезжались и продолжали свой путь, словно электрические автомобильчики, которые Андерсоны видели на аттракционах в развлекательных центрах.

Миссис Андерсон крепче взяла детей за руки. Они молча, во все глаза смотрели по сторонам. Мимо пронеслась какая-то молодая женщина, толкая перед собой перепол-

ненную тележку, и вдруг колесо угодило в трещину в каменном полу. Женщина попыталась вытащить телегу, но неповоротливая махина не слушалась.

Миссис Андерсон взглянула женщине в лицо и похолодела. На лице покупательницы застыло выражение полного отчаяния. Женщина нервно отбросила упавшие на лоб волосы, и в уголках ее глаз выступили слезы.

Из накренившейся тележки посыпались коробки. Джули разглядела кое-что интересное: там были автоматы для приготовления молочных коктейлей, куклы-андроиды, голографические камеры и персональные видеосистемы.

— Позвольте, я вам помогу, — сказала миссис Андерсон, осторожно поднимая тележку.

Женщина в изумлении уставилась на нее. Неужели кто-то решил помочь ей?

Из корзины вывалилась большая красная коробка, на которой был изображен блендер с турбодвигателем. Женщина с испуганным видом подхватила коробку и сунула ее обратно в корзину. Она снова взглянула на миссис Андерсон, беззвучно произнесла что-то и побежала прочь, как кролик, за которым гонятся собаки.

Вдруг кто-то взял миссис Андерсон за локоть. На его лице озабоченное выражение сочеталось с ухмылкой. Это оказался молодой мужчина, одетый в ярко-голубой джемпер. На груди у него красовалась надпись «Клуб „Комфортабельный Шопинг“».

— Скоро наступит «Счастливый Час», — сказал он, — и я знаю, что это будет.

Его сжатые в кулаки руки дрожали от возбуждения. Он приблизил к ней лицо, словно собираясь доверить какой-то секрет. На лбу у него выступили капельки пота.

— Это будет говорящая вешалка для полотенец. Только никому не рассказывайте!

Он поднес палец к губам и пробормотал: «Шшш», затем понесся прочь, таща за собой две наполовину заполненные тележки.

Джон когда-то слушал книгу, герои которой все время спешили куда-то, бегая по кругу и будучи не в состоянии

из него вырваться. Мать даже показывала ему картинку из настоящей книги, которую она читала в детстве, — там Белый Кролик с большими ушами смотрел на карманные часы и бормотал: «Боже мой». Теперь перед ним открывалось нечто подобное.

Джули осторожно потянула мать за рукав.

— Пойдем, доченька, — сказала миссис Андерсон, — мы здесь ненадолго.

Джон притих. Однажды, когда он был еще маленьким и они жили в Манчестере, отец взял его с собой на митинг на Альберт-сквер. Это было еще до того, как им посоветовали вступить в Ассоциацию Граждан, Соблюдающих Правила. Площадь была забита народом, точь-в-точь как этот торговый центр.

Тогда Джон смотрел, как лица окружающих людей искажались, становились злыми. Началась драка, появилась Мирная Полиция. Джона и его отца толпа пронесла через площадь, словно приливная волна. Она двигалась, как единый организм, в ней образовывались дыры, она меняла форму до тех пор, пока не обратилась против себя и не начала пожирать себя заживо.

Им повезло — удалось скрыться. Большинство присутствующих позднее были переведены в Зону Класа Бунтовщиков — бесполезных, разрушительных элементов.

Это было странно. Люди в торговом центре принадлежали к Категории Потребителей, но лица их напомнили Джону об Альберт-сквер. На них был написан страх.

Мать повела их к перилам балкона. Прямо под ними находился пол-арена — подвижная мозаика из покачивающихся людских голов и сталкивающихся тележек.

Из дверей автостоянки за новоприбывшими наблюдал какой-то человек в остроконечной шапке и голубой рубашке. Большие темные очки-шлем скрывали его глаза и верхнюю часть лица, но можно было различить его ледяное, бесстрастное выражение.

Он уже давно стоял у дверей, сложив на груди руки. Теперь он двинулся к загородке с тележками, представ-

лявшей собой путаницу металлической сетки и толстых красных ручек. Он рывком освободил одну из тележек от зацепившихся за нее соседок и направился к миссис Андерсон и ее детям. С неразборчивым ворчанием он толкнул тележку к ним.

— Э... не надо, спасибо, — запинаясь, пробормотала она. — Мы хотели только...

Стукнув кулаком о бок корзины, он снова толкнул тележку. На этот раз гораздо сильнее. Пытаясь поймать ее, миссис Андерсон выпустила руки детей. Торчавшая проволока впиалась ей в палец.

— Берите! Продолжайте покупать, черт вас возьми!

Он снова грохнул кулаком по телеге. Намек был ясен.

Джон и Джули замерли на месте.

По помещению разнеслись звуки Парадного Марша, и люди застыли как вкопанные. Затем со всех сторон слышались шепот и нетерпеливые возгласы. Даже человек в остроконечной шапке позабыл об Андерсонах и поднял голову. Прозвучала синтетическая Импровизация на Трубе, затем раздался возбужденный женский голос:

— Сеть гипермаркетов «Завтра» объявляет для своих покупателей Счастливый Час!

Барабанный бой перешел в грохочущее диско.

Раздались аплодисменты.

Откуда-то сверху голос продолжал отрывисто, взволнованно:

— Уже сейчас, в это самое мгновение, всегда готовый прийти к вам на помощь персонал сети «Завтра» выбирает товар, на который будет объявлена суперскидка. Друзья мои, это...

Толпа снова начала негромко переговариваться, и торговый центр, казалось, захлестнула волна возбуждения.

— ...цифровая говорящая вешалка для полотенец «Акони»!

У всех присутствующих вырвался возглас благоговения и изумления — словно кто-то нажал на кнопку, и давление упало.

— И еще — те, кто приобрел первую дюжину, повторяю, только первую дюжину, получают возможность персонификации вешалки — она будет называть ваше имя.

Одобрительный гул перешел в обсуждение.

— Предложение действует только в магазинах «Завтра» на уровнях пять, семь и двенадцать. Помните: «Каждый раз, когда стрелка достигает двенадцати, наступает Счастливый Час!» А теперь вперед — бы-ы-ы-ы-быстро!

Раздался синтетический звук лопнувшей струны, и низкие басы закончили импровизацию. Какая-то пожилая женщина, стоявшая дальше на балконе, в экстазе взывала:

— Я должна купить ее! Я должна купить ее!

Толпа обезумела, покупатели бросились в разных направлениях.

Человек в шапке исчез, унесенный потоком народа, словно дурной сон. Мимо бежали люди, и миссис Андерсон обняла Джона и Джули, защищая их. Загремели барабаны-бонго, и хор серебристых голосов запел под ритм босса-новы:

*Здесь каждый найдет то, за чем он пришел,
Спеши, упустить нельзя своего,
Если ты товар со скидкой нашел,
Хватай и в корзину бросай его!*

*Вперед, наступил Счастливый Час!
Только здесь товары со скидкой для вас!*

Окружающая толпа ответила воплем: «Продолжай покупать!», и в такт куплетам в воздух взметнулись сотни кулаков.

Миссис Андерсон задрожала. Она не могла пошевелиться, страх перед этими людьми словно парализовал ее. Это было зло. Откровенная, неприкрытая жадность.

Внизу, на «арене», несколько человек в голубых рубашках, очках и остроконечных шапках разговаривали между собой. Очевидно было, что это нечто вроде местной охраны. Один из них поднял голову и посмотрел на нее. Она содрогнулась.

Нужно уходить отсюда.

Джули заплакала. Джон, казалось, оглох. Он не знал, смеяться надо или бояться. Где-то в глубине души он находил происходящее занятным.

— А теперь послушайте меня, дети. — Миссис Андерсон, направляясь к выходу, заговорила медленно, но твердо. — Надо отсюда уходить. Здесь слишком много народу. Просто делайте, что мама говорит; мы идем к машине.

Толпа немного рассеялась. Теперь было гораздо легче добраться до противоположного края балкона. Вокруг мелькали пустые, озабоченные лица.

Из дверей, ведущих на автостоянку, к ним шагнул могучий охранник.

— Черт, черт, — прошептала миссис Андерсон.

Она подтолкнула Джона, чтобы тот взял сестру за руку, и схватила чью-то брошенную тележку. Они развернулись и медленно покатали тележку к другим двойным дверям, зажатым между ближайшими магазинами. Время от времени колеса застревали в трещинах между плитками. Миссис Андерсон останавливалась и быстро вытаскивала колесо из щели, не сводя взгляда с двери.

Когда они проходили мимо магазина «Антробус Электроникс», в корзину внезапно шлепнулась большая картонная коробка. За коробкой последовал низенький лысеющий человечек с круглым розовым лицом. На нем был слишком большой грязный плащ, галстук был затянут под самым подбородком. Пот ручьями тек у него по лицу, он тяжело, с трудом втягивал в себя воздух.

— Я... я извиняюсь. — Он, казалось, на миг лишился дара речи. — Я вас просто не заметил. Мне нужно... отнести это на восьмой уровень, в камеру хранения... нужно. Мы купили три штуки.

Он вытащил из кармана мятый серый платок и промокнул лицо. Затем выпучил глаза, нервно пытаясь разглядеть все окружающее одновременно.

— Он очень... дешевый. Думаю, у них там осталось еще несколько штук. «Электролэнд», вон там, недалеко. Может, нам удастся... купить еще пару по кредитному диску.

Ногти миссис Андерсон впились в красную рукоять тележки. Неоновые вывески расплылись и заплясали у нее перед глазами. Она стиснула зубы, и внутренний голос приказал ей не сдаваться и вести себя, как они. Мгновение спустя она широко распахнула глаза и превратилась в говорящую куклу.

— Ничего, все в порядке. Я просто не смотрела, куда иду. А что вы купили? Выглядит заманчиво, я тоже должна купить такое.

Человек засунул носовой платок поглубже в карман плаща и схватил коробку.

— Спасибо, спасибо. Шопинг — это так здорово, так здорово. Это переносной телевизор. Супермодель, голо-совая активация, соблазнительный черно-розовый корпус.

Слово «корпус» было заглушено коробкой, которую человечек прислонил к лицу. Он засеменял прочь, промямлив на ходу: «Это мое».

Миссис Андерсон удивилась, зачем он купил три телевизора и что он намерен делать с пятью.

Видимо, в магазинах в этой части балкона продавалась только электроника. Множество коробок с кухонными комбайнами, тостерами, домашними компьютерами и тому подобным были составлены в аккуратные пирамиды, которые почти загораживали проход. Внутри ярко освещенных магазинов энергичные продавцы принимали пластиковые карты и кредитные диски, просили подписать чеки, повторяя как заведенные:

— Разумеется, сэр. Самый лучший товар. На этой неделе специальное предложение. Разумеется, сэр. Распишитесь здесь, пожалуйста.

Вскоре Андерсоны оказались перед нишей, в конце которой находились двери с овальными окошками. Как только миссис Андерсон толкнула створки, снаружи к ней поспешила высокая блондинка в очках с почти незаметной оправой. Остановившись рядом, она заглянула в пустую корзину. На груди у нее был приколот ярко-голубой бейдж с надписью «Продолжайте покупать». Она прищелкнула языком.

Пронизывающий взгляд голубых глаз пригвоздил миссис Андерсон к полу.

— Так не пойдет. Вы не должны уходить с пустыми руками. Как вы собираетесь помогать стране устоять на ногах, а? Если у вас закончились деньги, ничего страшного; идите на восьмой уровень, вы можете выбрать из двухсот кредитных предложений. Вы знаете: быть здесь — это привилегия! Все, кто прибыл сюда впервые, должны внести свой вклад. А теперь идите. Продолжайте покупать.

Тележки у нее не было, но она держала в руке планшет и пачку купонов с рекламой кредитных карт. Она исчезла в толпе.

Ничего себе! Нет, все, довольно.

Миссис Андерсон схватила детей за руки, бросилась к выходу и с силой толкнула двери.

Двери распахнулись и застряли.

Они оказались в коротком, ярко освещенном коридоре. Отсюда был только один выход — зияющая пасть стального лифта.

Она торопливо соображала. Они находились на нижнем этаже, лифт двигался только вверх. К черту, не важно, надо выбраться отсюда. Машину можно забрать позже, Боб зайдет за ней. А сейчас они поедут прямо к выходу, на уровень 8, и отправятся домой.

Миссис Андерсон втолкнула детей в лифт, и двери с негромким шипением закрылись за ними. Она заметила только одну кнопку: 8. Нажала ее. Сначала непонятно было, движется лифт или нет. Он содрогнулся, затем послышался усиливающийся вой.

Они вздрогнули от громкого шипения, раздавшегося с потолка. Зазвучала запись — видимо, пленка была уже изношена и звук плыл.

— Привееет ффффсем, есссли вы едете на воссссьмой уровень, загляните в консссультативный центррр «Кредит Навсегда». Блок сто девяносто девять. Запомните, блок сто девяносто девять. Прррродолжайте покупать.

Под звуки разбитых гитар и бренчащих невпопад тарелок начались очередные куплеты:

Кредит Навсегда — это быстро и просто,
Кредит Навсегда — только у нас,
Шопинг — так весело! К нам приходи,
Все, что нужно тебе, здесь найдешь ты за час!

Тарелки звякали в течение еще нескольких секунд, затем шипение смолкло.

Над дверью загорелась цифра «восемь».

Двери открылись, и Андерсоны оказались в коротком коридоре, точно таком же, как на двенадцатом уровне. Миссис Андерсон потащила детей вперед, к двойным дверям. Они оказались на балконе.

Вид был пугающе знакомым, но этот балкон выходил не на центральную арену. Вместо этого перед ними открылось обширное пустое пространство. Миссис Андерсон бросилась к перилам и глянула вниз.

И тут же отшатнулась.

— О боже, — простонала она. — Это невозможно, неужели они толкуются здесь бесконечно?

Она подняла голову.

Все поплыло у нее перед глазами.

Наверху она насчитала семь огромных бетонных поясов, на каждом шумели и толкались люди. Это были уровни с седьмого по первый, заканчивались они огромным темно-синим куполом, который, казалось, лежал прямо на последнем балконе. Она снова посмотрела вниз. Она различала внизу другие балконы и вереницы магазинов. Мерцающие магазинные вывески, над которыми гудели назойливые куплеты, казалось, уходили вниз, в бездонную пропасть. Лучи света пересекали тьму от одного уровня до другого. Они устремлялись вниз, и вниз, и вниз.

Должно быть, это какой-то оптический эффект.

Рука в голубом рукаве оттащила миссис Андерсон от перил. Она вскрикнула, поймав свое отражение в больших темных очках.

— С вами все в порядке? Нам не нужны несчастные случаи. Некоторым это портит шопинг, — сказал он.

Он ухмыльнулся, открыв два ряда сверкающих белых и золотых зубов (привилегия тех, кто работает на Правительство). Они чередовались в строгом порядке.

— Вам не нужен кредит?

Он кивнул в сторону длинных рядов стоек. Андерсоны стояли как раз над магазинами электроники, расположенными на двенадцатом уровне.

Миссис Андерсон сглотнула и вытерла рукавом нос.

— Нет, нет, спасибо. Скажите, пожалуйста, где выход?

Ухмылка исчезла. Лицо на миг лишилось всякого выражения.

— Выход?

— Да, да!

Казалось, он не понял вопроса. Затем золотые зубы снова сверкнули.

— А, вы имеете в виду выход на стоянку?

— Да, — подтвердила она, отчаянно кивая. — Выход!

Она бы сейчас закивала в ответ на что угодно. Она просто хотела уйти отсюда.

— Ну, это несложно. Идите через эти двери. Тогда сможете попасть к машинам.

Он указал на желтые двери, расположенные неподалеку от стойки банка «Комфортабельный Шопинг». Через овальные окошки смутно виднелись тусклые фонари автостоянки.

Она пробормотала слова благодарности и потащила за собой детей. Джон не сдвинулся с места. Она оглянулась. Он смотрел снизу вверх на охранника. На лице его сияла улыбка.

— Продолжайте покупать, — произнес он.

Охранник улыбнулся в ответ.

Это были первые слова, произнесенные Джоном с момента их появления в магазине.

Джули засмеялась и повторила фразу.

— Да! Продолжайте покупать! — И она жеманно захихикала.

— Хорошие детки, — сказал охранник.

Сердце миссис Андерсон подпрыгнуло. Она чуть не подавилась. Она сильнее потянула детей вперед, к овальным глазам дверей. Позади нее раздался голос:

— Эй! На лифте доехать проще!

Проскочив сквозь двери, она прислонилась к стене и закрыла глаза. Тело ее сотрясали рыдания, и эхо их разносилось по стоянке, словно издеваясь над ней.

Сквозь слезы она различила какие-то искаженные разноцветные линии. Тот знак, который она заметила, когда они въехали сюда.

Но что-то в нем было не так.

«Ваш покой — это наш покой».

Здесь были знаки «Вниз на уровень 9», «Вверх на уровень 7». Знаки, указывающие, какой «Выход» ведет на какой уровень. Знаки, указывающие, где расположен лифт или «Выход» на балкон. Но здесь не было знака «Выезд со стоянки» или просто «Выход».

Она направилась по коридору, который был обозначен как «Выход на уровень 9».

Дети шли следом, в ногу.

Глаза их остекленели, они улыбались, негромко мурлыча «Кредит Навсегда».

Через двадцать минут они уже сидели в машине. Миссис Андерсон скрючилась над рулем. В салоне было жарко и душно. Кончилась гроза или нет? Она пыталась сохранять спокойствие, но это было нелегко. Она вернулась на уровень 8, но все выглядело по-другому, и она не смогла найти выход. Они каким-то образом заехали не в тот коридор.

Сейчас они находились на десятом уровне, проехав до верхнего этажа и обратно. Должен быть какой-то путь наружу. Наверное, на уровне 12 есть специальный коридор, ведущий на улицу, она слышала, что в многоэтажных стоянках на юго-западе что-то такое есть. Чтобы выбраться наружу, нужно проехать через все этажи. Ну что ж, надо так надо, верно?

Она нажала на газ. Мотор взревел.

Она больно прикусила язык, не сводя взгляда со стрелки с надписью «Уровень 11».

Машина с воем понеслась вниз по пандусу.

Шины завизжали, и белый универсал устремился на Уровень 12.

И, казалось, бессознательно машина выбрала коридор «Выход на уровень 13».

— Уровень тринадцатый? — выдохнула миссис Андерсон.

Затем рассмеялась.

Дети тоже рассмеялись.

«Радио Центр 1» через какое-то время показалось им вполне приличным. Это была единственная радиостанция, которую ловил приемник в машине, но это было вполне понятно — они находились внутри гигантской бетонной автостоянки.

В семь часов на втором уровне должна была начаться демонстрация голограмм; посетителей ждало множество «очень дешевых» призов. Миссис Андерсон подумала, что это звучит занятно.

Обещали также раздавать футболки с логотипом «Радио Центр 1». Руки ее были сухими, глаза горели.

Вскоре они выучили слова песни «Счастливей час»:

Здесь каждый найдет то, за чем он пришел...

Приятная мелодия. Они пели ее хором, и Джули даже сочинила новый куплет. Надо будет обязательно отослать его руководству магазина.

Они также узнали, как правильно отвечать на приветствие «Продолжайте покупать». Здесь можно ездить, пока бензин не закончится. Из чистого любопытства. В Торговом Центре так уютно. Так тепло.

Когда они въехали в коридор со стрелкой «Выход с уровня 50», машина снова оказалась на первом уровне.

Снова и снова...

СТИВ РАЗНИК ТЕМ

ДОМ ПОХОТИ

Стив Разник Тем родился в Пеннингтон-Гэп, штат Виргиния, в самом сердце Аппалачей. В настоящее время живет вместе с женой, писательницей Мелани Тем, и детьми в викторианском доме (по слухам, населенном привидениями) в Денвере, штат Колорадо.

Стив Разник Тем опубликовал сотни рассказов и стихотворений в небольших журналах и сборниках. Его произведения выходили в составе антологий Тима Салливана «Холодный шок» («Cold Shocks»), Роберта Блоха «Психопаты» («Psycho Paths»), Чарльза Гранта «Залив Серого камня. Выпуск 3» («Greystone Bay 3»), Билла Проници «Новые горизонты. Выпуск 2» («New Frontiers 2») и в журнале «Fantasy Tales». В 1991 году издательство «Rosemary Pardoe's Haunted Library» выпустило небольшой сборник писателя «Отсутствие. Призраки Чарли Гуда» («Absences: Charlie Goode's Ghosts»), состоящий из пяти традиционных рассказов о привидениях.

Название представленного ниже произведения в точности передает его основную идею.

Снова зазвонил телефон, в третий раз за вечер.

— Да? — сказал Джин, отзываясь на звонок, как на собственное имя.

— Джин, ты придешь? Не мог бы ты прийти ко мне?

Он едва удержался от естественной реакции. Не дай бог, чтобы она услышала его вздох. Не дай бог, чтобы она уловила напряжение, которое стискивает ему горло.

— Руфь? — произнес он.

— Кто же еще? — сказала она, словно обвиняя его в чем-то.

На какой-то миг он едва не поддался искушению бросить ей вызов, рассказать о Дженни. Он похолодел. Она не должна знать о Дженни. Ни в коем случае.

— Других женщин нет, — выдавил он наконец.

Она помолчала, но он знал, что она там. Он слышал, как ветер колышет пожелтевшие шторы в ее спальне. Окно закрыто, но ветер проникает в щели. Сквозняк пробирался до костей. Но она не обращает на это внимания.

— Приходи, Джин, — сказала она наконец.

— Ладно. Приду.

— Буду ждать, — сказала она, как будто у него оставался выбор.

Он повесил трубку.

Дом располагался в глубине какого-то закоулка в западной части города. Это был один из самых старых домов в окрестности, затейливо декорированное, старинное здание, без всяких новомодных штучек, с годами оснастивших соседние дома. Джин всегда с одобрением отмечал достоинства викторианского стиля.

Но ему было известно, какими уродливыми могут быть викторианские дома: образцом такого уродства и являлся этот дом. Он был окрашен причудливой смесью темно-синего, темно-зеленого и серого цветов и в результате производил впечатление чего-то нереального, вроде подгоревшей и протухшей овощной запеканки. Густо наложенная краска брызгами и потеками опутывала линии крыльца и резных подпорок, напоминая темную, запутанную паутину. Окна и двери скрывались в тени, и с улицы невозможно было разглядеть детали.

На этой тенистой улочке жилыми оставались всего несколько домов. Остальные либо сгорели, либо были заколочены досками, либо заросли кустарником, плющом и чертополохом настолько, что стали практически недоступными. Некоторые вовсе обрушились, уступив место садам или свалкам. Тут лишь в немногих домах за выцветшими шторами горел свет и скрывались обитатели.

Джин довольно долго простоял на крыльце. Он чувствовал, что в темной глубине находится Руфь, может, спокойно лежит на белоснежной простыне, может, неподвижно сидит, к чему-то прислушиваясь. Он вообразил,

как она постоянно прислушивается все эти дни, всем телом вслушиваясь в биение сердца маленькой мышки в углу или в крики ночных птиц среди корявых деревьев на улице. Он даже представил, что ее слух способен различить пульс мошек, колотящихся о стекло уличного фонаря, шуршание тараканов под линолеумом в соседнем доме и даже нервный тик его самого, в нерешительности стоящего здесь, на крыльце ее дома.

Он также представил Дженни внутри столь же темного дома, в глубине другого богом забытого переуллка, Дженни с открытыми глазами, не спящей в ожидании его. Он корил себя за то, что подумал так о Дженни.

Поначалу он был безумно рад, что Дженни бросила наркотики. Он счел ее исцелившейся, когда она, словно ураган, в ярости носилась по дому в поисках тщательно хранимых ею раньше шприцов, ложек и прочих атрибутов. Но теперь она вот уже много месяцев болеет. Она не говорит ему, что с ней, не считает нужным. Они больше не занимаются любовью. Прошлой ночью она даже отказалась поцеловать его. Зато ее стремление к чистоплотности переросло в настоящую манию. Об этом они вообще не говорят.

И вот теперь, стоя на крыльце мрачного дома, среди этого пугающего квартала, он воображает, что пришел именно к Дженни, а не к Руфи.

Он уставился на бурую, всю в ржавых чешуйках противомоскитную сетку на дверях. Позади нее что-то появилось. Бледное лицо почти вплотную прижалось к сетке с внутренней стороны. Губы, практически бесцветные, слегка отливали серебром на изгибах.

— Ты заходишь или нет?

Губы едва шевельнулись. Голос был еле слышен.

Джин шагнул вперед, и бледное лицо за дверью исчезло, уступив место прежней тьме. Он толкнул сетчатую дверь, чьи петли, как ни странно, даже не скрипнули, как будто их хорошо смазали, хотя Джин прекрасно знал, что никто этого не делал, вошел и чуть дрогнувшей рукой взялся за позеленевшую медную ручку. Дверь бесшумно закрылась за ним.

Из темной прихожей с панелями цвета старого бургундского вина лестница вела наверх, в призрачный сумрак второго этажа. Деревянные двери в гостиную налево и в комнаты впереди были, как всегда, закрыты.

На ступенях лестницы стояла обнаженная женщина, чья плоть напоминала тесто, а черты бледного лица так расплывались в сумраке, что Джин не был уверен, Руфь это или одна из ее компаньенок. У нее была высокая, полная грудь, белевшая в темноте. Соски казались тенями, то ли полузабытыми, то ли кое-как приделанными. Волосы на лобке росли так густо, что при смутном свете казалось, будто кто-то продул в ее паху дыру, сквозь которую позади нее на темной лестнице виднелось треугольное темное окно.

По бледным плечам, словно змеи, шевельнулись черные волосы.

— Скорее, — хрипло прошептал голос Руфи.

Она повернулась и пошла наверх по ступенькам без всякого усилия, так что ее ягодицы даже не шевелились во время движения. На миг замешкавшись, он последовал за ней, вытянув руки, хотя ощутил внезапное желание спрятать их в карманах. Они едва ли не ощупью продвигались в темноте. Уже не впервые ему захотелось рассказать обо всем. Кому угодно. Захотелось, чтобы кто-нибудь оказался здесь и подтвердил, что все это происходит на самом деле. Он подумал, что, в сущности, у него очень мало друзей.

Друзей терять он стал еще в колледже. Руфь, правда, оставалась, но она не входила в число друзей, она была просто женщиной, за которой он бегал. Он уже тогда знал Дженни, но не близко. Она встречалась тогда с кем-то из друзей его друзей, и он запомнил, что ее всегда тянуло на развлечения, словно в ее хорошенькой головке не находилось места ни единой серьезной мысли.

Вначале он ухаживал за Руфью, потом бегал за Дженни. Друзей и заводить-то было некогда.

— Поцелуй меня, — прошептала Руфь, и Джин медленно провел губами по ее губам.

— Теперь укуси, — сказала она, и он мягко впился зубами в ее неподатливую плоть.

Заниматься с ней любовью было странно. У него возникало ощущение, словно он рубит, прорезает ее твердую, белую, полупрозрачную плоть. Каждый раз от него требовалось все больше усилий, прежде чем она почувствует хоть что-нибудь.

— Вот... вот, — говорила она. — Я почувствовала... что-то.

Он совершал ритмичные движения, вначале медленно, затем все быстрее, но это походило не столько на любовный акт, сколько на шлифовку наждачной бумагой, на попытку соскрести старую, дряблую кожу, чтобы оголить свежие нервы, чтобы хоть что-то почувствовать.

Он ощутил внезапный порыв ударить эту неотзывчивую плоть, бить ее, щипать, все что угодно, только бы пробудить к жизни. Он знал, что Руфь будет не против. Против был он.

Он не мог смотреть Руфи в глаза во время любовного акта. Не мог выносить этого отсутствующего взгляда. Он продолжал скоблить ее, вонзаться в нее, ощущая ее тело, как ножницы. стискивающие его плоть и нервы до самых костей.

От нее исходил кислый, животный запах. Ее плоть, словно квашня, растекалась по белоснежным простыням. Он резко выпутался из ее густых волос, из скомканных простыней и поднялся, тяжело дыша и думая о Джени.

Руфь смотрела на него с постели (мог ли он представить ее в другом месте?), словно читая его мысли.

Она все еще оставалась в постели, когда на рассвете он ушел. Не то чтобы спала. Но и не вполне бодрствовала. В общем, как всегда. В других комнатах верхнего этажа товарки Руфи, должно быть, точно так же прощались со своими любовниками.

Внезапно в холле, пошатываясь, появилась тень. Мужчина поднял бледное лицо с темными глазами и отеками от утомления веками. Словно смутившись, он отвернулся и заспешил вниз по лестнице.

Отойдя от крыльца, Джин заметил, что вся местность словно пробудилась к новой жизни. Он обернулся, чтобы взглянуть на дом. Окна оставались такими же темными, и даже утренний свет не рассеял угрюмые тени.

Когда он вернулся домой, Дженни все еще лежала в постели, плотно закутавшись простыней, так что виднелось только лицо, казавшееся вырезанным из дерева. Шторы были задернуты, укрывая спальню от утренних лучей.

— Дженни, — прошептал он, но она молчала.

В квартире царил ужасный беспорядок. Перед телевизором она устроила берлогу вчера вечером. Гора твердых диванных подушек перед тахтой, чем тверже, тем лучше, чтобы держать спину и шею, а остальное пространство заполнено одеялами и мягкими подушечками. Напоминало замки, которые он строил мальчишкой в гостиной. Вокруг этого «замка» выстроился ряд переполненных пепельниц и грязных тарелок, хотя еда оставалась почти нетронутой. Дженни постоянно терзал какой-то неутолимый голод, но она мало какую пищу могла есть. Иногда вообще никакую не могла. Но голод донимал ее, и она постоянно пыталась выбрать хоть что-нибудь из огромного количества дрянной еды.

Джин представил себе, как она сидит, закутавшись в одеяла и уставившись в телевизор, и беспокойно хватая то очередную сигарету, то еду, которую невозможно есть. С каждым днем она худела, слабела и все больше походила на ребенка. От женщины в ней почти ничего не осталось. Он корил себя за самую мысль об этом. Можно подумать, в Руфи больше от женщины.

Дженни была не из тех, кто станет сидеть и ждать. Во всяком случае, раньше она такой не была. Она никогда не была по-настоящему увлечена им и не притворялась, что придерживается правил игры. И все же он обманывал себя, воображая, что она сидит всю ночь и, может быть, ждет его. И за эту мысль он тоже корил себя.

Внезапно он ощутил зверский голод. Он распахнул холодильник, так что бутылки и банки в нем громко звякнули, и вытащил бутылку апельсинового сока.

Открывая ее, он заметил, что крышка сидит неплотно. Он поднес бутылку поближе к свету, проникавшему сквозь узкое кухонное окошко, не прикрытое занавеской. Медленно поворачивая бутылку, он увидел едва заметный отпеча-

ток губ возле горлышка. Точно ребенок. Чем дальше, тем ребячливее. Внезапно он разозлился, вылил сок из бутылки и выбросил ее в мусорное ведро под раковиной. Вначале она поддерживала порядок, тщательно чистила за собой столовые приборы, чашки и тарелки, чтобы он не коснулся посуды, которой она пользовалась. Можно подумать, она была заразная.

Они уже давно не занимались любовью. Он даже не помнил, когда они в последний раз целовались.

Ему стало стыдно за то, что он вылил сок. Так заразиться нельзя. Он сам говорил об этом всем друзьям и родственникам, которые считали, что он должен ее бросить. И все же. Он знал, что ничего опасного нет, но все же опасался.

Если бы можно было победить ее болезнь любовью и поцелуями, он сделал бы это, несмотря на весь свой страх.

— Я услышала шум. — Ее голос звучал еле слышно. — Не знала, что ты уже дома.

Он оглянулся. Она плотно закуталась в теплое одеяло. На щеках и шее подрагивали вялые мышцы. Он попытался улыбнуться, но губы не слушались.

— Тебе лучше оставаться в постели, — сказал он. — Замерзнешь.

— Я и так все время мерзну, — возразила она.

— Знаю, Дженни. — Он подошел и положил руки ей на плечи. — Я знаю. — Он привлек ее к себе.

Поколебавшись, она тоже обняла его или, по крайней мере, попыталась.

— Поддержишь меня так в постели? — прошептала она.

— Подержу, — прошептал он в ответ, уводя ее из кухни. — Буду держать, пока тебе не надоест. Хоть до скончания века.

Примерно через час она снова уснула. Джин лежал рядом, нежно массируя ей спину, ощущая каждую мышцу, каждую косточку. И тут прозвенел звонок.

— Ты придешь? — Сквозь помехи и шум ветра он различил голос Руфи.

— Я только что был у тебя, — тихо ответил он.

Дженни заворочалась во сне.

— Но ты придешь? Ты мне нужен. — Руфь говорила настойчиво и повелительно.

— Руфь...

— Ты мне нужен.

Он ухаживал за Руфью все годы учебы в колледже. Время от времени он приходил в себя и понимал, что выглядит нелепо и выставляет себя дураком, однако такие периоды просветления случались редко и длились недолго. Он слышал во сне ее голос, видел ее движения, ощущал ее тело. Он не задавался вопросом, по-настоящему ли он любит ее, или она ему необходима для равновесия и здорового секса. Такие вопросы просто не возникали. В ней не было ничего настоящего, и ему было все равно, существует ли вообще равновесие — во всяком случае, он был словно пьяный. Просто она была ему необходима.

Он познакомился с ней в первый же день учебы. Через каких-то друзей или друзей друзей, он даже и не помнит. Его представили как «чародея в математике».

— Тогда ты будешь мне помогать, — заявила она, очаровательно улыбаясь.

И он помогал. Попроси она, он бы вообще делал за нее все задания. До того он никогда не испытывал на себе магии. И теперь он не сумел этой магии воспротивиться.

— Ты мне нужен, — говорила она, но в ту пору эти слова имели совсем другой смысл.

Он был нужен ей, чтобы помочь справиться с домашними заданиями; он был нужен ей, чтобы повторять, какая она красивая, — она нуждалась в этом, чтобы убедиться, что и другие находят ее привлекательной. Даже когда она занималась с ним любовью, она делала это с целью убедиться в том, что если это взбредет ей в голову, то и другие захотят заняться с ней любовью.

— Мне с тобой хорошо, — говорила она. — С тобой я ощущаю себя полной жизненных сил и бодрости.

Однако она никогда не интересовалась тем, что ощущает он.

А поинтересоваться следовало. Потому что иногда с ней он ощущал полный упадок жизненных сил. Он сторонился всех других связей в надежде, что она одна заменит их. Он даже друзей сторонился. Он убедил себя в том, что без нее жизнь теряет смысл. Он убедил себя в том, что встреча с ней была велением судьбы и что их отношения нужно во что бы то ни стало сберечь. Всех других женщин он так или иначе сравнивал с ней. Ее взгляды, жесты, походка стали для него мерилom женственности.

— Поцелуй меня, Джин. Вот здесь, здесь и здесь. Я все еще красива? — Из других комнат дома доносился шум: там резвились товарки Руфи со своими любовниками.

— Да, — сказал он, пытаясь согреть губами ее кожу. — Ты красива, как всегда.

Он перебирал ее густые волосы, ощущая, как пальцы погружаются все глубже и глубже в тот мрак, который источали ее бездонные глаза и бледные, отмеченные ночными тенями губы.

— Хорошо. Так хорошо, Джин, — шептала Руфь, все крепче и крепче стискивая его своим телом, словно ножицами.

Он гадал, о чем она думает в этот момент. Его пугало, что он не может себе даже представить, о чем она думает.

Да он и раньше не мог себе этого представить. Даже когда она умерла, он, словно в бреду, пытался представить себе, о чем она думает.

Он шел по площади в центре кампуса. День был яркий и солнечный, достаточно солнечный, чтобы развеять легкий туман, скопившийся за неделю. И туман в воздухе, и туман в сознании от нескольких недель особенно неистового и бесплодного преследования Руфи. На самом деле его даже тревожил этот контраст. Контраст между туманом и солнечным днем. Солнечный свет казался слишком ярким, а кампус слишком отчетливым, очертания слишком резкими.

Внезапно слышались грохот и крики. Возле каменной стены ограждения у Южного проезда собралась огромная толпа. Подойдя поближе, он увидел красный «форд», вылетевший на тротуар и врезавшийся в каменную стену, обрушив примерно треть ее.

Он протолкался сквозь толпу. Несколько человек сгрудились, склонившись над женщиной, лежавшей на тротуаре. Джин увидел у нее на ногах глубокие раны, порванные колготки и содранную кожу. Вокруг нее валялись осколки.

Толпа раздвинулась, и Джин разглядел лежавшую женщину — это была Руфь, Руфь вся в крови. Он протиснулся поближе. Он говорил что-то нелепое, невразумительное, но не помнил что. Он склонился над ней и обхватил руками ее лицо, которое превратилось в ужасную маску, потому что задняя часть черепа раскололась о гранитно-мраморную поверхность стены.

Но Джин пытался разговаривать с ней, обнимая ее лицо, целуя открытые глаза, страстным поцелуем впиваясь в губы, лаская ее и прижимаясь к ее груди, дрожащими руками обхватив ее тело со сломанными ребрами. Бормотал нежные слова, целуя и лаская ее, как будто будил ее своими ласками после долгой ночи, проведенной в его объятиях.

Когда его наконец оторвали от ее тела, Джин кричал, как будто его разрывали на части. Но он потом не помнил этого крика. Зато он отчетливо помнил, как в его воображении он своими поцелуями пробудил Руфь и в ее глазах появилось осмысленное выражение.

— Джин? — Это оставалось воображением до той ночи, когда она впервые позвонила. — Ты придешь? — Когда ей понадобилось, чтобы он сказал ей, что она по-прежнему красива. — Ты мне нужен, Джин. — Когда ей понадобилось, чтобы он впился руками в ее густые черные волосы. И чтобы ощутил, как его пальцы утопают в пустоте там, где должна быть задняя часть головы. Когда ей понадобилось, чтобы он доказал ей, что она все еще жива.

— Вот, вот. По-моему, я что-то чувствую. Честное слово, чувствую. — В отчаянной попытке оживить ее чувствительность он изо всех сил укусил ее за левую грудь. Все равно что укусить кусок обувной кожи. Ни крови, ни синяка. — Не уходи, Джин. Так хорошо. Я почти способна чувствовать.

Проходя мимо дверей других комнат, где жили подружки Руфи, он слышал, как тихонько всхлипывали их любовники.

В ту ночь он решил, что оставит трубку снятой. Он приготовит ужин, побольше еды для Дженни, даже если ему потребуется готовить всю ночь напролет. Но кончилось тем, что он проторчал больше часа в местном продуктовом магазине и так и не сумел ничего выбрать. Куры были какие-то синюшные, худосочные, как будто их забили давным-давно. Нельзя ведь питаться убоиной, которую заготовили давным-давно? Наверняка у такого мяса нет ни запаха, ни вкуса.

А вырезки говядины и свинины выглядели какими-то неправдоподобными. Слишком красные. Слишком пропитанные кровью. Не может быть, чтобы убойна была такой красной.

Только куски пожирнее смотрелись более-менее прилично. Гладкие, мягкие поверхности, шматы сала.

Он мял каждый кусок мяса в полиэтиленовой упаковке. Ему пришло в голову, что эти куски знают, что он присматривается к тому, как меняется их цвет, когда его живые пальцы впиваются в мертвую плоть через полиэтиленовую пленку. Он никак не мог решиться на выбор в этом царстве охлажденного мяса, не доверяя ему.

Света в квартире, когда он вернулся, не было. Как всегда, Дженни оставила жуткий беспорядок, но он не упрекал ее ни в чем. Но ведь она всегда раньше была такой чистоплотной, просто помешанной на аккуратности. Наверное, решил он, прогрессирующая слабость не оставляет у нее сил для наведения порядка.

— Дженни, — прошептал он, открыв двери в спальню.

Она молчала, но в тусклом свете, проникавшем сквозь закрытые жалюзи, виднелись ее голова с мягкими бело-

курами завитками и лицо, которое казалось ему тем прекраснее, чем больше оно бледнело.

Она спала очень крепко. По-видимому, она вовсе не захочет есть. Он почувствовал, как по его щекам покатились слезы, стекая к уголкам губ.

Он бесшумно сбросил одежду и лег рядом с ней под одеяло. Она даже не шевельнулась, когда он прижался к ее обнаженному телу.

Он принялся целовать ее, облизывать, а когда она и тут не пошевелилась, начал покусывать. Он заплакал, массируя ее груди, поглаживая лобок и пытаясь поцелуями разбудить ее. Но она осталась холодной и недвижимой. Единственным шевелением жизни в этой комнате оставалось его собственное надсадное дыхание.

Джин постучал в противомоскитную сетку на двери и долго ждал. Он знал, что на этот раз потребуется более отчетливое приглашение.

За сеткой появилось ее бледное лицо, темные глаза уставились на сверток у его ног: тускло-зеленое одеяло, тонкие белокурые пряди волос, все еще отражающие свет, бледная, отливающая серебром кожа.

— Найдется место? — прошептал Джин. — Место для нее.

Руфь снова взглянула на сверток. Потом медленно перевела взгляд на него.

— А ты будешь приходить? Придешь, когда я позову? Джин поплотнее запахнул куртку, его знобило.

— Да, — сказал он. — Когда позовешь, я приду.

Сетчатая дверь беззвучно отворилась, и женщина втащила сверток через порог в темноту дома.

Новый звонок раздался лишь две недели спустя. Он схватил трубку после первого же сигнала.

— Алло, — сказал он.

— Джин? — Голос Дженни прозвучал в трубке. — Ты придешь? Ты мне нужен, Джин. Мне нужно, чтобы ты пришел.

КИМ НЬЮМЕН

Спазм цвета

Ким Ньюмен живет в Лондоне, в районе Крауч-энд. В начале 1980-х годов он играл на казу в составе группы «Club Whoорее», выступавшей в кабаре. По словам автора, это было ужасно.

Рассказы Кима Ньюмена регулярно появляются в журналах «Interzone», «Fantasy Tales» и в различных антологиях «Лучшее за год» («Year's Best»), он также участвовал в составлении сборника «Хоррор. 100 лучших книг» («Horror. 100 Best Books») и антологии «Невероятно страшно» («Ghastly Beyond Belief»). Первый роман Ньюмена «Ночной мэ́р» («The Night Mayor») получил высокую оценку критиков. Под псевдонимом Джек Йовил писатель создавал новеллизации игр от «Games Workshop».

Ким Ньюмен выпустил дополненную версию своей истории фильмов ужасов начиная с 1968 года «Фильмы кошмаров» («Nightmare Movies») и завершил столь же обширный труд по истории вестернов. Он писал статьи для ежегодного сборника «Фильм» от издательства «Virgin» («The Virgin Film Yearbook»), для «Энциклопедии кино» издательства «Macmillan» («The Macmillan Encyclopedia of Film») и принимал участие в создании энциклопедии хоррора и научной фантастики издательства «Aurum».

Преданный киноман, ведущий еженедельную рубрику в утреннем эфире британского телевидения, Ньюмен выступает против процесса колоризации, что нашло отражение в представленном ниже рассказе.

Играть с кнопками было всегда приятно, но Монтэ считал, что иногда надо и руки в краске запачкать. Бела Лугоши замер, оскалившись, растянутый в черно-белом кадре на видеомольберте, с торчащим деревянным колом. Художник терпеливо совмещал слои фильма на планшете. Балом правил красный цвет. Людям

он всегда нравился больше всех, а уж в ремейк «Дракулы»¹ его должно быть много. Кровавый — неотъемлемая часть фильма, то, что обеспечит ему долгую популярность. Наконец, удовлетворившись результатом, Монтэ загрузил пластину в ассессор и откинулся на спинку сиденья, пока машина просчитывала оттенок, который он счел подходящим. Процесс завершился, автомат засвистел, словно древняя печь, а художник вытащил свежезаправленное струйное стило из чернильницы.

Он выдавил алую каплю на кончик указательного пальца, осмотрел ее и остался доволен. Потом легким мазком тронул электронное изображение, и цвет тонкой струей проник между линий копирования. Монохром заполнился, кровь проступила на накрахмаленной рубашке мертвого актера. Фильм стал выглядеть лучше. Именно индивидуальный подход отличал продукцию «Монтэ видео» от полностью автоматизированных «улучшенных» ремейков конкурентов. Михаэль поставил стило на место и случайно заметил под ногтями призрачные следы красного. Руки выглядели так, словно принадлежали убийце. Он потряс пальцами, краска исчезла со статическим треском, затем внес пару исправлений, нажал на кнопку «Дальше», и фильм продвинулся вперед на несколько кадров. Лугоши перестал скалиться, вцепился рукой в кол, полилась кровь. Капля посередине картинки разрослась. Прекрасно. Монтэ нажал «Сохранить», цвет схватился. Светящиеся глаза вампира и запонки с черепами засияли, отражая алый цвет на груди и вокруг рта.

Михаэль Монтэ помнил время, когда бизнес ремейков только зарождался, неумелые «колоризованные» фильмы, сделанные в 1980-х. Он был одним из первых, кто увидел потенциал кодирования, процесса, который позволял умелому ремейкеру разобрать оригинальную картину с помощью ассессора до простой цепи информационных битов, а потом воссоздать заново, сообразно со своим

¹ Здесь имеется в виду знаменитый фильм «Дракула» 1931 г режиссера Тода Броунинга.

видением. Разработав собственную технологию, Монтэ сумел вклиниться в цепь крупных компаний, регулярно отражая нападки корпоративных монстров, завоевал все премии «Дики» и выгрыз огромную долю на рынке. «Дракула» от «Монтэ видео» уже побил все рекорды по предварительным заказам. Приобрести права у шизонидных потомков Брэма Стокера, студий «Юниверсал», «Хаммер филмз», Би-би-си и около двадцати других, запустивших клыки в собственность, оказалось непросто. Битва выдалась длинной и затратной. Для столь важного проекта Монтэ в любом случае нашел бы время, но из-за трудностей ему пришлось делать всю работу лично. В конце концов, он до сих пор оставался лучшим в этом бизнесе.

Тревор, Руби Джи, Консодайн, а теперь и Тарнаверро. Все погибли. Похоже, кто-то имел зуб на ремейкеров или пытался задушить «Монтэ видео».

Михаэль нажал «Обработать», и ассессор взялся за дело, впитывая его решения, заменяя тусклую серость оригинала светящимися красками. Монтэ нравилось думать, что ремейк «Дракулы» станет именно тем фильмом, который поставил бы Тод Броунинг в 1931 году, если бы мог не обращать внимания на ограничения цензуры своего времени и располагал неограниченными техническими возможностями. Режиссеру пришлось вынести за пределы кадра то, как Ван Хельсинг вбивает вампиру кол в сердце, отметив смерть злодея лишь скромным стоном. Теперь же столь разочаровывающую кульминацию можно было исправить. Лугоши, спотыкаясь, бежал по склепу со сводчатым потолком, глаза его горели словно у электрического Антихриста, он прорывался сквозь тончайшую паутину, легкую, как крыло бабочки, похожую на матовое стекло, содрогаясь от серии бьющих в глаза лилово-неоновых распятый. А потом вампир упал, и Питер Кушинг вскочил на него, свирепо орудуя молотом, забивая все глубже смертоносный кол.

На самом деле в изначальной версии играл Эдвард Ван Слоан, но его сейчас все равно никто не помнил,

Монтэ решил замиксовать в картину прекрасную игру Питера Кушинга из версии 1958 года. Более того, оставив только самого Лугоши и Дуйата Фрая в роли пожирателя мух Ренфилда, он заменил весь актерский состав: Джона-таном Харкером стал Джеймс Дин, Мэрилин Монро — жертвой-вампиришей Люси, а Мерил Стрип — главной героиней, Миной; ему удалось вставить в картину даже Хамфри Богарта. Тот играл комического работника псих-лечебницы с забавным кокни-выговором. Для приличного успеха на рынке у Дэвида Мэннерса или Хелен Чэндлер было недостаточно поклонников, а Монтэ всегда искал нечто такое, что благоприятно скажется на коммерческой судьбе его собственности. Богачом его сделали инстинкты, а деньги позволили собрать невероятную арт-коллекцию: религиозные открытки с эффектом 3D, личные вещи деятелей поп-арт, копии клоунских масок из «Вулворта»¹. Михаэль Монтэ был известен как человек, чей вкус оказывает влияние на других.

На экране Дракула живописно разлагался, из его глазниц разлетались опарыши. Невероятно уместное соло Джими Хендрикса взорвало тишину, сопровождая крикам агонии монстра. Монтэ прибавил громкости. Больше шума, больше музыки, криков. Подбавить еще красного. Останки Дракулы кровавой лужей растеклись на подкладке его оперного плаща, красное на красном. «Пошел в жопу, граф, — сплюнул Питер Кушинг, — вместе с летучей мышью, которую ты тут имел». Это было здорово сказано, и нанятые Монтэ актеры изрядно потрудились, в совершенстве воспроизведя своеобразный отрывистый голос актера. Хендрикс плавно сменился Чайковским, фильм заканчивался отрывком из «Лебединого озера», который уже использовался в трансильванском прологе, а когда Кушинг повел Дина и Стрип прочь из склепа к озаренному радугой восходу, замелькали титры, на небе

¹ «Вулворт» — старейшая сеть супермаркетов в Америке, открывшаяся в 1879 г. Среди прочего, в 1970-х гг. проводила активную рекламу масок на Хеллоуин, среди которых пользовались популярностью и клоуны, вроде кинговского Пеннивайза.

появилось слово «Конец», а под ним вспышками пошла реклама «Кока-Нарко», воздействующая на подсознание зрителя.

В правом верхнем углу мольберта спиралью возникло окошко о сообщении. Монтэ увидел крыльцо своего дома, сигнал шел с камер, находящихся в глазах статуэтки орла, расположенной на перемычке двери. На коврике с надписью «Добро пожаловать» стояла Салли Роудз, непромокаемый плащ наглухо застегнут, поля шляпы низко надвинуты, почти закрывая маску респиратора. Женщина посмотрела орлу в глаза и явно улыбнулась. Михаэль склонился к ближайшему блоку и провел рутинную проверку. Изображение оказалось истинным: первого поколения, не искаженное (теперь никто не доверял видео, и Монтэ было некого винить в этом, кроме самого себя). Система охраны признала тепловую карту тела посетительницы, сверила счета «Агентства Салли Роудз» с последними списками и передала хозяину ручной контроль над дверью. Он отпечатком руки дал знать, что подтверждает команду, и панель закрылась, когда женщина вошла внутрь.

Встреча была запланирована на столь поздний час, дабы избежать лишних разговоров. Естественно, он держал полицию в курсе своих затруднений, как того требовал закон, но ни для кого не являлось секретом, что «Монтэ видео» может позволить себе пользоваться услугами частных сыскных контор. «Агентство» славилось своей конфиденциальностью, и Михаэль считал столь ценное качество достойным приличной ежегодной премии. Он даже не обращал внимания на бестактные шутки Салли относительно его бизнеса и художественного вкуса. На рынке, раздираемом пиратством, компания Монтэ меньше всех страдала от преждевременных утечек, а полномасштабные кампании с целью отобрать его копирайты вовремя пресекались именно благодаря Роудз.

Михаэль встретил ее в галерее. Картины спали, но комната наполнилась шепотом от их равномерного дыхания. Салли с немалым любопытством осматривала жи-

вую репродукцию Ротко¹, напоминавшую ворсистый ковер.

— Сейчас проделывают очень интересные опыты с полуразумным желе и акриловыми красками, не думаешь? — отважился начать разговор Монтэ.

Уверенная и хладнокровная, молодая женщина повернулась к нему и вскинула руку в притворном ужасе, словно пытаясь отогнать Дракулу распятием. Михаэль ничего не понял.

— Твоя рубашка, — со смехом пояснила она. — Она... она...

— Этот узор называется «пейсли», — объяснил он. — А комбинация лимонно-желтого и бледно-голубого цвета — моя идея.

— Не надо пускаться в объяснения, Мики. Бабушка рассказывала мне о шестидесятых. Непросто же тогда жилось.

— Понятия не имею. Я в то время был совсем маленьким.

— А теперь ты совсем большой?

— Достаточно большой. — Монтэ поправил хипповские бусы из хрома и акрилового пластика. — Ты в состоянии предоставить отчет?

— Только предварительный. Я слышала, ты грозишься пойти войной на «Агфа-Дайэй»² и «Дисней-Макдоналд». Ты же знаешь, какого рода последствия это возымеет.

— А у меня есть выбор? Кто-то убирает моих людей. Когда погиб Тарнаверро, наметился серьезный спад в производстве. Похоже, это заговор. Они явно намерены потопить меня еще до Франкfurта³.

¹ *Марк Ротко* (1903—1970) — американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля, в основе которой лежит использование больших плоскостей однородных цветов, близких по тональности и не центрированных.

² «*Агфа-Геверт*» — европейская компания, занимающаяся производством товаров для создания, обработки и воспроизведения изображений. «*Дайэй*» — крупная японская сеть супермаркетов.

³ Имеется в виду Франкфуртская книжная ярмарка, проходящая каждый год в середине октября.

— Возможно, — ответила Салли. Она сняла респиратор и с отвращением принялась к пропитанному травами воздуху. — У тебя есть свободный экран? Мне надо кое-что тебе показать.

Они прошли в нижнюю комнату, где также находились полный монтажный блок и целая витрина с хитами продаж от «Монтэ видео»: «Гражданин Кейн», «Броненосец „Потемкин“», «Психоз», «Быстрее, кошечка! Убей, убей!», «Кинг-Конг», «Ровно в полдень», «Двойная страховка», «Лучшее от сержанта Билко», «Видео вскрытия Элвиса», «Седьмая печать», «Монахиня — брейкдансер». Монтэ большим пальцем прикоснулся к блоку, и постер «Влюбленных женщин»¹ с Бобом Диланом, Сильвестром Сталлоне, Глендой Джексон и Мадонной в главных ролях скрылся в отделении на потолке, обнажив молочно-белый экран. Единственную бесцветную вещь во всем доме.

Салли набрала шифр на кодовом замке своего кейса и достала оттуда видеокассету, собственность «Монтэ видео», пояснив:

— Это изъято из офиса Тарнаверро. Он работал над этим фильмом, когда его убили.

— Значит, ты хочешь показать мне «Одиссею капитана Блада»?

— Фильм тысяча девятьсот тридцать пятого года. В ролях Майкл Кертис, Эррол Флинн и Оливия де Хэвиланд. Производство компании «Уорнер Бразерс». Правильно?

— Прошу прощения? — переспросил Монтэ. — Ах, прости меня, вечно забываю, что ты — как это называется? — киноманка. — Он чуть ли не сплюнул от омерзения, вспомнив обо всех петициях, которые ему когда-то слали в огромных количествах.

— Проехали, хорошо? — ответила Салли, перебирая микрофиши. — Ты просмотрел протоколы вскрытия, я надеюсь?

¹ «Влюбленные женщины» — фильм Кена Рассела, получивший в 1970 г. «Оскар» за лучшую женскую роль (Гленда Джексон) и «Золотой глобус» в 1971 г. как лучший иностранный англоязычный фильм. В оригинале играли Алан Бейтс, Оливер Рид и Гленда Джексон.

— Да.

— Но все равно я тебе напомню. На Тарнаверро напал некто, вооруженный длинным, острым и тяжелым лезвием. Разделочным ножом, мачете или мечом. Его буквально порубили на куски.

— Да. Именно поэтому я подозреваю этих сволочей из «Агфа-Дайэй». Большие корпорации любят навести ужас, когда объявляют войну. — В своих попытках поглотить «Торн-Футура-Макалпайн» до того, как синдикат сожрал его самого, Монтэ успел завоевать такую же репутацию, если не худшую. — И ты понимаешь, чего они добиваются.

Быть лидером рынка — рискованная позиция. С тех пор как начались проблемы, с убийства Тренора, «Монтэ видео» уже потеряло двадцать процентов посредников. Безработица их не страшила, особенно по сравнению с перспективой стать очередной жертвой корпоративных войн, о которой никто даже не всплакнет.

— Думаю, все не так просто, Мики. Тебе никогда не приходила в голову мысль сопоставить метод убийства твоих людей с теми фильмами, над которыми они работали?

— Нет, — удивился Михаэль. — С чего бы?

Салли выудила микрофиш:

— Тревор был первым. Два месяца назад. Его разнесли на куски чем-то вроде гранаты. Работал он над «Поле битвы»¹. Руби Джи со знанием дела затоптали ногами. Ее задание — «Золотоискатели 1933 года»². Консодайну вырвало горло какое-то животное. Помнишь шуточки об оборотнях в новостях? Он переделывал «Лесси возвращается домой»³. Ничего не замечаешь?

Он хотел, чтобы она сама сделала вывод.

¹ «Поле битвы» — фильм Уильяма Уэллмена 1949 г. Получил два «Оскара» за операторскую работу и сценарий. Фильм посвящен одному из эпизодов Арденнской операции, попавшей в окружение дивизии США.

² «Золотоискатели 1933 года» — мюзикл Мервина Лероя 1933 г. с большим количеством танцев.

³ «Лесси возвращается домой» — фильм 1943 г. Фреда Уилкокса, повествующий о путешествии собаки колли домой.

Роудз протолкнула «Капитана Блада» в пасть магнитофона и начала колдовать над кнопками. На экране появилась сцена секса, обычное дело, если запустить кассету наугад.

— Именно это место переделывал Тарнаверро, когда его убили. С кассеты пришлось счищать кровь и кишки. Ассессор забило.

На экране Эррол Флинн содомировал юнгу¹. Процесс показывали в деталях. Было бы расточительно не отметить столь легендарный вклад звезды в фильм, а исторические исследования доказали, что мужеложство было делом вполне обычным на пиратских кораблях XVII века с их полностью мужскими командами. К тому же хотелось создать роль для молодого Дэвида Боуи. Изображение чуть двоилось, в углу экрана мелькнули условные метки Тарнаверро, но в остальном все было в порядке. Добавление явно вышло успешным. Салли не особо следила за происходящим, ожидая чего-то.

— Вот, смотри, вот где это произошло... — Она поставила изображение на паузу. — Взгляни на эту линию.

По экрану, точно рябь, прошла полоса другого цвета. Роудз включила медленную перемотку, кадр за кадром демонстрируя развитие сбоя. Тот шел по диагонали, слева направо, и внутри него картина изменялась, становилась похожей на пастельные оттенки трехцветного техникolora, не слишком реалистичными и откровенно блеклыми, на вкус Монтэ. Когда рябь прошла, все вернулось к черно-белой гамме. Лицо Боуи сменилось Оливией де Хэвиланд, а склейку спустя Эррол Флинн уже стоял полностью одетый. За стеной каюты послышался какой-то шум, и актер с абордажной саблей ринулся к двери.

— Так здесь Тарнаверро закончил? Это уже пошла оригинальная версия?

— Не совсем, — заметила Салли, пальцем ткнув в «паузу».

¹ По версии некоторых биографов Эррола Флинна, актер был бисексуален, мимо этого «Монтэ видео» пройти явно не могло.

Орда массовки живописно съежилась от страха, когда капитан Блад набросился на нее. То были типичные пираты от «Уорнер Бразерс»: морские волки с сережками, тремя или четырьмя ножами за поясом, в полосатых бандах, высоких сапогах и с глупым выражением лица. Но посередине толпы стоял лысый субъект в очках, стилизованных под крышки от колы, одетый в двубортный костюм из китовой кожи. Это был сам Тарнаверро. Женщина убрала палец с экрана, действие возобновилось. Флинн отбросил двух здоровенных нападающих. Тарнаверро оказался в самой гуще схватки, развернулся и попытался бежать. Очки у него упали, их пнул за борт ухмыляющийся Бэзил Рэтбоун. Ремейкер попытался скрыться и споткнулся о юбки де Хэвилланд. Флинн улыбнулся, невероятно красивый в дыму битвы, и изящным движением насквозь пронзил чужака. Он стряхнул тело с сабли, и оно упало в машущую клинками толпу. Пираты принялись безжалостно рубить его на куски. Тарнаверро даже удостоился крупного плана: дергающееся тело, вращающиеся глазные яблоки, петля серой веревки на шее. А потом исчез — еще один мертвый статист, — и Флинн, танцуя, направился к Рэтбоуну, насмехаясь над женственными украшениями врага.

Монтэ пришел в ужас.

— Неплохо сделано, так?

Ему пришлось согласиться:

— Для такого нужен очень опытный ремейкер... Но это же бессмысленно.

Фильм продолжался своим чередом. Михаэль выключил звук, черно-белые фигуры по-прежнему танцевали на стене. Он погрузился в раздумья.

— Монтэ, ты знаешь некоего Каспаса Клейнзака?

— Конечно. Он тоже ремейкер. Работает на «Агфа-Дайэй». Я пытался его переманить. Из-за этих проблем нам понадобится несколько высококлассных перебежчиков, чтобы справиться с потоком заказов. Он не моего уровня и даже не уровня Тарнаверро, но хороший профессионал. Так «Агфа-Дайэй» замешана в этом?

— Вряд ли. Клейнзак умер. Журналисты еще не узнали об этом, но почерк тот же. Думаю, у концерна есть и другие жертвы, а «МакДисней» и вовсе объявил тотальное ужесточение режима безопасности. Кто-то затаил большую злобу на ремейкеров. Клейнзака застрелили. Он работал над «Моей дорогой Клементиной». Тебе же знаком этот фильм?

— Тысяча девятьсот сорок шестой год, вестерн. Режиссер — Джон Форд, Генри Фонда в роли Уайатта Эрпа. Виктор Мэтьюр в роли Дока Холлидея. Студия «Двадцатый век Фокс». Не только ты знаешь детали. До сих пор помню эти ужасные переговоры по правам в прошлом году, «Агфа-Дайэй» здорово меня тогда обставили.

Салли улыбнулась:

— Именно этот фильм. «Агфа» наняла Армию спасения¹ в качестве службы безопасности. Для тебя это слишком ортодоксально. В общем, у меня там есть пара друзей, удалось собрать информацию. Согласно ей, Клейнзака убрали довольно экзотическим способом. «Бантлайн спешал». Слышал о таком? Ну еще бы. Настоящая гордость Дикого Запада, легендарный револьвер с одиннадцатидюймовым стволом. У Уайатта Эрпа был такой. Видишь связь? В Армии больше ничего не сказали, но мне кажется, что если бы мы посмотрели «Клементину» Клейнзака, то увидели бы вот этот спазм цвета, а потом немца в лабораторном халате, попавшего в перестрелку где-нибудь в загоне и словившего весьма немалую пулю.

Когда Салли Роудз ушла, Михаэль решил побаловать себя наркотиками. Его трясло, тут он себя не обманывал. В предыдущих корпоративных войнах никогда не страдал верхний эшелон. С трупом не договоришься. Но это дело, эта кампания устрашения... Новые игроки, похоже, не осо-

¹ *Армия спасения* — международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX в. и поддерживаемая протестантами-евангелистами. В соответствии со своим названием организация отчасти напоминает армейскую структуру — во главе ее стоит генерал, рядовые члены называются солдатами, носят униформу и знаки отличия.

бо заботятся об этике монетаристской дипломатии. А заключение Роудз было и вовсе ужасным: «Кто-то или что-то очень не любит твой бизнес, Мики, и готово пойти на крайние меры, чтобы вывести тебя и всех в этом производстве из игры».

Дома Михаэль был в полной безопасности. Защита включена, территория под охраной. В системе не было людей, а потому и предателей, управляющий искусственный интеллект недавно прошел апгрейд. Когда Монтэ уходил, в коридор выпустили мух-убийц — работники давно называли его дом «Особняком с привидениями», — которые были запрограммированы произвести смертельную инъекцию любому, кто не совпадал с конфигурацией передвижений Монтэ. Он был защищен так, как вообще может быть защищен человек.

Ремейкер сел на кровать-пузырь психоделической расцветки и посмотрел на тигровые полосы картины Мондриана¹. Та пошевелилась во сне. Он позволил приятному теплу химии просочиться в тело и успокоить его. Дыхание полотна неожиданно стало прерывистым. Оно умерло, цвета померкли до серого, а желе свернулось под стеклом. Такое уже происходило и прежде. Ошибка в системе обогрева. Не о чем беспокоиться, нашептывал наркотик в крови. А глубоко внутри неодурманенная часть сознания зашлась криком.

Монтэ поплыл обратно в комнату с мольбертом. Когда он проходил мимо сенсоров, те зарегистрировали его температуру тела. На потолке зажглись лампы, потом погасли. Впереди была темнота, позади, но он всегда находился под светом. В безопасности, озаренный лучами.

Во мраке заблестели чьи-то темные глаза.

Михаэль слышал шорох и повернулся. Ничего не увидел, но краем глаза словно зафиксировал образ. Высокий мужчина в тяжелом плаще.

Он один в доме. Трехмерный план на стене служил тому доказательством. Монтэ отображался на нем оран-

¹ Пит Мондриан (1912–1944) — нидерландский художник, который наряду с Малевичем и Кандинским положил начало абстрактной живописи.

жевой точкой, мигающей в коридоре. Других теплых тел в доме не было.

Ремейкер слишком поздно пришел в рабочую комнату. Спазм уже исчез в правом углу экрана. Осталась только черно-белая картинка. Монтэ встал над мольбертом, следя, как камера скользит по пустому склепу. С гробов упали крышки, а всякая ползучая гадость — огромные пауки, крысы, броненосец — разбежались по углам. Жены Дракулы в длинных белых одеждах печально ждали, бесконечно терпеливые, возвращения своего повелителя.

Действие наркотика достигло пика. Успокаивающая основа пилюли растворилась, впуская в организм потенциально опасную дозу, и рвотная сердцевина распространилась по кишкам. Если Монтэ захотел бы еще порцию, ему для начала пришлось бы воспользоваться туалетом. Спокойствие испарилось без следа. Пульт управления завладел страх, по позвоночнику пробежались ледяные пальцы. Надо очистить желудок.

В ванной на всех стенах висели зеркала, и она производила роскошное впечатление коврами, бирюзой и алым шелком. Дизайн скопировали с постановки Сесилия Де-Милля 1920-х годов, которую Монтэ отверг как совершенно устаревшую для полноценного ремейкера. Украшенные драгоценными камнями краны сияли на фоне зеленовато-известкового, с прожилками мрамора джакузи. Именно это помещение, гораздо больше чем строгая спальня, воплощало фантазии и успехи художника.

Монтэ согнулся над красно-рыжим унитазом, выполненным в форме рога тритона, и его вырвало. Захлопнул крышку в форме раковины устрицы и сел на нее. Рвотное производило успокаивающий побочный эффект. Чувствовал он себя плохо, но после очистки стало лучше. Ремейкер умыл лицо в раковине, выполненной в форме купели Солсберийского собора, только горчичного цвета.

Позади него бесшумно открылась дверь.

Монтэ внимательно изучил свое лицо в зеркале. Похоже, кожа может быть дряблой и изможденной одновременно. Он оскалил зубы. Покрыты желтым налетом. А по-

том тварь напала на него. Ремейкер увидел руку, схватившую его за челюсть, почувствовал вторую, потянувшую за волосы, но в зеркале ничего не отразилось. Михаэля крепко держала пустота. Его словно сковали стальными полосами. Опустив взгляд вниз, он заметил темный рукав смокинга и черные складки плаща; но в зеркале (на экране?) Монтэ боролся с самим собой. С него сорвали кружевной воротник. Холодные губы присосались к горлу, ледяные зубы пронзили кожу...

Бирюза и краснота поблекли первыми, превратившись в мертвенную серость. Потом выцвела рубашка, став тусклым неразличимым пятном. Зрение медленно истекало, спазм цвета пронесся слева направо перед глазами...

Монтэ чувствовал, как его опустошают. Слабым движением руки попытался оттолкнуть невидимое лицо, прижавшееся к горлу. Боли не было. На глаза ему попала собственная ладонь, холодная и мокрая.

Последней вещью, которую Михаэль увидел в своей жизни, были его собственные пальцы, навечно испятнанные черной кровью.

ГРЕГОРИ ФРОСТ

Лизавета

Грегори Фрост является автором трех романов в жанре фэнтези с необычными названиями: «Лирек» («Lures»), «Тэйн» («Tain») и «Ремскела» («Remscela»), а также нескольких десятков рассказов в жанрах хоррор, фэнтези и научной фантастики. Фрост печатался в таких журналах, как «Azimov's», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Twilight Zone» и «Night Cry», и в антологиях «Потрошитель!» («Ripper!»), «Тропические холода» («Tropical Chills»), «Лиавек» («Liavek») и «Приглашение в Камелот» («Invitation to Camelot»).

В настоящее время Фрост живет в Филадельфии со своей женой Барбарой и котом размером со Стейшен-айленд. Однако его любимым городом остается Эдинбург, где он когда-то провел неделю, запершись в квартире без удобств и читая «Лесовика» Кингсли Эмиса и «Создателя звезд» Олафа Стэплдона. Фрост признается, что хотел бы вернуться туда.

Писатель говорит, что замысел рассказа «Лизавета», действие которого происходит в России в начале XX века, появился после прочтения труда Гаррисона Солсбери «Черная ночь, белый снег» («Black Night, White Snow»), посвященного русским революциям 1905 и 1917 годов. Рассказ впервые был опубликован в научно-фантастическом журнале.

Шагая со своими товарищами по грязной улице, погруженной в туман, Сергей Зарубкин размышлял о том, виновата ли война с японцами во вспышках насилия, распространявшихся по Москве. Война превратилась в какую-то пародию — подумать только, такая могучая нация, как русские, не смогла одолеть выскочек-азиатов. К тому же август в этом году выдался жаркий, отчего головы у людей шли кругом, участились драки и даже убийства, как, например, прошлой ночью в Яме.

Яма — московский район красных фонарей. Три квартала разноцветных домов, окна с резными наличниками и тюлевыми занавесками; час с женщиной здесь стоил три рубля, ночь — десять рублей, здесь мальчишки из богатых и знатных семей становились мужчинами. Но сегодня ночью Яма лежала во тьме, на улицах стояла полная тишина. Дома были разграблены, белые наличники переломаны, тюлевые занавески обуглились или висели клочьями. Проституток избили, некоторые были убиты, иных прогнали. Именно поэтому четверо гвардейских офицеров вынуждены были прийти сюда, в выгребную яму под названием Хитров рынок, в поисках женщин на ночь.

Зарубкин сделал глоток из бутылки водки, затем передал ее Гладыкину, шедшему справа. Тот поднял бутылку с радостным возгласом, словно национальное достояние, и, прежде чем передать ее Гетцу, отхлебнул как следует. Шагавший слева от Зарубкина Ваня подал ему новую бутылку — должно быть, он припрятал ее за пазухой шинели. Зарубкин улыбнулся ему, и тут же перед ним мелькнуло его искаженное страхом лицо, освещенное пламенем пожаров, пылавших минувшей ночью в Яме. Все начали драгуны вроде него: два идиота, решивших, что какая-то мадам обманула их на три рубля, два человека, которых жара, нервное напряжение, импотенция и спиртное довели до того, что они организовали целую армию гражданских, начавшую грабить и убивать. Сегодня эти гражданские, обезумев, бродили по Москве. насилие порождает насилие. Жаждающая крови толпа забыла о шлюхах и обратилась с более зловещими намерениями к другой цели — жидам. Евреям.

Зарубкин, капитан лейб-гвардии, взглянул из-за плеч своих приятелей вперед, в туман. Почему, размышлял он, озлобленные люди не разгромили вместо Ямы это отвратительное место? Даже полицейские избегали появляться на Хитровке. Плотное одеяло тумана скрывало язвы этого места, но запах его был неистребим, и Зарубкину показалось, что он покрывается какой-то слизью. Он как следует хлебнул из Ваниной бутылки и прорычал.

— К черту добропорядочных граждан!

В конце концов, именно из-за них он и его друзья вынуждены были сегодня прийти сюда. Они пошли бы куда угодно, только подальше от толпы. Пусть те, у кого сегодня дежурство, варятся в этом аду. Только не он, только не две ночи подряд.

Гладыкин рассмеялся и похлопал его по плечу.

— К черту добропорядочных, — согласился он и добавил: — Пусть они все сгорят в аду, если хоть один из нас сегодня подцепит здесь мандавошек.

Ваня воскликнул:

— Мандавошки! За мандавошек!

Затем они выпили за здоровье гнид и зашагали дальше. Сапоги их стучали по булыжникам погруженной во тьму мостовой, словно лошадиные подковы.

Какое зло ни обитало в Яме, оно не шло ни в какое сравнение с Хитровкой. Здесь, как Зарубкин узнал из откровенных газетных статей Гиляровского¹, девочки в возрасте десяти-одиннадцати лет сменяли занятия попрошайничеством на проституцию и назывались «тетками». Многие к этому времени становились алкоголичками, хотя их сутенеры, «коты», и разбавляли водку. Не многие доживали до четырнадцати лет. Гиляровский не встретил ни одной проститутки старше четырнадцати. И теперь благодаря двум идиотам в военной форме злополучным девчонкам-неумехам придется конкурировать с профессиональными проститутками, отчаявшимися жертвами вчерашнего пожара. Сколько из них, размышлял Зарубкин, бродит сейчас в тумане впереди?

Четверо приближались к центру Хитровки, и из темноты начали появляться попрошайки. Нищие жили в переполненных домах вокруг площади — тысячи грязных тел теснились на пространстве в несколько кварталов. Некоторые были изувечены или обезображены и не в состоянии

¹ Гиляровский Владимир Алексеевич (1855—1935) — «царь московских репортеров», журналист, автор книг «Трущобные люди» (1887), запрещенной цензурой, и «Москва и москвичи» (1935), где описывается городской дореволюционный быт

были работать. Некоторые держали в руках детские трупки, чтобы вызвать сочувствие и получить несколько монет, хотя смерть ребенка для них означала лишь избавление от лишней проблемы. Часто мертвые дети были чужими.

При виде плечистых, откормленных гвардейцев большинство нищих уползали обратно в тень, в клубящийся туман. Офицеры направлялись к трактиру «Пересыльный»¹, где уцелевшие проститутки из Ямы, скорее всего, нашли убежище. Проходя мимо разведенного на тротуаре костра, Зарубкин почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Это оказалось костлявое создание, гревшее руки над огнем, на котором другой несчастный, не замечая прохожих, варил в ржавом котелке бурду из колбасы и лука — «собачью радость». Существо, смело уставившееся на военных, походило на старого карлика. Пламя костра освещало его руки с кожей, напоминавшей пергамент, и почти безволосую голову, казалось, сплюсненную с одной стороны. Карлик ухмыльнулся Зарубкину, открыв коричневые обломки, перемежавшиеся с дырами, как у ребенка, теряющего молочные зубы. Нос его походил на гнилую морковку. Шипение варившейся бурды, казалось, исходило из рта карлика. Зарубкин отвернулся. Он велел себе успокоиться и обнаружил, что рука его сжимает рукоятку револьвера.

В этот момент Гладыкин объявил:

— Думаю, настало время разделиться, господа. Если пойдем вместе, распугаем наших прелестниц. Чего доброго, после вчерашнего *тетки* подумают, что мы пришли убивать их.

— Хорошо, — согласился Гетц, — увидимся в «Пересыльном».

Он внезапно свернул в проулок. Они слышали его шаги еще долго после того, как он скрылся из виду. Гладыкин подмигнул Зарубкину, развернулся и последовал за Гетцем, словно птица в косяке. «Увидимся, друг», — донесся из тумана его голос. Зарубкин обернулся к Ване,

¹ «Пересыльный» — трактир в ночлежном доме Румянцева.

но обнаружил, что тот без предупреждения покинул его. Зарубкин замедлил шаги и огляделся. Ему не особенно хотелось разгуливать по этому месту в одиночку, хотя офицерам здесь практически ничто не угрожало.

То там, то здесь жалкие огоньки освещали группы людей, но туман поглощал их голоса и превращал их в бесформенные фигуры. Карлик с тротуара исчез. Возможно, туман поглотил и его.

Зарубкин повернул к «Пересыльному», и в это время слева, из подворотни, к нему кто-то бросился. Офицер отскочил, схватив бутылку за горлышко, готовый защищаться. К нему протянулись руки в кружевных митенках. Тонкие пальцы схватили Зарубкина за запястья, нащупали горлышко бутылки; он почувствовал, что на нем повисло женское тело. Да, перед ним стояла женщина. Несколько мгновений она с непритворным ужасом рассматривала его лицо, затем взглянула ему за спину и нервно огляделась по сторонам.

Зарубкин решил, что ей около двадцати пяти. От водки у нее уже появились мешки под глазами, но тело еще не распухло, нос не покраснел. Она была стройной, высокой, с правильными чертами и гордым выражением лица. Ее золотистые волосы беспорядочно спадали на плечи, но было видно, что недавно они были уложены в прическу.

Женщина снова взглянула Зарубкину в лицо; в темных глазах бился неприкрытый ужас. Кто гнался за ней в тумане? Он невольно огляделся по сторонам. Кем бы ни был ее преследователь, он, без сомнения, не захотел бы связываться с гвардейцем. Может, она поэтому и бросилась к нему? Он улыбнулся, стараясь успокоить женщину, и сказал:

— Не хочешь водки? Неразбавленная — настоящая «Смирновская».

На губах ее мелькнула отчаянная улыбка, на щеках появились тонкие морщинки, показались хорошие белые зубы. Конечно же, догадался Зарубкин, это девушка из Ямы. Неудивительно, что она напугана: в этом месте она играет роль овечки среди волчьей стаи.

Проститутка почти прижалась к нему.

— Ты очень добр, спасибо.

Она взяла бутылку и сделала большой глоток. Он заметил, что она снова оглянулась, ища что-то в тумане; глаза ее все время бегали. Затем вернула ему бутылку; водка блестела у нее на губах.

Она спросила:

— Не хочешь провести со мной ночь, дружок?

Это привело Зарубкина в замешательство: ведь, в конце концов, этот вопрос должен был задавать он. Ей, как проститутке из Ямы, следовало знать ритуал. Он осторожно взял бутылку обратно.

Девушка, казалось, угадала его сомнения.

— Смотри, — произнесла она и принялась торопливо копаться в маленькой сумочке. — У меня есть билет. — Она протянула желтую карточку. — Все по закону.

Зарубкин сомневался, но в девушке, в ее затруднительном положении было нечто такое, что не могло оставить его равнодушным.

— Хорошо, — сказал Зарубкин, и проститутка снова огляделась по сторонам.

У нее появились враги среди местных обитателей — возможно, из-за ее благородных манер, подумал он. На Хитровке она может исчезнуть, и никто не подумает искать ее. Кому какое дело — еще одна шлюха утонет в вонючей Яузе. Должно быть, она очень сильно напугана, раз так смело предлагает свои услуги. Но его затруднение состояло в том, что на имевшиеся у него деньги он мог купить лишь час ее услуг, если хотел потом продолжать пить с друзьями. В некотором смущении он объяснил ей это. Женщина истерически расхохоталась.

— Три рубля? — воскликнула она и крепко прижалась к нему. — Мой дорогой капитан, за три рубля ты можешь забрать меня насовсем.

У Зарубкина отвисла челюсть. Ему приходилось иметь дело с проститутками, и он знал, что у них не принято так вести дело. Затем она уткнулась лицом в его воротник и прошептала:

— Прошу тебя, останься сегодня со мной, капитан. Не оставляй меня этому... этому ужасу.

От нее пахло мылом — дорогим французским мылом. Он удивился тому, что такой тонкий запах пережил целый день среди нечистот Хитровки. Грудь проститутки коснулась тыльной стороны его ладони, которой он прижимал к себе бутылку. От этого запаха, от ее вида, от тайны, окружавшей ее, он почувствовал возбуждение.

— Конечно, — солгал он. — Конечно, я останусь. Где ты живешь?

Три кровати теснились в крошечной комнатке вокруг изрезанного, покоробившегося умывальника, на котором стояли треснутый кувшин и медная лампа. Две кровати были пусты, и проститутка заверила гостя, что их хозяйки сегодня не вернутся сюда.

— Утром они сбежали из города, Нева и Оленька. Мне бы надо было уйти вместе с ними, но они не стали ждать. — Она отвернулась, чтобы успокоиться. — Прости. Ты, разумеется, рад, что мы одни.

Она отбросила с кровати покрывало. На простынях виднелись какие-то пятна цвета ржавчины, но женщина уверила Зарубкина, что тут нет клопов. Профессионалка проявилась в ней, когда она начала раздеваться, механически, спокойно, она выдала волнение только в конце, снимая белоснежное белье. Затем она помогла раздеться ему — пальцы ее действовали умело, но она явно нервничала.

Они легли в кровать. Стройное тело девушки дрожало, но она храбро улыбалась, готовая вынести что угодно, только бы он остался с ней. Эта странная стеснительность показалась Зарубкину возбуждающей, и он притянул девушку к себе. Она остановила его.

— Меня зовут Лизавета Острова, — сказала она.

— А меня — Зарубкин.

Женщина вопросительно взглянула ему в глаза.

— Сергей, — уступил он.

— Сергей, — без выражения повторила она и наконец отдалась ему.

От выпитой водки тепло разлилось по его телу. Проститутка совершенно не походила на тех шлюх, с которыми приходилось бывать Зарубкину: обычно они изображали лишь слабый интерес к партнеру, а некоторые вообще были равнодушны. Они были ему тоже безразличны. Но эта женщина отнеслась к нему, как к глотку воды в пустыне, как к последнему обеду перед казнью. За три часа они трижды занимались любовью и прикончили Ванину бутылку водки. Затем Лизавета достала свою бутылку из небольшого шкафчика под покосившимся окном; чтобы добраться до него, ей пришлось перебраться через две пустые кровати. Вернувшись и протягивая Зарубкину бутылку, она извиняющимся тоном проговорила:

— Она слабее твоей. В Яме мадам запрещала нам напиваться, чтобы мы не забывали забирать деньги.

— Значит, ты хочешь, чтобы я заплатил тебе сейчас? В глазах ее снова мелькнул страх.

— Нет, не надо платить, пока ты не уходишь. Потом, утром.

— Да в чем дело, что, твой «кот» ищет тебя?

Она покачала головой.

— Я здесь одна. И сейчас, когда пришло столько новых, стало труднее найти работу...

До него не сразу дошел смысл сказанного.

— Значит, ты пришла сюда до того, как Яму сожгли? Боже мой, но почему? Такая красивая женщина, изящная, воспитанная...

— О, у меня дела шли хорошо. Я быстро научилась, хотя я поздно начала этим заниматься. Я тебе понравилась?

— Очень, то есть я хочу сказать, три раза — это... — Он огляделся по сторонам, чтобы скрыть смущение. Этот смелый вопрос — уже похоже на шлюх, которых он знал. — Значит, ты недавно стала проституткой. А почему ты выбрала... то есть почему из всех путей ты выбрала именно этот?

— Ты сам сейчас лежишь со шлюхой — так что не надо говорить так презрительно, капитан.

— Я не хотел... — Он разглядывал складки на простыне у своего локтя.

Лизавета негромко произнесла:

— Я была учительницей. — Затем подняла глаза, глядя куда-то в пространство, и отпила большой глоток из бутылки. — Я любила детей. Действительно любила.

Она медленно улеглась рядом с ним, прижавшись лицом к его плечу, положив пальцы ног на его ступни. Она была почти с него ростом.

Сначала Зарубкин собирался уйти побыстрее, уверенный, что друзьям надоест ждать и они отправятся пить без него. Но теперь он понял, что не пойдет с ними. Эта женщина, Лизавета Острова, вела себя не так, как другие шлюхи. Ее непритворный страх — если он был не наигранным — пробудил у Зарубкина интерес к ее истории, точно так же, как возбудил желание обладать ее телом. Ему на самом деле захотелось узнать, что привело ее сюда. И что пряталось в тумане.

Сначала, когда он спросил об этом Лизавету, то подумал, что она ничего не расскажет. Затем она вздохнула, наклонилась и поцеловала его.

— Значит, ты остаешься со мной? — Очевидно, она поняла, что, пообещав быть с ней всю ночь, он солгал.

— Остаюсь. На этот раз я говорю правду, клянусь, я останусь до рассвета.

Она прикрыла глаза рукой, губы ее задрожали. На щеке показалась блестящая слеза.

Не желая больше просить и обещать, Зарубкин пил и ждал, ждал и пил. Когда она заговорила, то ее едва слышный шепот застал его врасплох. Оказывается, она уже начала свою историю, и он попросил ее повторить начало.

— Закончив московский университет, — говорила она, — я получила право работать учительницей, но не смогла найти работу в Москве и поэтому обратилась в университет, надеясь выяснить у них насчет места. Мне следовало сделать это сразу же, потому что я, наверное, пришла последней из всех выпускниц. Мне дали список школ, нуждавших-

ся в учителях, и он был весьма невелик. Несколько вакансий, и все буквально на краю света. Одно селение находилось на юге, у подножия Уральских гор. Предложение выглядело заманчиво; там было тепло и солнечно, в отличие от таких мест, как Жиганск или Обдорск, которые тоже значились в списке. Я всегда хотела жить в теплом климате, наверное, из-за детства, проведенного в жутких московских холодах. Мы всегда хотим чего-то нового, чего-то такого, чего нет у нас. Я написала письмо в это село, которое называлось Девашгород, и сообщила, что согласна поступить к ним на работу учительницей. И принялась ждать — я ждала ответа почти месяц. И вот наконец мне прислали письмо с согласием и указаниями, как до них добраться.

Я выехала сразу же. Добралась на поезде до Оренбурга, ближайшего к моему новому дому цивилизованного места; до села было около ста километров. Я нашла тройку, которая уходила из города к Уралу, и заняла место среди незнакомых людей, рядом с каким-то мужчиной, по моему, персом, который только что приехал с Каспийского моря. От него исходил какой-то чуждый, сладкий запах, и, когда я поворачивалась к нему, он широко и открыто улыбался мне, сверкая множеством белых зубов. Остальные пассажиры, казалось, были оскорблены его присутствием и презирали меня за то, что я не проявляю к нему враждебности. За весь первый день пути никто из них не сказал мне ни слова. Но мне было все равно. Я, откинувшись на спинку сиденья, разглядывала проплывавшие мимо необыкновенные пейзажи — холмистые степи, покрытые цветами, горы, которые приближались и росли. На второй день путешествия большинство пассажиров добрались до мест назначения. Остались только три человека: я, перс и человек, ехавший с ямщиком в какое-то место на реке Тобол.

— Это очень древняя страна, — обратился ко мне перс. Думаю, оставшись наедине со мной, он решил сбросить показное безразличие. Он заявил, что в местах, по которым мы проезжали, когда-то процветали древнейшие в мире цивилизации. «Время, — сказал он, — едва коснулось этой

земли». Он не мог понять, зачем такая девушка, как я, оказалась одна в подобном месте. И я рассказала ему о своей будущей работе. «Где?» — спросил он. «В Девашгороде», — ответила я.

Человек, ехавший на Тобол, не слышал моих слов, но перс был неприятно удивлен. Он нахмурился, лицо его покрылось морщинами, словно вспаханное поле, и он стиснул мою руку со словами: «Разве вам необходимо ехать туда, сударыня? Разве это так необходимо?» И я ответила, что да, я обязана ехать, ибо отказ испортит мне дальнейшую карьеру. С этого момента я превратилась в парию, и он, азиат, избегал смотреть на меня; другой человек презрительно рассмеялся и назвал его «суеверным холопом», но вскоре также замолчал и впал в задумчивость, потом притворился спящим. В конце концов я со своим чемоданом оказалась на перекрестке у дороги, ведущей в Девашгород.

Появилась повозка, запряженная одной лошадью. Возница поднялся на ноги и приветствовал меня широким взмахом руки. Это был могучий человек с длинными, блестящими черными волосами, густыми усами и лицом казака, которое, казалось, было создано с помощью мастера шпукатура. На нем были яркая крестьянская рубаша и штаны из грубой ткани, заправленные в сильно поношенные высокие сапоги. Он назвался Трифоном. «Смешное имя», — подумала я. Пока мы ехали, он объяснил, что он — атаман, то есть в некотором роде вождь, исполняющий не только судебные, но и религиозные функции. В любом казацком селе имеется атаман, сообщил он мне.

Повозка перевалила через гребень холма, и перед нами раскинулся Девашгород. Село походило на набор кукольных домиков, симпатичных, выкрашенных в яркие цвета, и являло собой картину полной безмятежности — или почти полной. На краю села, ближайшем к дороге, прямо под нами, виднелась огромная яма, заросшая травой. Сверху я могла заглянуть туда и обнаружила, что на дне ее видна крыша дома.

— Что здесь произошло? — спросила я.

Трифон быстро ответил:

— Нечто ужасное. Землетрясение, земля разверзлась и поглотила дом. Самый ужасный день в жизни нашего села. Но вот, смотрите, — сменил он тему и указал на ельник, среди которого виднелась небольшая хижина. — Здесь вы будете учить детей, это школа. — Трифон хлопнул в ладоши, давая понять, что разговор окончен, и мы поехали вниз, в долину.

Лизавета смолкла, чтобы сделать очередной глоток водки.

Несколько озадаченный, Зарубкин спросил:

— Но как это могло привести к тому, что ты стала проституткой? Что, этот Трифон напал на тебя и изнасиловал?

Она рассмеялась.

— О нет, мой дорогой капитан. Неужели после такого захочется повторений?! Я уже скоро дойду до этого, но дай мне рассказать все по порядку, прошу тебя. — Она обняла его, чтобы уговорить дослушать. Снаружи чей-то голос злобно выкрикнул несколько грязных ругательств, другой голос приказал ему заткнуться. Лизавета, не обращая внимания на шум, продолжала: — Так вот, слушай. На следующий день я приступила к работе. Меня поселили в семье местных жителей, носящих фамилию Шалдины. У них было большое хозяйство и просторный дом, и Трифон заранее с ними обо всем договорился. Сын и дочь хозяев учились в школе. От них я узнала о своей предшественнице и запомнила несколько имен учеников. Дочь хозяев, Лариса, предупредила меня, чтобы я остерегалась одного мальчика, по имени Акакий. Я подумала, что он главарь какой-нибудь шайки. В школе было лишь двадцать два ученика; я решила, что некоторые родители не отдавали своих детей в школу и учили их дома, если учили вообще, не желая, чтобы их отпрыски узнали о «другом мире».

Рано утром, до прихода учеников, я отправилась в школьное здание. Там я нашла кипы бумаг и журналы моей предшественницы. Все было покрыто толстым сло-

ем пыли. Я подумала: интересно, давно ли дети лишились учительницы?

Когда я заканчивала уборку, начали подходить дети. Большинство стеснялось или немного побаивалось меня. Затем с улицы донеслись громкий злой смех и хор голосов, дразнивших кого-то. Я подошла к двери. При моем появлении человек десять детей замолчали и расступились. Сначала я подумала, что они издевались над стариком, но тут же поняла, что этот «старик» был на самом деле ребенком, жертвой ужасной болезни, заставляющей человека преждевременно стареть. Я слышала об этой болезни, но мне никогда не приходилось видеть столь душераздирающего зрелища.

Он согнулся пополам, словно болезнь тянула его к земле. Голова его казалась слишком тяжелой для шеи. Под кожей почти лысого черепа просвечивали темно-синие вены. Кожа у него была полупрозрачной, как кожа лукавицы. Это было жутко. Его холодные глаза, похожие на птичьи, яростно уставились на меня; хромая, дыша с присвистом, не сводя с меня пристального взгляда, он проковылял мимо, к двери; его покалеченная правая рука была прижата к телу. Я поразились жестокости детей, не могла понять, как они осмелились открыто издеваться над несчастным. Я решила, что изменю положение. Дети, пораженные этой ужасной болезнью, редко доживают даже до десяти лет, и мне отчаянно захотелось, чтобы этот мальчик прожил оставшееся ему время в покое.

Когда дети заняли места, я велела им по очереди называть свои имена и сказать, чему они научились в школе. Когда очередь дошла до иссохшего мальчика, он продолжал молчать и тяжелым взглядом смотрел прямо перед собой, словно глухой. Я решила, что передо мной несчастная жертва, настолько запуганная, что не доверяет чужаку. Я спросила, не может ли кто-нибудь назвать мне его имя. Лариса Шалдина встала очень тихо, но мальчик, казалось, почувствовал, что она стоит у него за спиной.

— Это Акакий, — произнесла она ядовито, удивив меня. — Ему не нужны уроки, и он у вас не будет учиться,

как бы сильно вы ни старались. Даже его родичи ненавидят его за... — она смолкла и огляделась по сторонам, — за то, что он отвергает все и всех.

— Но почему вы его презираете? — Хотя я обращалась к Ларисе, этот вопрос был задан всем ученикам.

Ларису, казалось, смутили мои слова, и она села на место. Кто-то более смелый крикнул с задней парты:

— Только посмотрите на него, и все поймете!

В классе раздалась смешки. Я поняла, что продолжать разговор невозможно, не обидев мальчика, и начала проверять, умеют ли дети читать и писать. Школьники едва знали половину букв. Казалось, моя предшественница не была слишком старательна.

В тот вечер я постучала в дверь Ларисы. Она села в кровати в ночной рубашке и не поднимала на меня глаз, пока я не села рядом.

— Дитя, — обратилась я к ней, — нельзя так относиться к обиженному судьбой. Это грешно.

— К обиженному судьбой? — повторила она. И снова в словах ее сквозила злоба. — Вы про Акакия? Он заслужил все это. Поскорее бы смерть забрала его отсюда. — Она замолчала, но по лицу ее я видела, что она могла бы сказать еще многое. На глазах ее выступили слезы ярости, и она мотнула головой. — Вы такая же, как та, другая. Вы приходите сюда и думаете, что знаете, как все должно быть в жизни. Но здесь все по-другому. Я вас предупреждаю, прошу, держитесь подальше от Акакия. Не пытайтесь помогать ему.

— Но это же смешно, дитя мое. Почему я должна...

— А разве в вашей Москве дома проваливаются сквозь землю? Разве земля разверзается и пожирает людей?

После этой вспышки Лариса отказалась со мной говорить. Щеки ее горели, словно ей стыдно было, что она вообще согласилась отвечать на мои вопросы.

Я, совершенно потрясенная, сжала ее руку и вышла, решив, что эти мысли девочке внушили родители. Но никак не могла понять почему. Неужели они заклеили мальчика как парию только из-за его болезни? Может

быть, они считают ее заразной? Или эти люди настолько погрязли в суевериях, что относятся к физическому уродство как к проклятию Господнему, отметине дьявола? Эти вопросы не давали мне заснуть почти до рассвета.

Наутро отец Ларисы еще больше сбил меня с толку. Он встретил меня в сенях, загородив мне выход. Он сказал, что гордится тем, что помогает деревне, но в его доме существуют правила, и одно из них — мне запрещено входить в спальни его детей. Я не знала, что ответить. Он задал риторический вопрос:

— Как это выглядело бы со стороны, если бы вы ночью пришли в комнату моего сына, чтобы поговорить с ним?

Я ответила, что это, без сомнения, неприлично, но добавила:

— Однако вашему сыну всего тринадцать лет.

— Тем более, — сказал он, как будто я согласилась с ним. — Это впечатлительный возраст. А он уже буквально без ума от вас. Вы не знали? Он романтичный мальчик, мой маленький Влад. Он может вас неправильно понять. Или подумает, что он тоже имеет право входить к другим людям по ночам, например, к сестре.

Я не могла понять смысла этого спора. И тем не менее уступила. В конце концов, я была гостьей. Но Шалдин не собирался на этом заканчивать, он продолжал:

— Запомните, сударыня, вы можете быть учительницей в школе, но здесь я устанавливаю правила, и вы обязаны их соблюдать. В конце концов, что мы знаем о вас, а вы о нас?

— Очень мало, — согласилась я. — Но я знаю достаточно, чтобы понять, что это каким-то образом связано с мальчиком по имени Акакий.

На самом деле я ничего подобного не знала, но меня как будто кто-то потянул за язык. Шалдин побледнел, словно я произнесла богохульство. Затем развернулся и выбежал из дома, хлопнув дверью. Должно быть, наш разговор слышала вся семья, а грохот двери разнесся по всему дому.

Я не сомневалась, что Шалдин запретил своим домочадцам говорить о несчастном мальчике. Теперь я запо-

дозрела, что между двумя семьями существует кровная вражда. Всем известно, как сильны узы крови среди казаков. Я слышала о раздорах, тянущихся на протяжении нескольких поколений, истинная причина которых давно забыта. Придя к такому выводу, я решила вечером повидать семью Акакия.

Когда закончились уроки, дети отправились по домам помогать родителям по хозяйству — в поле и дома всегда полно работы. Когда все уходило, я велела Акакию задержаться и, только когда мы остались одни, сообщила ему о желании увидеть его семью. Услышав эти слова, он даже глазом не моргнул. Сморщенная маска ненависти стала еще более презрительной, если это было возможно. У меня возникла безумная мысль: а может быть, все это уже происходило прежде, может быть, я повторяю действия своей предшественницы? Ребенок слез с табурета и, шаркая ногами, вышел из школы. Я, оставив свои вещи и бумаги, поспешила за ним.

Я помню, как у меня щипало глаза от пота в тот душный, жаркий день. Я убрала волосы с шеи и расстегнула ворот блузки. Легкий ветерок немного освежил меня. Догнать Акакия оказалось несложно, несмотря на то что мои ботинки на шнуровке не были предназначены для ходьбы по холмам и полям. Мы шли мимо стад овец и коз, и казалось, вся моя одежда пропиталась запахом их навоза.

Капитан рассмеялся.

— Ну, сейчас она ничем таким не пахнет, — сказал он и отдал ей бутылку.

Лизавета приподнялась, чтобы отпить глоток, и он увидел на фоне бледного прямоугольника окна ее профиль, увидел на ее губах капли влаги. Он снова подумал, что она действительно красавица. Снизу, с улицы, со стороны «Пересыльного», донеслись стук копыт по булыжной мостовой и крики, звучавшие как предупреждение об опасности. Зарубкин пробрался мимо женщины, по кроватям, как делала она, и сквозь грязное стекло взгляделся в ночь. Виднелись огни костров, но, кроме них, как он ни напрягал зрение, не смог ничего рассмотреть. Шум шагов смолк вдали.

Лизавета у него за спиной произнесла:

— Здесь так каждую ночь. Иногда слышишь голоса и понимаешь, что кого-то убивают.

Зарубкин вернулся в постель. Холодная бутылка коснулась его бедра. Он, вздрогнув, забрал ее у Лизаветы, отпил и устроился поудобнее, готовый слушать дальше.

— Ты шла к его дому, — напомнил он.

— Дом Акакия, — продолжала она, — представлял собой убогую хижину. К одной стороне ее был пристроен большой загон, но животные там были тощими и костлявыми. Мы поднялись на холм возле хижины, и, пока спускались, из дверей вышли четыре человека и в ожидании выстроились перед домом. Должно быть, они заметили нас раньше. Акакий, подойдя к отцу, остановился. Он сжался еще больше, чем обычно, и взглянул на него, не поднимая головы. Затем прошел мимо родичей и скрылся в хижине. Только после этого они посмотрели на меня — с таким же злобным выражением, что и мальчик. Я попыталась оправдать их враждебность тем, что они чувствовали себя проклятыми из-за физического недостатка ребенка. Я назвалась и сказала, что хочу помочь им и мальчику.

Отец презрительно фыркнул.

— Помочь нам? — переспросил он. — Если хотите нам помочь, убейте его. Этим вы поможете всей деревне и себе самой, госпожа учительница.

Я не могла поверить своим ушам. Человек это увидел, но лишь печально покачал головой. Затем сказал, что я такая, как другие, но, возможно, у следующей будет возможность выжить.

— А может быть, к тому времени мальчишка истощит свои силы, — заметил он. — Может быть, он израсходует их на вас.

После этого он велел мне уходить. Я обернулась к его жене, но та не поднимала на меня глаз. Старшая сестра Акакия, девушка, которой давно уже следовало быть замужем, взглянула на меня исподлобья, вызывая, словно говоря, чтобы я не смела обращаться к ней. Рядом

с ней стояла бабка, и только на ее лице я увидела сочувствие. Может быть, она единственная понимала, что за пределами Девашгорода существует другой мир. Она сказала:

— Вам лучше учить тех, кому это нужно.

Отец повторил, чтобы я уходила. У меня не оставалось выбора.

В тот вечер в доме Шалдина со мной почти не разговаривали, и, обращаясь ко мне, члены семьи не смотрели мне в глаза. Брат Ларисы, который якобы был в меня влюблен, буквально бросился в свою комнату, когда я встретила его на лестнице.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Когда наконец я закрыла глаза, мне снились яркие сны. Ушедший под землю дом снова поднялся на поверхность, и я ходила по обшитым досками коридорам. Двери передо мной раскрывались и захлопывались у меня за спиной.

Бродя по дому, я услышала, как кто-то тихо зовет меня по имени. Я пошла на голос, подождала, пока передо мной откроется дверь, и оказалась в маленькой комнате с темно-красными обоями и белыми тюлевыми занавесками.

Посредине комнаты стояла женщина. Сначала я решила, что ей уже за восемьдесят, но, как ни странно, на ней была одежда, похожая на мою, одежда молодой женщины. Занавески у нее за спиной трепетали.

— Не поддавайся ему, — произнесла она. — Он сожрет твою жизнь, чтобы продлить свою. Посмотри на меня. — Она развернулась ко мне, и я заметила, что блузка у нее на груди блестит от какой-то темной жидкости и, казалось, скрывает некую дыру. Возможно, она сказала бы больше, но занавеска ожила и свернулась, как змея. Она обвилась вокруг шеи женщины и сбила ее с ног. Я шагнула к ней, но она взмахом руки велела мне оставаться на месте. Затем занавеска дернулась, и женщина, разбив стекло, вылетела наружу. Лучи темного света, словно дьявольская противоположность свету солнца, залили комнату. Пол треснул у меня под ногами, и я провалилась в какую-то яму.

Я очнулась в своей комнате в доме Шалдиных. Простыни взмокли, и я, отбросив их, села на постели. Сердце мое бешено колотилось, я вся дрожала. Я зажгла лампу, откинулась на подушки и принялась размышлять об этом сне. Эта женщина — я догадалась, что она была учительницей, моей предшественницей. Что он сделал с ней, как получилось, что она так постарела? Мне на ум пришла бабка Акакия. А что если она тоже не старше меня? Чем больше я размышляла обо всем этом, тем более бессмысленным мне это казалось. Я напредила себе, что это всего лишь сон, в котором собраны наиболее странные вещи, с которыми я столкнулась в этой деревне, но никак не реальность. Я почувствовала себя очень глупо, снова укрылась одеялом и попыталась заснуть, оставив лампу гореть. В ту ночь мне больше ничего не снилось.

На следующий день Акакий не пришел в школу, и кто-то из детей сказал мне, что он слишком слаб и остался дома. Утро прошло без происшествий. Днем, возвращаясь домой, я встретила Трифона. Он спросил меня, как мне понравилась новая работа, и я ответила, что все в порядке, но что дети сильно отстали, потому что прежняя учительница работала плохо.

— Она была слабее вас, — заявил он, — но мы не должны судить ее слишком строго, верно?

Казалось, он прочел мои мысли или видел тот же сон, что и я. Я согласилась. Он продолжал:

— Она забыла о том, что не все дети нуждаются в пристальном внимании, и о том, что кто-то способен к учению, а кто-то нет. Есть дети, которые не хотят, чтобы им помогали. Хотя они всего лишь дети. Я думаю, вы понимаете это и не станете навлекать на себя неприятности.

Он попрощался со мной и отправился дальше. После этого разговора я пришла в уныние, потому что надеялась, что Трифон ответит на те вопросы, на которые не хотели отвечать остальные. Теперь я почувствовала себя поистине одинокой и затерянной в тысяче миль от знакомого мне мира. Я пошла домой, закрылась в своей комнате и раз-

рыдалась. Если кто-то и слышал мой плач, никто не пришел узнать, в чем дело. В конце концов я, утомленная слезами, уснула.

Мне снился сон, такой же живой и яркий, как в прошлую ночь. Сначала я не поняла, что это сон, потому что я по-прежнему лежала в своей комнате. Но затем я заметила, что на улице полная темнота. Занавески были отдернуты, на миг я увидела звезды, затем их скрыла какая-то тень. Я встала, зажгла лампу и поднесла ее к окну. В стекле я увидела свое отражение, но за ним заметила мальчика, Акакия, и лицо его было еще более отталкивающим, чем обычно, еще более морщинистым и злобным.

— Впусти меня, — сказал он, — ты должна мне помочь.

Я, держа лампу, отступила, взмахом руки давая ему знак войти. Он скользнул через подоконник, за которым клубился туман, и скрючился с гримасой боли на лице. Я поставила лампу у кровати, чтобы помочь ему подняться, вспомнив, что он был слишком слаб, чтобы прийти в школу, но он велел:

— Ложись в постель.

Я, к своему удивлению, повиновалась. Он подошел к изножью кровати и начал рыться в разбросанной одежде, лежавшей там со вчерашнего дня, среди которой была и моя ночная сорочка. Каждый предмет он подносил к носу и нюхал, как собака. Затем бросал и брал следующий, пока не испачкал все. Все это время он не сводил с меня взгляда блестящих глаз. Наконец он подошел ко мне и встал рядом. Искалеченная рука, которую он прижимал к телу, оказалась над моим лицом. Пальцы заканчивались длинными, острыми когтями. Другой рукой он развязал бант у меня на шее, схватил блузку и разорвал ее, открыв мою грудь. Он медленно разогнул руку и выставил когти. Рука оказалась вполне здоровой. Он опускал ее не спеша, наслаждаясь. В его жестоких глазах сверкнуло предчувствие экстаза — с тех пор я видела его у многих своих клиентов. Затем рука исчезла из моего поля зрения, и я ждала, не дыша, ни о чем не думая. Ждала. А потом когти вонзились в мою плоть. Я словно одеревенела, почувствовав, как будто мне

в сердце вонзили кусок льда. Спина моя изогнулась, и я подумала, что сейчас сломается позвоночник, но я не могла пошевелиться, чтобы защититься от кошмарного вампира. Он вздохнул, и я почувствовала, как его пальцы подбираются к моему сердцу. Эта боль — я не могу объяснить, но в ней была какая-то сладость, страдание смешивалось с почти невыносимым наслаждением. Я закричала, пытаюсь вырваться из лап Акакия. Он рассмеялся — но не как ребенок, а как сам дьявол. Выпрямился. Глаза его увеличились, приближались, заслонили все остальное.

Я проснулась, вечернее солнце ослепило меня — оно светило в окно, опустившись низко над горизонтом. Я встала, но от охватившего меня головокружения поканулась и вынуждена была перевести дыхание. Эти кошмары, подумала я, совершенно лишили меня сил. Я подошла к умывальнику, чтобы освежиться, и увидела свое отражение в зеркале. На груди у меня виднелось кольцо из пяти крошечных белых шрамов, окруженных синяками. Синяки скоро исчезли, но, если я зажгу лампу, ты увидишь шрамы. Заметив их, я разрыдалась. В эту минуту жена Шалдина позвала всех ужинать. Я не знала, что мне делать. Рассказать им? В этом не было смысла — они не проявляли сочувствия ко мне прежде, не проявят и теперь. А может быть, даже выгонят из дома. Я вытерла слезы, умылась, застегнула и пригладила блузку.

За ужином я молчала, что, казалось, устраивало всех. Я что-то ела, не понимая, что именно. Окружающие бросали на меня взгляды исподтишка. Дети, казалось, жалели меня, но в глазах родителей я заметила страх. Извинившись, я ушла в свою комнату.

Оказавшись у своей двери, я услышала в коридоре голос Шалдина:

— Я говорил Трифону, что не хочу навлекать на нас это. Пусть она отправляется в другой дом, пусть из-за нее страдает другая семья.

Я превратилась из гостии во врага, в чужака. Этот человек винил во всем меня, хотя определенно знал о способностях Акакия. Почему он ничего мне не сказал? Я про-

кляла его за трусость и хлопнула дверью, чтобы он понял, что я все слышала.

Я подошла к окну, закрыла ставни и задернула занавески. В комнате стало душно. Я надеялась, что из-за духоты не смогу заснуть, но, напротив, она усыпила меня. Никто не входил в комнату, и сны не тревожили меня.

Наутро я отправилась искать Трифона. Он сидел в лавке, где продавали сладости и чай. Когда я пришла, он, сидя спиной ко мне, разговаривал с какими-то людьми. Я ждала, сидя неподалеку. Люди, сидевшие с Трифоном, почувствовали себя неловко, поднялись и вышли. Он, не поворачиваясь, махнул мне рукой, чтобы я подошла. Я села, он взял пустую чашку и налил мне чаю.

— В чем дело? — спросил он.

— Я хочу узнать обо всем, о чем вы не рассказали мне вчера.

Он поджал губы, смахнул с усов крошки.

— О чем вы хотите узнать?

— Об Акакии, — сказала я.

Мне не нужно было ничего больше говорить. Трифон был могучим человеком, но при звуке этого имени он, казалось, стал меньше ростом. Он кивнул, словно давно ждал этого вопроса, но молчал, и я подтолкнула его к разговору.

— Почему вы его терпите?

— Вы ничего о нас не знаете, а если и знаете, то гораздо меньше, чем думаете, — ответил он. — Да, мы верим в Бога, но мы также верим в то, что, если человека убили, его душа вселяется в сердце убийцы, чтобы терзать его.

Я заметила, что это любопытное верование, однако оно не имеет отношения к делу.

— Не имеет отношения? — повторил он. — Именно поэтому мы оставили это чудовище в живых. Именно поэтому он такой, какой он есть. Его отец убил соседа — я уверен, что непреднамеренно, в гневе, но так вышло. Через несколько недель родился этот мальчик. Он был рожден злобным, жестоким и хотел только одного — уничтожить самого себя и свою семью. Вот откуда мы узнали, чья у него душа, вот почему его семья покрыта позором.

— Но почему вы говорите, что он навредил только своей семье? А как насчет дома, ушедшего под землю? Как насчет его несчастных обитателей?

Трифон уставился на меня, как на дурочку.

— Это был *его* дом. Там жила *его* семья. Он уничтожил его. — И, словно желая, чтобы я ушла, он отодвинул свою чашку.

Но я еще не закончила.

— А что случилось с моей предшественницей? — спросила я.

— С ней? Она присутствовала при этом, потом сбежала от нас. С ней ничего не случилось, и с вами тоже ничего не случится. После этого Акакия долго никто не видел. Семья его жила в нищете. Они сказали, что он впал в спячку и скоро умрет. Мы поверили им, Боже милосердный, мы надеялись на это. Ему следовало умереть. Тогда мы и послали за вами. И вот вы здесь. Акакий слабее, чем прежде, так что оставьте его в покое, оставьте его гнить. Просто не убегайте в страхе, иначе нам придется нанимать другую учительницу. Он — само зло, но он вам ничего не сделает, только напугает. Тем более в доме Шалдина, где он боится Ларисы — она сильнее его, да и всех нас. Видите, я же говорил вам, что вы ничего не знаете о нас. Каждый из нас обладает долей могущества, но мы действуем осторожно и не пользуемся им без нужды. Иначе мы все выглядели бы, как Акакий. Теперь вы знаете, почему мы поселили вас туда, несмотря на возражения Шалдина.

— Нет, — возразила я, — нет, она не убежала.

— Что? Кто не убежал?

— Ваша последняя учительница. Она мертва. Акакий высосал из нее жизнь.

— Чушь. Вы думаете, что он всемогущ?

— А разве нет? — усмехнулась я. — Тогда я скажу вам, мудрый атаман, почему я считаю, что Акакий убил учительницу, — потому что он делает то же самое со мной. — Я хотела показать ему отметины, синяки и шрамы, но не могла — на мне была блузка с высоким воротом, чтобы

скрыть их. К тому же я знала, что он мне просто не поверит. У него была своя вера, как и у всех жителей деревни — ведьм и дьяволов или кем они там были. Я, разозлившись, поднялась и вышла из лавки. Я не была демоном, как и моя предшественница; мы были совершенно другими людьми — жертвами.

Вечером я отправилась в церковь, в обычную православную церковь, какую можно найти в каждом селе. Я молилась за свою душу, хотя подумала, что Господь, наверное, давно уже не заглядывал в это место и не слышит меня. Потом я вернулась в дом Шалдина. В голове у меня мелькали противоречивые мысли; сидя на кровати, я заметила свой чемодан и подумала, что мне следует прислушаться к инстинкту и бежать отсюда. Я могла бы угнать телегу, но как вытащить отсюда чемодан — ведь обитатели дома заметят это? Я оказалась в ловушке, понимаешь, капитан? Я не могла уехать и не могла надеяться остаться в живых — мне оставалось договориться с Акакием. Я подумала, что, возможно, мне удастся убедить его оставить меня в покое.

За ужином я не сказала ни слова о своих намерениях, но, когда стемнело, разделась и не стала закрывать ставни. Я откинулась на подушки и стала ждать. Я попыталась немного почитать, взяла Гоголя, но не смогла сосредоточиться, поэтому отложила книгу, легла и продолжала ждать.

В конце концов я, должно быть, задремала. В этот момент Акакий постучал в стекло. И снова за спиной у него клубился туман. Он ухмылялся. Я села в постели и сказала как можно более сурово:

— Я хочу поговорить с тобой.

На миг мой тон отпугнул его, но затем на лице его снова появилась злобная усмешка, и он оказался в комнате.

— Ложись, — сказал он, — я не хочу с тобой разговаривать. Мне нужна твоя жизнь, а не разговоры.

Я попыталась не поддаваться его чарам, но тело мое повиновалось ему против моей воли. Но говорить я могла, и я произнесла:

— Делая это, ты сжигаешь свою жизнь. Остановись, иначе ты будешь навеки проклят.

Он рассмеялся, и смех его перешел в кашель.

— Мне все равно конец, — проскрежетал он. — Но ты сможешь мне прожить еще немного.

— Но почему ты не прекратишь это, почему не хочешь обрести покой? — спросила я его.

— Потому что я слишком сильно люблю этот огонь. Что мне жизнь без него?

Глаза его закатились в экстазе, и внутренний огонь поглотил его. Мебель в комнате задрожала и начала двигаться. Кровать подо мной затряслась, закрипела. Взгляд слезящихся глаз Акакия остановился на мне.

— Тебе этого не понять, — сказал он. — Если бы ты поняла, ты бы поддалась искушению и погрузилась в наслаждение вместе со мной; но таким, как ты, недоступно наше знание.

— А почему остальные не уничтожают себя, подобно тебе? — спросила я. — Почему жители села не опустошают его ради чувственного удовольствия?

— Они боятся. Но мне надоело с тобой разговаривать. Замолчи.

Он выпрямил свою искаленную руку, и она снова стала нормальной; когти блеснули, словно заточенные. Та часть моего сознания, над которой он имел власть, возжелала, чтобы он снова вонзил их мне в грудь. Я испугалась сама себя, попыталась вырваться, но меня, должно быть, поразил паралич. В этот момент позади него возникла какая-то фигура. Тонкие руки схватили ладню, нависшую надо мной, и оттолкнули уродца. Я снова смогла двигаться и, повернув голову, увидела Ларису. Она резким шепотом произнесла несколько слов на казачьем диалекте, которого я не понимала. Должно быть, она обругала Акакия, потому что он в ответ плюнул на нее.

Голова его запрокинулась назад, зубы заскрежетали. Он дернул шеей, Ларису отбросило прочь, и она, споткнувшись о стул, рухнула на пол. Мне показалось, что

Акакий увеличился в размерах, вырос до потолка. Весь дом застонал и содрогнулся.

Лариса быстро поднялась; из ее носа текла кровь.

— Акакий, — проговорила она.

Он покачал головой и ответил:

— Ты опоздала. Я получил новые силы от учительницы, и зря ты сейчас вмешалась.

Он приблизился к ней. Я села, но голова у меня закружилась, все поплыло перед глазами, и я повалилась на бок, прижавшись щекой к прохладной обложке книги. Дом содрогнулся еще раз. Я поняла, что он сейчас уйдет под землю, как тот, другой. Я двумя руками схватила том Гоголя, вскочила и ударила Акакия книгой по затылку. От удара он отлетел к двери, и я услышала треск кости. Я решила, что убила его, но когда мы с Ларисой перевернули тело, то увидели, что у него всего лишь сломан нос. Она едва держалась на ногах, и я заставила ее сесть на стул, о который она споткнулась, и вытерла кровь с ее лица. На щеках я заметила морщинки — во время короткой схватки она постарела на несколько лет.

— Он будет приходить к вам каждую ночь, — сказала она мне. — У нас в каждом поколении попадается такой, как он, человек, приносящий вред до тех пор, пока собственная злоба не уничтожит его. Зло всегда пожирает само себя. Но у нас никогда прежде не жили чужаки. Теперь это зло распространится за пределы села.

— В мире и без того есть зло, Лариса, — возразила я. Она кивнула:

— Верно, но никогда прежде зло не охотилось за вами.

Я удивилась, почему на шум не пришел никто из обитателей дома.

— Их усыпила магия Акакия.

— Но почему же вы не избавитесь от него? — удивилась я. Это казалось мне самым разумным решением, но Лариса только покачала головой.

— Вы не понимаете нас, — сказала она. — Он — само зло, но все же он один из нас. Мы ненавидим его, но

должны его терпеть. Таким образом он уничтожает только самого себя, и никого больше.

— Кроме меня, — заметила я.

— Да, — согласилась она. — Он может вас убить. Нам не следовало приглашать вас сюда, пока мы не узнали точно, что он погиб. И теперь вы должны уехать. Я отведу вас к атаману, и ночью он увезет вас из деревни.

Она вышла из комнаты, чтобы одеться. Я тоже переоделась, запихнула вещи в чемодан. Когда я проходила мимо кровати, Акакий, выбросив руку, схватил меня за щиколотку.

— Я убью тебя, — прохрипел он. — Я высосу из тебя жизнь, и ты превратишься в гниющий труп.

Он схватил меня за юбку и потащил к себе. Кровь выступила у него на губах, обломки зубов были в крови. Я попыталась добраться до двери, но он тащил меня к себе, и я потеряла равновесие и упала бы, но успела ухватиться за дверную ручку. Акакий стоял на коленях. Он зарычал, закатил глаза, и меня пронзила жуткая боль. Акакий тоже застонал от боли, смешанной с наслаждением, запрокинул голову; кровь текла у него по лицу. Я яростно оторвала его от себя, рванула крошечную руку, ломая пальцы. На миг он стал уязвимым. Я ударила его изо всех сил — как будто стукнула по куску старой, рассыпающейся штукатурки. Скула его треснула, и половина лица провалилась внутрь. Он зашипел, изо рта его донесся зловонный запах; рука его обмякла, и он упал.

Я стояла над ним, дрожа, и ждала. Если бы он пошевелился, я бы взяла что-нибудь тяжелое и пригвоздила его к полу. Но он лежал неподвижно. Это было отвратительное зрелище, он походил на эксгумированный труп. По комнате распространилась тошнотворная вонь.

Лариса, вернувшись, увидела его. Я торопливо объяснила, что произошло, и она в ужасе склонилась над телом.

— Я думаю, вы его убили, — сказала она. — Пойдемте, нельзя здесь оставаться.

Схватив мою руку, она вытащила меня из комнаты. Я хотела вернуться за своими вещами, но она не дала

мне, сказала, что кто-нибудь заберет их. Мне нельзя было возвращаться в эту комнату.

Трифон угрюмо выслушал мой рассказ. Неужели это из-за меня атаман так мрачен, удивилась я. Но нет, он думал об Акакии; он выругался и сплюнул. Он согласился запрячь лошадей. В повозку погрузили мои вещи, и я покинула Девашгород среди ночи, как преступница. Дом Шалдина, стоявший на краю деревни, покосился, как будто яма, поглотившая соседний дом, незаметно расширялась.

По дороге Трифон дал мне денег.

— Это плата за большую часть года, сколько я смог раздобыть. Теперь у нас не будет учительницы. До тех пор, пока Акакий не умрет.

«Но он же мертв», — подумала я.

Я погрузилась в мрачные мысли — и вдруг увидела его. Он стоял на обочине, и мы проехали мимо. Трифон не заметил его, но я заметила. Я увидела отражение лунного света в безумных глазах и, обернувшись, увидела, как он, хромя, следует за нами. В ужасе я смотрела, как он скрывается в темноте. Когда мы добрались до тракта, Трифон захотел посадить меня и сразу уехать, но я умоляла его остаться. Трифон побыл со мной до утра, затем заверил меня, что днем я в безопасности. Тройка проезжала мимо около полудня, по крайней мере, он так сказал. Я села на чемодан, оглядывая окружающую степь в поисках отвратительной скрюченной фигуры. Чемодан подо мной пошевелился — сначала слегка, так что я не поняла, что происходит. Потом затрясся изо всех сил. Я вскочила на ноги в тот миг, когда застежки отлетели прочь. Крышка упала на землю, отброшенная с такой силой, что одна петля сломалась. Одежда, все мои вещи разлетелись по земле, и из чемодана поднялась фигура — это был Акакий. Из окровавленного рта текли струйки слюны. Сторона лица, где была сломана скула, стала багрово-черной. Он протянул ко мне свои когти, но потерял равновесие и, споткнувшись о край чемодана, повалился ничком. Я подумала, что пришло время прикончить вра-

га, и шагнула к нему. Внезапно он вскочил на ноги, его острые когти потянулись к моему лицу. Он не попал в лицо, когти запутались в моих волосах. Я схватила его за запястья и оторвала от себя; одна рука сломалась, Акакий взвыл. Я развернулась и бросилась бежать.

Тройка подобрала меня в тот день позже, и я ехала с другими пассажирами, не рассказывая им ничего, но чувствуя себя в безопасности среди людей, — тогда я еще надеялась, что могу быть в безопасности. Но во время путешествия на поезде до Москвы я дважды замечала за окном его лицо, прижатое к стеклу; он, казалось, висел на вагоне, как муха на стене. Откуда у него взялись силы догнать меня? Неужели он убил кого-то, забрал чужую жизнь, чтобы преследовать меня? Я не могла, не хотела думать об этом. И каждый раз, когда я видела его, он становился все более дряхлым, все более отвратительным. Он выглядел как мумия, а не живое существо. В Москве я пошла в университет, но он сидел на скамье у входа, узнав откуда-то, что я пойду туда. В отчаянии я подумывала о самоубийстве, о том, чтобы прыгнуть в Москву-реку, но у меня не хватило духу.

Я не помню, как получилось, что я решила отправиться в Яму. Думаю, в какой-то момент я просто забрела туда, блуждая по городу, и поняла, что Акакий никогда не догадается искать меня здесь. Сначала я боялась, но женщины были добры и понимали меня. Мадам пообещала, что моя внешность привлечет внимание богатых клиентов. Большую часть денег я истратила на взятку чиновнику, чтобы без очереди получить желтый билет. В конце концов я научилась получать от работы удовольствие. Я редко выходила, но одному клиенту понадобилась спутница для посещения оперы, и поскольку я, в отличие от остальных, разбиралась в музыке, мадам настояла, чтобы я пошла с ним. Как я и боялась, Акакий меня обнаружил. Однажды вечером, выходя из оперы, я увидела его, но он не приблизился, потому что со мной был мужчина. Он ковылял за нашим экипажем и преследовал меня до Ямы.

В ту ночь я сбежала, одетая как нищенка, сложив платья в мешок. Никто не обратил на меня внимания, я не видела Акакия. Эта жалкая комната, которую я делю с двумя шлюхами, стала моим убежищем; по ночам у меня всегда была компания, но теперь, опасаясь погрома, они сбежали. Я оказалась в ловушке. Я должна выходить, чтобы искать работу, но выйти — означает встретить Акакия. Я пью водку, надеясь, что она убьет меня, но она слишком слабая. Тем не менее она лишает меня сновидений. Иначе он найдет меня во сне и снова запустит лапу мне в сердце. — Она задрожала. — Я давно поняла, что безопасность — это иллюзия. Никто из нас не может быть в безопасности. Я не могу спрятаться в целой Москве, как она ни велика. Он все равно найдет меня.

Зарубкин подумал о нищих на Хитровом рынке. Он вспомнил кошмарного карлика у костра. Карлик! Он сел.

На улице раздался взрыв. Окно с покосившимися наличниками озарилось вспышкой, ставни закрипели. Зарубкин спрыгнул с кровати. Снизу доносились крики, стрельба.

Он прижался к оконному стеклу, но смог разглядеть только несколько смутных силуэтов, пронесшихся по улице. Затем раздался какой-то грохот — стук копыт по камням. Лошадей было много. Он представил себе кавалерию. Раздались крики: «Бей жидов! Бей жидов!»

Зарубкин, подбежав к кровати, натянул штаны и вернулся к окну. Лизавета села, словно околдованная криками.

— Евреи, — сказала она.

Прошлой ночью убивали проституток, теперь — евреев. Здесь, на Хитровке, жило множество ростовщиков, которым офицеры были должны деньги. Зарубкин собирался уходить.

— Нет! — крикнула Лизавета. — Ты не можешь уйти, ты обещал! — Она протянула руку и уцепилась за него.

В коридоре загрохотали шаги. Открывались и закрывались двери. Зарубкин вытащил пистолет. Какой-то голос выкрикнул его имя — это был Ваня, — и он инстинктивно откликнулся, в тот же миг пожалев, что не промол-

чал. Лизавета выпустила его руку; он не в силах был взглянуть на нее.

Дверь рывком распахнулась, и в комнату, размахивая пистолетом, ворвался Ваня. Его широко раскрытые глаза сверкали в тусклом свете масляной лампы; он взглянул на Зарубкина, как потерявшийся ребенок.

— Это погром, Сергей! Пошли, сегодня стреляют евреев. — Он смущенно взглянул на Лизавету. — Гладыкин уже там, «пошел в тир», как он сказал.

Зарубкин знал Гладыкина больше года — это был крайне жестокий человек. Лизавета поднялась, обнаженная, и бросилась к Ване.

— Эй, ты! — крикнула она. — Вот тебе еврейка! Начни с меня!

У Вани отвисла челюсть.

— Прекрати, — в замешательстве произнес Зарубкин.

— Я здесь, вонючая свинья, вот все, что тебе нужно: шлюха и жидовка. Одним выстрелом убьешь сразу двух зайцев. Ну что, трусил, идиот?

Зарубкин хрипло воскликнул:

— Лизавета!..

Но она не обратила на него внимания, двинулась к Ване, который растерялся и словно прирос к полу. Она взяла его за руку, погладила запястье.

— Помоги мне, — обратилась она к нему.

И тут раздался выстрел. На миг комната осветилась словно вспышкой догорающей свечи. Лизавета отшатнулась от пораженного ужасом Вани, Зарубкин подхватил ее. Голова ее скользнула по его плечу, на сгиб локтя.

— Что ты наделала? — Кровь залила его руку. — Зачем?

Она подняла на него взгляд и пробормотала:

— Водка — это слишком медленно.

И внезапно тело ее стало неимоверно тяжелым.

— Но, боже мой, Сергей, она сама сделала это, — лепетал Ваня.

— Да, Ваня, я знаю, я знаю. — Зарубкин положил тело на кровать, опустился рядом и взял Лизавету за руку. —

Да простит Господь ей этот ужасный грех, — наконец произнес он. — Пусть она покоится с миром.

Снаружи разносилось эхо криков и выстрелов. Внезапно Зарубкину показалось, что по комнате пронесся ветерок, и он поднял голову. Холодное дуновение коснулось его щеки, затем другой. Ветер прошептал его имя. Она все еще была с ним. Но вместе с тем он почувствовал и присутствие чего-то иного. Она еще на миг прижалась к нему, как делала это при жизни. Затем исчезла. Он посмотрел на Ваню, и волосы у него на затылке зашевелились.

На лице Вани возникла жестокая ухмылка. Лицо искажилось страшной гримасой ненависти. Ваня заметил его взгляд, и ухмылка исчезла. Зарубкин уже видел это лицо. На миг перед ним мелькнул пистолет, затем Ваня убрал его в кобуру. Он резко развернулся и вышел прочь, оставив дверь открытой.

— Ваня! — крикнул Зарубкин.

В ответ снизу раздался пронзительный вопль. Он топорливо бросился на улицу. Пули свистели в воздухе, словно мухи.

Ужасы Хитрова рынка только начинались.

ДОНАЛЬД БУРЛЕСОН

Снегопад

Рассказы Дональда Бурлесона выходили в журналах «Twilight Zone», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «The Horror Show», «2AM», «Eldritch Tales» и других, а также в антологиях «Лучшее за год. Фэнтези» («The Year's Best Fantasy Stories») и «После смерти» («Post-Mortem»). Он является автором книг «Г. Ф. Лавкрафт. Критическое исследование» («H. P. Lovecraft: A Critical Study») и «Лавкрафт. Возмущение Вселенной» («Lovecraft: Disturbing the Universe»), а также статей о Лавкрафте и даже перевел на эсперанто рассказ «Страшный старик» («The Terrible Old Man»).

Несмотря на то что Дональд Бурлесон считается знатоком творчества Г. Ф. Лавкрафта, в нижеследующем произведении о детских кошмарах вы не найдете ни намека на подражание.

За окном бесшумно падал снег. Встав на колени прямо на кровати, подавшись к замерзшему окну, Джейми разглядывал смутные очертания некогда остроконечной птичьей кормушки, теперь укрытой белым покрывалом. Сосны и ели, что росли ближе к задней части дома, казались закутанными в саван привидениями, которые раскачиваются на ветру, кивают друг другу и перешептываются. Кажется, надвигается нешуточная буря. Джейми это пришлось по душе. Точно. Ведь так здорово, если навалит много снега. И чуточку жутковато вместе с тем.

За дверью детской мама хлопотала по дому и слушала радио, готовила завтрак и собиралась на работу; папа уже ушел на завод, сегодня он работал в утреннюю смену. В полусне Джейми слышал, как отец чистит подъездную аллею: у него под ногами скрипел снег, и лопата скребла по дорожке. Наверное, снег шел всю ночь. Через разукрашенное морозными цветами стекло было видно, как

в воздухе бушуют снежинки, сыплются с неба густо и быстро.

В приоткрывшуюся дверь влетел запах овсянки, в спальню заглянула мама:

— Джейми! Пора... да ты уже проснулся, вот молодец. Скорей вставай и давай вместе слушать радио: может, объявят, что из-за снегопада занятия в школе отменяются. Поторапливайся.

Мальчик натянул джинсы и фланелевую рубашку, сунул ноги в тапочки, которые были не теплее пола, где простояли всю ночь, и прошел в ванную. А потом на кухню. На столе его поджидала тарелка овсянки, над которой поднимался пар, и стакан апельсинового сока. С полки над посудомоечной машиной из радиоприемника доносились громкие раскаты новостей; мама включила его громче.

«...сильные снегопады в Северном Нью-Гэмпшире и Северо-Восточном Массачусетсе, в некоторых районах к полудню снежный покров достигнет пятнадцати—восемнадцати дюймов. Если вы собираетесь выйти из дома, то учтите: этим утром проехать очень и очень непросто, на улице творится черт знает что. И пожалуйста, друзья, будьте осторожны — эй, мы вас любим, а потому хотим, чтобы вы добрались до места назначения живыми и невредимыми. А еще лучше — вообще оставайтесь дома, если нужда не гонит вас за порог. В самом деле, отчего бы не налить себе еще чашечку горячего кофе, не устроиться поудобней в кресле и не составить нам компанию? Сейчас 6:41, температура за окном 24 градуса по Фаренгейту. С вами Рик Филлипс и „Радио Шторм“, 1360, мы ведем трансляцию из самого центра Манчестера. Скоро мы ознакомим вас с изменениями в работе учреждений. Полный перечень мы зачитем после краткого анонса. Оставайтесь с нами».

Джейми ел овсянку и смотрел на падающий за окном снег. Ух ты! Может, сегодня отменяют занятия! Он слышал, что здесь, в Новой Англии, такое то и дело случается. В Аризоне, где они жили до этого года, школу никогда-никогда не отменяли. Вот так-то. И снег мальчик

видел всего лишь раз в возрасте шести лет, когда ездил в Колорадо.

— Мам?

Мать остановилась у двери:

— Да, солнышко?

— А что если сегодня не нужно идти в школу?

— Тогда я позвоню миссис Картер, — пожала плечами мама. — Она приедет с тобой посидеть. Ведь она живет всего в двух милях отсюда.

Миссис Картер Джейми уже знал, она оставалась с ним три-четыре раза, когда родители выбирались в город. Ничего себе дама, порой сварливая, но в общем терпимая. И все же...

— Мама! Может, «Санборн» тоже закроется и тебе не придется идти на работу.

На это мама с сожалением покачала головой:

— Шутишь? «Санборн» не закроется даже тогда, когда настанет конец света. Придется мне все-таки поехать на работу. Послушай, тебе будет хорошо с миссис Картер. А я вернусь домой на час раньше — поработаю во время ленча, чтобы закончить побыстрей.

И вышла из кухни.

Джейми жевал овсянку, а по радио передавали рекламу. Мальчик подумал о здании школы, таком призрачном и темном без детей. Интересно, учителям все равно придется туда идти? Он попытался представить себе мисс Бувьер: вот она осталась дома и завтракает, одетая в халат и тапочки, волосы у нее накручены на бигуди, и лицо совсем без макияжа. Только уж очень сложно такой вот представить себе учительницу.

«...список отмен на данный момент. Через четверть часа мы его повторим. Мы не успели расположить перечень учреждений в алфавитном порядке, поэтому слушайте внимательно. — (Джейми отложил ложку и замер.) — Манчестер, школы закрыты, все школы. Классы ремесел в манчестерском центре для пожилых людей этим утром не работают. Личфилд — школы не работают, все школы. Гудзон — школы закрыты, все. Конкорд — задержка на полтора

часа минимум, но ждите дальнейших объявлений: вполне вероятно, они все-таки решат закрыться. Амхерст — все школы закрыты. Бедфорд — все школы закрыты. В Бедфорде открыт центр для пожилых людей, только трансфера не будет. Хуксетт — все школы закрыты».

«Ну же, — думал Джейми, доедая овсянку и стараясь жевать осторожно, чтобы ни слова не пропустить. — Давайте же дальше, кому до всего этого дело? Что у нас в Мэрримеке?»

«Дерри, все школы закрыты. Салем, все школы закрыты. Сегодня не работает детский сад „Колокольчик Дин-Дон“ в Гоффстауне. В Пелхэме закрыты все школы, но факультативы все же начнутся в три часа, если не будет дальнейших изменений, оставайтесь с нами. И это еще не все. — (Джейми почувствовал: вот сейчас! И задержал дыхание). — Мэрримек, все школы закрыты».

— Мам!

— Я слышала, Джейми. Уже звоню миссис Картер.

Мальчик поставил тарелку с ложкой в раковину, со стаканом апельсинового сока в руках подошел к окну в гостиной и остановился, глядя на выюгу. Снег, по-своему прекрасный, вместе с тем наводил на мрачные мысли, будто бы говорил: эх вы, люди, вы думаете, что умны, но я могу разрушить все ваши замыслы, стоит мне лишь захотеть, а сейчас я как раз склонен так поступить.

Вглядываясь в сад сквозь серо-белый вихрь, Джейми с трудом отыскал почтовый ящик в конце дорожки, превратившийся в бесформенный сугроб на столбике, и только после этого смог понять, где кончается их сад и начинается улица. Где-то поблизости громыхали снегоочистители, но до их улицы они пока не добрались. Мальчик помнил, как тогда, в Колорадо, один раз видел снегоуборочную машину — металлического динозавра с громадными яркими глазами, вынюхивающего лишь ему ведомый путь через сугробы. Мама говорила по телефону, но из-за грохота только что завернувшего за угол железного монстра, быстро промчавшегося мимо их дома с целой горой снега перед собой, он ничего разобрать не смог.

— Джейми.

— Мама! — обернулся мальчик. — Снегоуборочная машина навалила целый сугроб в конце нашей дорожки. Сейчас я оденусь и разгребу, чтобы ты смогла выехать.

— Нет, Джейми, — покачала головой мать. — Я бы не хотела, чтобы ты выходил на улицу, ты ведь только что поправился. Спасибо тебе, милый, но я сама справлюсь. Или просто проеду через сугроб. Я хотела сказать, что миссис Картер сегодня не сможет с тобой посидеть. — «Миссис Картер на сегодня отменяется, — подумал Джейми, — оставайтесь с нами и ждите дальнейших объявлений». — Больше мне не к кому обратиться, поэтому, надеюсь, ты сам справишься. Все будет в порядке, верно? Тебе же девять лет и ты можешь побыть один, так?

Джейми пожал плечами:

— Ну конечно, мам. — На самом деле он не мог понять, как воспринимает новость. С одной стороны, провести целый день в полном одиночестве весьма заманчиво, но с другой...

Должно быть, на лице у него отразилась вся гамма испытываемых чувств, потому что мать попыталась устранить все его сомнения:

— Ты можешь смотреть телевизор, слушать пластинки или играть в поезд и делать все, что заблагорассудится. Когда проголодаешься, можешь устроить себе ленч: сделай бутерброд с арахисовым маслом и конфитюром, как тебе нравится.

Эта идея ему приглянулась:

— И можно будет съесть много бутербродов?

Мама рассмеялась и тревожно поглядела на сына:

— Хорошо, только смотри, чтобы живот не заболел. Ты меня слышишь, Джейми Хатчинс?

— Нет, мэм. То есть я хотел сказать: да, мэм, слышу, объедаться не стану.

Уже надевая пальто, мама выдавала сыну последние наставления:

— Можешь сделать пару бутербродов, еще в буфете лежит упаковка чипсов. Если не наешься, возьми яблоко.

В холодильнике стоит бутылка газировки, только это на потом, а на ленч выпей стакан молока, ясно?

— Да, мэм.

— Не разбрасывай ничего в кухне, не смей дурачиться с духовкой и микроволновкой. И даже не думай высовывать нос на такой холод.

— Не буду, мэм.

— Договорились. Я уверена — все будет в порядке. Вот мой рабочий телефон, — она быстро написала на обратной стороне конверта несколько цифр и оставила на журнальном столике, — на тот случай, если тебе нужно будет связаться со мной. Я обязательно позвоню тебе сама во время ленча. А теперь мне пора.

— Хорошо, мам. Пока.

— До встречи, милый.

Она захлопнула дверь и через снежную целину побрела к автомобилю, припаркованному на дорожке. Джейми смотрел в окно, как мать счищает с машины снег и разгребает выезд на улицу. Смотрел, как задом выезжает с дорожки, и проводил взглядом красные габаритные фонари, напоследок мигнувшие в хороводе снежных хлопьев и исчезнувшие за углом.

И вот он остался один. Один-одинешенек в целом доме, наедине со снегом.

За окном зловеще завывал ветер, мягким занавесом падал снег. Попивая апельсиновый сок, Джейми подошел ближе к окну и услышал, как под его тяжестью тихонько скрипнули половицы. Просто поразительно, насколько тихо в пустом доме.

Он допил сок, отправил пустой стакан в раковину и по коридору дошел до своей комнаты. Выдвинув верхний ящик комода, порылся среди беспорядочно накиданных носков и нижнего белья и отыскал припасенные на черный день плитки шоколада. Из тайника он выудил целых три и закрыл ящик. Потом прошел дальше по коридору и оказался в родительской спальне.

Сбросив тапки, Джейми откинул покрывало, залез на кровать и, скрестив ноги, устроился прямо посредине, гля-

дя в обледеневшее окно и свив вокруг себя из одеял подобие гнезда. Выбор пал именно на эту комнату, потому что здесь, в отличие от его собственной спальни, стоял телефон. А он собирался позвонить Кевину Райли.

Джейми развернул шоколад, откусил и нагнулся к телефону. Набрав номер Кевина, он распрямился в гнезде, зажав в руке телефонную трубку. На другом конце провода ответил детский голос:

- Але!
- Эй, Кевин, твоя мамаша вылизывает подмышки.
- Вонючка! Ты, Джейми, гомик.
- А ты, Кевин, жирный тупица.
- А ты писаешься в кровать, Джейми.
- Ну а ты паралитик, Кевин.
- Послушай, Джейми, ведь ты хаваешь козявки.

При этом оба просто покатывались со смеху. Наконец, отдышавшись, Кевин сказал:

- Круто, когда нет школы, верно? Ты что делаешь?
- Вот сижу и с тобой треплюсь, а ты что думал?
- Предки дома?
- Не, — мотнул головой Джейми. — А у тебя?
- Не-а. Оба на работу потопали. Круто дома одному, а?
- Ну да, — неуверенно отвечал Джейми. — Наверное, круто.

Кевин заржал так громко, что Джейми даже пришлось отнести трубку подальше от уха.

— Ты чего это, тупица? Боишься один, что ли? А, Джейми?

- Не, чего бояться-то?
- Спорим — боишься? Спорим — обделаешься в штаны?
- Да пошел ты, Кевин.
- Поцелуй меня в зад, Джейми.
- Эй!.. — До Джейми вдруг дошло, что в кухне вещает радио. — Слушай, повиси немного, пока я принесу сюда радио, чтобы слушать в постели.

— Ты что, в кровати, Джейми? Вот извращенец!

Джейми положил трубку на подушку и пошел за радио. Перенес в родительскую спальню, включил в розетку

и поставил на трельяж, чуть приглушив звук, чтобы слышать Кевина. Потом снова устроился в гнезде посреди кровати и взял трубку.

— А вот и я.

— И зачем тебе радио? — поинтересовался Кевин.

Джейми откусил шоколадку и ответил с набитым ртом:

— Чтобы слушать про то, что закрылось.

— Это еще зачем, тупица? Ты ведь уже знаешь, что отменили школу. Ты же дома, разве нет?

Глядя на падающий за окном снег, который пошел еще гуще, Джейми ответил:

— Я подумал, что, если снег пойдет сильнее, могут раньше закрыть завод, и тогда...

— Наши отцы вернутся домой, так, что ли? Я же говорю, что ты трусишь, трясогузка хренова.

— Пасть заткни, Кевин.

— Какую ты там слушаешь радиостанцию? — спросил Кевин.

Джейми слышал, как тот настраивает радио, беспорядочно попадая то на одну, то на другую волну.

— Тысяча триста шестьдесят. Радиостанция Манчестера.

— Ага, — утвердительно хмыкнул Кевин, и Джейми услышал в трубке тот же голос, что и у себя:

«...продолжает поступать связанная с обрушившимся на наши места снегопадом информация, а потому оставайтесь с нами и слушайте о том, что происходит здесь, в Южном Нью-Гэмпшире, этим ненастным днем. Налейте и мне чашечку кофе, ладно? На часах в студии „Радио Шторм“ 7:28, мы расскажем вам о новостях баскетбола — только сначала последние новости, которые мне только что принесли. Закрыты школы в Лондондерри, внимание, Лондондерри, не работают все школы. Только что сообщили, что школы в Конкорде и Лаконии тоже закрыты. Конкорд, не работают все школы, и в Лаконии тоже. И вот только что поступило новое сообщение — сегодня закрыт колледж Сант-Ансельм, нет занятий ни днем, ни вечером. В 7:40 мы

зачтем полный список отмен в работе учреждений, а сейчас Том Майкауд познакомит нас с местными спортивными новостями. Расскажи, Том, как прошел баскетбольный матч в Ривер-колледже вчера вечером?»

— Во, Джейми, четко! Снегом весь город завалило.

Несколько раз Джейми заходил к Кевину в гости после уроков и знал, что из окна гостиной на четырнадцатом этаже виден почти весь городок.

— Кевин?

— Ну?

— Тебе видно «Санборн»?

— «Санборн»? Ага. Конечно, «Санборн» видать. Вся крыша завалена снегом. В чем дело, свиное рыло? Ой-ей-ей, по маменьке соскучился?

— Понюхай-ка мою трель, Кевин.

— Сам свое пуканье нюхай.

Какое-то время оба молчали, а радио в их комнатах вещало одно и то же, передавало одинаковую рекламу. Джейми не мог придумать, о чем бы еще таком поговорить, и Кевин, видимо, тоже.

«...не будет, а также отменяется встреча франко-американского клуба Дружбы, намеченная на сегодняшний вечер. Утром открыта публичная библиотека Манчестера, но автобусы до Тайни-Тотс-Сторитайм не ходят, и в полдень библиотека закрывается. Это были последние новости. А вот полный список закрывшихся на сегодня школ, в последний раз он прозвучит в 8:05. Итак, начнем. Манчестер, закрыты все школы. Нэшua, закрыты все школы...»

— Эй, Кевин!

— Мм?

— Послушай, вовсе не обязательно висеть на телефоне, если тебе есть чем заняться.

Последовало задумчивое молчание, потом ответ:

— Не-а, ничего особенного мне делать не хочется. Лучше повишу.

Про себя Джейми подумал: «Спорим, я знаю почему». А вслух сказал:

— Типа того, что классно, когда есть с кем поболтать, да?
— Ты хочешь сказать, что мне страшно одному?
— Такого я не говорил, — ответил Джейми. — Сказал только то, что хорошо, когда есть с кем пообщаться.

Кевин помолчал, потом согласился:

— Ага, что-то вроде того. Даже если приходится разговаривать с таким идиотом, как ты.

Они опять задумались, замолчали надолго. За окном спальни с каждой минутой снег шел все сильнее. Словно что-то тихонько нашептывая, он царапал по замерзшим стеклам нервными беспокойными белыми пальцами. Теперь Джейми едва мог разглядеть сосны, разве только когда снег на миг уносил ветер. Он рискнул сделать замечание, хоть предчувствовал ядовитый комментарий Кевина:

— Ведь в снеге есть что-то жуткое, верно?

Кевин помедлил с ответом, но, как ни странно, согласился:

— Ага. Что-то вроде того.

«Кто бы мог подумать! — удивился Джейми. — Кевин тоже это чувствует».

— Слушай, а ты завод разглядеть можешь?

— Ага, только с трудом. Уж очень до него далеко. Едва видно. Он словно призрак.

«...и „Радио Шторм“ непременно ознакомит вас с последними новостями в течение дня, так что оставайтесь с нами. Это Рик Филлипс и радио 1360, Манчестер, ваш информационный партнер по Южному Нью-Гэмпширу...»

Заиграла музыка, какая-то заунывная песня типа тех старомодных мелодий, которые так любят слушать взрослые.

Странно.

То есть голос звучал необычно. Какой-то не такой.

— Кевин?

— Мм.

— Тебе не кажется, что у того парня в радио какой-то странный голос?

Кевин обдумал вопрос и ответил:

— Знаешь, я не очень-то вслушивался. Я на снег смотрел.

— Тогда давай послушаем вместе, когда он заговорит снова.

— Ладно. — Голос Кевина теперь тоже звучал по-иному, более серьезно. Джейми прежде не замечал, чтобы Кевин воспринимал что-то всерьез. Доиграла музыка, и опять зазвучал голос диктора:

«Снежным утром хорошо послушать Мела Торме, как вам кажется? Сейчас 8:25, и снег продолжает идти. У нас есть новые сведения об отменах на сегодня!»

Джейми вдруг стало холодно, и он плотнее подоткнул вокруг ног одеяло. За окном завывал ветер, закручивал снег безумными завихрениями. Голос явно был не тот, что прежде, и совершенно ему не нравился. Он стал каким-то — каким? Немного похожим на голос какого-то мультяшного злодея, такой фальшивый и полунасмешливый. Какой-то... ненастоящий.

— Я понял, что ты имел в виду, — услышал он слова Кевина. — Он такой...

— Шшш, слушай.

«А вот и одна важная новость, друзья, так что слушайте внимательно. — Слово «внимательно» он произнес так, как в фильме про Дракулу мог бы сказать Бела Лугоши: протянув первый гласный звук и проглотив конец слова. — Итак. Закрыт завод в долине Мэрримек...» — Внезапно по радио снова заиграла музыка, какая-то песня о любви.

Довольно долго мальчики не говорили ни слова. Потом Кевин прервал молчание:

— Джейми!

— Я здесь.

— Джейми, я смотрю в окно и вижу что-то непонятное.

— Что ты хочешь сказать? Что там такое непонятное?

Довольно долго Кевин не отвечал, а когда все же заговорил, голос его трепетал от страха:

— Так не должно быть. Я вижу парк Пеннакук.

— Эка невидаль — видеть парк Пеннакук.

— Никогда раньше мне его не было видно. Из окна.

— Ой, да ладно тебе, Кевин, он же огромный, как футбольное поле. Даже больше. Наверняка ты и раньше видел.

— Нет, нет, я же говорю, Джейми, отсюда парка не видать. А сейчас я его вижу, когда снег на миг ослабевает, он там, это уж точно. И... — Было слышно, как пораженный Кевин втянул в себя воздух. И это Кевин! Кевин, которого ничто не могло выбить из седла, сейчас был потрясен! — Я только что понял почему. Потому что там больше нет завода.

Джейми расхохотался, только смех вышел какой-то нарочитый.

— Да ну тебя, Кевин. Конечно же, завод на месте. И вообще, о чем это ты?

— Послушай, Джейми, уж я-то должен знать, где находится завод, глядя из своего окна. И я тебе говорю — его там нет. Именно поэтому я и вижу парк — завод больше не закрывает его.

За родительским окном воем душевнобольного выл ветер, швыряя в стекла снег.

— Кевин, что ты такое говоришь? Там работает мой папа.

Довольно долго Кевин не издавал ни звука. Потом сказал:

— И мой тоже.

— Слушай, Кевин, эй, шшш, опять этот хрен по радио заговорил.

«...надеюсь, вам понравилась песня Дина Мартина. Сейчас 8:39, вы слушаете радио на волне 1360 — глас шторма для вас. — В голосе снова слышались насмешливые ноты, на сей раз более явственные. — На тот случай, если вы решили, что на этом наш список отмен завершен, спешу вас разуверить, друзья мои. Вот свежая новость — «Санборн» в Мэрримеке. «Санборн» ликвидирован. — И тут же снова заиграла музыка.

— Кевин!

— Да?

— Кевин, у меня мама работает в «Санборне».

— Знаю.

— Кевин, ты видишь «Санборн»?

Через миг Кевин ответил:

— Не знаю, слишком сильный снег.

— Слушай, Кевин, я отключусь на минуту. И потом тебе перезвоню.

— Точно?

— Точно.

Джейми повесил трубку и помчался в гостиную, схватил с журнального столика конверт и поспешил обратно в спальню. Набирая цифры, спешно набросанные на бумаге, он внезапно ощутил странный прилив чувств, глядя на мамин почерк. Ожидая, когда на том конце провода зазвонит телефон в компании «Санборн», он с напряжением ждал назойливых длинных гудков, но слышал лишь немое шипение телефонной линии и ропот ветра за окном. Наконец он отчаялся и вновь набрал номер Кевина. Тот ответил тут же, первый гудок даже не догудел:

— Джейми?

— Ага, это я. Слушай, я пытался дозвониться до мамы, но никто не ответил. Даже гудков нет.

Кевин кашлянул и вроде как собирался что-то сказать, когда по радио вновь послышался голос диктора:

«Надеюсь, вы нас слушаете, потому что есть новая информация об отменах по причине снегопада. Закрылись „Экзотрон технолоджиз“. Также „Комптон индастриз“. Мол „Пеннакук“ закрыт».

— Джейми!

— Я слышал.

— Джейми, в моле «Пеннакук» работает моя мама!

— Знаю.

— Джейми, творится что-то ужасное. В центре города за моим окном. Такое чувство, что пропадают целые кварталы. То есть я хочу сказать, что они в самом деле исчезли. На их месте — дыры.

— Кевин, мне ст...

— Шшш. Джейми. Слушай.

«...для вас очередные новости от „Радио Шторм“. Готовы? — На сей раз голос был густым, злорадным, устра-

шающим. — Нет квартала Ридс-Ферри в Мерримеке». — Заиграла музыка; женский голос запел: «Пусть кружится снег, пусть кружится снег, пусть кружится снег».

Джейми содрогнулся: в позвоночник вонзился холодный ледяной коготь. В жилом комплексе Ридс-Ферри жил Кевин. Пришлось судорожно сглотнуть, чтобы вернуть голос.

— Кевин?

Тишина.

— Кевин?

Мертвая тишина.

— Кевин!

Вообще ничего на линии, лишь мертвое зловещее шипение. Такой шипящий звук мог бы вырываться из глотки оскалившейся рептилии.

— Кевин. Пожалуйста, ответь. Ну пожалуйста.

Ничего. В телефоне — тишина, только радио беспечно напевает.

Джейми повесил трубку и сел, глядя на снег за окном, который превратился в навалившийся на окно белесый ужас, уничтожающий все, вихрящийся в безумстве ветра.

Он посмотрел на две оставшиеся плитки шоколада на подушке и на конверт, где мама целую вечность назад написала номер своего рабочего телефона. Плотнее подоткнув одеяло, прижав к щеке конверт, он так и сидел на кровати, ожидая, когда закончится песня.

НИКОЛАС РОЙЛ

Лицо в тени

Николас Ройл родился в Сэйле, графство Чешир, затем жил в Северном Лондоне. Ройл опубликовал более тридцати пяти рассказов в различных антологиях — «Лезвие» («Cutting Edge»), «Книга мертвых» («Book of the Dead»), «Лучшее за год. Ужасы» («The Year's Best Horror Stories»), — а также в журналах «The Truth», «Reader's Digest» и «Gorezone».

Ройл выступал в качестве составителя антологии «Темные земли» («Darklands»), в которую вошли произведения в жанре хоррор, принадлежащие перу британских писателей. В числе романов автора следует отметить «Двойники» («Counterparts») и «Мечты о саксофоне» («Saxophone Dreams»).

Во время написания рассказа «Лицо в тени» Ройл был безработным и жил в убогой съемной квартире. «Но я видел свет в конце туннеля, — вспоминает он, — в отличие от многих. Потому что свет есть не всегда. И с тех пор ситуация только ухудшилась из-за снижения размеров социальных пособий и неоправданной экономической политики правительства».

В ту пятницу, когда Белла въехала в квартиру, стоял, как она позднее поняла, типичный для Арчуэя¹ день. «Как это по-английски — обсуждать погоду, — написала сестра в ответ на ее письмо, отправленное через несколько дней после переезда. — Совсем не похоже на тебя», — утверждала Джен. «А ты откуда знаешь?» — подумала Белла. Джен всегда искала поводов для спора и придиралась к пустякам. Но Белла научилась игнорировать ее язвительные замечания.

Она скомкала письмо и выглянула из окна кухни. Солнце отбрасывало на стены скученных домов резко очерченные прямоугольники света; большие черно-серые тучи, похожие на дирижабли, надвигались с юго-востока,

¹ Арчуэй — район в Северном Лондоне.

заволакивая небо. Каждый день погода была одинаковой: солнечные периоды чередовались с нашествиями тяжелых серых облаков, которые вскоре уносил непрекращающийся ветер. Верно, Белла несколько заиклилась на погоду, но не потому, что это было истинно британское увлечение; скорее, наблюдение за небом отвлекало ее.

Она бросила письмо Джен в мусорное ведро и отошла от окна. Едва прикоснувшись к выключателю кофеварки, она замерла. Опять этот звук. Она слышала его несколько раз за эту неделю, но не смогла определить, откуда он исходит и кто его издает. Иногда ей казалось, что это хрип астматика, иногда — что это язвительный смех старика. В квартирах ниже и выше этажом и рядом с ней вполне могли жить астматики и старики, но звук, казалось, раздавался в ее квартире. Какой-то акустический обман, сказала себе Белла; без сомнения, рано или поздно выяснится, что это такое.

— Ну вот, смотрите. Если хотите, можете подумать один день, — сказал ей тогда хозяин, показывая квартиру. — Но чем скорее вы решите, тем лучше. Не знаю, знакома ли вам сегодняшняя ситуация на рынке жилья, но...

— Прекрасно знакома, — перебила его Белла. — Я ищу квартиру уже месяц, и знаете, есть такие места, где я не стала бы жить, даже если бы мне за это заплатили.

— Полно людей, которые с радостью станут жить где угодно. Сейчас не время задирать нос. Но не важно, ко мне это не имеет отношения. У меня хорошая квартира, я без труда найду жильцов. Когда вы сообщите мне о своем решении?

Белла думала быстро. Это была первая из виденных ею квартир, которая удовлетворяла всем ее требованиям — изолированная, с отдельным входом, с ванной, подключенным телефоном, пристойной мебелью, в десяти минутах от метро, оплата была не слишком высокой — при условии, что она получит пособие на жилье.

— Мне подходит, — произнесла она, удивляясь тому, как это легко получилось, и еще не веря в то, что поиски окончены.

— Отлично. Можете въезжать в пятницу. Плата за месяц вперед, сейчас заплатите задаток. Когда мне можно будет взглянуть на ваши рекомендации?

— Простите?

— Рекомендации. От вашего работодателя.

— О, думаю, в конце этой недели.

Да, к тому времени она должна раздобыть их. Вообще-то, она совсем забыла о рекомендациях, а ведь это было очень важно. Она вспомнила сотни объявлений на газетных киосках с бесконечно повторяющимися примечаниями: «Безработным не сдаем» и «Только для квалифицированных специалистов».

Внимание Беллы привлекла покосившаяся фотография в рамке, она поправила ее. На белой стене была видна небольшая трещина. Ничего страшного, прогудел хозяин во время осмотра. Однако она обнаружила, что теперь в щель проходит палец — она была уверена, что раньше щель была уже. Фотография снова сместилась, и Белла протянула руку, чтобы поправить ее. Трещина немного расширилась, и в комнату упал плотный кусок тьмы. Белла наклонилась, чтобы поднять его, но он проскользнул сквозь ее пальцы, как пустота. Внезапно свет в комнате потускнел; из трещины в стене сочилась темнота. Затем трещина широко раскрылась, и тьма полилась в комнату, плотная и вязкая, словно смола.

Она смеялась, глядя на Беллу.

Белла, еще не отойдя от ночных кошмаров, поднялась из-за стола, на котором остывал завтрак, и поправила фотографию на стене. Прикоснувшись к рамке, она ощутила некое знакомое чувство. Она больше ничего не помнила из сна, но немного позже, выходя из квартиры, она услышала чей-то смех, исходящий из того места, где никого не могло быть.

Во время ланча в ресторане было больше народу, чем обычно. И снова она порадовалась, что не работает официанткой и не носится по ресторану, вечно не успевая

разносить заказы. Белла предпочитала сидеть за кассой, непрерывно принимая сотни фунтов и сотни счетов, нацарапанных неразборчивым почерком. Однако она была не слишком довольна своим местом. Система приема наличных в ресторане, где она служила раньше, была значительно проще, и в результате Белла работала гораздо эффективнее. Но всего пару недель назад тот ресторан закрылся на ремонт, персонал многословно поблагодарили и вышвырнули на улицу. Она поспрашивала знакомых и нашла новую работу. Зарплата здесь была выше, что было неплохо, поскольку теперь ей приходилось платить за квартиру. Что касается рекомендаций, она их уже получила. Администраторша напечатала короткую записку, которая лежала в заднем кармане джинсов Беллы.

Телефон пронзительно зазвонил. Спрашивали Мэрилин. Белла позвала ее, хотя в ее обязанности не входило принимать телефонные звонки. Официантка и не подумала поблагодарить ее. Да, здесь все было иначе: официантки были неприветливыми, недружелюбными. Белла пожалела, что не обменялась телефонами с приятельницами с прежнего места работы.

Когда Белла выходила со станции метро «Арчуэй», небо было почти полностью затянуто плотными тучами и походило на куполообразную крышку, подпиертую на востоке высокими домами, вырисовывавшимися на фоне сверкающих белых облаков. Когда она подошла к выходу из метро, начался дождь, и на замусоренный тротуар упали тяжелые капли.

— Вот всегда так, правда? — обратилась она к женщине средних лет, но та поспешила прочь, наклонив голову, чтобы дождь не потушил сигарету, прилипшую к ее нижней губе, словно какой-то моллюск. Сквозь поток людей к входу на станцию медленно продвигался бродяга. Увидев стоявшую Беллу, он с надеждой протянул руку. Она отвернулась и отправилась домой под дождем, по грязным улицам. В конце Фэйрбридж-роуд столпилась группа парней. Они были одеты в джинсы со швами, распоротыми на щико-

дотках, цветастые рубашки, свисавшие на штаны, и кроссовки. Они щеголяли золотыми цепями и модными стрижками. Дождь перестал; облака спешили на восток, словно испугавшись света, который снова хлынул на улицы. Белла насчитала на Фэйрбридж-роуд шестнадцать заколоченных домов. Она поразилась наглости хозяина, назвавшего этот район вокруг «Аппер Холлоувэя»¹ «престижным».

Вспомнив о своем решении, Белла принялась обшаривать квартиру в поисках возможного источника шума, напугавшего ее. Она осматривала петли двери, ведущей в спальню, когда из ванной явственно донесся смех. Она бросилась туда и подняла жалюзи. Вентилятор со стоном включился, подул ветерок, который вскоре превратился в хрипящую струйку, затем словно расхохотался. Белла протянула руку над унитазом, чтобы дернуть за шнурок и выключить вентилятор. В окно она заметила какого-то человека; он отвернулся и скользнул через пустырь в тень стены. «Извращенец поганый», — пробормотала Белла, опуская жалюзи.

Это была самая обыкновенная солонка — стеклянная, с металлическим верхом, почти полная. Несколько крупинок соли прилипло к серебряной крышке. Белла не могла оторвать от нее глаз — она была надежной, она, казалось, излучала уверенность, здравый смысл.

Белла перетаскивала большое кресло из гостиной в спальню и по дороге задела бамбуковую штору. Раздавшийся при этом звук, похожий на стук костей, напугал ее, нервы у нее были натянуты, хотя она и понимала, что ничего страшного не произошло. После этого первого странного звука каждый новый казался ей странным и пугающим. Она поставила кресло в спальне и, выпрямляясь, негромко вскрикнула. Но лицо, смотревшее на нее, оказалось ее собственным. Она задернула шторы и, усевшись в кресло, попыталась успокоиться. В этот момент чайник вздохнул, словно старик. Белла поднялась, чтобы поправить фотографию на стене. «Разве я делала это прежде?» — спро-

¹ «Аппер Холлоувэй» — станция лондонской железной дороги.

сила она себя. После этого, чтобы отвлечься, она пошла на кухню, села за стол и пристально уставилась на солонку.

Сбоку, где-то на краю поля зрения, чернел угольник незанавешенного кухонного окна. Снаружи клубился рыжий туман, он давил на стекло, пытаясь прорваться внутрь. Разговоры соседей, едва приглушаемые тонкими стенами, звучали зловеще. Где-то наверху играло радио, но казалось, что музыка включена в ее квартире. Что же делать, чтобы не сойти с ума? Нужно кому-нибудь позвонить. Но кому? У нее никого нет. Она растеряла всех друзей. Но у нее есть сестра; она позвонит Джен. Едва она прикоснулась к трубке, как телефон зазвонил. Белла резко отпрянула и ударилась затылком о стену. Это уже смешно: она боится сама не знает чего в своей собственной квартире. Она собралась с духом и подняла трубку. Мужской голос спрашивал Дейдри, настаивал, что Белла — это она, и переубедить его было невозможно. Белла повесила трубку; нужно поменять номер. Ей больше не хотелось никому звонить. Джен скажет, что у нее просто истерика. Она ушла в спальню, подальше от лавины тумана, клубящегося за окном кухни, и, чтобы отвлечься, открыла книгу. В стене зияла широкая черная щель, Белла видела ее боковым зрением над страницами книги. Белла подняла глаза — нет, щель была не больше трех-четырех миллиметров шириной. От усталости у нее начинались галлюцинации. Она разделась и легла в постель.

— Что значит — вы больше не нуждаетесь в моих услугах? — переспросила она администраторшу.

Шерил ответила:

— У тебя цифры не сходятся, Белла.

— Но это не моя вина. Это все древняя касса и ваша тупая система. Простите, но она действительно тупая. И то, что я обязана принимать у официанток деньги. Я не понимаю, что они там пишут на своих бумажках. Мне кажется, лучше вам присмотреться к ним, прежде чем выгонять меня.

— Мне жаль, Белла. Ты думаешь, мне легко? Но я могу делать только то, что мне велят.

Все вы так говорите, подумала Белла. Их лицемерие всегда злило ее. Нельзя разговаривать по телефону в рабочее время, говорила Шерил. Но сама отвечала на звонки. И стояла, болтая с подругами, пока Белла пыталась работать за двоих. В этом ресторане многое ей не нравилось, но ей нужна была работа.

— Мне нужна работа, — сказала она Шерил. — Вы же не можете просто так взять и выгнать меня.

— Боюсь, что дело обстоит именно так, Белла. Мы больше не в состоянии пользоваться твоими услугами.

Очевидно, хозяева уже все твердо решили.

— Тогда идите вы к дьяволу! — крикнула Белла и убежала из офиса.

Станция метро «Лестер-сквер». Северная линия. Три поезда с грохотом ворвались на станцию и, скрежеща колесами, отправились прочь, а Белла все сидела на скамейке, пытаясь успокоиться и подавить злобу. Когда приехал четвертый поезд, она почувствовала, что агрессия немного спала, и села в вагон. Переполненный вагон метро — не то место, где лучше всего находиться в состоянии озлобления и возмущения. В подобном состоянии Белла обычно воспринимала глупое поведение как враждебное. Но метро было превосходным местом, где приглушались реакции.

В Арчуэе тучи неслись над головой. Белла, глядя на них, чувствовала себя жалкой. Злобный ветер свистел на Джанкшэн-роуд и пытался сбить с ног пассажиров, выходящих из метро. Белла почувствовала, что сейчас не в состоянии возвращаться в квартиру; она решила погулять по улицам, чтобы успокоиться. Какой-то нищий в лохмотьях останавливал прохожих и просил денег. Белла развернулась и направилась в сторону Хайгейт-Хилл. Нет смысла постоянно думать об одном и том же, решила она. Она попала в передрагу. Ни работы, ни денег. Настройся на позитив! Нужно стать на биржу труда, чтобы получать

пособие. Сразу работу ей не найти. Ей еще повезло с той, с которой ее только что выгнали. Но даже если она и найдет место, у нее начнутся проблемы, когда речь пойдет о рекомендациях. Почему вы ушли с предыдущего места работы? Меня уволили потому, что заподозрили, будто я запускаю руку в кассу. Теперь она жалела о том, что на самом деле не воровала, — тогда увольнение не было бы таким несправедливым и у нее остались бы кое-какие деньги. Она повернула направо, на Хорнси-лейн. Грузовики, направлявшиеся на север, громыхали по Арчуэй-роуд, под эстакадой, под аркой. Небо снова изменилось: остатки черных туч собрались вместе и образовали пояс, соединявший северный и южный горизонты. Белла чувствовала себя ничтожной. Она дошла по тропинке до Арчуэй-роуд, встала в тени арки, отчего показалась себе еще меньше.

Ей пришлось ждать своей очереди пятнадцать минут. Да, она хочет стать на биржу. Да, она числилась на бирже труда, но это было много лет назад и в другом районе. Она без работы с сегодняшнего дня и может зарегистрироваться в любой день, когда им удобно. Да, ей нужно платить за квартиру. Да, она заполнит страховую форму и сама отнесет ее в министерство соцобеспечения, почтой отправлять не нужно.

Она взяла бланк домой. «Заполнив эту форму, требуйте дополнительного пособия», — красовалась надпись вверху страницы. Здесь было восемь страниц вопросов. Стены комнаты словно склонились над ней. Тусклый свет, проникавший в окно, висел над разномастной мебелью. Какая-то машина повернула за угол, но муха, бившаяся в абажур лампы, заглушала ее шум. Белла поднялась, чтобы заварить себе чаю, и прошла мимо кухонного окна. Внизу, на пустыре, стоял какой-то человек и глядел на ее окна. Белла замерла. Человек просто смотрел на нее, она ясно видела его лицо. У Беллы по коже побежали мурашки и волосы буквально зашевелились. Лицо изменилось. Оно удлинилось, рот открылся, образовав черный треугольник. У глаз и рта возникли симметричные линии, подчеркивавшие ост-

рый подбородок; глаза стали узкими, как щелочки. Лицо превратилось в кошмарную треугольную маску и застыло. Это была маска зла в изображении мима — на ней читались насмешка и извращенное удовольствие. Когда Белла снова взглянула в окно, человек исчез.

При заполнении формы у нее возникли проблемы. «По какой причине вы оставили предыдущее место работы?» Стены начали давить на нее, воздух, казалось, сгустился. «Адрес вашего домовладельца или муниципального совета». У Беллы застучало в висках. Свет потускнел. «Является ли ваш дом плохо отапливаемым из-за наличия сырых или очень просторных помещений?» Снаружи прогремел очередной фейерверк. «Являетесь ли вы или кто-либо из членов вашей семьи беременной? Если не вы, то кто именно?» Муха жужжала над масленкой. «Есть ли среди членов вашей семьи инвалиды по зрению?» «Кто из членов вашей семьи нуждается в дополнительной стирке белья? Сообщите причину. Если вы стираете дома, то сколько раз в неделю? В какую сумму, по вашему мнению, обходится вам стирка в неделю, если учитывать расходы на стиральный порошок, горячую воду и электричество? Имеются ли у вас или кого-либо из членов вашей семьи какие-либо другие болезни или ограничения трудоспособности, о которых вы хотели бы сообщить? Кто является больным или нетрудоспособным? Назовите болезнь или причину нетрудоспособности. Помните, в случае намеренного искажения фактов вас могут привлечь к ответственности».

— Простите,— сказала Белла. — У меня вопрос насчет формы страхования по безработице, которую вы мне вчера дали. Там просят указать имя и адрес домовладельца. Это значит, что вы напишете ему, чтобы проверить размер квартплаты, и так далее?

— Не знаю,— сказала девушка, копавшаяся в куче карточек. — Это ведь не мы вам платим.

— Хорошо, а кто тогда?

— Министерство соцобеспечения.

— Я знаю, но я просто хотела...

— Послушайте, если вы отнесете ее туда, они вам все объяснят.

— Мне не нужно ничего объяснять. Я просто хочу знать, будут ли связываться с моим хозяином. Понимаете, он еще не знает, что я безработная. Если узнает, выпшвырнет меня на улицу.

— Джордж. — Девушка перегнулась через перегородку. — Леди хочет знать, будут ли люди из соцобеспечения писать хозяину ее квартиры.

— Понятия не имею. Вам придется спросить у них, — ответил Джордж, выходя из-за перегородки, чтобы взглянуть на Беллу.

— И что же мне теперь делать? Я не хочу отдавать вам форму, пока не буду уверена. Если хозяин узнает, он меня выгонит. Вы же знаете, никто не сдает жилье безработным, если этого можно избежать. Мы для них отбросы общества.

— Вам лучше пойти в министерство соцобеспечения, дорогая. Арчуэй-тауэр. Десятый этаж. Спросите там.

Выходя из здания биржи труда, Белла, расстроенная и сбита с толку, кинула взгляд на длинные очереди у немолимых окошек и среди теней заметила знакомое лицо. Она бросилась на улицу, сжимая в руке свои бумаги и представляя, как оно злобно ухмыляется у нее за спиной.

Она надеялась, что ванна поднимет ей настроение и успокоит нервы перед походом в Арчуэй-тауэр. Весьма небольшое — если вообще что-то — могло сравниться с погружением в горячую воду с пеной. И почему-то ванна казалась ей еще более привлекательной днем.

На окнах осел пар, и ей не пришлось опускать жалюзи и включать свет. По опыту она предпочитала забираться в воду сразу; это всегда был шок, но потом она быстро привыкала к горячей воде. Она лежала так десять минут, не шевелясь, ни о чем не думая; она просто наслаждалась ощущением того, что ее тело окружено горячей водой. Она провела ладонью по бедру и задрожала от острого ощущения. Она любила свое тело и наслаждалась, выполняя его

желания. Она уже очень давно не была с мужчиной. Рука ее скользнула вниз живота. Вода выплеснулась из ванны и залила шлепанцы. Белла задрожала и откинулась назад; вода снова застыла; было очень тихо, и поэтому смех, прогремевший из вентилятора, застал ее врасплох. Белла в испуге подскочила и обернулась к окну. Вентилятор со стоном завертелся. За стеклом виднелась чья-то смутная фигура. Сначала Белла просто подумала, что за ней подсматривали, и ее охватил стыд; затем, когда часть окна очистилась, она узнала безумное тревожное лицо.

Белла поднялась в лифте на десятый этаж и направилась в справочное. Комната привела ее в уныние. Здесь стояли ряды скамеек, на которых ссутулились усталые, несчастные безработные. Некоторые бездомные сидели здесь с таким видом, будто они принадлежали этому месту, жили здесь, и это вселяло в нее страх. На лицах не было надежды; унылые, безжизненные, они пялились в сторону окошек, разделенных перегородками, из которых работало только одно. Здесь не было никакой четкой очереди, не было талонов, не было никакой надежды получить желаемое, подумала Белла. Она попыталась выяснить у какого-то человека, есть ли очередь, но глаза, в которые она взглянула, были такими пустыми и безжизненными, что Белла не смогла дождаться ответа — она потеряла самообладание и разразилась слезами жалости и раздражения.

Она вышла из комнаты и остановилась на площадке напротив лифта. Внезапно двери лифта открылись, и в помещение, из которого только что вышла Белла, направилась жалкая кучка людей — казалось, их тянула туда невидимая нить.

Слева Белла заметила какую-то дверь. Дверь была не заперта, но комната оказалась пустой. Ряды скамеек стояли перед двумя окошками, над каждым из которых висела табличка: «Посетители, которым назначено время, ждут здесь. Вас вызовут в назначенное время». Вы можете ждать здесь всю жизнь, но так и не дождаться ответа. Предполагалось, что эта система должна помогать нужда-

ющим. Но вместо этого вы не получали ничего. Нет, неверно, они не осмеливались гнать вас прочь. Это было бы слишком определенно, слишком шаблонно, слишком похоже на ответ на ваши мольбы. Вместо этого они, оттягивая неизбежную «ошибку» или отказ, давали вам бланки, вопросы, на которые вы не знали, как ответить.

«Не позволяйте детям вставать на подоконники — это опасно» — гласила другая надпись под окном. Белла выглянула из окна и увидела людей, ползавших, словно мухи по мертвечине, по заваленному дерьмом трупу своего города. В этом была бы поэтическая справедливость — город, захлебнувшийся в грязи, которую он заслужил, и мухи, точно так же получающие в награду труп, — если бы эти мухи на самом деле не были людьми. Но отсюда, из этой башни из слоновой кости, это уже казалось почти неправдоподобным.

В противоположном конце комнаты находилась еще одна дверь. Белла вошла в длинное, узкое помещение; слева от прохода стоял ряд перегородок. Стул, стекло, письменный стол и кресло; это повторялось шесть раз. Здесь не было ни людей, ни бумаг, ничего. В конце каждой такой «кабинки» виднелось по две двери, разделенные стеной. Из-за дверей доносился какой-то шум, шум шагов и приглушенные звуки движения. Белла торопливо выбежала прочь, не желая, чтобы ее застали в помещении, куда, по всей вероятности, вход был воспрещен.

Она вышла на лестничную площадку и в ожидании лифта выглянула из окна. Окно выходило на крышу таверны «Арчуэй», где стоял какой-то человек. Человек смотрел на нее. Даже с такого расстояния она узнала смеющееся лицо. Белла резко развернулась и чуть не врезалась в человека, выходившего из двери в помещение, откуда она слышала шум. На нее взглянуло чудовищное ухмыляющееся лицо. Она бросилась в двери подошедшего лифта — человек с отвратительным лицом встретил ее там. Она руками остановила закрывавшиеся двери и протиснулась обратно на площадку. Дико озираясь, она заметила надпись «Пожарный выход». Вращающиеся двери

загребели у нее за спиной, и она, стуча каблуками, понеслась вниз по холодным каменным ступеням.

Внимание ее привлекли желтые таблички на серых стенах лестничной клетки. «АСБЕСТ, — прочитала она. — Запрещена работа с этим материалом без письменного разрешения должностного лица Агентства по обслуживанию недвижимого имущества¹, отвечающего за строительные работы. Обо всех случайных повреждениях следует немедленно сообщать линейному руководителю». Здесь, внутри скелета здания, она увидела его гнилую основу, несущую смертельную опасность — опасность, о которой не подозревали пассажиры лифта, проезжавшие вверх и вниз через недра башни.

Белла вышла на Джанкшэн-роуд, где к ней пристал краснотлицый нищий, выпрашивая у нее двадцать пенсов. Она отступила в сторону — ведь он просто пропьет их — и оставила его ждать милосердия от более обеспеченных прохожих.

Не в состоянии решиться, она дважды проходила мимо входа в церковь, прежде чем войти; шла пятничная вечерняя служба. Белла выросла в семье верующих, однако уже не помнила, когда в последний раз переступала порог церкви. Ее окружили мрачные лица, и служба тоже произвела мрачное впечатление. Она пришла сюда искать утешения — в других местах она уже отчаялась его найти, — но теперь проклинала себя за свою наивность и мысль о том, что древняя ложь, если в нее поверить, сможет ей помочь в безвыходном положении. Когда она вышла из церкви, человек с острым подбородком расхохотался на другой стороне улицы и отступил в темный переулок. Он словно хотел унижить ее за то, что она появилась там, где ей не было места, подобно раненому солдату, ищущему помощи во вражеском лагере. За стыдом пришло чувство вины, от которого она не смогла избавиться, даже очутившись дома, закрыв двери и опустив жалюзи. Оказавшись в одино-

¹ Правительственное агентство, существовавшее в Великобритании с 1972 по 1993 гг. и занимавшееся обслуживанием зданий, принадлежавших государству.

честве в своей тюрьме, Белла почувствовала, что кто-то грызет ее изнутри; она была одинока, но не одна.

Одиночество победило, и Белла, надев теплое пальто, вышла из дома. Она нашла какой-то паб неподалеку от Холлоувэй-роуд, который, в отличие от остальных, не был забит подвыпившими ирландцами. Белла усилием воли заставила себя быть приятной собеседницей и приняла предложение выпить от человека по имени Брайан Монктон.

— Это мои друзья. То есть на самом деле коллеги, — объяснил Монктон. — Мы журналисты.

— Здорово, — ответила Белла. — У меня никогда не было знакомых журналистов.

— Ну, надеюсь, вам с нами понравится. Скоро мы идем на вечеринку. Недалеко отсюда. Можете пойти с нами, если хотите.

— Спасибо, думаю, я пойду.

— А чем вы занимаетесь? Простите, я забыл, как ваше имя?

— Белла.

— Белла. Точно. Красивое имя. Итак, Белла, чем вы занимаетесь?

Она почувствовала, что не в силах рассказать ему правду. Она опозорит себя в глазах этих журналистов, а их компания была лучше, чем ничего.

— Я работаю в ресторанном бизнесе.

— А, понятно, официантка, да?

— Да, то есть нет, я кассирша. Но это почти одно и то же. Но немного другое. — Она смолкла, смущенная, но это было не важно: Монктон явно не слушал ее.

Он смотрел в вырез ее джемпера, туда, где начиналась ложбинка между грудями. Интересно, подумала она, неужели мужчины не понимают, что женщины видят, куда они смотрят? А может быть, понимают и думают, что женщинам это нравится. Неужели они и вправду так глупы? Она решила, что, скорее всего, именно так, но сегодня умственные способности мужчин не интересовали ее. Она пойдет на вечеринку; она познакомится с новыми людьми,

выпьет немного, расслабится, забудет о своих неприятностях, об ухмыляющемся лице, которое видится ей повсюду. Мужчина обращался к ней:

— Ну, тогда пошли... э-э... Белла. Все в сборе. Можем идти.

Они большой толпой направились на север по Холловэй-роуд. Ночь была холодной; Белла подняла воротник. Мимо проносились машины; время от времени проезжал автобус с запотевшими желтыми окнами. Несколько лавок индийских и китайских торговцев еще работало, на тротуарах были разложены фрукты и овощи. Бродяга свернулся клубком на пороге магазина; они прошли мимо, направляясь на вечеринку. Белла почувствовала укол совести, но напомнила себе, что у нее хватает собственных забот, и эта вечеринка поможет ей ненадолго забыть их, а может быть, прогонит их — кто знает?

Человек с длинными волосами, стянутыми в хвост, представившийся как Терри, передал Белле только что свернутую зажженную сигарету. Она сжала ее между большим и указательным пальцами и сделала глубокую затяжку. Видимо, слишком глубокую — когда дым попал в легкие, ее охватила дрожь. Белла выдохнула; голова у нее закружилась. Терри рассказывал ей о своей новой пьесе, о технических проблемах, возникших у него с третьим актом, но она половину пропускала мимо ушей. Она выпила несколько бокалов вина, три чашки сомнительного чая и затянулась тремя или четырьмя сигаретами. Но Терри не замечал ее безразличия; разговаривая, он рассматривал свои ногти. Казалось, он не заметил, когда она, извинившись, отправилась в туалет. Стоя в дверях, она обернулась и увидела, что он сидит в той же позе, продолжая шевелить губами; хихикнув, она вышла из комнаты.

В холле оказалось еще больше народу, чем в комнате. Она с трудом пробралась мимо людей, сидевших на полу, и вышла на лестницу. Туалет находился на первом этаже, и, как ни странно, туда не было очереди. Белла закрыла дверь, сняла джинсы и трусы и села на сиденье. Сходить в туалет

было таким облегчением. Она подумала: интересно, неужели Терри до сих пор болтает со своими ногтями? Наверное, она не заметила бы его, если бы оно не пошевелилось — где-то на краю поля зрения, почти спрятанное за занавесками, смутно мелькнуло треугольное лицо. Белла с криком вскочила на ноги, натягивая джинсы. Существо хохотало у нее за спиной, она знала это, когда рывком открывала дверь; Белла понеслась прочь, буквально по головам людей, сидевших в холле, и выскочила из парадной.

Она забыла пальто, но не в состоянии была возвращаться и решила прийти за ним в другой раз. Сунув руки глубоко в карманы джинсов, она быстрым шагом двинулась домой. Идти было недалеко, но холод пробирался сквозь ее тонкий джемпер, и ее охватила дрожь. Вечеринка была ошибкой; она вспомнила бродягу на Холлоувэй-роуд, мимо которого они проходили, и покраснела от стыда.

Повернув за угол, она заметила какого-то человека, шедшего за ней по противоположной стороне улицы. Преследователь догнал ее и продолжал идти параллельно. Она бросила на него быстрый взгляд, и сердце едва не выскочило у нее из груди. Ухмыляющаяся голова покачивалась на туловище, закутанном в черное, едва различимом в темноте; человек подпрыгивал на ходу с резвостью сумасшедшего. Лицо повернулось к ней; оно светилось под рыжими фонарями, но светилось желтым светом, и не только лицо, а вся голова. На холоде Белла протрезвела — так откуда же это видение, призрак пляшущего ухмыляющегося демона? Должно быть, дело в том чае; листья на дне ее чашки были очень большими, если это вообще был чай. У нее галлюцинации, вот почему танцующая голова светится желтым под рыжими фонарями, которые уничтожают все цвета; она светилась не своим собственным светом, дело было в наркотиках, которые проглотила Белла.

Но, несмотря на все рациональные рассуждения Беллы, существо с желтой головой продолжало идти параллельно ей, голова покачивалась на теле, похожем на стель. Когда она поворачивала за угол, голова следовала за ней, сохраняя прежнее расстояние между ними. В моз-

гу у нее бились мысли: а может быть, существо опасается приближаться к ней? Может, оно предпочитает смеяться с безопасного расстояния? Решив проверить это, Белла нырнула в узкий переулок, по которому она днем срезала угол. Она подавила могучее желание оглянуться и поэтому поняла, что за ней идут, только услышав быстро приближавшийся шум шагов. Шаги не замерли на почтительном расстоянии от нее. На плечо ей опустилась чья-то рука, и она резко развернулась.

— Боже мой! — Это был Монктон из паба. — Что ты вытворяешь? Ты меня напугал.

— Извини, — ответил он; сквозь туман Белла почуяла запах алкоголя. — Я не подумал об этом. Вообще-то, я не в том состоянии, чтобы думать. Ты ушла так внезапно. Хорошая вечеринка. Почему ты ушла?

— Я... э-э... У меня голова заболела, хотела подышать свежим воздухом, — пробормотала Белла, заглядывая за плечо Монктона.

В рыжем тумане никого не было.

— Понятно. Хорошо. Значит, домой идешь? Тебе далеко? Не могу отпустить тебя одну.

Монктому явно не терпелось проводить ее, и Белла была рада компании, хотя сейчас ей не очень-то хотелось видеть этого человека. Страх, который вселило в нее существо с желтым лицом, казалось, усилился после его исчезновения и появления Монктона.

— Спасибо, — сказала она. — Это недалеко.

Дальше все было как обычно. Белла была благодарна Монктому за то, что он проводил ее до дома, хотя и не выразила полностью свою благодарность — она не в силах была рассказать ему о лице. Впрочем, Монктон заранее предполагал, что она обрадуется его компании. Она пригласила его войти и предложила ему холодное пиво или черный кофе. Он выбрал пиво, и она достала из холодильника две бутылки, подумав: какого черта, ей так одиноко.

— Ничего страшного, не думай об этом, Брайан, — попыталась утешить его Белла. — Ты слишком много выпил.

— Дело не в чертовой выпивке, — резко ответил он.

Брайан никак не мог довести дело до конца, несмотря на продолжительную эрекцию. Поскольку он не обвинил в этом Беллу — а она считала, что большинство мужчин так бы и сделали на его месте, — она решила, что он столкнулся с этой проблемой не в первый раз. Белла решила исправить положение. Усилия с ее стороны не принесли результатов, и она решила поменяться с ним местами. Она уговорила Монктона подняться над проблемой и таким образом покончить с ней. Он сел на нее верхом и вошел в нее, настроенный решительно, как и прежде. Возможно, если бы он не открыл глаза, все кончилось бы благополучно, но он открыл их, чтобы украдкой взглянуть на нее. В изголовье кровати находилось не занавешенное окно. Белла, наблюдавшая за ним из-под полуприкрытых век, поняла, что Монктон увидел кого-то, кто наблюдал за ним с противоположной стороны улицы. И смеялся над ним.

— Ублюдок! — крикнул Монктон.

Белла поняла все. Она открыла глаза, потому что иначе это выглядело бы странно. Она была в смятении. В мозгу ее мелькнула неприятная мысль о сообщничестве, порожденная стыдом, который она чувствовала. Должно быть, это отразилось на ее лице; это было единственным объяснением того, что Монктон ударил ее три раза по лицу.

— Ты не хочешь трахаться со мной! — кричал он. — Никто не трахается со мной! — Вот как выступает истинное лицо человека. — Смеешься надо мной. Сука! Прекрати надо мной смеяться! — добавил он злобно, вылезая из постели и хватая одежду.

Белла почувствовала, что мир рушится вокруг нее. Она слышала, как он глухо пробормотал, что они еще увидятся, затем ушел, хлопнув дверью. Заставив себя подняться, она выглянула в окно: человек, ударивший ее, шагал прочь, больше на улице никого не было.

Щель в стене расширилась, и пустота, хлынувшая из нее, казалось, затопила комнату. Белла обернулась к окну. Хлопали куски брезента, закрывавшие мусорные баки, превращаясь в пальто бездомных, собиравшихся, чтобы поглазеть на нее. Через безжизненную толпу пробиралось живое, озлобленное существо. Белла знала, что пройдет немного времени — и оно выйдет из проема в стене, чтобы отомстить за свою бесполезную эрекцию.

Белла ходила по улицам в поисках работы. Никому не нужна была кассирша. В одном ресторане ей предложили работу мойщицы посуды на полдня; она отказалась. На Холлоувэй-роуд какой-то бродяга попросил у нее мелочи на автобус, чтобы доехать до больницы. Она молча прошла мимо, как всегда. Но, оказавшись на боковой улице, в тюрьме, полной оранжевого тумана, она почувствовала раскаяние. Ей не следовало отказываться от этой работы; нужно было подать нищему. Общество и правительство не помогут ему — она чувствовала на своих плечах ответственность, которую они сбросили, она давила, словно фунтовая монета в кармане. Она повернула бы обратно и дала бы ему то небольшое, что у нее осталось, если бы не шум шагов, раздававшийся у нее за спиной. Это мог быть кто угодно. Это мог быть Монктон, разозленный своим унижением, ищущий жертву, готовый выместить на ней свою агрессию. Она сделала круг по кварталу, и преследователь отстал — если он на самом деле был.

Белла больше не доверяла внешней шелухе жизни, которая когда-то заставляла ее верить во что-то, принимать жизнь такой, какая она есть, покоряться. Прошла неделя, и она увидела, что стены сужаются вокруг нее, становятся все тоньше, словно старая фотография на обложке книги. Она снова отправилась в Арчуэй-тауэр. Улицы кишели бродягами, число их росло, Земля, казалось, вращалась все быстрее; а как же другие люди вокруг меня, спрашивала она себя, неужели таков и их конец?

Она прошла мимо бездомного, копавшегося в помойке в поисках обеда, и села в автобус. Забралась наверх и смотрела, как ползет мимо тротуар. Одноногий нищий на костылях тащился сквозь толпу. Автобус целую вечность стоял перед светофором. Башня виднелась впереди, протыкая шпилем шиферную крышу облаков. Белла вышла из автобуса и пошла пешком. За спиной у нее раздалися шаги; она остановилась, обернулась; мимо прошла группа незнакомых людей. Она снова пошла вперед, глядя себе под ноги. Впереди показался человек в шинели, из-под которой торчала одна нога, не касавшаяся земли. Время от времени она тыкалась в землю. Костыли стучали, словно сапоги, подкованные гвоздями. Внезапно инвалид развернулся на своих железных палках и протянул к Белле руку за подаванием. Но она испугалась, не смогла заставить себя даже взглянуть на него. Обойдя костыли, она оставила его стоять с протянутой рукой; она заметила только грязные ленточки на его шинели.

Она остановилась неподалеку от башни и взглянула вверх, на ее огромный пик. В кармане у нее лежали страховые бумаги, но если они и имели какое-то значение, для нее они превратились в мусор. Она прикоснулась к двери, которая легко отворилась. Отвергнув фальшь лифтов, она нашла лестницу. Шаги звучали у нее за спиной и смолкали, когда она останавливалась; они принадлежали ей самой. Но это было не важно — ей нечего было бояться шагов, она боялась лишь самой себя, своего злейшего врага.

Она добралась до девятого этажа и, задыхаясь, прислонилась лбом к стене, покрытой белой штукатуркой. Звук ее шагов все еще эхом разносился по лестничной площадке. Она почувствовала, что трещина на стене в том месте, где она прикоснулась к ней, расширилась при ее прикосновении. На белую стену полился черный свет, шаги зазвучали громче. «Обо всех случайных повреждениях следует немедленно сообщать линейному руководителю». Трещина зияла все шире. Белла бросилась наверх и с грохотом проскочила через вращающиеся двери на десятом этаже. Дверь, находившаяся напротив, была открыта; она вбежала в знакомую комнату. Здесь никого не было — только скамьи, пустые

окошки с прилавками и одинокий стул. «Если вас не вызвали, сообщите об этом секретарю через десять минут после назначенного вам времени». Дверь в противоположном конце комнаты открылась, и в помещение вошел человек в строгом костюме, с ухмыляющейся треугольной маской вместо лица. Белла схватила стул и швырнула его в окно. Вокруг места удара возникла паутина трещин, и она вскарабкалась на подоконник, колотя кулаками в стекло. «Не позволяйте детям вставать на подоконники — это опасно».

Она должна была найти его — не то чтобы это было хоть сколько-нибудь важно, но тогда она сможет внести в жизнь символическую долю порядка, исправить хотя бы одну несправедливость. Она не надеялась помочь ему, но, может быть, думала она, это хоть немного искупит ее вину. Ей казалось, что в таком случае усмешка хоть на миг слетит с желтого лица.

Однако в округе было столько нищих и бродяг, что она могла бы искать его вечно. Идти со сломанной ногой было тяжело, позвоночник больше не поддерживал ее, она думала, что позвонки смещены в трех местах. Но инстинкт гнал ее вперед. Кровь, лившаяся на тротуар, пугала прохожих, но Белла не в силах была остановиться или спрятаться в подворотне.

Пройдя пятьдесят метров, она заметила его спину. Костыли блестели в ярком свете, бесполезная нога скребла по земле. Она сунула руку в карман в поисках монет, но рука ее угодила в кровоточащую рану. Оторвав руку от кровавого месива, она поняла, что уже слишком поздно. Бродяга обернулся и, защищаясь, поднял костыль. Она знала, чье лицо она увидит, если поднимет взгляд, — хотя этому лицу было не место здесь. И она решила отрицать его существование, не смотреть на него; она не доставит ему этого удовольствия. Вместо этого она посмеется в последний раз и примет вину на себя. Она вонзила ногти себе в глаза, ручейки крови потекли по ее впалым щекам, и на лице возник треугольник — две окровавленные глазницы и отвисшая сломанная челюсть.

Странный замысел мастера Риньооло

Томас Лиготти родился в Детройте и в настоящее время продолжает жить в штате Мичиган. Он был продавцом в продовольственном магазине, проводил телефонные опросы, работал в отделе распространения местной газеты и младшим преподавателем в рамках государственной программы трудоустройства, а также редактором в издательстве справочной литературы.

Однако все эти занятия, по-видимому, не оказали никакого влияния на его уникальные причудливые произведения в жанрах фэнтези и хоррор, которые вначале публиковались в различных малотиражных журналах, а затем стали выходить в составе антологий, таких как «Первородное зло» («Prime Evil»), «Лучшее из „Fantasy Tales“» («The Best Horror from Fantasy Tales») и «Истории, которые меня испугали» («Stories That Scared Me») под редакцией Рэмси Кэмпбелла. Критики высоко оценили сборник рассказов Лиготти «Песни мертвого сновидца» («Songs of a Dead Dreamer»).

Довольно сложно охарактеризовать произведение, которое вам предстоит прочесть, поэтому просто позвольте себе проникнуться его атмосферой, оцените богатство прозы Лиготти и почувствуйте медленно подкрадывающийся страх.

Стоял поздний вечер, и Нолон уже довольно долго сидел за маленьким столиком в некоем подобии парка. То был длинный тонкий участок растительности, словно брошенный на землю осколок. С трех сторон его окружали улицы разной ширины, все как одна с выщербленным асфальтом. Каждая разрушалась на свой лад и в собственном неповторимом ритме, подчиняясь незаметным и неумолимым сдвигам спавшей под ними почвы. С дальнего конца парка к Нолону приближалась малень-

кая фигура в темном пальто. Похоже, вскоре здесь должна была произойти какая-то встреча.

Тут и там стояли другие столы, сейчас незанятые, но большая часть парка пустовала, покрытая мягким, ворсистым дерном. Лунный свет придавал густому переплетению трав сверкающий оттенок голубовато-зеленого цвета, казалось, от стеблей исходят лучи. В редеющих верхушках деревьев виднелись яркие звезды, словно вырезанные из люминесцентной бумаги. Небо вокруг парка рассекала рваная линия высоких крыш, черных и неотличимых друг от друга, похожих на неровные зубья старой пилы.

Нолон положил руки на край маленького круглого столика. Посредине столешницы мерцала свеча в бесформенном пузыре зеленого стекла, и лицо человека омывало тревожное изумрудное сияние. Нолон тоже носил черное пальто, расстегнутое у ворота, под которым виднелся светлый шарф, закутывающий шею до самого подбородка. Не обращая внимания на Гриссала, идущего по парку, он по-минутно бросал взгляд вверх, пытаясь разглядеть нечто в освещенном окне здания на противоположной улице. Там через равные промежутки времени то появлялся, то исчезал чей-то силуэт. Над окном виднелся длинный низкий скат крыши, увенчанный щитом — то ли навесом, то ли рекламным плакатом. Текст его был совершенно неразличим. Может, краску смыло ливнем, а может, надпись стерли намеренно... Отчетливо виднелось лишь изображение двух высоких тонких бутылок, чьи изящные горлышки склонялись в разные стороны.

— Вы давно тут сидите? — спросил Гриссал, устроившись на стуле и положив руки на стол.

Нолон спокойно вытащил из глубин пальто часы, посмотрел на них несколько секунд, пару раз постучал по стеклу, потом аккуратно вернул на место.

— Кто-то, наверное, знал, что я хотел повидаться с вами, — продолжил вновь прибывший, — так как у меня есть для вас одна любопытная история.

Нолон снова бросил взгляд на освещенное окно. Гриссал, заметив это, повернул голову со словами:

— Ну, все-таки там кто-то есть. Может, сегодня нам удастся получить небольшую услугу определенного рода, ну вы понимаете?

— Можете пройтись туда и проверить, каковы наши шансы.

— Да мне без разницы, — отмахнулся Гриссал, — у меня все равно есть новости.

— Мы именно поэтому встретились?

Гриссал смутился:

— Без понятия. Насколько мне известно, мы столкнулись совершенно случайно.

— Естественно, — согласился Нолон и еле заметно усмехнулся.

Его собеседник улыбнулся в ответ более радушно.

— Хочу вам сообщить, что я побывал на поле, которое находится за пустыми зданиями на краю города, где все катится в пропасть и идет на все четыре стороны. И там есть болото, отчего земля слегка, не знаю, вязкая, что ли? Деревьев почти нет, все покрыто зарослями камышей. Вы понимаете, о каком месте я говорю?

— Вполне, — ответил Нолон, несколько заскучав или, по крайней мере, притворившись, что ему тоскливо.

— Когда я туда добрался, почти стемнело. Вот-вот должны были показаться звезды. Уверяю вас, у меня и в мыслях не было делать что-либо. Просто решил пройтись по полю, несколько раз повернул, забрался чуть дальше, чем обычно, а потом увидел нечто странное в зарослях камышей, таких больших, гораздо выше меня, с остроко-нечными метелками наверху. Они были очень прочные, не согнуть, только слегка покачивались на ветру. Возможно, даже трещали, когда я продирался вперед, за это, правда, не поручусь. А потом я наклонился, хотел получше раз-глядеть то самое, на земле. И говорю вам, мистер Нолон, оно было прямо там. Вырастало из почвы, словно....

— Что было, мистер Гриссал?

Тот опомнился, стал говорить тише, не желая дальше испытывать терпение слушателя, и откинулся на спинку стула:

— Лицо. Прямо там, размером, не знаю, ну где-то с окно или с картину на стене, только оно было прямо на земле, и не прямоугольное, а овальное. Словно кто-то похоронил великана, или нет, вернее, маску великана. Только края ее, я бы сказал, были вплетены прямо в почву. Глаза закрыты, не плотно — оно не казалось мертвым, скорее расслабленным. Его губы, удивительно пухлые, терлись друг о друга. Ровный цвет кожи, пепельно-серый, мягкие щеки. В смысле они выглядели мягкими, я их не касался. Думаю, оно спало.

Нолон слегка сдвинулся на стуле и посмотрел прямо в маленькие глазки Гриссала.

— Пойдите и взгляните сами, — начал настаивать тот. — Луна сегодня достаточно яркая.

— Не в этом проблема. Я с большим желанием пошел бы с вами, не важно, что вы там увидели. Но сейчас у меня другие планы.

— А, другие, — повторил Гриссал так, словно ему открыли некий тщательно скрываемый секрет. — И какие же у вас другие планы, мистер Нолон?

— Давно решенные и неизменные, если вы, конечно, можете представить себе нечто подобное в наше время. Вы слушаете? А то мне показалось, вы носом клюете. Риньоло, художник, и не тот, о котором вы, возможно, подумали, решился на крайне необычный шаг. Спросил меня, не хочу ли я осмотреть его студию. Насколько мне известно, в ней никто никогда не был. И никто не видел того, что он рисует.

— Никто из тех, кого вы знаете, — добавил Гриссал.

— Разумеется. До этой ночи так и было. Но все изменится сегодня, если не придется срочно изменить планы. Коли все пойдет нормально, я стану первым, кто увидит, что стоит за пространными монологами Риньоло. И это должно заслуживать всей суеты. Я мог бы пригласить вас.

Нижняя губа Гриссала чуть оттопырилась, и он ответил:

— Спасибо, мистер Нолон, но это больше по вашей части. Я думал, что, когда расскажу о своем открытии...

— Естественно, ваш случай крайне интересен и необычен, мистер Гриссал. Но мне кажется, он из разновидности тех явлений, что могут и подождать, не так ли? К тому же я не рассказывал вам о работах мистера Риньоло.

— Можете рассказать сейчас.

— Пейзажи, мистер Гриссал. Ничего, кроме пейзажей. Другим он не занимается и часто хвастается этим.

— Очень интересно, очень.

— Я подозревал, что вы скажете нечто подобное. Я так же думаю, что вы бы заинтересовались еще больше, если бы хоть раз слышали размышления Риньоло о его полотнах. Словно он рисовал их... Впрочем, вы сможете все увидеть и услышать сами. Что скажете? Сначала студия Риньоло, а потом посмотрим, сможете ли вы найти это старое поле снова?

Они решили, что эти занятия именно в такой последовательности будут не самым плохим способом провести вечер.

Поднявшись из-за стола, Нолон бросил последний взгляд на окно в доме на противоположной стороне улицы. Похоже, пока они с Гриссалом беседовали, там погасили свет, а потому оставалось загадкой, стоит ли там сейчас кто-нибудь, наблюдая за ними, или нет. Застегнув длинные пальто до шарфов, обматывающих шеи, двое мужчин в полной тишине прошли через парк, где земля светилась аквариумом под холодными звездами, похожими на мертвые глаза бесчисленных статуй.

— Прошу вас, смотрите под ноги, ступайте аккуратно, — сразу сказал Риньоло, когда посетители вошли в студию. Он слегка запыхался, взбираясь по лестнице, потому хрипел, беспрестанно бормоча себе под нос: — Это место, о, это место...

На полу с трудом можно было отыскать хотя бы клочок свободного пространства, все загромождено, потому предупреждение практически не имело смысла.

— Видите, — продолжил художник, — что здесь, наверное, у меня не комната, а скорее стенной шкаф, который

жаждет превратиться в комнату, распухая во все стороны, создавая все эти ниши и альковы, окружающие нас, эту бесформенную галерею укромных уголков. Где-то здесь есть окно, не знаю точно где, под одним из полотен, наверное. Но вы же на картины пришли посмотреть, а не любоваться видами из окна, которое находится черт знает где. Да и глядеть из него не на что.

Затем Риньоло провел посетителей по извилистому лабиринту закоулков, указывая на картины. Некоторые каким-то замысловатым образом крепились к стене, другие холсты в изнеможении прислонялись друг к другу. Привлекая внимание к тому или иному полотну, художник делал шаг в сторону и позволял гостям насладиться работой, стоя в отдалении как вежливый, но несколько заскукавший куратор редко посещаемого музея, жалкая фигура в болтающемся на теле костюме, словно сотканном... из пыли. Увядавшее лицо Риньоло создавало впечатление безжизненной маски; кожа имела тот же тусклый цвет, что и одежда, и казалась такой же дряблой и обвисшей; на общем фоне выделялись лишь полные серые губы; волосы пучками пробивались на черепе, походя на вылезшие без спроса сорняки, а глаза состояли как будто из одних белков, они словно закатились куда-то под лоб, стараясь разглядеть, что же там скрыто. Сочетание всех этих черт придавало живописцу вид идиота, пребывающего в экстазе.

Пока Нолон рассматривал пейзажи, Гриссал не мог оторвать взгляда от самого отшельника, хотя и очень старался соблюсти приличия. Но чем больше он пытался не обращать внимания на Риньоло, тем скорее снова принимался всматриваться в обвисшую складками кожу, бледное лицо и непокорные пучки волос. В конце концов Гриссал потянул Нолона за рукав и начал что-то шептать тому на ухо. Компаньон посмотрел на него, словно говоря: «Да, я знаю, но в любом случае постарайтесь вести себя вежливее», после чего снова принялся за изучение великолепных картин Риньоло.

Все они походили друг на друга и носили названия вроде «Сверкающая ночь», «Брак неба и тени», «Звезды, хол-

мы». Обещанный на полотнах пейзаж скорее предполагался, чем показывался. Визуальное эхо неабстрактного мира цеплялось за периферию зрения каким-то эффектом, цветом или формой, но по большей части их можно было описать как чрезвычайно отдаленные от непосредственной реальности. Гриссал, хорошо знакомый с местами, гипотетически изображенными на холстах, мог бы убедительно доказать, что эти скопления разрозненных масс, водовороты искаженного света просто не достигают цели, не создают связи с географическими объектами, вроде бы изображенными художником. Интуиция подсказывала Гриссалу, что, высказав свои замечания, он спровоцирует художника на целый монолог, произнесенный захлебывающимся лихорадочным голосом изумленного сновидца. Так и случилось.

— Думайте о картинах что хотите, мне все равно. Перешептывайтесь, у меня очень плохой слух. Скажите, что мои пейзажи не притягивают взгляд, не заставляют задерживать на себе внимание, а уж тем более изучать их. Тем не менее именно в этом заключается моя цель, и, насколько мне кажется, полотна идеально ей соответствуют, работают на нее малейшими деталями. Я провел немалое количество времени внутри каждого холста и как творец, и как обычный житель, и теперь границы их для меня не существуют, как и... та, другая вещь. Поймите, когда я говорю «житель», то ни в коей мере не подразумеваю, что своими неуклюжими ногами я топтал эти лестницы цвета или что возлагал вот это самое тело на каком-нибудь возвышенном уступе, где воображал себя повелителем всего, что видел. У этих картин нет хозяина, нет пророка, ибо плоть и ее органы не могут там действовать — некуда идти, не на что смотреть обычными глазами, нет мыслей, которые мог бы обдумывать могучий разум. Магистралей, созданных мной, не ведут вас от порога одной скуки до задней двери другой, они не могут разрушиться, ибо по ним нечего перевозить — все путешественники уже там, постоянно пребывают к бесконечным местам неизбывного удивления. Эти города — еще и наша родина, даже самое странное там никогда не станет опасным. Всем этим я подразумеваю следующее:

для того чтобы поселиться в моем пейзаже, надо, буквально выражаясь, прорасти в него. Мои картины, места, изображенные на них, — это рай для людей, странствующих во сне, но только для тех, которые никогда не поднимаются на ноги, которые забывают цель своего путешествия, забывают, что они вообще существуют. На пути к абсолютной тьме по ту сторону грез такие сновидцы могут задержаться в моих землях, соседствующих с небытием и находящихся рядом с дверью в бесконечность. Так что, видите ли, критики мои, на этих маленьких полотнах изображено не полное уничтожение, а, скорее, незавершенная и полностью декоративная вечность...

— Не важно, — прервал монолог Гриссал, — в любом случае звучит все это неприятно.

— Вы вмешиваетесь, — вполголоса одернул его Нолон.

— Я одергиваю старого пустобреха, — так же тихо возразил Гриссал.

— А где конкретно вы видите неприятность? Что вас отталкивает? Где? Покажите мне. Ничего нет, насколько мне видно. Нельзя быть неприятным самому себе, нельзя быть себе чужим. Я утверждаю, что все станет иначе, если человек соединится с пейзажем. Для посвященного каждый из этих завитков — убежище, куда можно войти и стать кем-то иным; каждая линия — зазубренная или же просто неровная — это берег картографа, где можно исследовать все точки одновременно; каждый складчатый комок лучей — звезда, наслаждающаяся как своим, так и вашим светом. Это, джентльмены, возможность для любого проявить свой талант проекции. Места, на основе которых созданы мои картины, действительно существуют, признаю. Но они находятся на расстоянии от зрителя. Тогда как мои пейзажи позволяют вам чувствовать себя как дома, вторые отвергают вас, держат на расстоянии вытянутой руки. И так со всем там, снаружи, — все смотрит на вас чужими глазами. Но вы можете справиться с этой невыносимой ситуацией, перепрыгнуть через ограждение, так сказать, и для разнообразия перейти в мир, которому вы соответствуете. Если мои пейзажи кажутся

вам незнакомыми, это лишь потому, что с другой стороны все иначе. Все станет предельно ясно, когда вы увидите мой шедевр. Пожалуйста, идите сюда.

Нолон и Гриссал тупо посмотрели друг на друга и последовали за художником к узкой двери. Открыв ее крохотным ключом, Риньоло жестом указал гостям следовать внутрь. В проем пришлось протискиваться.

— Вот это место действительно похоже на шкаф, — прошептал Гриссал Нолону. — Кажется, тут даже развернуться негде.

— Ну, тогда выйдем отсюда спиной вперед, если что-нибудь пойдет не так.

Дверь со стуком захлопнулась, и на какое-то мгновение на земле не осталось места более темного, чем эта маленькая комната.

— Смотрите на стены, — крикнул Риньоло снаружи.

— Стены? — прошептал кто-то.

Сначала во тьме появились складчатые комки лучей, о которых рассказывал художник, только эти были гораздо крупнее, более многочисленными и ярко светились, в отличие от тех, ограниченных тесными маленькими полотнами. Они появлялись со всех сторон зрителя, как сверху, так и снизу, внушая ему непреодолимое убеждение, что крохотная, похожая на могилу комнатка разрушилась или превратилась в усеянный звездами коридор ночи, создавая у человека уверенность, что он подвешен в космосе, в абсолютном вакууме. И когда гости касались твердых стен, ползали по полу, это только еще больше запутывало их, чувство невозможности происходящего не приносило облегчения. От маленьких булавок, расположенных с высокой точностью, росли неравномерные мазки, выполненные в бесконечной гамме оттенков от серебристого до голубовато-серого, иззубренные по светящемуся краю. А затем похожие на нити серовато-зеленые волокна света стали пробиваться в пространстве между и позади пузырчатых фистул сияния, трещинами разбегаясь по стенам. Эти тончайшие, похожие на волоски щупальца рассекли черноту в припадочной ярости размножения, пока все не

стало волокнистым и сетчатым в пейзаже вселенной. А потом пространство стало изнашиваться, отваливаться лохмотьями, космический мох висел сверкающими пучками, переливающимися бородами. Но картина не стала сумбурной, она напоминала самое обыкновенное болото или залитое водой поле. Наконец ниоткуда пробились вверх огромные стебли, быстро пересекаясь друг с другом, образуя замысловатые, четко выверенные узоры, и столь же неожиданно застыли. Странные растения зеленовато-голубого цвета были увенчаны шелестящими розоватыми коронами, похожими на мозги с колючками.

Похоже, создание картины завершилось. Зрителям продемонстрировали все реальные эффекты: реальные, так как еще один, который сейчас разворачивался перед ними, явно был иллюзией. Посетителям казалось, что глубоко внутри иссеченного гобелена сетей, волосков и стеблей сплетается что-то еще, захороненное в самой трясине, но медленно поднимающееся на поверхность.

— Это лицо? — спросил кто-то.

— Да, я тоже его вижу, — ответил другой, — но не уверен, что хочу этого. Я не совсем понимаю, где нахожусь в данный момент. Давайте постараемся не смотреть на него.

Крики из маленькой комнаты заставили Риньоло открыть дверь, оттуда в студию спинами вперед вывалились Нолон и Гриссал. Какое-то время они лежали среди мусора на полу. Художник быстро запер шкаф, после чего абсолютно неподвижно встал рядом с гостями, в белках закатившихся глаз не читалось и малейшего интереса к состоянию гостей. Когда те наконец сумели подняться на ноги, то быстро обменялись несколькими репликами, стараясь говорить вполголоса.

— Мистер Нолон, я узнал место, которое, по-видимому, должна изображать эта комната.

— Я в этом не сомневался.

— Я также уверен, что знаю, чье лицо видел сегодня на том поле.

— Кажется, нам надо идти.

— О чем вы говорите? — потребовал разъяснений Риньоло.

Нолон показал на большие часы, висящие высоко на стене, и спросил, правильно ли те показывают время.

— Они всегда точны, — ответил художник, — я не видел, чтобы их стрелки хоть раз двинулись с места.

— Ну, тогда благодарим вас за все.

— Нам нужно уходить, — добавил Гриссал.

— Подождите минуту, — крикнул Риньоло, когда гости направились к выходу. — Я знаю, куда вы сейчас идете. Кое-кто, и я не скажу вам кто, сообщил мне о вашей находке в поле. Я это сделал, ведь так? Вы можете мне о ней рассказать. Хотя нет, не нужно. Я наконец-то вошел в картину. Бесконечность с отделкой, абсолютный полет! О, возможно, там еще есть для меня работа. Но начало положено, не правда ли? Я одной ногой вышел за порог, я смотрю в окно. Мало-помалу, а затем... навсегда. Правда? Нет, ничего не говорите. Покажите мне, где это, я должен туда попасть. У меня есть право туда попасть.

Не имея понятия, как отреагирует экстравагантный Риньоло на отказ, и думая о возможных действиях со стороны анонимного информанта, Нолон и Гриссал уважили просьбу художника.

Три фигуры прибывают на сцену, где царит полная тишина. Их силуэты передвигаются осторожными шагами через росчисть, медленно, практически без какого-либо заметного движения. Вокруг них стоят скрещенные стебли высоких трав, застывшие, неподвижные, с заостренными живописными кончиками. Над ними висит круглая луна, правда, свет ее какой-то тусклый, похожий на блеклую белизну книжных страниц, украшенных затейливыми рисунками. Трое, один гораздо ниже остальных, останавливаются перед густыми зарослями стеблей необычной формы. Человек поднимает руку и указывает в их сторону, маленькая фигура делает шаг вперед. Двое замирают, тогда как коротышка растворяется в темных густых зарослях. Какое-то время можно разглядеть его ботинок

с носком, направленным к земле, и ногу в серой ткани брюк. А потом исчезает все.

Двое продолжают стоять на месте, не жестикулируя, держа руки в карманах длинных пальто. Они смотрят в темноту, где исчез третий. Вокруг них пересекаются стебли высоких камышей, над ними круглая луна.

Оставшиеся отворачиваются. Они слегка склоняются вперед и какое-то время крепко прижимают руки к ушам. Потом медленно, двигаясь почти незаметно, покидают сцену.

Поле снова пустое. И неожиданно все оживает, картина наполняется движением и звуком.

После приключения Нолон и Гриссал вернулись к тому самому столу под деревьями, где встретились этим вечером. Помимо зажженной свечи в бесформенном зеленом пузыре, на нем теперь стояли два невысоких стакана и высокая, правда, тонковатая бутылка.

Собеседники методически осматривали приборы и друг друга, словно не желая тревожить покой вокруг.

— А там есть кто-нибудь, в том окне? Ну, вы понимаете, о чем я... — спросил Гриссал.

— Вы считаете, мне надо посмотреть?

Гриссал устался в стол, затягивая паузу, а потом заметил:

— Мне все равно, мистер Нолон. Одно могу сказать: то, что произошло сегодня, было крайне неприятно.

— Что-то подобное случилось бы рано или поздно. Скажем прямо, он слишком много мечтал. Его слова не имели смысла, о котором стоило бы упоминать, к тому же он всегда говорил больше, чем следовало. Возможно, кто-то его услышал в конце концов.

— Я никогда не слышал таких криков.

— Все кончилось, — тихо произнес Нолон.

— Но что с ним произошло?! — воскликнул Гриссал и схватил стакан, похоже даже не заметив этого.

— Только он знает это наверняка, — ответил Нолон, повторив жест собеседника, причем явно столь же неосознанно.

— И почему Риньоло так кричал, почему сказал, что все оказалось трюком, насмешкой над его мечтами, особенно эта «грязная тварь в земле»? Почему вопил «не хоронить его навечно в этой странной, ужасной маске?»

— Возможно, он запутался, — сказал Нолон и принялся разливать напиток из бутылки по бокалам слегка дрожащими руками.

— А потом он умолял убить его. Но он же не хотел этого, совсем. Скорее наоборот. Риньоло боялся... Вы знаете, чего он боялся. Почему же...

— Мне действительно нужно все это объяснять, мистер Гриссал?

— Наверное, нет, — тихо произнес тот, явно смутившись. — Он хотел сбежать, сбежать с чем-то.

— Именно, — спокойно пояснил Нолон, оглянувшись по сторонам. — Он хотел сбежать оттуда без разрешения вы-знаете-чего. Как бы это выглядело?

— Подало бы пример.

— Именно. Давайте же извлечем урок из ситуации и выпьем, прежде чем двигаться дальше.

— Я не уверен, что хочу этого, — сказал Гриссал.

— Я не уверен, что в этом случае у нас есть хоть какой-то выбор.

— Да, но...

— Тише. Сегодня наша ночь.

В освещенном окне дома на противоположной стороне улицы виднелась колеблющаяся тень. Вечерний легкий ветер пронесся по маленькому парку, и зеленое пламя свечи отблесками замерцало на двух безмолвных лицах.

ЧЕТ УИЛЬЯМСОН

«Сочувствию к другому научи...»¹

Чет Уильямсон родился в Ланкастере, штат Пенсильвания, в настоящее время живет в Элизабеттауне с женой Лори и сыном Колином. Первый рассказ Уильямсона был опубликован в 1981 году, и с тех пор его произведения появлялись в «The New Yorker», «Playboy», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Twilight Zone», «New Black Mask» и многих других журналах и антологиях.

Первый роман Уильямсона «Душевная буря» («Soulstorm») увидел свет в 1986 году, за ним последовали «Деревня снов» («Dreamthorp»), «Пепельная среда» («Ash Wednesday»), номинированный на премию Брэма Стокера, которую присуждает Американская ассоциация писателей жанра хоррор (Horror Writers Association), «Всадник низин» («Lowland Rider»), «Дилемма Маккейна» («McKain's Dilemma») и «Царствование» («Reign»). Повесть («Исповедь святого Иакова» («The Confessions of St. James»)) вышла в составе антологии «Ночные видения. Выпуск 7» («Night Visions 7»).

В рассказе «Сочувствию к другому научи...» автор по-новому раскрывает традиционную тему вампиров. Повествованию придают увлекательность основанные на собственном опыте Уильямсона зарисовки театрального мира Нью-Йорка.

Кевин описывал ее как вампиршу, и я, глядя на нее, был вынужден признать, что он прав. По крайней мере у нее было лицо вампириши — высокие, как у модели, скулы, огромные блестящие глаза. Черные как смоль волосы резко оттеняли белизну кожи, совершенно гладкой, почти светящейся. Однако, насколько мне известно, вампиры не носят футболок «Данскин» и ши-

¹ Строка из стихотворения Александра Поупа «Всеобщая молитва» («The Universal Prayer», 1738).

роких брюк в стиле Энни Холл, а также не ходят на прослушивания в бродвейские театры.

В то утро безукоризненно чистый холл отеля «Ансония» был забит толпой из двухсот человек, у каждого из которых в одной руке были зажаты фотографии и резюме, а в другой — сценарий «Трамвая „Желание“». Джон Уэйднер руководил возобновлением постановки в «Театре на Площади», и каждый нью-йоркский актер, обладавший членским билетом Актерской ассоциации и хотя бы немного разборчивым бруклинским произношением, счел своим долгом явиться на прослушивание. Роль Стэнли Ковальского уже получила новая итало-американская звезда, обладавшая в большей мере наглостью, чем талантом, но остальные роли еще не были заняты. Я надеялся сыграть Митча или Стива или хотя бы выступать в качестве замены, мне нужна была какая-нибудь работа, чтобы заплатить за квартиру.

Я оказался в очереди рядом с Кевином Маккуинном, весельчаком, певцом и танцором, с которым мы играли в театре «Джонс Бич» два года назад. Это был приятный парень, совсем не склонный к смене деятельности.

— А я и не знал, что это будет мюзикл, — улыбнулся я ему.

— А как же! Ты разве не слышал об арии Стеллы? — И он негромко запел: — Я буду вечно повторять — Стел-ла...¹

— Я серьезно. Ты решил податься в драматические актеры?

Он пожал плечами:

— У меня нет выбора. В наши дни мюзиклы — сплошь рок, оперы или рок-оперы. Никаких больше мягких туфель в «Суини Тодде».

— «Суини Тодда» закрыли сто лет назад.

— Это потому, что у них кончились мягкие туфли.

А затем появилась она со своими бумагами и сценарием; она села на пол и прислонилась спиной к стене так

¹ «Я буду вечно повторять — Мария...» — строка песни из мюзикла «Вестсайдская история».

грациозно, словно весь отель принадлежал ей. К изумлению Кевина, я был покорен немедленно.

— Забудь об этом, — сказал он. — Она съест тебя заживо.

— Неплохая перспектива. Кто она?

— Ее зовут Шейла Ремарк.

— Дурацкий псевдоним.

— Это ее настоящее имя, по крайней мере она так говорит. И я ей верю.

— И как она?

Кевин улыбнулся, но не так широко, как позволяло ему подвижное лицо.

— Ну, могу сказать вот что: ставлю двадцатку, что она получит любую роль, какую захочет.

— Правда?

— Эта девчонка — феноменальная актриса. Видел прошлым летом «Лира» в парке? — Я кивнул. — Она играла Гонерилью.

— Ах да. — Я удивился тому, что не вспомнил ее имени. — Она была хороша.

— Ты сказал «хороша», а я говорю — феноменальна. И критики тоже.

Я хорошо помнил представление. Обычно Корделия принимала у двух злых дочерей Лира внимание публики, но на спектакле, который я видел, все взгляды были устремлены на Гонерилью. Актриса не переигрывала, не перебирала с эффектами. Она просто (хотя, если вы актер, это, наоборот, сложно) была дьявольски правдоподобна. Здесь не было и следа игры, никаких условностей, которыми пользуются даже лучшие исполнители, абсолютно никаких попыток произвести впечатление, только истинные, неподдельные эмоции. Я вспомнил, что тогда мог назвать ее игру лишь одним словом — божественно. Как глупо, подумал я, забыть ее имя.

— А что еще ты о ней знаешь? — спросил я у Кевина.

— Немногое. Разбивает сердца. Любит, а потом бросает. Этакая вампириша, Теда Бара¹.

¹ Теда Бара (1885—1955) — американская актриса, звезда немого кино, носила прозвище Вампириша.

— Ты когда-нибудь с ней работал?

— Три года назад. В «Оклахоме»¹, в «Алленберри». Я играл Уилла Паркера, она пела в хоре. Хороший голос, танцевала немного, но актриса из нее тогда была никудышная. Настоящая позерша, понимаешь? Черт его знает, понять не могу, что с ней произошло.

Я хотел было спросить Кевина, не знает ли он, где она училась, но он внезапно напрягся. Проследив за его взглядом, я заметил человека с сумкой танцора, приближавшегося к нам по коридору. Он был высоким, худощавым, светлым шатеном с неопределенными чертами. Трудно описать лицо, на котором не отражается ни малейший оттенок чувства. Вместо того чтобы сесть на пол, как все мы, он остался стоять в нескольких ярдах от Шейлы Ремарк, на которую он смотрел не отрываясь, но без видимого интереса. Она подняла голову, увидела его, слегка улыбнулась, затем вернулась к своему сценарию.

Кевин наклонился ближе ко мне и прошептал:

— Если хочешь узнать побольше о мисс Ремарк, нужно расспрашивать вон того парня, а не меня.

— Почему? Кто это такой?

Человек не отводил взгляда от девушки, но я не мог сказать, что выражает этот взгляд — страсть или гнев. В любом случае я восхищался ее самообладанием: она не обращала на него никакого внимания.

— Его зовут Гай Тэйлор.

— Тот, который играл в «Энни»?

Кевин кивнул:

— Он здесь три года. Переходит туда-сюда. Когда-то был в той же труппе, с которой я выступал. Мы раньше вместе выпивали. Он был весельчаком, даже в трезвом виде. Но стоило ему выпить — и по сравнению с ним Эдди Мерфи выглядел, как Дэвид Меррик². Он мог заставить решетки на окнах расколоться от смеха.

¹ «Оклахома!» — первый в истории мюзикл, впервые поставлен на Бродвее в 1943 г.

² Дэвид Меррик (1911–2000) — американский театральный продюсер.

— Он был ее парнем?

— Они жили вместе три или четыре месяца, в прошлом году.

— И разошлись, как я понимаю.

— Хм... Я про это мало что знаю. — Он покачал головой. — Примерно неделю назад я наткнулся на Гая на прослушивании в «Круге трех». Я был ужасно рад его видеть, но он вел себя так, словно едва знает меня. Я спросил, как его девушка, — я ее не встречал, но слышал о ней, — он сказал мне, что живет один, и я не стал углубляться. По-расспросил кое-кого, и мне сказали, что она его бросила. Чуть не погубила. Должно быть, он это тяжело переживает.

— Вот тебе и любовь.

— Ага. Поэтому я и не связываюсь с женщинами.

Затем мы с Кевином заговорили о чем-то другом, но я не мог оторвать взгляда ни от Шейлы Ремарк, которая словно преследовала меня, ни от бессмысленного лица Гая Тэйлора, глазевшего на девушку с видом вялого, глубокого сторожевого пса. Я подумал: а может, он укусит любого, кто осмелится заговорить с ней?

В десять, как и было запланировано, очередь начала двигаться. Когда я подошел к столу, ассистент режиссера по кастингу, какой-то очередной подхалим, взглянул на мои бумаги, потом на меня; очевидно, ему понравилось увиденное, и он велел мне вернуться в два на чтение. Кевин, стоявший после меня, удостоился лишь кивка и фразы: «Спасибо, что пришли».

— Дьявол, — сказал Кевин, когда мы выходили. — Нельзя было вставать в очередь сразу за тобой, я совсем не похож на мачо. То есть я хочу сказать, они знают хоть что-нибудь о Теннесси Уильямсе, бога ради?

Когда в два часа я вернулся в «Ансонию», там уже ждали более тридцати человек; мужчин было вдвое больше, чем женщин. Среди дюжины актрис я заметил Шейлу Ремарк, по-прежнему уткнувшуюся в сценарий и не замечающую ничего вокруг. Здесь был и Гай Тэйлор — как и утром, он стоял, прислонившись к стене. Он держал в руках текст, время от времени заглядывал туда, но в

основном смотрел на Шейлу Ремарк, которая, как мне показалось, была совершенно безразлична к его взглядам, а может быть, вообще не замечала их.

Глядя на этих двоих, я размышлял о том, что из этой девушки получится потрясающая Бланш, по крайней мере, если судить по внешности. В ней была некая хрупкость, нечто эфемерное, ускользающее, что так прекрасно передала в фильме Вивьен Ли. Джессику Тэнди, которая первой сыграла эту роль, я видел только на фотографиях, но мне она почему-то всегда казалась похожей на лошадь. Шейлу Ремарк при всем желании нельзя было бы назвать лошадей. Она выглядела, словно драгоценный фарфор, и, должно быть, на какой-то миг на моем лице отразилось восхищение, потому что, отведя взгляд, я заметил, что Гай Тэйлор уставился на меня своими проклятыми бессмысленными глазами. Меня раздражало его, как мне казалось, собственническое выражение, но отчего-то оно встревожило меня, и я не смог ответить ему яростным взглядом. И снова принялся за сценарий.

Через несколько минут какой-то человек лет пятидесяти, который был мне незнаком, вышел к нам.

— Итак, мистер Уэйднер отклонит некоторые кандидатуры без прослушивания. Те, кто останется, должны подготовиться к чтению одной из двух сцен. Первыми мы слушаем дам, желающих получить роль Бланш, и джентльменов, претендующих на Митча. Как вам уже говорили сегодня утром, дамы — сцена десятая, мужчины — шестая. Можно пользоваться текстом. Начинаем.

Семь женщин и пятнадцать мужчин, среди них мы с Гаем Тэйлором, последовали за этим человеком в бывший бальный зал с высоким потолком. В одном конце помещения располагалось возвышение, на котором стояло несколько деревянных стульев. В десяти ярдах перед этой импровизированной сценой виднелись четыре складных режиссерских стула. Еще в пяти ярдах за ними были выстроены четыре ряда из десяти таких же скрипучих деревянных стульев, что стояли на сцене. Мы вошли и расселись под взглядом режиссера, Уэйднера.

— Сожалею, что мы не в театре, — сказал он, — там сейчас установлены декорации, которые нельзя убрать даже ради прослушивания. Придется работать здесь. Начнем с мужчин, для разнообразия.

Он кивнул помощнику режиссера, который, бросив взгляд на планшет, произнес:

— Адамс.

Это был я. Я поднялся, сжимая в руке сценарий. На чтениях я всегда пользовался текстом, если это было разрешено. Текст дает уверенность в себе — ведь, когда пытаешься читать по памяти и вдруг забываешь какие-то строки, чувствуешь себя, словно пень.

— Дамы, кто-нибудь, будьте любезны, прочтите с мистером Адамсом за Бланш в сцене шестой, — попросил Уэйднер.

Несколько девушек тут же подняли руки, чтобы исполнить сцену, к которой они не подготовились, но взгляд Уэйднера уже был прикован к Шейле Ремарк.

— Мисс Ремарк, если я не ошибаюсь? — Она кивнула. — Мои поздравления по случаю удачного исполнения роли Гонерильи. Вы сможете прочитать сцену шестую? Обещаю, это не повлияет на мои впечатления от вашей десятой сцены.

«Дерьмо собачье», — подумал я, но она грациозно кивнула, и мы поднялись на скрипящий деревянный помост.

Вы когда-нибудь играли в пьесе перед животным или шустрым маленьким ребенком? Если да, то вы представляете ощущения актера, который не в состоянии привлечь к себе даже слабое внимание аудитории. Именно так я чувствовал себя, исполняя сцену с Шейлой Ремарк. Дело было не в том, что я читал плохо, наоборот, это было лучше, чем читать с суфлером или вторым помощником режиссера, — на ее слова я мог реагировать. Ее Бланш была такой реальной, что я не мог, в свою очередь, не быть реальным, и я играл хорошо.

Но не настолько хорошо, как она. Это были день и ночь.

Она не пользовалась книгой, но знала все реплики и движения наизусть. И, как я уже сказал о ее Гонерилье,

совсем не было заметно, что она играет. Она говорила и двигалась на этой дрянной сцене так, словно она с рождения была Бланш Дюбуа из «Мечты», проживающей на Елисейских Полях, в Новом Орлеане, в 1947 году. Уэйднер не перебил ее ни через несколько реплик, ни через несколько страниц, как это обычно делают режиссеры, он позволил ей легко и без усилий доиграть сцену до конца, когда я, все еще держа в руках текст, поцеловал Бланш Дюбуа в «лоб, глаза и, наконец, в губы», а она выдохнула: «Как быстро вял Господь... бывает же!»¹ И вот все было кончено, Бланш Дюбуа исчезла, и остались только мы с Шейлой Ремарк на помосте и люди, молча смотревшие на нас снизу вверх. В улыбке Уэйднера я заметил изумление. Но он был поражен не моей игрой. Я читал хорошо, но она была великолепна.

— Благодарю, мистер Адамс. Большое спасибо. Прекрасно. У нас есть ваше резюме — да. Спасибо. — И он кивком велел мне спуститься с платформы. — И вам спасибо, мисс Ремарк. Хорошая работа. И раз уж вы здесь, будьте добры, прочитайте для нас сцену десятую.

Она кивнула, и я остановился у выхода. Десятая была чертовски сложной сценой — той, где Стэнли и выпившая Бланш остаются одни в квартире, — и я обязан был увидеть, как она играет ее. Я шепотом попросил у человека, который пригласил нас, разрешения остаться, и он кивнул молча, словно слова могли разрушить чары, околдовавшие всех присутствующих. Я сел рядом с ним.

— Наш Стэнли Ковальский должен был присутствовать сегодня здесь, чтобы читать с Бланш и Стеллами, но ему помешала встреча на телевидении, — несколько раздраженно объяснил Уэйднер. — Поэтому, если кто-нибудь из вас, джентльмены, желает сыграть с мисс Ремарк...

Среди актеров не нашлось ни одного идиота. Никто не поднял руки. Я услышал, как Уэйднер сказал:

— Ах, мистер Тэйлор.

¹ Пер В Неделина

Внутри у меня что-то сжалось. Я не знал, почему он выбрал Тэйлора — из чистого злорадства или потому, что не знал об их отношениях, а может быть, это было совпадение, он просто заметил знакомое лицо. В любом случае, подумал я, ничего хорошего из этого не выйдет. По тому, как напряглись плечи нескольких актеров, я понял, что они были такого же мнения.

— Не поможете нам?

Тэйлор медленно поднялся и взошел на сцену к девушке. Насколько я мог судить, на лице его не отразилось раздражения, и в больших, влажных глазах Шейлы Ремарк я не заметил недовольства. Она улыбнулась ему, как незнакомому человеку, и села на стул лицом к зрителям.

— С любого места, — произнес Уэйднер. Голос его звучал озабоченно. В нем не было нетерпения — только озабоченность.

Шейла Ремарк опьянела. Именно опьянела, за долю секунды. Все ее тело приняло позу, характерную для алкоголички. Взгляд затуманился, рот приоткрылся, словно разрез, небрежно проведенный поперек остатков лица, испещренного морщинами и изуродованного мешками, оставленными спиртным. Она произносила свои реплики так, как никто до нее не произносил, и любой зритель мог поклясться, что эти слова порождены мозгом самой Бланш Дюбуа, одурманенной алкоголем, что это не просто текст, который существует на бумаге уже сорок лет, текст, произносимый голосом актрисы.

Она закончила разговаривать с воображаемым зеркалом, и Гай Тэйлор в качестве Стэнли Ковальского подошел к ней. Бланш заметила его, заговорила с ним. Но, несмотря на то что она обращалась к Стэнли Ковальскому, ей отвечал Гай Тэйлор, Гай Тэйлор, читающий печатные строчки без малейшего следа эмоций. О, *выражение* у него было, я ясно видел нюансы, ритм реплик, их значение. Но это выглядело так, как будто Элеонора Дузе исполняла дуэт с электрическим синтезатором. Она уничтожила его, и я подумал о своем выступлении, надеясь, что того же самого не произошло со мной.

На этот раз Уэйднер, надо отдать ему должное, не позволил им доиграть до конца. Как бы ни был ужасен Тэйлор, я не посмел бы отрицать реальность исполнения Шейлы Ремарк, прервав ее, но Уэйднер сделал это, во время одного из длинных монологов Стэнли о его кузене, который открывал пивные бутылки зубами.

— Отлично, хватит, — сказал Уэйднер. — Довольно. Благодарю, мистер Тэйлор. Думаю, на сегодня с вас достаточно. — Он отвернулся от актера. — Мисс Ремарк, если вы не возражаете, мне хотелось бы услышать вас еще раз. Так, посмотрим... мистер Карвер, прочтите, пожалуйста, роль Стэнли.

Карвер, парень из хора, у которого не хватало силенок для такой роли, шатаясь, с бледным лицом поднялся на платформу, но я не остался, чтобы посмотреть, как с ним разделяются. Я уже достаточно насмотрелся для одного дня на то, как отрывают крылышки мухам, и направился к лифту еще прежде, чем Тэйлор успел сойти со сцены.

Я как раз нажал кнопку, когда заметил его, выходявшего из бального зала с сумкой через плечо. Он медленно направился по коридору ко мне, и я взмолился, чтобы лифт приехал побыстрее и мне не пришлось бы заходить туда вместе с ним. Но лифты «Ансоии» видели лучшие времена, и, когда я вошел в кабину, Тэйлор был в десяти ярдах. Я придержал дверь. Он вошел, двери закрылись, и мы остались вдвоем.

Тэйлор мгновение молча смотрел на меня.

— Вы получите роль Митча, — без выражения произнес он.

Я смущенно пожал плечами и улыбнулся:

— Там еще осталось много желающих.

— Но они не будут играть с *ней*. А вы читали хорошо.

Я согласно кивнул:

— Она помогла мне.

— Могу я, — произнес он после паузы, — дать вам небольшой совет? — Я кивнул. — Если они дадут вам роль Митча, откажитесь.

— Это почему? — рассмеялся я.

— Она наверняка будет играть Бланш. Как вы думаете?

— И что?..

— Вы слышали, как я сегодня читал.

— И что?..

— А вы видели меня на сцене?

— Видел в «Энни». И в «Автобусной остановке».

— И?..

— Вы хорошо играли. На самом деле хорошо.

— А как насчет сегодняшнего дня?

Я уставился себе под ноги.

— Скажите. — Я взглянул на него, сжав губы. — Дерьмово, — произнес он. — Совершенно ужасно, верно?

— Не так уж плохо, — возразил я.

— Это она сделала. Она забрала у меня все. — Он покачал головой. — Держитесь от нее подальше. Она может сделать это и с вами.

Первое, что вы узнаете, когда выбираете своей профессией театр, это то, что актеры — дети. Я говорю это, прекрасно сознавая, что я сам таков. Наше эго достигает гигантских размеров, но наши чувства нежны, словно орхидеи. В каком-то смысле это идет от того факта, что людей других профессий не отвергают по личным причинам. Писателей не критикуют — критикуют конкретный роман или новеллу. Заводские рабочие или белые воротнички теряют работу из-за недостатка знаний или опыта. Но для актера все по-другому: то, как он выглядит, как он говорит, как двигается, определяет, скажут ли ему «да» или «нет», и неприятие его имеет глубоко личные корни, как у детей, когда те называют друг друга «жидом» или «жирдяем». И часто эта детская ранимость переносится в другие взаимоотношения. Суеверия? Бурная фантазия? Этим актеры наделены в избытке. Поэтому, когда Тэйлор начал обвинять Шейлу Ремарк в крахе своей театральной карьеры, я понял, что ему просто невыносима мысль о том, что он потерял свое дарование, хотя вовсе не она украла его у него.

Двери лифта открылись, я вышел.

— Подождите! — воскликнул он, выходя вслед за мной. — Вы мне не верите.

— Послушай, дружище, — раздраженно сказал я, оборачиваясь, — я не знаю, что там между вами было, и не хочу знать, ясно? Если она испортила тебе жизнь, мне очень жаль, но я актер, мне нужна работа, и, если мне ее дадут, я ее приму!

Лицо Тэйлора осталось бесстрастным.

— Позвольте мне угостить вас выпивкой, — предложил он.

— О боже...

— Вам нечего бояться. Я не буду буйствовать. — Он выдавил улыбку. — Как вам кажется, разве я буйствовал? Разве я повышал голос?

— Нет.

— Тогда прошу вас. Я просто хочу с вами поговорить.

Я вынужден был признаться себе, что он возбуждает у меня любопытство. Большинство актеров говорили бы с жаром о том, что так много для них значит, но Тэйлор, как это ни странно, походил на живого мертвеца, словно жизнь для него представляла собой прямой скучный коридор.

— Хорошо, — сказал я. — Ладно.

Мы молча шли по Бродвею. Когда мы добрались до «Чарли», была половина четвертого, в баре царило затишье. Я присел на табурет, но Тэйлор покачал головой.

— Сядем за стол, — предложил он. Мы заняли столик и заказали выпивку.

Выяснилось, что он тоже любит бурбон.

— Боже, — выговорил он после большого глотка. — Холодно.

Да, было холодно. Зимы в Манхэттене никогда не были мягкими, и ветер, пронесившийся по улицам, пронизывал насквозь все, кроме стали.

— Ну хорошо, — начал я. — Мы здесь. Вы купили мне выпить. И что теперь? Вы хотите мне что-то рассказать?

— Хочу. И когда я вам это расскажу, вы можете уйти и поступить, как захотите.

— Так я и сделаю.

— Я не буду пытаться остановить вас, — продолжал он, словно не слыша меня. — Это меня не касается. Это ваша жизнь и ваша карьера.

— Давайте ближе к делу.

— Я познакомился с ней прошлым летом. В июне. Я знаю Джо Пэппа, он пригласил меня на вечеринку после премьеры «Лира», и я пошел. Шейла была там с каким-то парнем, я подошел к ним и представился, сказал ей, как мне понравилась ее игра. Она поблагодарила меня, весьма любезно, весьма дружелюбно, ответила, что несколько раз видела меня на сцене и что ей понравилась моя работа. Тогда мне показалось странным то, что она вот так сразу, с напором накинулась на меня. Эти ее огромные, влажные, чувственные глаза буквально пожирали меня. Но ее парню было все равно. Казалось, ему вообще все вокруг было безразлично. Он просто стоял рядом и пил, пока она говорила, потом сел и продолжал пить. Позднее, когда мы стали встречаться, она рассказала мне, что он поэт. Разумеется, нигде не издавался, сказала она. По ее мнению, с точки зрения техники его стихи были не совсем хороши, но очень эмоциональны. «Богаты чувством» — вот как она выражалась.

Я отправился смотреть «Лира» во второй раз, сходил еще несколько раз, и с каждым представлением она производила на меня все большее впечатление. Во второй вечер поэт ждал ее, но на третий она уходила одна. Я уговорил ее пойти выпить, мы разговорились, прекрасно поладили. Она сказала, что между ней и поэтом все конечно, и в ту ночь она очутилась в моей постели. Мне было хорошо с ней, она казалась приятной, страстной, но не требовательной. После нескольких свиданий, нескольких совместных ночей и пробуждений я предложил ей жить вместе, без всяких обязательств. Она согласилась и на следующих выходных переехала ко мне.

Но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Я никогда не любил ее. Я никогда не говорил ей, что люблю ее, не давал ей этого понять. Мне нужны были от нее только компания

и секс, больше ничего. Мне было хорошо с ней, ее было приятно целовать, держать в объятиях, жить с ней, но я не любил ее. И я знаю, что она не любила меня. — Он махнул официанту, принесли новую порцию. Мой бокал был еще наполовину полон. — Так что я не... не жертва безответной любви, понимаете? Я просто хочу, чтобы вы это поняли.

Я кивнул, и он продолжал:

— Это началось через несколько недель после того, как она стала жить у меня. Она захотела играть со мной в игры, так она сказала. Играть в театр. Ну, вы знаете, нарочно делать или говорить что-то, чтобы вызвать у меня определенные эмоции. В большинстве случаев она не сразу давала мне понять, что она делает. Она наблюдала, сможет ли заставить меня стать ревнивым, или сходить с ума, или впасть в уныние. Или сделать меня счастливым. А потом она смеялась и говорила, что пошутила, что просто хотела посмотреть на мою реакцию. Ну, я считал, что все это чушь собачья. Я решил, что это скорее упражнения в технике, чем целенаправленные попытки изводить меня, и в каком-то смысле я ее понимал, понимал ее желание оказаться лицом к лицу с чувствами, исследовать их. Но все же я думал, что это обман, вторжение в мое личное пространство. Она делала это не часто, раз, может, два в неделю. Я время от времени пытался провернуть то же самое с ней, но она никогда не поддавалась, просто смотрела на меня как на ребенка, решившего поиграть во взрослые игры.

Потом это коснулось секса. Пока мы занимались любовью, она называла меня другими именами, рассказывала мне грустные истории из своей жизни, пробовала все, чтобы вызвать у меня различные реакции, вспышки гнева. Иногда... — Он опустил взгляд и одним глотком осушил свой бокал. — Иногда я... кончал и плакал одновременно.

Официант проходил неподалеку, и я сделал знак принести еще по порции.

— А почему вы не ушли от нее?

— Это было... как я уже говорил, она не делала так все время. И она мне нравилась. Иногда я даже не заме-

чал, как она начинала всю эту чепуху, и она это понимала. Однажды она принялась проводить свои опыты, когда я был в стельку пьян, и пару раз экспериментировала надо мной, когда я просто сильно выпивал. Но мне было все равно. А потом наступила зима.

После того лета я работал мало. Несколько вечеринок в городе, кое-что читал за кадром. Деньги были неплохие, но я только танцевал и пел, простое чтение, никаких ревью. И вот в начале декабря Харв Пирсалл приглашает меня на пробы к «Ахаву». Помните, это мюзикл, который закрыли после предварительных просмотров? Он хотел, чтобы я читал роль Старбека, в той сцене, где Старбек планирует застрелить Ахава, чтобы спасти «Пекод». Это была хорошая сцена, сильная сцена, и вот я вышел и все провалил. Все провалил к чертовой матери. Я был совершенно невыразителен, как в своих рекламах «понтиака». Но там это не имело значения — там мне не нужно было вкладывать в слова эмоции — просто продать товар, и все. Но теперь, когда я должен был чувствовать что-то, выражать что-то, — я не смог. Харв спросил меня, все ли со мной в порядке, я пробормотал что-то о плохом самочувствии. Он пригласил меня прийти на следующий день, и все повторилось.

В тот уик-энд я отправился в «Сент-Марк» посмотреть Шейлу в первой постановке сезона — это был новый перевод «Медеи», выполненный каким-то аспирантом Нью-Йоркского университета; она получила заглавную роль. Они репетировали без конца целый месяц, гонорар был смешной, но она относилась к этому с большим энтузиазмом. Пэпп был там в тот вечер, и он попросил прийти Принса. Перевод был дерьмовым. Никаких декораций, туники вместо костюмов, дрянное освещение. Но Шейла...

Он допил свой бурбон, выплюнул лед обратно в бокал.

— Она была... совершенна. Все эмоции были реальны. Должны были. Ведь она взяла их у меня. Не смотрите на меня так. Я сразу понял, что вы обо мне думаете. Что я параноик, завидую ее таланту. Но когда я начал размышлять о случившемся, то понял, что это единственно возможный ответ.

Она так нежно обходилась со мной после этого, улыбалась мне, держала меня за руку, представляя своим друзьям, а я чувствовал себя тупым и безжизненным, как тот поэт, в компании которого я ее встретил. Еще тогда я заподозрил, что она сделала, но ничего не сказал об этом. На следующей неделе, когда я попытался найти того поэта, я узнал, что он уехал из Нью-Йорка в родной городок. Я отправился в Линкольн-центр¹, в хранилище видеозаписей, и просмотрел «Короля Лира». Я хотел увидеть что-нибудь, какое-нибудь несоответствие, что-то *не то*. Черт, я не знал, что ищу, но знал, что пойму это, когда увижу.

Он покачал головой.

— Это оказалось... невероятно. На пленке не было и следа игры, которую я помнил. Вместо этого я видел плоское, безжизненное, любительское исполнение, ужасное в сравнении с игрой остальных. Я не мог поверить своим глазам, просмотрел запись снова. То же самое. Тогда я понял, почему она никогда не ходила на пробы для рекламы или кинофильмов. Это не... проявлялось на пленке. Она могла обмануть людей, но не камеры.

После этого я вернулся в квартиру, рассказал ей о своем открытии. Это были не мои догадки, не теория, тогда я уже знал. Понимаете, знал.

Тэйлор замолчал и заглянул в пустой бокал. Я подумал, что, наверное, совершил большую ошибку, отправившись с ним в бар, потому что он наверняка был параноиком и явно мог впасть в буйство, несмотря на свои заверения в обратном.

— И что... — Вместо «что» у меня получилось «што», но я выдавил свой вопрос, пока он махал официанту — тот поднял бровь, но принес еще выпивки. — И что она ответила? Что вы ей сказали?

— Она... подтвердила это. Сказала, что я прав. «В каком-то смысле», — сказала она. В каком-то смысле.

¹ *Линкольн-центр* — культурный центр, комплекс музыкальных учреждений.

— Ну... — Я потряс головой, чтобы мысли прояснились. — А может, она имела в виду то, что просто изучала вас? Но это далеко не то же самое, что красть эмоции, верно?

— Нет. Она украла их.

— Это глупо. Глупо. У вас же остались чувства.

— Нет. Я хотел... когда я во всем убедился, я хотел убить ее. Та улыбка, которой она улыбалась мне, как будто я был бессилен что-либо вернуть, как будто она запланировала это в тот момент, когда увидела меня, — вот что вызвало у меня желание убить ее. — Он взглянул на меня своими пустыми глазами. — Но я не сделал этого. Не смог. Не смог достаточно разозлиться для этого.

Он вздохнул.

— Она уехала от меня. Но меня это не расстроило. Я был рад. Настолько, насколько мог чувствовать радость после того, что она сделала. Я не знаю, *как* она это сделала. Думаю, она научилась этому от кого-то. И не знаю, смогу ли я их когда-либо вернуть. О нет, не отнять у нее. У нее — никогда. Нет, сам. Построить их в себе каким-то образом. Эмоции. Чувства. Может быть, однажды и смогу.

Он протянул руку и прикоснулся к моей ладони — пальцы его, как ни странно, были горячими.

— Я многого не знаю. Но я знаю одно. Она сделает это снова, найдет кого-то другого, *вас*, если вы ей позволите. Я видел, как вы смотрели на нее сегодня. — Я отдернул руку, задев свой бокал. Он поймал его, прежде чем бурбон пролился, поставил ровно. — Не надо, — предупредил он. — Нельзя иметь с ней ничего общего.

— Это чушь, — запинаясь, произнес я. — Смешно. У вас же еще... остались эмоции.

— Может быть. Может быть, несколько. Но это только внешне. Внутри меня — пустота. — Он наклонил голову. — Вы мне не верите.

— Н-нет. — Это была правда, тогда я не верил.

— Жаль, что вы не знали меня раньше.

Внезапно я вспомнил слова Кевина на пробе, его рассказ о том, каким забавным и разговорчивым становился

Гай Тэйлор после нескольких бокалов. Протестующий же-лудок напомнил мне о том, сколько мы проглотили меньше чем за час, и протестующий мозг напомнил мне о Шейле — о пьяной, совершенно пьяной Бланш Дюбуа, которую я сегодня видел.

— Вы выпили... — пролепетал я, — сколько вы выпили?

Он пожал плечами.

— Но... вы... совсем не похожи на...

— Да. Вы правы, — сказал он ясным, твердым, трезвым голосом. — Вы правы.

Он скрестил руки, положил их на стол, опустил голову и заплакал. Рыдания были громкими, долгими, сотрясали все его тело.

Он плакал.

— Вот! — воскликнул я и, шатаясь, поднялся на ноги. — Вот видите? Видите? Вы плачете, вы плачете! Видите?

Он поднял голову и взглянул на меня, все еще рыдая — рыдая без единой слезинки на лице.

Когда мне позвонили и предложили роль Митча, я согласился. У меня даже не возникало мысли отказаться. Шейлу Ремарк взяли, как предсказывали Кевин, Гай Тэйлор и я, на роль Бланш Дюбуа, и она тепло улыбнулась мне, когда я пришел на студию на первое чтение, как будто с радостью вспомнила нашу пробу. Я был доволен, но вел себя сначала несколько отчужденно, не желая, чтобы остальные поняли или даже заподозрили, что я собираюсь сделать.

Я думал, что будет трудно остаться с ней наедине, но это оказалось не так. Она уже выбрала меня, я знал это, она наблюдала за мной во время репетиций, подходила ко мне поболтать в перерывах. К концу дня она знала, где я живу, что я холост, что у меня нет девушки, что я придерживаюсь традиционной ориентации и что я восемь лет брался за все подряд, чтобы получить такую роль. Она сказала, что живет всего в квартале от меня (это была ложь, как я выяснил позднее), и после репетиции

предложила взять такси пополам. Я согласился, и мы вышли на Западной 72-й, рядом с парком.

Было темно и холодно, и я заметил, что она дрожит в своей пуховой куртке. Я тоже дрожал, потому что мы наконец остались наедине, скрытые от окружающих за деревьями; прохожих не было видно, лишь такси, автобусы и машины проносились мимо.

Я обернулся к ней, и улыбка исчезла с моих губ.

— Я знаю, что ты сделала, — сказал я. — Я говорил с Гаем Тэйлором. Он рассказал мне все. И предупредил меня.

Выражение ее лица не изменилось. Она продолжала улыбаться своей легкой улыбкой и смотреть на меня своими влажными глазами.

— Он сказал... что ты начнешь охоту на меня. Сказал держаться от тебя подальше. Но я не могу. Мне нужно знать, правда ли это — все, что он говорил.

Ее улыбка погасла, она опустила взгляд на грязный, покрытый льдом тротуар и кивнула; я заметил в уголках ее глаз печальные морщинки. Я протянул к ней руки и сделал то, что собирался сделать, сказал то, что собирался сказать с того момента, как оставил Гая Тэйлора, плакавшего без слез за столиком у Чарли.

— Научи меня, — сказал я, взяв ее за руку нежно, как я умел это делать. — Я не представляю опасности для тебя, нам не придется соперничать из-за ролей. На самом деле я могу понадобиться тебе, тебе нужен мужчина, равный тебе на сцене. Потому что таких нет. Ты можешь брать у меня то, что тебе нужно, если научишь меня тому, как потом это вернуть. Прошу тебя. Научи меня.

Когда она подняла голову, я увидел, что лицо ее залито слезами. Я осушил их поцелуями, не зная, чьи это слезы, но мне было все равно.

Последний день мисс Доринды Молино

Роберт Уэстол — популярный детский писатель, дважды удостоенный медали Карнеги. Уэстол родился в городе Тайнмут, графство Нортумберленд, и вспоминал о своем детстве следующее: «Когда я был маленьким, покойный дед гневно смотрел на меня с фотографии на стене, и мама очень жалела, что мы с ним не успели познакомиться... Однажды я нашел в ящике комода какой-то маленький камешек и играл с ним, пока тетя не сказала, что это камень из желчного пузыря, убивший деда. После такого я начинаю думать, что мне самой судьбой было предназначено писать истории о привидениях...»

Среди произведений Уэстола рассказы «Прорыв тьмы» («Break of Dark») о бомбардировщике с привидениями, кружащем над Берлином; «Чаз Макджил и привидение» («The Haunting of Chas McGill») о борьбе кошек с таинственным злом, «Призраки и путешествия» («Ghosts and Journeys») о призраках туалета («сделал дело, гуляй смело»), «Рейчел и ангел» («Rachel and the Angel») о падшем ангеле, не менее опасном, чем атомная ракета, сбившаяся с курса, а также «Звонок» («The Call») о телефонных самаритянах. «Я старался там, где это возможно, избегать домов с привидениями», — признавался автор.

О своем кумире, М. Р. Джеймсе, писатель отзывался так: «Благодаря экономичности своих изобразительных средств он может извлечь больше хоррора из старого одеяла, чем Стивен Кинг из целого города». В представленном ниже произведении Уэстол, по примеру классика пользуясь туманными намеками, умело нагнетает напряжение.

Жизнь полна иронии; но иногда это приятная ирония. Взять, например, то время, когда я изо всех сил боролся за то, чтобы превзойти Клоки Уотсона в торговле антиквариатом. Как вы знаете, мне это не удалось. Но, поглощенный своей борьбой, я и не заметил,

как в глазах сограждан сделался весьма солидным процветающим джентльменом.

Я не замечал этого до тех пор, пока люди не начали подходить ко мне с разговорами, вставлять за меня словечко где нужно; они звонили мне и вели бессвязные, двусмысленные, непонятные разговоры, которые всегда заканчивались тем, что меня приглашали куда-то вступить.

Вступить в масоны я отказался; если я и верю во что-нибудь, так это в то, что я должен пробивать себе путь только своими собственными усилиями, а мое чувство юмора никогда не позволит мне появиться на людях в забавном маленьком переднике. Предложение стать мировым судьей я отклонял несколько лет; в моем понимании грань между мошенником и Честным Джоном¹ проведена не так четко, как кажется (и как у многих других, если уж мы заговорили об этом), и я не собирался изображать лицемера. Но в Ротари-клуб я вступил без колебаний, хотя не получил от этого ничего, кроме еды, выпивки и сплетен. Мой звездный час всегда наступал во время их ежегодной распродажи подержанных вещей в пользу больниц. Думаю, сначала они надеялись, что я найду какое-нибудь давно утерянное полотно Рембрандта. Но в конце концов они поручили мне разбираться со старыми газонокосилками, и это под дождем (мне кажется, этот дождь идет постоянно). И если я получал по дешевке старый буфет или комплект хороших викторианских стульев, я всегда платил больше, чем они вложили в них, а они и понятия об этом не имели. Разумеется, они считали, что помогают мне приобрести состояние...

Но больше всего мне понравилось предложение стать управляющим в начальной школе на Бартон-роуд. В свои тридцать четыре я еще не был женат — хотя и не из-за недостатка молодых женщин, которых я угощал обедами и выпивкой, — и уже отчаялся когда-либо стать от-

¹ Честный Джон — герой мультфильма Уолта Диснея «Пинокио» (1940).

цом, и поэтому возможность обзавестись одним махом сразу тремя сотнями отпрысков явилась слишком сильным искушением.

На третьем собрании, на которое я явился, мы нанимали нового учителя. Сначала я нашел все это до смешного скучным. Мои коллеги-управляющие не хватали звезд с неба, в основном это были никчемные прихлебатели местных политических партий. У каждого, по-видимому, имелся набор вопросов, которые они задавали всем кандидатам по очереди с исключительно глубокомысленным видом. Мы побеседовали с тремя достойными мышками в твидовых юбках и джемперах, которые отличались друг от друга только внешностью, — одна была довольно высокой, вторая — довольно полной, а третья — на удивление маленькой.

Четвертую кандидатку звали мисс Доринда Молино. Могу вам сказать, что ее имя вызвало оживление. Молино были семьей сельских сквайров и жили в пяти милях от города, в Барлборо-Холле. У них было пять дочерей, которые родились одна за другой больше двадцати лет назад, — и после того, как их мать наплодила достаточно потомства, она смогла с чувством выполненного долга вернуться к занятиям верховой ездой. Девушки были известны своей предприимчивостью. Одна сбежала в Южную Африку с неким графом Клиши, который когда-то пытался верховодить в нашем местном загородном клубе. Вторая ударилась в левые убеждения, эмигрировала в Америку и участвовала в студенческих беспорядках в Беркли. Я с интересом ждал, какие признаки эксцентричности проявит старшая, мисс Доринда (или, если выразаться корректно, мисс Молино¹).

Эксцентричность мисс Молино была бы кстати, особенно для детей чернорабочих. Я должен пояснить, что, хотя Барлборо — симпатичный городок, наполовину состоящий из деревянных домов, там есть и свои темные пятна, и большинство из них сосредоточено вокруг Бартон-роуд.

¹ В Великобритании к старшей дочери в семье формально принято обращаться мисс такая-то, а к младшим — с добавлением имени.

Она вошла, решительным жестом закрыла за собой дверь и крепко пожала руку нашей председательнице, не оставив ей выбора — подавать руку или нет. Затем обменялась рукопожатиями со всеми нами, приняв тот радостный вид, которого требует церемония представления. После представления она принялась задавать нам вопросы относительно наших занятий и благосостояния, а затем поделилась с нами своими общими мыслями о жизни. Определенно это она проводила с нами собеседование. Все это заняло примерно четверть часа. А каждому кандидату мы собирались уделить по двадцать минут.

Затем она села, скрестила ноги, улыбнулась и стала внимательно слушать.

Первым, что я заметил, было то, какие у нее замечательные стройные ноги... Да и вообще, мисс Молино оказалась очень красивой молодой женщиной. Длинные блестящие волосы рассыпались у нее по плечам, эффектная стрижка создавала впечатление небрежности. Ее жемчуга явно были настоящими, и притом семейными. Загар был приобретен не в английском климате. Это была крупная девушка, но не полная, и у нее были смелые синие глаза, как и у первого барона Молино, который прибыл сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем, чтобы отхватить себе кусочек Англии.

Они задали ей свои обычные вопросы. Одобряет ли она телесные наказания? Она, словно школьница, наклонила голову, в раздумьях сморщив лоб.

— Я не против них. Нет, в самом деле не против. Но я верю в то, что обучать можно с помощью доброты. У меня как-то была лошадь... — И она любезно изложила свою теорию дрессировки животных советнику Байерскоу, который был отнюдь не таким дряхлым, как казалось на первый взгляд, да еще и почти коммунистом в придачу... Я откинулся на спинку стула, ожидая, что все они по очереди отвергнут ее. Жаль; она была самой яркой женщиной, которую мы видели в тот день.

Но все оказалось не так просто. Я не учел влияния предрассудков. Здесь были четверо представителей лево-

го крыла, которые не стали бы голосовать за нее, даже если бы она говорила, как Эрнест Бевин¹, и пела, как Карузо. Здесь была директриса, сидевшая с перекошенным от ярости лицом. Но были также и пять тори — в основном лавочники, хотя они называли себя Независимыми, — которые едва ли не отдавали мисс Молино честь и просили ее передать привет отцу. И обе партии проголосовали бы назло одна другой, даже если бы претенденткой на должность была сама королева.

И был еще я. Я сидел молча, пока мисс Молино одаривала всех сидящих последней любезной улыбкой. Затем начались враждебные действия. Я сидел молча, пока снова разгорались старые битвы и открывались старые раны, вроде рождественских подарков на обеде в Женском клубе. И в конце концов, сцепившись в смертельной схватке, они обратились ко мне.

— Какой класс, — хмуро спросил я, — ей дадут?

— Старший класс, самый трудный, — заявила директриса, и взгляд ее стал ледяным и отстраненным — она почуяла предателя в своем лагере. — Наша самая серьезная проблема — им нужен опытный учитель, который будет держать их в руках, а не какая-нибудь выпускница колледжа вроде... — Она вовремя остановилась. — Я не могу нарушить ход учебного процесса посередине года, перемещая сотрудников с места на место.

Почему я проголосовал за Доринду Молино? Во-первых, она мне понравилась. Потом, у меня возникло некое жестокое любопытство насчет того, как она поладит с 4-м «С». Но прежде всего я решил, что Бартон-роуд нуждается в хорошей встряске. Мне очень хотелось пустить кошку в эту мышиную стаю...

И она получила работу, после чего любезно поблагодарила нас. А я заслужил неугасимую ненависть директрисы.

Школьные управляющие имеют мало влияния на повседневные дела школы; однако появление Доринды бы-

¹ Эрнест Бевин (1881—1951) — британский профсоюзный лидер и государственный деятель, член Лейбористской партии.

ло таким впечатляющим, что рассказы о нем дошли до меня через третьи руки.

Кошмар класса (в каждом классе есть такой) сразу же перешел в наступление. На второе утро, во время перебранки из-за сломанной линейки, он назвал ее тупой шлюхой... Перед Дориндой встала проблема телесных наказаний, но Молино не достигли бы своего положения, если бы не знали, как справляться с английскими крестьянами. А сила, с которой Молли швыряла мяч во время игры в лакросс, до сих пор слыла легендарной в коридорах Родин¹.

Кошмар класса, которого звали Генри Уинтерботтом, получил такой мощный удар в ухо, что отлетел на пять ярдов в сторону и сбил шкафчик, весьма ненадежно прикрепленный к стене. Затем рухнул на пол, а шкаф повалился сверху. Шум был слышен даже в доме сторожа.

Директриса ворвалась в класс и извлекла Генри из-под обломков. Учительская карьера мисс Молино оказалась под угрозой преждевременной смерти. Но в семье Уинтерботтома побои были разменной монетой привязанности — единственной монетой в доме эмоциональных банкротов. А кроме того, катастрофа оказалась такой впечатляющей, что в мозгу у Генри, очевидно, что-то щелкнуло. Он и мисс Молино войдут в легенду... Поэтому он галантно пробормотал:

— Я просто хотел открыть дверь, и шкаф упал на меня, мисс.

Директриса, почувствовав, что ее лишают превосходной возможности разделаться с неугодной учительницей, обвела взглядом класс в поисках опровержения. Но класс слишком долго находился под пятой Генри, и могущество мисс Молино оказалось ценным приобретением. Никто не открыл рта. А Генри Уинтерботтом с того дня стал верен мисс Молино, словно одна из ее собак.

Так все и началось. Мисс Молино привыкла быть твердой с собаками и лошадьми, и 4-й «С» класс стал ее гончими.

¹ *Родин* — престижная частная школа для девочек, расположена неподалеку от Брайтона.

С точки зрения 4-го «С», она была великим сокровищем — настоящей чудачкой. Прилежные маленькие мышки придирались бы к ним насчет плохого почерка, невыполненных домашних заданий (кошмар любого ребенка), а мисс Молино детально рассказывала им о том, как чистить лошадь, широкими взмахами руки водя скребницей по шее воображаемого коня.

Бывали и моменты напряженной тишины, например, после того, как Генри задавал вопросы вроде: «Вы когда-нибудь пили шампанское, мисс?» За которым следовала не только новость о том, что «Боллинже» сорок восьмого года — лучшее шампанское, но и о том, как мисс Молино самолично выпила три литра его с одним парнем в ялике на реке в Кембридже в невероятно аристократичный час — в четыре утра.

Директриса попыталась применить несколько коварных уловок. Ученикам было приказано ходить парами на спортивную площадку в миле от школы. Говорили, что после нескольких таких походов у заместительницы директрисы сильно прибавилось седины.

Но у мисс Молино было хорошее зрение и прекрасное сложение. Она не только занялась хоккейной командой девочек, но и присоединилась к мальчикам в футболе в своем ярко-голубом спортивном костюме и уложила капитана школьной команды при помощи мощного фола.

Вскоре вся школа буквально ела у нее с рук, а для 4-го «С» она стала просто богиней. Некоторые родители жаловались на то, что у них требуют пони на Рождество...

Примерно в это время я вернулся на сцену. Доринда поймала меня на Осенней ярмарке, где я отвечал за школьный автобус.

— Их кругозор нуждается в расширении, — говорила она. — Нет смысла учить их истории, ничего не *показывая* им.

Так и получилось, что в один прекрасный день я появился в школе с наименее хрупкими экспонатами из своего магазина. И, как говорится, она сосчитала их, когда они уходили, и насчитала столько же, когда они воз-

вращались¹, — все в отпечатках пальцев. Генри Уинтерботтом вытащил серебряную солонку из кармана брюк Джека Харгривза, прежде чем я успел заметить пропажу. Генри в качестве наказания наградил Джека прекрасно рассчитанным ударом по почкам со словами: «У него нельзя тырить, он же парень мисс, ты что, не знаешь?»

Мисс, которая тоже услышала разговор детей, мило покраснела, и внезапно я почувствовал, что получил свой шанс.

— По-моему, нужно устроить им экскурсию по какому-нибудь грандиозному особняку, — сказал я, будучи прекрасным гражданином.

— Это будет замечательно, — ответила она с улыбкой, которой улыбаются испанскому поверенному в делах.

— Но сначала нам лучше разведать местность, — добавил я. — Чтобы вы могли составить план. Вы знаете Тэттершем-Холл?

— Нет, я не знаю Тэттершем. — Голос ее внезапно стал резким. — Кто там сейчас живет?

Я почувствовал, что перехожу в лагерь ее противников.

— Туча бабочек.

— А, эти идиоты со своими шелкопрядами, — невежливо отозвалась она. — Они купили его за бесценок у Берти Тэттершема, когда он заболел белой горячкой, глупый старик.

Мимо прошла директриса, одарив нас таким взглядом, что стало ясно — она с радостью увидела бы нас обоих на кресте.

— Вы свободны в субботу днем? — спросила Доринда. Она всегда переходила в наступление первой.

Я подъехал к Барлборо-Холлу ровно в два. Доринда расхаживала по регулярному саду с двумя пекинесами

¹ «Я сосчитал их, когда они уходили, и насчитал столько же, когда они возвращались» («I Counted Them All Out And I Counted Them All Back Battle For the Falklands», 1982) — Книга британского журналиста Брайана Хэнрэна, посвященная Фолклендской войне. В названии речь идет о самолетах Королевских ВВС.

сомнительной репутации с кличками Марко и Поло; она не то учила собак полоть сорняки, не то учила цветы, как расти. Но кого-то она явно распекала.

Марко в качестве приветствия помочился на мои лучшие саржевые брюки.

— Вижу, вы мало общаетесь с животными, — жестко заметила Доринда. — Это знак привязанности — он пометил вас как свою собственность.

Очевидно, Поло почувствовал себя уязвленным этим превентивным ударом Марко по моей одежде; он с небрежным видом подошел и впился зубами в грязную шерсть на шее соперника. Вместе они покатались в жалкие лавровые кусты, издавая звуки, какие обычно слышны в зоопарке во время кормления.

— Они большие друзья, — заметила Доринда.

Она взглянула на мой «крайслер»-универсал, припаркованный на тонком и изрезанном колеями слое гравия.

— Это иностранная машина?

— Это машина незаконного происхождения, — мрачно сказал я. — Ее матерью был «роллс-ройс», но однажды ее оставили ночью на улице, и ее изнасиловал автобус.

— Вы думаете, мы сможем попасть туда с помощью этого?

— А также с помощью вашего лучшего шератонского комода, шести чиппендейловских обеденных стульев и всех ваших семейных портретов.

— Ах да, вы же торгуете мебелью, верно?

Начало было не слишком благоприятным, и продолжение оказалось не лучше. Мы вошли в холл Тэттершема, уставленный мертвыми заморскими бабочками в целлюлоидных коробках, за которые некоторые люди готовы отдавать до четырехсот фунтов.

— Фу! — сказала Доринда; возглас отвращения был произнесен так громко, что наверняка заставил бы короля Гарольда¹ бежать с поля битвы при Гастингсе.

¹ *Гарольд II* (1022–1066) — последний англосаксонский король Англии, погибший в битве при Гастингсе.

Все присутствующие обернулись.

— А я думал, ваша братия любит мертвых животных, — заметил я.

— Только тех, которых мы застрелили сами. Хотя, когда... то есть, если бы я пригласила вас на чай, вы бы не нашли во всем Барлборо ни одного мертвого животного. И мы не «братия» — мы самостоятельные личности, а еще я не знакома с герцогом Эдинбургским.

Я надеялся, что в месте, которое хозяева Тэттершема называли «джунглями», будет романтично: это была старая оранжерея, все еще заставленная пальмами и маленькими звенящими электрическими водопадами, но теперь здесь порхало множество тропических бабочек, которые буквально садились вам на руку.

— Здесь чертовски жарко. Хуже, чем в турецкой бане, — заметила Доринда. На плече у нее устроилась синяя малайская бабочка-парусник. — Какая-то потрепанная, — заметила она. — Чуть ли не на кусочки разваливается. Какое жалкое существование.

Затем она таскала меня из комнаты в комнату, по дороге расспрашивая всех, кто попадался ей, о процессе получения шелка. Я на минуту оставил ее. Это была ошибка. Я услышал, как она громко кричит:

— Вы хотите сказать, что, для того чтобы получить шелк, вы убиваете эти несчастные создания?! Убиваете, варя их заживо? Чудовищно. Это нужно запретить. Теперь, когда я узнала об этом, я буду носить синтетические трусы.

Я увел ее прочь от покрасневшего куратора на, как говорили в BBC, максимальном наддуве.

— Нельзя приводить сюда детей, — заявила она, когда мы, спотыкаясь, неслись вниз по ступеням крыльца. — А это что?

Она резко остановилась, и я наткнулся на нее, что было не слишком неприятно.

— Это Тэттершемская церковь.

— Но от деревни до нее три мили.

— А от Холла очень близко. Местные джентри могли дойти туда, даже не замочив ног. А деревенские вынуж-

дены были топать час — впрочем, для крестьян это сушие пустяки.

Ее ледяные синие глаза оглядели меня с ног до головы.

— Я и не знала, что существует профсоюз крестьян, мистер Эшден, — наконец произнесла она, — и не знала, что вы назначили себя его представителем. Мне казалось, что ваш отец был докером или кем-то вроде этого, и вы не даете мне это забыть. По-моему, вы бросили школу в двенадцать лет и чистили сапоги господам за два шиллинга и полдня выходного в неделю.

— Мой отец, — сказал я, — управляющий банком в Коттсдене, и я был вторым по истории в Дареме.

— Значит, это профсоюз мелких буржуа?

— Вы хотите осмотреть церковь?

Может быть, дело было во внезапных заморозках в майский день наших отношений, но, когда мы подошли к этой церкви, меня пробрала дрожь. Такие церкви мне не нравились. Возможно, когда-то она была средневековой, но с ней варварски обошлись во время господства неоготики. Самое худшее из того, что они сделали, — это заново облицевали ее каким-то блеклым камнем, похожим на мрамор, гладким на ощупь и неприятным, как сироп алтея. Время немилосердно к такому камню: в каждой трещине и на каждом выступе развелась плесень, стены покрывали бледно-зеленые подтеки. Церковь походила на могильный камень с окнами, выдолбленными изнутри.

Дверь была открыта. Судя по ржавому замку и крыльцу, усыпанному прошлогодними листьями, за запорами никто не следил; до ближайшей деревни было три мили, а вандалы в округе не орудовали. Пожелтевшие объявления были приколоты к доске кнопками, превратившимися в комочки ржавчины. Викарий, преподобный Эрнест Лейси, жил в пяти милях отсюда, в Теттсдене, — если здесь служил все тот же викарий.

Мы прошли внутрь и оказались в полной темноте, не смотря на окна с пурпурно-синими витражами. Мы стояли так несколько мгновений, не видя даже пола у себя под ногами.

Затем из темноты начали выступать очертания фамильных надгробий. Они тянулись справа и слева вдоль стен — цветник из белых мраморных колонн и мраморных лиц на золотых подушках, щитов, мечей, труб и радостных пузатых херувимов с полными пыли пупками. Они толпились на полу, выложенном черными и белыми плитками, словно зеваки вокруг места аварии, протягивая навеки замершие белые мраморные руки в тщетных мольбах; белые мраморные глаза уже ничего не видели, но, казалось, знали все. Между ними оставалось пространство для живых — несколько коротких скамей, которые как будто трусливо отступили перед могилами. Даже если в эту церковь набьется до предела народу, мертвых все равно будет больше, чем живых, подумал я.

**В фамильном склепе
покоятся останки
Джона Энсти, эсквайра,
второго сына покойного Кристофера Энсти, эсквайра
и одного из уполномоченных Ее Величества
по аудиту государственного бюджета,
покинувшего этот мир 25 ноября 1810 года**

Так много умерших, желающих, чтобы их помнили, и так мало живых приходит навестить их. Мне вдруг пришло в голову, что забытые покойники могут рассердиться, подобно тиграм в зоопарке, которых слишком долго не кормили.

— О, это прекрасно, — выдохнула Доринда.

Она рассматривала решетку, окружавшую алтарь; на фоне синего витража решетка походила на скелет, но при ближайшем рассмотрении на ней можно было обнаружить остатки позолоты. Я подошел и провел по прутьям пальцами. Это была прекрасная работа; ограду украшал любопытный, оригинальный орнамент. Ворота заканчивались остроконечной аркой, и в полумраке решетка на миг показалась мне сотканной из странных искаженных крестов, перекрывающих и переплетающихся друг с другом.

— Это работа Тижу?¹ — прошептала Доринда, которой наконец-то овладело благоговение.

— Для Тижу слишком поздно — он работал в тысяча шестьсот восьмидесятых годах, в соборе Святого Павла. Это скорее похоже на тысяча семьсот шестидесятые. Тем не менее прекрасный образец кузнечного ремесла.

— Ах вы, крестьянин! Однако дети могут скопировать орнамент или надписи на могилах, зарисовать херувимов. Генри понравятся все эти копы и щиты.

— Могу поклясться, здесь найдется пара монументальных памятных досок.

Я потянул на себя выцветший красный ковер, который оказался неприятным и сырым на ощупь, и открыл шестифутового рыцаря и его супругу, выгравированных на медной доске, вставленной в пол среди черно-белых плиток.

— О, это будет *замечательная* экскурсия — мы устроим потом выставку в школьном холле. Но как же сюда доехать?

Она обернулась ко мне, покрасневшись от энтузиазма, приоткрыв рот. Мне захотелось поцеловать ее, но я ограничился тем, что сказал:

— Ну, скоро школа купит микроавтобус. Вы сможете его вести?

— Конечно.

— А я поеду на своем незаконнорожденном «роллс-ройсе», в него можно втиснуть двенадцать человек.

— А это не опасно?

— Я до сих пор не разбил даже дедушкиных часов, а они денег стоят.

— О, давайте сделаем это, Джефф!

Я воодушевился; Доринда никогда не называла меня Джеффом. Но вскоре торговец антиквариатом во мне взял верх, и меня охватили сомнения.

¹ Жан Тижу — французский художник, работавший в Англии в конце XVII в., занимался коваными железными оградами, в частности ему принадлежат ажурные решетки в соборе Святого Павла в Лондоне

С этой церковью что-то было не так. А я не говорю такого без веских оснований. Торговцы древностями — в своем роде гробовщики. Когда человек умирает, гробовщик приходит за его телом, а антиквар приходит за остальным. Как часто я появлялся, чтобы растащить по частям дом, который человек строил пятьдесят лет, и распродать кусочки, насколько это было возможно. Когда я копаюсь в доме, я узнаю человека. Я знаю, что треснувший чайник содержит достаточно доказательств адюльтера, чтобы удовлетворить десяток судей по бракоразводным делам. Я по сапогам узнаю, что человек — полное ничтожество; что в коричневых фотографиях навеки заключены его семеро детей. Из его дневника — что он верил в Бога или в маленькие пилюли Картера от печени. Я торгую часами, трубками, мечами и бархатными штанами мертвых людей. И, проходя через мои руки, они выдают радость и одиночество, страх и оптимизм своих обладателей. Я могу увидеть в искусственной челюсти больше зла, чем в любом так называемом доме с привидениями в Англии.

И эта церковь мне не нравилась. Я попытался отговорить Доринду.

— Это... не слишком хороший образец стиля. У меня есть друг, он служит викарием в необыкновенно красивой церкви. Он изучал ее долгие годы. Он все объяснит детям. Там есть колокола, они смогут позвонить...

Она упрямо выпятила подбородок.

— Нет. Я нашла это место. Если вы не хотите мне помочь, я приеду сюда сама. Найму автобус...

Идея ее появления здесь с детьми без меня понравилась мне еще меньше. И, пойдя против здравого смысла, я согласился.

Затем Доринда, проявив больше проницательности, чем за все время нашего знакомства, внезапно спросила:

— Вам не нравится это место, верно, Джефф?

— Что-то в этой церкви есть неприятное, я это чувствую.

— Мы не собираемся здесь чувствовать; мы собираемся здесь рисовать. — И снова эта ее бесстрашная, уверен-

ная улыбка — словно разбойник на большой дороге надел свою маску.

Думаю, именно в этот момент я влюбился в нее.

И, понимая это, я все же не смог предотвратить ужасные события, которые произошли потом.

— Ничего себе, ну и вонища там внизу, — сказал Генри Уинтерботтом, просовывая нос между прутьями позолоченной решетки. — Что там, сортир?

— Дурак ты, — отозвался Джек Харгривз. — Это склеп. Там живет Дракула.

Он жадно вцепился зубами в грязную шею Генри, но тот отпихнул его с такой силой, что Джек врезался в решетку.

— Ты хочешь сказать, там мертвецы? — Глаза Генри загорелись, если можно так выразиться, неземным огнем. — Гнилые мертвецы, с выпавшими глазами, мясом, свисающим с костей, и черепами?

— А можно нам спуститься вниз и достать одного из гроба, сэр? — спросил Джек Харгривз.

— Нет, — твердо ответил я.

— О сэр, пожалуйста. Мы ему ничего плохого не сделаем. Мы его потом положим обратно.

— Это негигиенично, показывает отсутствие уважения к покойным, и к тому же ограда закрыта на замок, — сказал я.

— Да ладно вам, — с видом профессионала фыркнул Джек Харгривз. — Я думаю, ты справишься с таким замком, Уинтерботтом?

— А как же, вот увидишь.

Но я прогнал их оттуда и заставил заняться копированием изображения рыцаря в доспехах, и вскоре я услышал треск рвущейся бумаги и крики: «Тупой ублюдок!» и «Это ты сделал!»

Я безостановочно бродил вокруг — почему-то я чувствовал себя не в своей тарелке. Виной тому был не просто холод. К холоду я подготовился — надел пуховик и три свитера. Нет, меня преследовало нечто — не ужас, даже не

страх, но какое-то смутное беспокойство, озабоченность. Я был убежден, что стены церкви не были вертикальными, а может быть, это пол — он, казалось, понижался к середине нефа. Под полом наверняка была пустота; каждый, идя по нему, слышал эхо собственных шагов. А еще: окна, казалось, пропускали меньше света, чем должны были. Я несколько раз выходил на улицу посмотреть, не набежали ли облака, но, слава богу, небо было ясным, ярко светило солнце, и я возвращался обратно, чувствуя себя несколько увереннее.

А потом в боковой часовне я наткнулся на крест. Он выглядел как два куска дерева, прибитых друг к другу. То есть я хочу сказать, что это действительно были две прибитые друг к другу доски; но, хотя я не религиозен, я обычно вижу в кресте нечто большее, чем просто доски.

И этот запах. Или вонища, как выразился Генри. Он был не слишком силен, но чувствовался везде; вы никак не могли от него избавиться. Он напомнил мне о том дне, когда я собрался заменить унитаз у себя в лавке; его необходимо было оставить на ночь на улице, чтобы высох уплотнитель, и рабочий прикрыл канализационную трубу бумагой. И всю ночь, даже во сне, я чувствовал отвратительный запах разложения, распространившийся по дому.

На какое-то время, до обеда, дети отвлекли меня. Тридцать пять детей, отпущенных из школы на целый день, полны такого энтузиазма, что способны буквально свернуть горы. Я почти чувствовал, как их энергия пронизывает церковь, погруженную во враждебную тишину. Но эта тишина понемногу начала отвоевывать свои позиции... Во время ланча дети еще весело смеялись, расспрашивали, что это за большой дом неподалеку, но, как это ни странно, к работе они вернулись с неохотой, а затем начались всяческие капризы.

— Мисс, этот скотч не клеит!

— Сэр, у меня опять карандаш сломался.

Доринда, словно могучий и яростный смерч, не оставиваясь, носилась по церкви. Я начинал понимать, как тяжел труд учителя начальной школы. Но вскоре и она

потеряла контроль над детьми. Несмотря на наши объединенные усилия, половина детей бросила работу; они стояли группками, с унылыми лицами.

Вдруг со стороны алтаря раздался душераздирающий вопль — одна из младших девочек кричала не переставая. Доринда бросилась туда, я вслед за ней. Девчонка, зажмурив глаза, терла лицо руками и визжала, как сошедший с ума паровозный свисток.

— Это паук, мисс. За головой вон того человека.

Дети указали на лежащую статую десятого лорда Тэттершема, казалось, вырезанную из куска особенно бледного и отвратительного сыра «чеддер». На лице лорда застыла глупая довольная ухмылка.

— Фу ты, просто паук...

Генри щелкнул пальцами за ухом десятого лорда, и паук упал на пол. Мы уставились на него, разинув рты; он был невиданных размеров. Генри поднял ботинок, подкованный гвоздями...

— Стой, — вмешался я. — Это же обыкновенный паук — разве что необычно большой и толстый, наверное, дедушка-паук!

Раздались негромкие нервные смешки; я подобрал с пола насекомое и пустил его по рукаву куртки.

— Они очень полезны, — сказал я. — Если бы не они, нас бы всех мухи насмерть закусали. — И я понес паука на улицу, приговаривая: — Пошли, Юстас.

Мне показалось, что необходимо в этот момент отогнать страх, предотвратить жестокость. Когда я вернулся, дети снова взялись за работу и весело щебетали.

— Спасибо, — сказала Доринда. — Знаете, из вас получился бы неплохой учитель.

— Благодарю, — ответил я. — Но дело в том, что я хороший торговец. За Юстаса можно получить фунт от любителей коллекционировать сушеных пауков.

Она посмотрела на меня так, словно наполовину поверила, затем со смехом отвернулась. Это тоже было неплохо. Хотя мне показалось, что смех ее звучал немного наигранно.

Я направился к двери проверить свои вещи — фотоаппараты и сумку со всякими приспособлениями. Я также взял с собой аптечку первой помощи и два больших фонаря. Я подготовился к осаде — у меня были два объемистых термоса с кофе и коробка батончиков «Марс». Я понятия не имел, чего здесь можно ожидать, но был уверен, что кончится все это плохо.

Я заметил памятную доску на стене.

**Памяти Томаса Дора,
почтенного и усердного школьного учителя,
мирского проповедника и благотворителя этого прихода.**

**Он публично обличал грехи
и молча шел по пути добродетели.**

**Он оставил все свое состояние
на религиозные трактаты для бедных.**

**Эта доска воздвигнута
на средства его скорбящих друзей и учеников.**

MDCCCX

Блаженны мертвые, покоящиеся в Господе¹

Раздался грохот планшета, звон разлетевшихся в стороны скрепок и визг: «О мисс, он порвал мой рисунок!»

— Томас Дор, где же ты? — пробормотал я. — Нам бы не помешало сейчас подкрепление.

Но в ответ не раздался удар грома, не разверзлась могила, лишь разнеслись по церкви крики: «Генри отнял у меня резинку, сэр».

Я сделал все, что было в моих силах; я носился взад-вперед со своей вспышкой и фотоаппаратом, снимая, как все работают; я разливал кофе, раздавал шоколадные батончики. Но с каждым разом я видел все меньше детей, занятых работой. Они под различными предлогами покидали церковь и с несчастным видом торчали на крыльце; камень попал в туфлю; нужно в туалет; у кого-то кружилась голова, кого-то тошнило. Я бессчетное число раз во-

¹ Измененная цитата из Библии: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе» (Откр., 14:13).

дил их в туалет в особняк. Детей заинтересовали бабочки, выставленные в холле. Когда новость о бабочках достигла церкви, число желающих отправиться в туалет выросло до невероятных размеров; можно было подумать, что среди нас свирепствует эпидемия холеры или дизентерии.

В конце концов мне пришлось заключить с ними сделку. Я пообещал детям, что, если они закончат свою работу и все за собой уберут, я устрою небольшую экскурсию к бабочкам.

— Это взятка, — прошипела Доринда, когда мы вошли в комнату с шелковичными червями.

— Вы хотите нормальную выставку или нет? — прошипел я в ответ, хватая Генри за руку как раз в тот момент, когда он запихивал трех живых червей в пачку изпод сигарет (это несмотря на то что все витрины были заперты...).

Должен признаться, я с радостью смотрел, как очертания Тэттершемской церкви исчезали в сумерках в зеркале заднего вида, когда я, словно озабоченная овчарка, ехал домой вслед за микроавтобусом. Я был рад, что ничего дурного не произошло, хотя микроавтобус был набит хлопавшими крыльями парусниками.

Дети с довольным видом высыпали из автобуса на школьном дворе. Всю дорогу домой они напевали строчки из старых популярных песенок — верный признак того, что с ними все было в порядке.

— А куда он вас сегодня ведет, мисс? — во весь голос поинтересовался Джек Харгривз.

— Что ты имеешь в виду? — возмутилась Доринда.

— Вы в кино идете, да? С вашим парнем. Я хочу сказать, что, если он не жадный, сегодня в «Рокси» фильм с Элвисом.

— Это ковбойский фильм, мисс, — «Люби меня нежно».

— О, такой чудный фильм, мисс, — его в конце убивают, — хором воскликнули девочки.

— Там мокрухи полно, — хором закричали мальчики.

— Давайте я подвезу вас домой, — тактично сказал я Доринде, видя, что она готова взорваться.

Высаживая ее у ворот, я спросил:

— Так как насчет старины Элвиса?

Она пригласила меня в субботу в Мирсден, на стипль-чез; весь день лило как из ведра. Худшего наказания я не могу себе представить.

На этом вся история могла бы закончиться, но в воскресенье дождь продолжал идти, и я весь день провел в фотолаборатории, проявляя пленку, отснятую в церкви. Фотографии оказались удивительно четкими благодаря вспышке, и я, чтобы порадовать Доринду, напечатал их размером десять на восемь дюймов. Они будут прекрасно смотреться на стенах класса, думал я. Единственное, что не давало мне покоя, — это какое-то лицо, выглядывавшее из-за надгробия. Оно оказалось на одном из снимков. Лицо принадлежало не мне и, разумеется, не Доринде. Оно было слишком уродливым. И, поскольку человек был лысым, это не мог быть никто из учеников.

Оно почти спряталось среди резких теней, порожденных вспышкой; человек наблюдал, как две девочки переводят на бумагу медную табличку с надписью, вделанную в пол. Девочки были поглощены своим занятием (или притворялись, что поглощены) и, очевидно, не подозревали, что за ними подглядывают. Мне почему-то казалось, что лицо это не принадлежит живому человеку; я бы сказал, что это маска с одной из могил, только темные глаза были живыми — они блестели, смотрели. Лицо это не выходило у меня из головы, пока я проявлял и печатал фотографии. Я все время подходил к сохнувшему снимку и разглядывал неизвестного; думаю, я старался найти какое-то разумное объяснение его появлению — игра света на куске полуразрушенной статуи, порождение моего воображения, обман зрения. Но оно смотрело, оно смотрело, отрицать это было невозможно, смотрело злобным, голодным взглядом. Мне не понравилась мысль о том, что лицо — плод моего воображения; я всегда придер-

живался здоровых взглядов и не страдал навязчивыми идеями.

В среду я приехал в школу с фотографиями; дети обрадовались, увидев меня, Доринда тоже — и, как это ни странно, сама директриса. Дети все это время заканчивали работы, начатые в церкви, и стены были увешаны пестрыми рисунками. Казалось, вернувшись в школу, они снова обрели свою буйную энергию, и в результате получилась лучшая выставка, какую когда-либо видели в школе. Работы были такими интересными, что пригласили школьного инспектора. Меня представили ему: это был бесцеремонный молодой человек, который пришел в бурный восторг от моих снимков и заявил, что управляющие школьными делами редко проявляют такой интерес к учебному процессу, а затем предложил перенести выставку в фойе здания администрации графства. Я решил, что он, вероятно, ищет способ подобраться к Доринде, но его энтузиазм казался неподдельным, и директриса была на седьмом небе.

Я указал на странное лицо на фотографии. Доринда настаивала, что это игра света. Но Джек Харгривз возразил:

— Ага, сэр, он там был. Старикашка этот. Он ничего не говорил, просто шастал в тени, подсматривал за девчонками, грязный старый тип. Я подумал, что это сторож.

Директриса бросила на Доринду очень странный взгляд, и та слегка побледнела. Инспектор торопливо сменил тему и снова принялся расхваливать рисунки с косоглазыми херувимами и прекрасное изображение надгробия, над которым трудился Генри. Сверху стояла статуя скорбящей женщины, закутанной в плащ, в стиле Регентства, на плите была высечена надпись:

Памяти Мэри Крейг,
женщины образцового благочестия и благоразумия,
покинувшей этот бренный мир в возрасте 29 лет,
но успевшей приобрести

— Это нужно закончить, — сказал инспектор.

— Не могу, сэр, — это все, что мы успели скопировать. В конце пришлось торопиться.

— Жаль, — произнес инспектор. — Незаконченный рисунок определенно нельзя вывешивать в здании администрации.

Я заметил, что Генри бросил взгляд на Джека Харгривза; мне показалось, что в нем отражается неподдельное отвращение. Лишь позднее я понял, как сильно я ошибся.

В понедельник утром телефон у меня в магазине звонил, возвещая о неприятностях. Это была директриса, и даже по телефону я понял, что губы ее крепко сжаты и что она трясется от ярости.

— Вам лучше всего приехать немедленно, мистер Эшден! Я с самого начала знала, что из этой затеи с церковью ничего хорошего не выйдет. По-моему, нужно собрать совет управляющих, но, мне кажется, сначала надо поговорить с вами.

Я преодолел милю до школы за рекордное время. Директриса, ожидавшая у входа, сразу же на меня набросилась. Губы ее *действительно* были крепко сжаты, и она *действительно* тряслась. Она повела меня в холл, где располагалась выставка Доринды, которую пока не перенесли в администрацию. Дрожащей рукой директриса указала на большой рисунок, висевший в центре. Это было изображение надгробия времен Регентства, выполненное Генри и Джеком Харгривзом; леди в плаще по-прежнему походила на увядший лист салата, но надпись была закончена:

Памяти Мэри Крейг,
женщины образцового благочестия и благоразумия,
покинувшей этот бренный мир в возрасте 29 лет,
но успевшей приобрести
ту зрелость духа, что не зависит от числа прожитых лет.
MDCCLXXX

К несчастью, поверх этой строгой надписи огромными неровными буквами были выведены другие слова. Слова «прелюбодейка», «блудница» и «публичная девка».

— Вот, — заявила директриса, — что выходит из опрометчиво устроенных экспедиций.

Она повела меня в свой кабинет. Инспектор был там, выглядел он слегка бледным перед лицом такого бурного приступа женского гнева. Здесь была и Доринда — она сильно покраснелась и имела вызывающий вид.

— Вы спрашивали мальчиков... об этом? — осведомился я.

— Разумеется нет.

— Могу я их увидеть? — спросил я как можно более спокойно. — Мне кажется, пора прекратить выставлять себя в дурацком свете.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Эшден?

— Я хочу сказать, что подобные слова редко входят в словарь школьника двадцатого века.

Инспектор кивнул; он был неглуп. Директриса поняла намеки, и Генри был вызван в кабинет.

— Генри, — начал я, — скажи мне, ты знаешь, что означает слово «блудница»?

Генри осторожно оглядел наши лица; он был стреляным воробьем и за милую душу чувствовал неприятности. Затем на лице его отразилось искреннее недоумение.

— Это когда кто-то заблудился? — предположил он.

— А «публичная женщина»?

— Ну, которая выступает перед публикой? — На лице его мелькнула ухмылка.

— Нет, Генри.

— Тогда не знаю, сэр. — Лицо его снова стало замкнутым.

— А скажи мне, Генри, как бы ты назвал... женщину... которая берет деньги за то, что идет с мужчиной?

На лице мальчишки появилось выражение неподдельного ужаса. Такие слова никогда не произносились в этой святой святых.

— Можешь отвечать, Генри, — произнесла директриса, едва шевеля губами.

— Э-э... шлюха, мисс. Девка с панели. Или подстилка. — Глаза его стали совершенно круглыми, сверкнули белки.

— Итак, если ты не знаешь, что такое «блудница», Генри, то зачем ты написал это слово на изображении могилы?

— Потому что оно было там написано, когда мы с Джеком пришли туда в субботу, сэр. Мы не знали, срисовывать его или нет, но решили, что это какое-то официальное звание.

Когда мы с инспектором бежали к машинам, я обогнал его на полных десять ярдов...

— Никогда за сорок лет моего служения Господу я не видел ничего подобного, — гремел преподобный Эрнест Лейси. — Стоит ради блага прихода впустить в церковь детей, и вот что происходит. В наше время дети...

— А вы можете предположить, — перебил его я, — как в наше время дети могли забраться так высоко? Я хочу сказать, есть ли здесь лестница, которой они могли бы воспользоваться?

Молодой полицейский сержант, которого Лейси привел с собой, глубокомысленно кивнул.

— Лестницы нет, — ответил преподобный Лейси. — Должно быть, они принесли ее с собой.

— На велосипедах?

— Это работа взрослого человека, сэр, — сказал сержант. — Это видно по размаху, по высоте букв. — Он встал на скамью и потянулся. — Высокий парень — почти как я. Это не дети, преподобный.

— Отвратительно.

— Генри, — спросил я, — а этот лысый старик был здесь, когда вы приезжали во второй раз?

— Ага, — ответил присмиревший Генри. — Болтался вокруг, пялился на нас. Но ничего не сказал. Я решил, что он нас выгонит, но он молчал. Его интересуют только девочки... И еще, по-моему, он со сдвигом. — Генри покраснел и смолк.

— Почему ты так решил, Генри?

— А можно я шепотом скажу, сэр? — Он подошел ближе. — Джек Харгривз заметил, что он в одной рубашке, рваной, грязной. Решил, что он один из *них*, сэр.

— Один из кого, Генри? — неприятным тоном переспросила директриса.

— Беглый сумасшедший, сэр, — солгал Генри. — Псих.

— Псих или нет, — сказал сержант, — но если это дело рук взрослых, это преступление. А теперь извините меня, преподобный отец, я соберу вещественные доказательства. После этого здесь можно будет навести порядок.

Он подошел к могиле и соскреб в небольшой конверт немного черной краски, которой были выведены мерзкие надписи. Я заметил, что краска еще не высохла — она легко сошла с белого мрамора. Сержант, приняхавшись, сморщил нос.

Мы оставили его в церкви и поехали обратно в школу; всю дорогу директриса выпускала вздохи, словно дракон, остывающий после того, как дышал огнем. Доринда издавала едва слышные самодовольные звуки, похожие на требование извинений от начальства.

Звонок у двери магазина зазвенел, когда я варил кофе. Вошедший оказался молодым сержантом из церкви; он был в форме. Я предложил ему чашечку; он принялся расхаживать по моему магазину, разглядывая вещи.

— Это все уже оплачено, сержант, — предупредил я резко, но как бы в шутку.

— Не волнуйтесь, сэр, — успокаивающим тоном ответил он. — Я сам немного занимался старинными вещами. Прекрасные венские часы... вижу, стоят двадцать фунтов.

Я поднял брови.

— Для вас — девятнадцать, сержант. Или это взятка полицейскому при исполнении обязанностей?

Как ни странно, он рассмеялся и достал чековую книжку.

— Боюсь, я не обычный сержант; у меня по всем предметам «отлично». Это не дает покоя моему суперинтенданту. Он думает, что во мне есть нечто сверхчеловеческое. Сначала он отправил меня в Брэмшилл-колледж¹,

¹ Брэмшилл-колледж — главное учебное заведение в Великобритании, готовящее кадры для полиции.

чтобы от меня избавиться, а теперь держит в штаб-квартире, чтобы я разбирался с благородными или со всякими чудными делами, вроде этого случая в Тэттершеме.

— Значит, дело получило продолжение?

— О да. В некотором роде. Мы знаем, что у него есть ключ от церкви.

Я издал удивленный возглас.

— Викарий нанял женщину, чтобы вычистить памятник, затем закрыл церковь; он думал, что у него единственный ключ. Неделю спустя он заглянул туда — оказалось, шутник снова взялся за свое. Он был там еще трижды за последние две недели. Я провел несколько бессонных ночей в ризнице, но, пока я сидел там, ничего не произошло. В первую ночь, когда меня не было, надписи появились снова.

— Вам не позавидуешь, — сказал я. — Отвратительное место. Не хотел бы я провести там ночь в одиночку даже за жалованье суперинтенданта.

— Я был не один, сэр, — криво усмехнулся он. — Со мной был местный бобби.

— И что он об этом думает?

— Ничего. Он новенький — в прошлом году перевели из Строппинга. Боюсь, деревенские бобби сейчас не те, что прежде. Я хотел попросить вас поехать со мной и осмотреть здание еще раз, сэр, если вы не возражаете. Мне нужно ваше профессиональное мнение.

— Вы же знаете, что это не дети.

— Знаю.

Перед тем как уйти, я сунул в карман фотографии, сделанные в церкви. Точнее, одну из них.

Я смотрел на интерьер церкви в ужасе. Казалось, все могилы были осквернены.

Уильям Трентон,
служивший викарием в этом приходе в течение сорока лет,
неутомимый поклонник церковной музыки.

Музыка его очаровывала слух,
а мягкость его манер завоевывала сердца.

MDCCCV

На могиле дрожащей рукой, словно в ярости, было выведено:

**Вор, вымогатель, верни десятину,
из-за которой ты погубил Джека Бартона**

На надгробии леди Непокосимой Добродетели и Великого Милосердия нацарапали:

Она распутничала с собственным сыном

Я ходил от одного надгробия к другому.

— Отвратительно! — воскликнул я. — Но не так уж глупо. Кажется даже, что он все о них знал. Свихнувшийся краевед?

— Забавно, что вы это сказали. Я порылся в церковных архивах. Был такой фермер по имени Джон Уилберфорс Бартон, умер в тысяча семьсот восемьдесят третьем году. Лишился земель, покончил с собой, и его запретили хоронить в освященной земле. А леди, о которой это написано, — у нее был сын, который так и не женился. Она его пережила. Так что все надписи имеют смысл. Как будто он знал этих людей лично.

— Все могилы осквернены?

— Он оставил нетронутыми плиты Викторианской эпохи... и учителя, Дора.

— Ах да, столп добродетели, я помню. Но и до него когда-нибудь очередь дойдет.

— Есть одна странная вещь... — Сержант в смущении смолк. — Я показал надписи эксперту по почерку, графологу. Суперинтендант меня чуть не убил, когда узнал, сколько стоило пригласить его из Мункастера. Я заставил всех детей из того класса написать по несколько строчек. Он их изучил — поэтому я и знаю, что это не дети, — и сказал одну забавную вещь. Почерк показался ему очень старомодным. По-видимому, в каждом веке существует свой тип письма... — Он смолк.

— Вы хотите сказать, что он похож на почерк юных джентльменов Георгианской эпохи, которые выцарапыва-

ли свои имена на скамьях в Ньюхерсте во время длинных проповедей... — И я тоже замолчал.

Мы взглянули друг на друга в полутьме нефы, затем пожали плечами и сменили тему. Если бы мы этого не сделали, история Доринды была бы иной.

Я извлек свою фотографию с лысой головой, наблюдающей за тем, как рисуют девочки. Я решил, что раз уж наш разговор коснулся такой безумной темы, то можно не бояться заговорить о незнакомце.

— Что вы об этом скажете, сержант?

— Я сам хотел спросить вас об этой фотографии. Вообще-то, я считал, что мальчишки все придумали, чтобы выкрутиться из неприятностей. Свихнутый старикашка, если это действительно старикашка, — это вполне может быть кусок мрамора, рука статуи или что-то в этом духе...

— Давайте подойдем к тому месту, откуда я сделал снимок.

Мы подошли. Среди могил на том месте, где на снимке виднелась голова, ничего не было.

— Это могло быть что угодно. Может, кто-то из детей оставил на выступе пакет с сэндвичами. Он выглядит помятым... помятым и в то же время раздутым — похож на репу. Это может быть даже голова кого-то из детей.

— *Лысый* ребенок?

— Возможно, так упал свет от вспышки, и кажется, что он лысый. Но если там действительно кто-то был, не хотелось бы мне встретиться с ним ночью в темном переулке.

Мы нервно рассмеялись. Затем сержант сказал:

— Вы не возражаете, если я заберу это? Я сделаю несколько копий. Может быть, кто-нибудь из местных узнает его. Например, те, кто побывал в Музее мадам Тюссо.

И мы снова невесело рассмеялись.

И на этом разговор закончился.

Должен сказать, что официальное открытие нашей выставки в здании администрации скорее походило на вечеринку. Это происходило в дни, когда в средствах не

было недостатка; обслуживание было превосходным, виски лилось рекой. Выставка выглядела великолепно; они одолжили у меня негативы и отпечатали фотографии размером квадратный метр, с сильной резкостью; и дети выглядели гораздо более прилежными и трудолюбивыми, чем на самом деле. Но работы были хорошие и хорошо оправлены, а в подходящей рамке любая картинка выглядит на миллион долларов.

Вы также должны вспомнить, что это происходило в те дни, когда детям редко разрешали покидать школу; думаю, графство хотело поощрить творческую работу в начальных классах. В тот вечер там было много учителей, инспекторов, организаторов и советников, и множество чиновников, которые пришли главным образом из-за виски (которое они пили с невероятной скоростью, не моргнув глазом, — должно быть, они обладали большим опытом в этом деле). Ученики 4-го «С» тоже были там; директриса привезла их из Барлборо на автобусе, в сопровождении четырех учителей. Дети выглядели невероятно опрятными; я даже не узнал их, пока они не заговорили.

Доринда, как я помню, приехала прямо из дома в своем белом «мини». Она выглядела счастливой и возбужденной. Вокруг нее образовалась толпа, все поздравляли ее или просто просили напомнить о себе отцу, и я не смог подойти к ней. Но я до сих пор помню, какой она была счастливой...

Обходя экспонаты, я наткнулся на своего полицейского сержанта, он выглядел джентльменом до кончиков ногтей в аккуратном твидовом костюме — теперь, разглядев табличку на его форме, я знал, что его зовут Майк Уоткинс.

— Как ваши венские часы?

— Прекрасно. В отличие от всего остального.

— Значит, так и не поймали своего сумасшедшего краведа?

— Никто не узнал человека на фотографии. Хотя я заметил несколько чертовски странных взглядов. Вы знаете, мне пришло в голову вот что: ведь это началось после того, как четвертый «си» побывал в церкви.

— Это не они!

— Я знаю, что не они. Но все началось сразу после... как будто они *потревожили* что-то. Что-то весьма неприятное. Я получил еще одно вещественное доказательство.

Все это время мы прохаживались по выставке. В тот момент нечто старинное, красивое и блестящее среди косяглазых херувимов и размытых копий могильных плит привлекло мой взгляд антиквара. Висячий замок, небольшой, изящный, отполированный до невозможного блеска.

— Погодите, — сказал я.

Мы вместе подошли ближе. Под замком висела записка, нацарапанная довольно небрежно и гласившая:

Сриднинековский замок.

Одолжено из Тэттершемской церкви из склепа дракулы

Дж. Харгривзом и Г. Уинтерботтомом

Замок был не «сриднинековым» и даже не средневековым. Это была элегантная георгианская вещица, украшенная орнаментом из переплетающихся крестов, — замок с решеткой, окружавшей алтарь, под которым находился склеп.

Меня охватило ужасное предчувствие.

— Что там у вас за неприятное вещественное доказательство? — спросил я.

Сержант с неловким видом переступил с ноги на ногу.

— Помните, как я соскреб немного черной краски с первой оскверненной могилы? Я отправил ее в отдел судебной экспертизы, но они ничего не могли о ней сказать, поэтому послали ее в министерство внутренних дел. Хорошо, что я взял много.

— Ну и?.. — резко спросил я.

— Ну, и старый сэр Бернард Спилсбери выяснил, что это такое. Это была вовсе не краска — это остатки разложившихся тканей. Животных или людей, они не могут точно сказать... Они очень старые.

— Насколько старые?

Он сглотнул:

— Они считают, им несколько веков...

— О боже, замок, склеп... Кто-то, кто лично знал похороненных в этих могилах... Это безумие, сержант. Если мы о таком заикнемся, нас посадят в дурдом.

Он принял непроницаемый официальный вид — даже лучшие из них умеют это делать.

— У меня имеются доказательства, сэр, что неизвестное лицо или группа лиц проникли в склеп, вскрыли могилы и с помощью останков нанесли граффити на памятники. Все это является преступлением.

Словно из другого мира — из уютного мира хорошеньких девушек, разносивших напитки, из мира искусствоведов и советников, поглощающих виски, до нас донесся чей-то голос:

— Леди и джентльмены, в память об этом уникальном событии председатель совета графства, советник Нил Фогерти, вручит почетные грамоты детям, принимавшим участие в проекте.

Все шло гладко, пока не прозвучало имя «Харгривз Дж.» Но Харгривз Дж. не вышел вперед.

— Я уверена, он был в автобусе, — раздраженно произнесла директриса.

— Может, он пошел в...

— Продолжайте, — велела директриса.

Вручение грамот продолжилось до тех пор, пока не дошли до имени «Уинтерботтом Г.». Его тоже не оказалось в зале; после тщательного обыска гардероба и коридоров ни его, ни Харгривза Дж. так и не нашли.

— Где они? — шипела Доринда; она сразу сообразила отвести в угол старосту класса и трясла ее так, словно хотела вышибить душу.

В конце концов девчонка разревелась. К своему ужасу, мы узнали, что мальчишки сбежали из автобуса, попросив остановиться в Тэттершеме, чтобы сходить в туалет. В туалет отправились все дети; но Джек и Генри не вернулись в автобус. Другие отвечали за них во время переключки. Джек и Генри взяли с собой сэндвичи и фонари. Они собирались устроить в церкви засаду на лысого старика, который писал грязные слова.

В следующий момент Доринда уже бежала к своей машине; мы с сержантом гремели по коридорам администрации вслед за ней.

Мы почти догнали ее на стоянке; она уехала прямо у нас из-под носа.

— Возьмем мою машину! — крикнул я.

Так мы и сделали и, воспользовавшись объездной дорогой, чуть не обогнали ее у Селмерби. Но затем она скрылась в лабиринте извилистых дорожек для верховой езды, с которыми была знакома с детства. И среди этих дорожек ее «мини» оставил мой автомобиль далеко позади.

— Мы потеряли ее, сэр, — сказал сержант Уоткинс. — Высадите меня у следующей телефонной будки, и я позову подмогу прямо к церкви.

Но я не в силах был остановиться. В голове не переставая звучали слова Генри Уинтерботтома о том, что, кем бы ни было существо, оно не интересовалось мальчиками. Оно смотрело на девочек.

В конце концов сержант Уоткинс взял дело в свои руки (на что он имел полное право) и выпрыгнул на каком-то перекрестке, когда я притормозил. По крайней мере, он был настолько любезен, что захлопнул за собой дверь, так что мне не пришлось останавливаться. Но минуты шли; я свернул не на ту дорогу и заблудился. Время уходило.

Прошло полчаса, прежде чем я подъехал к Тэттершемской церкви. Белый «мини» был припаркован у крыльца. В церкви было темно, в большом доме тоже; но в свете луны я заметил, что церковная дверь распахнута. Искусство Генри управляться с замками не изменило ему.

Я вбежал внутрь и оказался в полной темноте.

— Доринда?

В ответ раздался какой-то бессмысленный, животный всхлип.

— Доринда, ради бога! — крикнул я.

Затем я услышал звук — как будто кто-то полз среди скамей; к этому моменту я начинал различать очертания окон, но больше ничего.

Затем раздался дрожащий голос Генри:

— Осторожно, сэр. Мы здесь, в углу. Осторожно, он рыщет вокруг.

— Пусть только посмеет рыскать вокруг меня, — крикнул я, — и я разорву его на кусочки.

— Осторожно, сэр. Он весь скользкий, вонючий... Он как бы разваливается, когда до него дотрагиваешься.

О боже, свет. Где же выключатель? Я понял, что не знаю этого.

— Где выключатель, Генри? — Я направился к нему, медленно, крадучись, прислушиваясь к шороху в пространстве, разделявшем нас.

Доринда снова начала всхлипывать, тихо, бессмысленно.

— Они не работают, сэр, — пискнул Генри. — Наверное, свет вырвали.

Моя рука наткнулась на нечто вертикальное, твердое и цилиндрическое. Я понял, что это: один из посохов церковных старост, которые были установлены в торцах задних скамей. Я вытащил его, ощупал медную верхушку; она изображала епископскую митру; из нее получится неплохая дубина. Я почувствовал себя немного увереннее и двинулся дальше. Плач Доринды и тяжелое дыхание мальчишек приблизились. Шорох, издаваемый ползущим существом, тоже. Теперь до меня донесся запах; тот же запах, который стоял в этой церкви, только в тысячу раз более сильный. Запах смерти; я уже чувствовал его однажды, когда забрался в разбившийся бомбардировщик во время войны.

Я чуял его запах, я слышал его; но я нанес удар потому, что ощутил его присутствие, — правая сторона моего лица внезапно похолодела, когда он бросился на меня, как будто он изгонял тепло из окружавшего его воздуха...

Я никогда прежде не наносил такого мощного удара и надеюсь, мне больше не придется этого делать. Его было достаточно, чтобы убить человека, но я никогда не смог бы заставить себя ударить живое существо с такой силой. Я вложил в него весь свой страх, ярость, ненависть. И я

понял, что посох угодил в основание шеи. Я словно ударил гнилой кабачок, внутри которого затрещало. На лицо мое брызнули холодные капли. Но я не услышал дрожи, стоны боли или резкого вздоха; я ударил мертвое существо, и инстинктивно я оставил надежду убить его.

В следующую секунду посох выхватили у меня из рук с такой силой, что онемели пальцы. А еще мгновение спустя меня отшвырнули прочь, как куклу; я ударился о спинку скамьи так, что перехватило дыхание, и я даже решил, что спина у меня сломана. Даже сквозь пальто я почувствовал прикосновение огромных рук — они были холодны как лед. Я лежал на полу и слушал, как *оно* поползло мимо меня в тот угол, откуда раздавался плач Доринды.

Не знаю, как мне удалось подняться на ноги, но, когда я встал, снаружи, из нормального мира, до меня донесся вой полицейской сирены. Сквозь церковные окна проник холодный голубой свет автомобильных фар. И я увидел его. *Это*.

Почувствовав свет фар, оно обернулось, и я разглядел его поверх церковных скамей. Лысая голова с пустыми черными глазами, которые блестели в свете автомобильных огней. Широкая грудь, покрытая черными волосами. Плечи скрывала какая-то тряпка, но не рубака, как подумал Генри. Это были позеленевшие остатки савана...

Завыла вторая полицейская сирена. Должно быть, старина Уоткинс по рации созвал людей со всей округи.

На несколько долгих секунд существо замерло, словно барсук, которого окружили в собственной норе. Затем оно, казалось, поняло, что свет и шум никуда не денутся и сейчас появятся мужчины, с которыми ему не справиться. Мужчины, которые могут загнать его в могилу и замуровать там навсегда, уничтожить его, стереть с лица земли. И хотя непроницаемое выражение лица не изменилось, я понял, что *оно* пришло в отчаяние.

В следующий момент оно, прихрамывая, быстро направилось через неф к алтарю. Я услышал скрежет ворот, ведущих в склеп, и оно исчезло.

Через несколько секунд со стороны крыльца темноту прорезал луч фонаря. Раздался какой-то шорох, и все лампы включились; должно быть, сержант Уоткинс знал, где находится главный рубильник. А потом помещение наводнили люди в плоских кепи и синей форме.

— Где? — спросил Майк Уоткинс.

Я кивнул в сторону решетки, окружавшей вход в склеп. Он подошел туда, вытащил что-то из кармана и защелкнул это на воротах. Он взглянул на меня многозначительно, и я кивнул. Есть вещи, которым лучше не появляться в записных книжках полицейских, хотя бы ради начальника полицейского управления и членов суда.

— Откуда у вас замок? — спросил я.

— Я конфисковал его как вещественное доказательство, — уныло ответил он. — Но лучше вернуть его туда, где его место. Не думаю, что у нас здесь есть еще проблемы, а вы?

Я покачал головой, но на всякий случай негромко позвонел старым замком.

В дальнем углу собрались люди в синей форме; они расступились — кого-то выводили наружу.

Доринда была белой, как простыня, она молчала и глядела в пространство — все признаки сильнейшего шока. Но она по крайней мере могла переставлять ноги.

— Я вызвал «скорую», — сказал сержант Уоткинс.

Мальчики вышли вслед за Дориндой, с такими же белыми, бессмысленными лицами. Только Генри смог собраться с силами, выдать некое подобие улыбки и прошептать:

— Боже, сэр, вы его едва надвое не разнесли...

Я поехал на «скорой» с Дориндой; мальчики отправились в полицейской машине. На полпути она открыла глаза и узнала меня.

— Джефф... спасибо.

Но это была не та Доринда Молино, которую я знал. Непокколебимая уверенность в себе исчезла; исчезла убежденность в том, что всему можно найти разумное объяснение.

— Я никогда не понимала... — Она закрыла глаза и смолкла, затем продолжала: — Я думала, что, если ведешь себя достойно... выполняешь все правила... Бог не допустит, чтобы такое... с тобой произошло.

Я не стал спрашивать, что именно произошло с ней. Я просто сказал:

— Бог же позволяет, чтобы каждый день происходили автокатастрофы. А почему в этом случае все должно быть иначе?

— Да, — сказала она с печалью, которую ожидаешь услышать в голосе очень старой женщины. — Да. — Она взяла меня за руку и начала перебирать пальцы. — Вы нравитесь мне — вы *теплый*.

Она не выпускала мою руку, пока мы не добрались до больницы.

Майк Уоткинс присоединился ко мне в коридоре со своей записной книжкой.

— Предполагаю, вам нужно имя и адрес подозреваемого? — спросил я в жалкой попытке пошутить.

— Только из личного интереса.

— Должно быть, это старик Энсти, аудитор. Это же был склеп Энсти.

— Ну, спускаться и проверять я не собираюсь — даже за жалованье суперинтенданта. Но я не думаю, что это Энсти. Его памятник тоже размалевали. И я видел его портрет в старости — элегантный худощавый джентльмен с густыми седыми волосами.

— У того, что я видел, не было седых волос. — При этом воспоминании меня передернуло. — Тогда как вы думаете, кто это был?

— Единственный оставшийся неприкосновенным памятник принадлежит Томасу Дору.

— Почтенному и усердному школьному учителю и благодетелю этого прихода...

— ...который продолжает публично обличать грехи...

— ...и молча идет по пути добродетели! Боже, меня прямо тошнит. Мне хотелось бы разнести все это место на кусочки и его вместе с ним.

— Подавленные сексуальные желания — жуткая вещь, — сказал сержант Уоткинс. — В Брэмшилл-колледже нам рассказывали, к чему это приводит. Я сейчас не против пинты пива и партии в дартс. Не волнуйтесь, Джефф. Он больше не выползет оттуда. Я поговорю с викарием. Он нам поверит... в отличие от всех остальных.

С тех пор я не оставлял Доринду. В конце концов она даже смогла заходить в ту церковь — если я крепко держал ее за руку. Она сделала это как раз перед тем, как нас обвенчали. И это был последний день *мисс* Доринды Молино.

БРАЙАН ЛАМЛИ

В Греции акул нет

Брайан Ламли родился на северо-восточном побережье Англии, в настоящее время живет в Девоне с женой Дороти. Еще во время службы в британской армии Ламли начал писать рассказы в жанре хоррор. Его первые книги были опубликованы в середине 1970-х годов издательством «Arkham House». Оставив военную службу в 1980 году, Ламли полностью посвятил себя литературе.

Среди его многочисленных произведений романы «Беспощадная война» («The Burrowers Beneath»), «Воин древнего мира» («Khai of Ancient Khem»), «Психомех» («Psychomech»), «Психосфера» («Psychosphere»), «Психамок» («Psychatmok»), «Дом дверей» («The House of Doors»), тетралогия «Сны» («Dreams») и серия «Некроскоп» («Necroscope»). В 1989 году за рассказ «Плодоносные тела» («Fruiting Bodies») автор был удостоен Британской премии фэнтези.

Частый гость на греческих островах, Брайан Ламли использовал личный опыт при создании представленной ниже леденящей кровь истории, которая вполне могла произойти на самом деле.

Таможня в зоне прилета существовала формально: товары беспощадной торговли люди покупали, уже выезжая из Греции. Что касается паспортного контроля, его осуществляла парочка скучающих волосатых типов — смуглых, в обтягивающей запятнанной форме и островерхих шлемах. В обязанности первого входило взять паспорт, найти нужную страницу, сличить внешний вид предъявителя с фотографией в документе — что он делал долгим безразличным взглядом, в котором не читалось абсолютно ничего, если вы случайно не оказывались особой женского пола с пышными формами (в этом случае во взгляде читалось все и даже больше), и затем

передать паспорт дальше. «Наверное, поэтому его и называют „пасс-порт“ — буквально „пропускное отверстие“», — подумал Джеф Хаммонд. Второй взял у первого черную книжицу, приклепнул ее печатью, продавив сразу несколько страниц, потом вернул документ владельцу — но как-то неохотно, будто сомневаясь, что тот заслуживает доверия.

У этого второго, с печатью, имелся брат. Скорее всего, они были близнецы. Одинакового роста — чуть меньше шести футов, — годами где-то к тридцати, оба широкоплечие и узкобедрые; их черные как вороново крыло, лоснящиеся волосы вились такими тугими кольцами, будто были закручены специально, а карие глаза казались совершенно безжизненными. Различить их можно было только по одежде: тот из братьев, что находился вне зоны паспортного контроля, был без формы. Вальяжно опершись об ограждение, он вертел в руках дешевые, в желтой оправе, очки с темными стеклами и с любопытством разглядывал вновь прибывших. На нем были очень узкие шорты, изрядно затертые во всех выпирающих местах и едва достигавшие той длины, которая могла еще считаться приличной. «Вот наглый самец, выставил свои причиндалы!» — подумал Джеф. Даже смотреть на него было неловко. Очевидно, старался таким образом привлечь внимание приехавших порезвиться свободных девушек. Надеялся, что те запомнят его и будут иметь в виду на будущее. Да, шансов у него могло быть больше, будь он на пару дюймов повыше и имей хоть слегка осмысленное выражение лица. Однако лицо казалось таким же безжизненным, как и его глаза.

Джеф разглядел, что именно было не так с глазами: типчик во вспученных шортах по ту сторону ограждения был с бельмом. Так же, как и его брат-близнец, штамповавший паспорта. Зрачки правых глаз у обоих были белые, как у дохлой рыбы. Тот, который штамповал паспорта в будке, был в очках с затемненными стеклами, поэтому бельма не было заметно, пока он не поднимал взгляд и не смотрел прямо на вас. В случае с Джефом ему, ра-

зумеется, рассматривать в упор было нечего, но он не преминул внимательно изучить Гвен. Затем кинул взгляд на Джефа, терпеливо ожидавшего своей очереди, и спросил:

— Вместе? Вы, оба? — Вопрос прозвучал чуть резче, чем следовало, с почти обличающей интонацией.

А, обратил внимание на разные фамилии в паспортах! Но Джеф не собирался стоять здесь и объяснять, что они только что поженились, и у Гвен не было времени произвести необходимые исправления в документах. Это на самом деле могло сбить с толку! По сути (и если вдуматься), это могло быть даже незаконно! Наверное, ей следовало сменить фамилию сразу, но их свадебное путешествие было одним из горящих туров, которые приобретаешь в последнюю минуту за полцены, а дареному коню, как известно... В общем, время поджимало. Но какого черта — на календаре 1987 год или нет?

— Да, — наконец ответил Джеф. — Вместе.

— Ага. — Его собеседник удовлетворенно кивнул, ухмыльнулся, снова оценивающе оглядел Гвен и только потом поставил штамп в ее паспорт.

«Бельмоглазый ублюдок!» — подумал Джеф.

Когда они прошли через шлюз в ограждении, второй бельмоглазый ублюдок уже испарился...

Открытие автоматических стеклянных дверей, отделяющих прохладное помещение аэропорта от раскаленной стоянки туристских автобусов, было равносильно открыванию горнила печи, уже второму за день: в первый раз пассажиров обдало жаром, когда они из салона самолета высыпали на летное поле. Выходишь свежим и бодрым, а пока докатишь свой багаж до обочины и снимешь с тележки, подмышки уже взмокли. Час дня, и температура, должно быть, держалась около восьмидесяти пяти¹ уже в течение долгого времени. Сверху — палящее солнце, снизу — раскаленный бетон. Убийственная жара.

¹ По шкале Фаренгейта.

Тут же подлетела суетливая взмыленная барышня — представитель встречающей стороны. Бело-голубая изысканная шляпка могла бы претендовать на английскую элегантность, если бы не дополнялась откровенной мини-юбкой и промокшей от пота блузкой. В руках барышня тискала картонку, к которой была прищепкой прижата тонкая пачка сменных табличек.

— Мистер Хаммонд и мисс... — она сверилась со своими записями, — Пинтер?

— Мистер и миссис Хаммонд, — поправил ее Джеф. Он понизил голос и доверительно продолжил: — Мы добродетельные граждане и состоим в законном браке. Только наши фамилии в списке изменены, чтобы соответствовать тем, что в паспортах.

— Хм...

«Слишком сложно для нее», — подумал Джеф со вздохом.

— Да, — сладко зашебетала Гвен, — мы Хаммонды.

— О! — Барышня выглядела слегка смущенной. — А это...

— Я не успела сменить паспорт, — сказала Гвен с улыбкой.

— А-а... — Наконец забрезжило понимание. Сопровождающая нервно улынулась Джефу и снова повернулась к Гвен. — Поздравлять уже поздно?

— Четыре дня, — ответила Гвен.

— Ну в любом случае мои поздравления.

Джефу не терпелось поскорее убраться с солнцепека.

— Который тут наш автобус? — поинтересовался он. — И очень надеюсь, он с кондиционером?

Неподалеку у обочины виднелось беспорядочное скопление автобусов.

Барышня снова смутилась, и тень замешательства промелькнула в ее ярких голубых глазах.

— Вы ведь едете в Ахлади?

Джеф снова вздохнул, на этот раз громко. Вообще-то, это ее работа — знать, куда они едут. Начало было жизнеутверждающее.

— Да-да, в Ахлади, — затарахтела она прежде, чем Джеф или Гвен успели прокомментировать вопрос. — В Ахлади —

но не на автобусе! Видите ли, ваш самолет прилетел на час позже, и автобус до Ахлади не мог так долго ждать двух пассажиров. Но это ничего — вы сможете доехать на такси, и разумеется, компания «СкайМед» возьмет расходы на себя.

Она ушла вызывать такси, Джеф и Гвен переглянулись, пожав плечами, и присели на свои чемоданы. Но сопровождающая вернулась через минуту, следом за ней подкатило такси и остановилось у обочины. Выскочил таксист — молодой грек, — засуетился, открывая двери и багажник, и стал торопливо закидывать в багажник чемоданы, пока Джеф и Гвен устраивались на заднем сиденье машины. Потом он влез на водительское место, захлопнул дверцу, бросил рядом с собой соломенную шляпу, оглянулся на своих пассажиров и улыбнулся. В белом ряду сверкнул единственный золотой зуб. Но улыбка вышла совершенно жуткая, как оскал акулы перед нападением...

— Ахлади, да? — И голос прозвучал так безжизненно, будто булыжники в грязи глухо стукнулись друг о друга.

— Д... — начал Джеф и запнулся, потом закончил: — Да! Э-э... Ахлади, верно! — Их водителем был бельмоглазый брат бельмоглазого штамповщика паспортов.

— Я — Сперос, — объявил тот, выруливая с территории аэропорта. — А вас как звать?

Что-то подсказывало Джефу — с этим типом не стоит фамиллярничать.

Чувство было такое, будто его взмокший от жары затылок обдало холодом.

— Я — мистер Хаммонд, — ответил он сдержанно. — А это — моя жена.

Гвен слегка повернула голову и хмуро посмотрела на него.

— Я... — начала она.

— Моя жена! — повторил Джеф.

Она удивленно взглянула на него, но промолчала.

Сперос следовал всем поворотам и сужениям дороги. Выехав за пределы аэропорта, он обогнул по краю глав-

ный город острова и помчался к предгорьям, откуда дорога постепенно уходила вверх, к наполовину одетому лесом хребту. Ахлади был, может быть, в получасе езды, по другую сторону центральной гряды. Дорога вскоре стала неровной, изобилующий выбоинами и грубыми заплатами асфальт был покрыт толстым слоем пыли; короче говоря, типичная для Греции дорога. В деревне, где по обе стороны от дороги выстроились белые домики с видневшимися в глубине дворов лимонными деревьями, они немного сбросили скорость. И когда Сперос снова прибавил газу, ощущение от ярких вспышек бугенвиллей, оплетававших балконы проносившихся мимо жилищ, все еще оставалось на сетчатке глаз.

За автомобилем поднималось густое облако пыли, взбитой колесами. Джеф мельком взглянул в засиженное мухами заднее стекло. В том, как быстро это несущееся за ними бурое облако заслонило собой только что увиденные пейзажи, он увидел что-то зловещее. Снова повернувшись вперед, Джеф заметил, что Сперос своим странным глазом в основном смотрел на дорогу впереди, взгляд же нормального глаза был прикован к зеркалу заднего вида. Что он там высматривал? Пыль?

Нет, он смотрел на...

На Гвен! Зеркало заднего вида было направлено так, что в нем отражалась ложбинка между ее грудей.

Они были женаты еще очень недолго. День, когда Джеф станет испытывать удовольствие, сознавая, что другие самцы похотливо поглядывают на его жену, был еще в далеком будущем. Однако и тогда он никому не позволит прикоснуться к ней и пальцем. Но сейчас жену нагло разглядывали в его присутствии, и на девяносто девять и девять десятых процента в этом не было ничего противозаконного. Что же касается оставшейся одной десятой процента — он никак не мог повлиять на то, о чем там фантазировал какой-нибудь развратный ублюдок!

Джеф взял Гвен за локоть, притянул ее ближе и прошептал:

— Ты заметила, как резко он входит в повороты? Тормозит так, что мы вот-вот стукнемся. И при этом пялится, как у тебя подпрыгивают сиськи!

Она любовалась пейзажем, не замечая ни Спероса, ни его глаз, ни еще чего-нибудь. Для красивой девчонки двадцати трех лет она была замечательно наивна, и, самое главное, она ничуть не притворялась. Это была одна из черт, которые Джеф любил в ней больше всего. Будучи всего лишь на восемнадцать месяцев ее старше, он едва ли мог считать себя умудренным опытом, но доверял своей интуиции, когда чуял недоброе. В случае со Сперосом он чуял недоброе очень сильно.

— Он... что? — громко переспросила Гвен, посмотрев вниз. Блузка была расстегнута слишком глубоко, открывая верхний край лифчика. Ее зеленые глаза расширились, она подняла взгляд и наткнулась на глаза Спероса в зеркале заднего вида. Тот осклабился, глядя на нее, и непреднамеренно облизнул губы. Он тоже был наивен, но по-своему. Совсем иначе.

— Пересядь, — громко сказал Джеф, когда она застегнула соблазняющую пуговку и еще одну над ней. — С этой стороны вид намного лучше.

Он привстал, пропуская ее позади себя. Теперь Сперос смотрел на дорогу обоими глазами.

Через десять минут они въехали на дорогу, пролежавшую между поросшими сосной склонами, такими крутыми, что они казались почти отвесными. Местами сквозь растительность проглядывали щебнистые осыпи или вышедшая на поверхность скальная порода.

— Горы, — пробубнил Сперос, не оборачиваясь.

— У тебя зоркий глаз, — похвалил его Джеф.

Гвен слегка ущипнула его за руку, и он знал, что она хотела сказать: «Сарказм — низшая форма остроумия и тебе не идет!» Как и жестокость, по всей видимости. Джеф не подразумевал ничего особенного своим замечанием про глаз, однако Сперос оказался впечатлительным. Он нащупал в «бардачке» свои темные очки в желтой оправе и

надел их. Дальше он вел машину в гробовой тишине и, похоже, намеревался молчать до конца поездки.

Они перебрались через горы, и вот впереди, как гигантский туристический буклет, открылось западное побережье острова. Горы, казалось, спускались к самому морю, где скалы сливались с немыслимой, невыносимой синевой. И по обе стороны хребта, будто ослепительный мираж, плавно сбегала к морю деревня Ахлади.

— Какая красота! — выдохнула Гвен.

— Да, — кивнул Сперос. — Красота, эта деревня. — Как многие греки, он говорил по-английски с характерным присюсюкиванием. — Рыбалка, плавать, — красота.

Дальше начался склон — извилистый, временами крутой, но вид отовсюду открывался просто изумительный. В памяти Джефа всколыхнулись воспоминания о Кипре. В большинстве своем это были хорошие воспоминания; только одно было тяжелым, от него у Джефа всегда перехватывало дыхание и сжимались кулаки. В нем была главная причина, по которой он не особенно стремился к Средиземноморью. Он закрыл глаза, пытаясь изгнать воспоминание из памяти, но от этого стало только хуже, возникшая перед глазами картинка стала еще отчетливее.

Он снова был ребенком — ему исполнилось пять в конце лета шестьдесят седьмого. Отец был штаб-сержантом медицинской службы, а мать работала в QARANC¹; обе организации располагались в Декелии² — на территории британской базы, прямо на побережье недалеко от Ларнаки, где их семье выделили жилье. Родители встретились и поженились в Берлине, где прожили три года, потом их вместе отправили на Кипр. После двух лет на Кипре отцу Джефа оставалось служить еще год до окончания двадцатидвухлетнего срока³. По окончании этого последнего года под солнцем его ожидало место в службе

¹ QARANC — Британский военный госпиталь, учрежденный королевой Александрой во время Первой мировой войны и носящий ее имя.

² Декелия — британская военная база на Кипре.

³ Срок службы в Британской армии составляет 22 года, после чего ветеран получает значительные социальные льготы.

«скорой помощи» одного их крупных госпиталей Лондона. Мать Джефа рассчитывала получить место медсестры в штате того же госпиталя. Но перед тем, как всему этому случиться...

В Декелии Джеф ходил в школу, а в те редкие выходные, когда оба родителя были не на дежурстве, они все вместе выбирались на пляж. И это было его самое любимое место на свете: пляж с золотистым песком и кристально чистой, безопасной водой. Но иногда в поисках уединения они могли собрать корзину для пикника и отправиться вдоль побережья, и ехать до тех пор, пока дорога не превратится в колею, потом отыскать тропинку вниз по крутым отвесным утесам и купаться среди скал возле мыса Греко¹. Вот там все и случилось...

— Джеф! — Гвен подергала его за руку, прервав наваждение. Он был рад вернуться к действительности. — Ты что, заснул?

— Сладкие грезы, — улыбнулся он.

— Ой, и у меня! — подхватила она. — Я все думаю, что мне это, наверное, снится. В смысле, так наяву не бывает!

Дорога лентой извивалась по крутому склону, прямо под ними раскинулась деревня. Навстречу поднимался битком набитый туристический автобус. В окнах виднелись загорелые, пресытившиеся физиономии: туристы ехали в аэропорт. Их отпуска закончились, но у Джефа с Гвен отпуск только начинался, и деревня, в которую они приехали, была по-настоящему прелестна. Особую прелесть ей придавало то, что она была едва тронута цивилизацией. Это был только второй туристический сезон в Ахлади; до того, как построили аэропорт, сюда можно было добраться лишь по воде. И очень немногие брали на себя такой труд.

Кипрское наваждение быстро отпустило Джефа. Хотя он и не считал себя романтической натурой, подобно Гвен, тем не менее и он признал очарование Ахлади. И теперь, он полагал, ему придется признать, что они сделали правильный выбор.

¹ Мыс Греко — мыс на восточной оконечности Кипра.

Сады за белыми стенами; красная черепица, окошки с зелеными рамами, одни крыши совсем плоские, другие с отлогими скатами; бугенвиллея, льющаяся каскадом по белым полукруглым балконам; белая церквушка на уступе горы, с которого скалы крутым обрывом выходили к морю; огромные древние оливы на огороженных кусочках земли при каждом пересечении улиц и виноградные лозы на шпалерах, дающих легкую тень, которой пестрел каждый садик и патио. Вот так на первый взгляд выглядела деревушка Ахлади. Вход в бухту преграждал высокий волнорез. Море не представляло сколько-нибудь реальной угрозы для деревни, ибо основная ее часть лежала по берегам гавани, припертым клешнями моллов с обеих сторон. Для входа в воду повсюду в скалах были выдолблены ступеньки; все более или менее горизонтальные поверхности на берегу были застелены полотенцами, а из воды то и дело выныривало с полдюжины голов с трубками и масками. Здесь было довольно глубоко, но на четверть мили южнее, за молом, ограничивающим гавань, как перепонка между пальцами огромного зверя, где-то на сотню ярдов простирался галечный пляж — туда, где спускался с гор второй клешнеобразный выступ. Что до остальной части береговой линии, Джефу она виделась одинаковой в обоих направлениях: на юге и на севере насколько мог видеть глаз — только небо, скалы и море. Бесконечное повторение мыса Греко. Но прежде чем он успел снова погрузиться в воспоминания, прозвучал булькающий голос Спероса:

— Вилла «Элени», так? Нету дороги. Ехать не можно. Я нести багаж.

Дорога спускалась по краю уступа прямо к церквушке. На полпути ее пересекала под прямым углом другая автомобильная дорога, на которой располагалось несколько лавчонок. Остальные улицы были слишком узкие или слишком крутые для того, чтобы по ним можно было проехать на машине. Неподалеку пыжилось несколько древних мотороллеров, да ослы цокали копытами там и сям — вот и весь деревенский транспорт. Сперос развернул свое транспортное средство на главном (по сути единственном)

перекрестке и припарковался в тени гигантской оливы. Потом вышел за багажом. Багаж составляли два больших чемодана и два маленьких. Джеф хотел было разделить ношу пополам, но не успел: Сперос взялся нести слоновью долю, а Джефу оставил мелочевку. Он не стал возражать, хотя было понятно, что грек просто пользуется возможностью порисоваться, демонстрируя силу.

Сперос вел их по крутому склону мощеной улицы, обрезанные по самое не хочу вытертые джинсы едва не лопались на его мускулистой заднице. И поскольку они шли позади, Джеф осознавал, что Гвен тоже смотрит на эти загорелые, блестящие мускулы. Смотреть было больше особо не на что.

— Он — Тарзан, а ты Джейн, — решил он пошутить, но вышло как-то нерадостно.

— А ты тогда кто? — закипая, парировала она. — Чита, что ли?

— Ух, ух! — поддразнил Джеф.

— В любом случае, — смягчилась она, — у тебя задница лучше. Более компактная.

Он воздержался от дальнейших комментариев, чтобы не сбивать дыхание. Даже легкие чемоданы уже казались тяжелыми. Если он Чита, тогда Сперос пусть будет Кинг-Конг! Грек один раз оглянулся, ухмыльнулся в своей жуткой манере и продолжал идти. Тяжело дыша, Джеф и Гвен попытались догнать его, но безуспешно. Завершая восхождение, Сперос свернул направо в арочную нишу в стене, преодолел три каменные ступеньки, поставил чемоданы и остановился у полированной сосновой двери. Он дернул шнурок, открывая щеколду, толкнул дверь и снова поднял чемоданы. Когда из-за угла показались англичане, он шагнул внутрь.

— Вилла «Элени», — объявил он, когда они проследовали за ним.

За дверью оказался внутренний двор, обнесенный высокой стеной и вымощенный черной и белой галькой в виде дельфинов и осьминогов. Разноуровневый дворик-патио располагался перед собственно «виллой» — квадрат-

ной коробкой, единственным достоинством которой, пожалуй, был выдвижной тент, затеняющий окна и большую часть патио. Кроме того, тент создавал превосходное убежище от разлитой вокруг слепящей белизны.

На второй этаж «виллы» по ее внешней стене вели выбеленные бетонные ступени, которые заканчивались площадкой, выходящей на балкон с деревянными перилами и собственным полосатым тентом. На перилах сушились пляжные полотенца и очень большого размера женский купальник, все окна были открыты. Может быть, жильцы были дома. А может быть, сидели в тени какой-нибудь таверны, потягивая ледяные напитки. В решетчатой, с москитной сеткой двери нижнего этажа торчал ключ с биркой. Джеф прочел надпись на бирке, где было написано просто «Мистер Хаммонд». Бронирование было на его фамилию.

— Это наш, — сказал он Гвен, поворачивая ключ.

Они вошли в дом, Сперос с большими чемоданами последовал за ними. Прохладный воздух казался блаженством. Теперь им хотелось осмотреться самостоятельно, но не тут-то было: грек твердо вознамерился им помочь. И он хорошо здесь ориентировался. Он поставил чемоданы и обвел руками гостиную:

— Эта для сидеть, говорить, отдых. — Потом указал на облицованный плиткой уголок с холодильником, раковиной и двумя конфорками электроплиты. — Для тосты, кофе, для рыба, для картошка, а? — Дальше толкнул дверь маленькой комнаты, выложенной кафелем от пола до потолка, где располагались душ, умывальник и унитаз. — И эта, — сказал он без дальнейших пояснений. Потом сделал пять шагов обратно через всю гостиную и подошел к другой комнате, с низким потолком, декорированным сосновыми балками, с английской двуспальной кроватью, встроенной под решетчатыми окнами. Он склонил голову набок. — И кровать — всего один...

— Замечательно. Это все, что нам может понадобиться, — сказал Джеф, постепенно закипая.

— Да, — сказала Гвен. — Хорошо, спасибо, вам, э... Сперос, вы очень добры. Дальше мы сами разберемся.

Сперос поскреб подбородок, вернулся обратно в большую комнату и развалился в свободном кресле.

— На улице жарко, — сказал он. — Тут прохладно — крию — понимаешь?

Джеф подошел к нему.

— Очень жарко, — согласился он, — и мы взмокли. Сейчас мы хотим принять душ, разложить свои вещи и осмотреться. Спасибо за помощь. Теперь ты можешь идти.

Сперос поднялся с поникшим видом, и его лицо приняло еще более тупое выражение, чем прежде. Увечный глаз выглядел странно через затемненные стекла очков.

— Идти? — повторил он.

Джеф вздохнул.

— Да, иди!

Угол рта Спероса задергался, губы слегка раздвинулись, обнажая золотой зуб.

— Я приехать из аэропорт, нести чемоданы.

— А-а! — сказал Джеф, доставая бумажник. — Сколько я должен? — Он купил драхмы еще в Лондоне, в банке.

Сперос засопел, презрительно отворачиваясь.

— Один тысяча, — наконец ответил он напрямик.

— Это около четырех фунтов пятидесяти пенсов, — сказала Гвен из спальни. — Звучит разумно.

— Да, только поездка предполагалась за счет «Скай-Мед», — нахмурился Джеф.

Как бы то ни было, он заплатил и проводил Спероса до двери. Тот вышел, неторопливо и безразлично профланировал через патио, остановился в арке и оглянулся через двор. Гвен подошла и встала в дверях дома рядом с Джефом.

Грек посмотрел прямо на нее и облизал свои мясистые губы. Снова на его лице появилась эта жуткая ухмылка.

— Увидимся, — кивнул он, будто что-то медленно обдумывая.

Когда он закрыл за собой дверь, Гвен пробормотала:

— Вряд ли, если я увижу тебя первой! Брр!

— М-да, действительно гнусный тип, — согласился Джеф. — Не самый привлекательный местный типаж!

— Спе-рос — спе-ропс, — произнесла она. — Да, имечко подходит ему как нельзя лучше. Очень на «скорпенос»¹ похоже. И сам такой же мерзкий.

Они приняли душ и без сил завалились на кровать, но не настолько без сил, чтобы просто лежать там и не заниматься любовью.

Позже, когда, разобрав чемоданы, убрав с глаз мелкие ценности и развесив и разложив вещи, они переоделись в легкую, свободную одежду, сандалии и солнцезащитные очки, пришло время обследовать деревню.

— А потом, — настаивала Гвен, — пойдем купаться!

Она положила полотенца и купальные костюмы в пластиковую пляжную сумку. Гвен любила плавать, и Джеф тоже мог бы любить, если бы не...

Но как только они закрыли свои апартаменты и вышли во двор, полированная дверь в стене открылась, впуская их верхних соседей, и на следующий час все мысли об исследовании деревни и купании в море были сметены ураганом. Пожилая пара, с которой они тут же познакомились, просто фонтанировала энергией, другими словами это описать трудно. Его звали Джордж, а ее Петула.

— Моя дорогая, — галантно произнес Джордж, поднося к губам руку Гвен, — вы такая восхитительная юная леди, как печально, что у меня осталось только два дня, чтобы наслаждаться вашим обществом!

Ему было лет, может быть, шестьдесят пять или около того, он еще сохранял следы былой привлекательности, хотя сейчас, конечно, кожа на лице немного обвисла, он был высокий и стройный, только слегка ссутулившийся, и загорелый, как островитянин. С седыми усами и чуть выцветшими голубыми глазами, он выглядел так, будто он был — а по всей вероятности, он и был на самом деле — пилотом спитфайра во Вторую мировую. Увы и ах, на нем были самые яркие шорты и рубашка, какие Гвен когда-либо видела.

¹ Скорпенос-дьявол — ядовитая морская рыба

Петула была очень крупная, почти такая же высокая, как Джордж, но в два раза его толще. Такая же загорелая (она явно не стремилась скрывать это, а наоборот) и, похоже, такая же, если не более энергичная, и уж точно она не испытывала недостатка в словах. Это была странная, даже удивительная пара: очень аристократичные, но в то же время очень простые. У Петулы было характерное для высшего общества произношение, она говорила, что называется, «со сливой во рту».

— Он захвалит тебя до смерти, детка, — говорила она Гвен, сопровождая новых жильцов по боковой лестнице на свой высокий балкон. — Но смотри не спускай глаз с его рук! Цирковым фокусникам далеко до Джорджа. Сорок лет назад он магическим образом материализовался в моей спальне и с тех пор там и обитает!

— Это она соблазнила меня! — запротестовал Джордж из глубины комнат.

— Я?! Каков нахал! — Петула была оскорблена до глубины души. — Да он просто волк в овечьей шкуре!

— В овечьей? — повторил Джордж. Он вернулся на балкон с лимонным бренди в заиндевелом кувшине, звенящим лотком с кубиками льда, ломтиками лимона, посыпанными сахаром, и подставкой для яйца, наполненной солью, — для бренди. Все это он поставил на пластиковый стол, воскликнул: — Рюмки забыл! — и убежал обратно.

— Да-а, — протянула ему вслед жена, кивая на его бермуды и гавайскую рубашку. — Какой ты у меня праздничный!

Все это было очень забавно, Джеф и Гвен просто наслаждались. Они сидели у стола в пластиковых креслах, а Джордж и Петула развлекали их. Действительно, деревня Ахлади встречала их очень радушно.

— Конечно, — рассказывал Джордж через некоторое время, когда они немного привыкли друг к другу, — впервые мы приехали сюда восемь лет назад, сюда еще не летали самолеты и добраться можно было только на лодке. Теперь сюда летают... — Он с сожалением пожал плечами. — Через пару сезонов тут появятся турецкие тан-

цовщицы и лоточники с хот-догами! Но пока это просто безупречное место. Только взгляните, какой отсюда вид!

Вид с балкона открывался очень заманчивый.

— Отсюда вся деревня как на ладони, — сказала Гвен. — Вы непременно должны показать нам лучшие магазины, банк или обменный пункт, или что там еще — все места, о которых нам необходимо знать.

Джордж и Петула переглянулись, понимающее улыбаясь.

— Что? Что-нибудь не так? — удивленно спросила Гвен.

Джеф заметил выражение их лиц и понимающе кивнул:

— Здесь нет мест, о которых нам необходимо знать.

— Ну, на самом деле пара-тройка наберется, — сказала Петула. — Если считать таверну Дими, то даже четыре. Конечно, есть другие места, где можно поесть, но таверна Дими — это особое место. Вот только теперь я чувствую, что лишила вас радости первооткрывания. Я имею в виду, здесь действительно есть кое-что, что вам следует открыть для себя. Ведь найти место, где вкусно кормят, — половина удовольствия!

— А что об остальных трех местах? — не унималась Гвен. — Или мы должны отыскать их сами, чтобы получить удовольствие первооткрывателей?

— Бог мой, разумеется нет! — покачал головой Джордж. — Это жизненно важные знания, юная леди!

— Булочник, — сказала Петула. — Чтобы покупать свежие булочки каждый день. — Она указала туда, где над скоплением труб вился голубой дымок. — Также лавка, где торгуют выпивкой, потому что выпивку...

— ...нужно тоже покупать каждый день, — закончил за нее Джордж. — Во-он там, на том углу, где бутылки блесят. Знаете, у них есть по-настоящему старая «Метакса», и так дешево, что...

— И наконец, — продолжала Петула, — дорожка к пляжу. Которая... вон там.

— Но расскажите нам теперь, — спросил Джордж, меняя тему, — вы женаты? Или это слишком личное?

— Ах, ну конечно, они женаты! — воскликнула Петула. — Но очень недавно, потому что все еще сидят слишком близко друг к другу. Касаясь. Видишь?

— А-а! — сказал Джордж. — Значит, у нас тут не случится еще одного тайного бегства.

Джеф и Гвен подняли брови.

— Тайное бегство? — удивленно спросила Гвен. — Здесь? И когда это случилось?

— Да прямо здесь, — сказала Петула. — Десять дней назад. Когда мы только приехали сюда, здесь внизу жил молодой человек, Гордон. Он был один. Вообще, предполагалось, что он будет здесь отдыхать со своей невестой, но она бросила его. В первый же вечер мы вместе ужинали у Дими, он слегка перебрал и все нам рассказал. А одна девушка из Швеции — очень красивая, белокурая такая — тоже была без пары. Она помогла привести Гордона сюда и, я полагаю, уложила его в постель. Но, заметьте, не осталась ночевать у него, ушла к себе.

— Но на следующую ночь осталась! — с энтузиазмом добавил Джордж.

— А потом они вдвоем сбежали, — радостно сообщила Петула. — Тайно сбежали! Все очень просто. Мы видели их один раз, на пляже, на следующее утро. После чего они...

— ...исчезли! — договорил за нее Джордж.

— Может быть, у них закончились отпуска и они просто уехали домой, — рассудительно заметила Гвен.

— Нет, — покачал головой Джордж. — Гордон прилетел тем же рейсом, что и мы, его отпуск только начинался. Она же была здесь около десяти дней и должна была улететь через день после того, как они улили.

— Они оплатили проживание, а потом бросили все и сбежали? — Джеф нахмурился. — Не вижу никакого смысла.

— Разве люди думают о смысле, когда влюблены? — вздохнула Петула.

— Как мне кажется, — сказал Джордж, — они влюбились друг в друга, влюбились в Грецию и отправились набираться разнообразных впечатлений.

— Он влюбился? — В голосе Гвен звучало сомнение. — Сразу после пережитого разочарования?

— Если бы она была серой мышкой, я бы согласилась, — сказала Петула. — Но она была по-настоящему красивой девушкой.

— Да и он славный парень, — сказал Джордж. — Немного рассеянный, но неиспорченный и внешне приятный.

— Действительно, они были похожи на вас, — добавила его жена. — Я имею в виду не внешнее сходство, а некое подобие характеров.

— Спасибо, — криво ухмыльнулся Джеф. — Я имею в виду, я в курсе, что я не мистер Вселенная, но...

— Зато имею крепкую задницу! — закончила за него Петула. — А это как раз то, что сегодня так нравится девчонкам. Значит, с тобой можно иметь дело.

— Слышал? — ввернула Гвен, слегка подталкивая его локтем. — Я же тебе говорила!

Но Джеф все еще хмурился.

— Разве их никто не искал? Что если они попали в аварию или с ними еще что-нибудь случилось?

— Нет, — сказала Петула. — Видели, как они садились на паром в городе. Действительно, один из местных таксистов отвозил их туда, Сперос.

Гвен и Джеф переглянулись.

— Станный тип этот Сперос, — сказал Джеф.

Джордж пожал плечами:

— Ну, я не знаю. Вы с ним знакомы разве? Это из-за своего глаза он выглядит немного зловеще...

«Может быть, он и прав», — подумал Джеф.

Вскоре после этого их рюмки опустели, и они вышли, чтобы начать свои исследования...

Деревня была лабиринтом вымощенных булыжником, выбеленных узких улочек. Несмотря на то что она казалась совсем крошечной, в ней можно было заблудиться, хотя и не надолго. Если пойти вниз по склону, не важно, в каком направлении, всегда можно было выйти к морю. А если подниматься в гору, можно выйти к главной доро-

ге, если же не удалось, то стоит повернуть за угол и продолжить подъем, тогда наверняка выйдешь. Наиболее истощенной, с самыми истертыми булыжниками была улочка, которая вела к сильно утрамбованной тропе, а та, в свою очередь, тянулась к пляжу. Дважды пройдя мимо угла, на котором располагалась лавка с выпивкой, вы навсегда запомните, где она находится. Витрина оказалась сплошь оклеена этикетками, некоторые были узнаваемы, о значении других оставалось только догадываться; внутри стальные стеллажи от пола до потолка заполняли все мыслимые бренды; здесь были представлены даже экзотические и дико дорогие (на родине) марки в смехотворно дешевых трехлитровых бутылках из магазина беспощинной торговли с собственными хромовыми пробками.

— «Курвуазье»! — тоном ценителя произнесла Гвен.

— «Гран Марнье»! — запротестовал Джеф. — Что, пять пинт «Гран Марнье»? За такую цену? Ты можешь поверить в это? Это надо купить домой. А что возьмем сейчас?

— Кокосовый ликер, — сказала она. — Или мятный шоколадный — добавлять в наш полуночный кофе.

Также они обнаружили несколько маленьких симпатичных таверн, где люди сидели прямо на улице за столиками под виноградными лозами. Порции цыпленка и куски ягненка, шипящие на шампурах; маленькие рыбки, жарящиеся на углях; мусака, исходящая паром в длинных противнях...

Таверна Дими была внизу, в гавани, где широкая, низкая стена защищала посетителей от падения в море. Они заказали греческий салат, который разделили на двоих, блюдо из кусочков ягненка, запеченного на древесной щепе, и полбутылки местного вина, которое стоило очень дешево. За едой, потягивая вино, они слегка разомлели; еле уловимый легкий ветерок с моря приносил желанную свежесть в жаркий день.

— Ты действительно чувствуешь еще в себе силы? Черт возьми, я совсем нет, — заныл Джеф.

Она, конечно, не испытывала прилива безграничной энергии, однако не хотела сдаваться без борьбы.

— Была бы твоя воля, — с сарказмом сказала она, — мы бы сидели здесь и любовались, как сушатся рыболовные сети, правда?

— Нет ничего плохого в том, чтобы просто отдыхать, — ответил он. — Мы же в отпуске, ты помнишь?

— В твоём понимании «просто отдыхать» означает превратиться в овощи и лежать без движения! — парировала она. — Я говорю, мы сейчас пойдем искупаемся, потом на время сiestы вернемся на виллу и еще кое-чем займемся, и...

— А мы можем заняться этим «кое-чем» перед сiestой? — Он сохранял на лице непосредственное выражение.

— И тогда мы будем уже отдохнувшие после дороги и готовые к сегодняшнему вечеру. Ненасытный самец!

— О'кей. — Он пожал плечами. — Как скажешь. Но купаться будем с пляжа, не со скал.

Гвен посмотрела на него с подозрением. Это было бы слишком легко.

Теперь он усмехнулся.

— Это была мысль, ну, в общем, знаешь... — Он замялся.

Обсыхая на солнце после заплыва, еще тяжело дыша, Гвен сказала:

— Я не понимаю.

— Хм...

— Ты очень хорошо плаваешь. Откуда тогда в тебе эта водобоязнь, на которую ты жалуешься?

— Во-первых, — ответил Джеф, — я плаваю не очень хорошо. Да, сотню ярдов я проплыву, как дельфин, но больше этого — уже как кирпич! Я совсем не умею держаться на воде. Как только я останавливаюсь, я тоню.

— Так не останавливайся.

— Когда устаешь, то останавливаешься.

— Что же тебя так напугало, что ты стал бояться воды?

Он рассказал:

— Это было на Кипре. Я был ребенком. Совсем маленьким. Я смотрел, как отец ныряет в море со скалы, может быть, двадцати или тридцати футов высотой. Я ре-

шил, что тоже смогу. И вот однажды, когда мои предки не видели, я попытался это сделать. Должно быть, я стукнулся головой обо что-то, пока летел вниз. Или просто ударился о воду. Отец вытащил меня. Он был медиком — искусственное дыхание и все такое... Поэтому я теперь и плавать люблю не особо, и совершенно не люблю нырять! Я могу поплавать — поплескаться на мелководье, как сегодня, — но это мой предел. И только с берега. Ненавижу скалы, высоту. Все очень просто. Ты вышла замуж за труса. Вот так.

— Неправда, — сказала она. — Я вышла замуж за человека с замечательной задницей. Почему ты не рассказал мне все это раньше?

— Ты не спрашивала. Я не люблю говорить об этом, потому что не очень хочу это вспоминать. Я был еще ребенком и все же понимал, что чуть не погиб. И знал, что ничего приятного в этом нет. Я до сих пор еще не справился со всем этим до конца. Так что чем меньше вспоминать, тем лучше.

Неподалеку приземлился пляжный мяч, покатился и замер около бедра Гвен. Они посмотрели вверх. Большими шагами приближалась смуглая, крепкая фигура. Они узнали истрепанные, вспученные шорты. Сперос.

— Привет, — сказал он, присаживаясь рядом на корточки и свободно складывая руки на коленях. — Пляж. Мяч. Я плавать, играть. Ты плавать? — (Это обращаясь к Джефу.) — Ты приходил плавать, бросай мячик?

Джеф приподнялся и сел. На пляже было полдюжины других пар; почему этот болван липнет не к ним? Джеф подумал: «Еще немного, и я получу от него песком в лицо!»

— Нет, — сказал он вслух, качая головой. — Я не очень хорошо плаваю.

— Не плавать? Ты боялся большой рыба? Акул?

— Акулы? — Теперь и Гвен села. Она кожей ощущала, как Сперос шарит по ней взглядом, прикрываясь темными очками.

Джеф снова покачал головой.

— В Греции нет акул, — сказал он.

— Его прав. — Сперос рассмеялся высоким, как у женщины, голосом, без своего обычного бульканья. Жуткий звук. — Нету акул. Я шутить! — Он перестал смеяться и посмотрел прямо на Гвен. Она не могла понять, он смотрел на ее лицо или на грудь. Эти его проклятые темные очки! — Леди, ты пойдешь плавать со Сперосом? Поиграть в воде?

— О боже мой! — взмолилась Гвен, сердито глядя на него.

Она натянула платье на все еще влажный, очень откровенный купальник, убрала в сумку полотенце и подобрала сандалии. Когда она злилась, она злилась по-настоящему.

Она пошла прочь, а Джеф встал и повернулся к Сперосу.

— А теперь послушай... — начал он.

— А, вы уже уходите! О'кей. Увидимся.

Он подобрал свой мяч, помчался по пляжу и с силой забросил его в море. Прежде чем мяч упал в воду, он нырнул, низко и ровно, рассекая воду, как нож. В отличие от Джефа, он плавал действительно очень и очень хорошо...

Когда Джеф догнал жену, ее все еще трясло от злости. Главным образом она сердилась на себя.

— Это было так грубо с моей стороны! — воскликнула она.

— Нет, не грубо, — сказал он. — Я чувствую то же самое, что и ты.

— Но он такой чертовски... надоедливый! Я имею в виду, он знает, что мы вместе, муж и жена... «кровать — всего один». Как он смеет лезть к нам?

Джеф попытался обратить все в шутку.

— Ты придумываешь себе, — сказал он.

— А ты? Разве тебе он не действует на нервы?

— Может быть, я придумываю тоже. Слушай, он грек — и не особенно привлекательный экземпляр. Посмотри на

ситуацию с его точки зрения. Вдруг на пляже появляется толпа красоток, одетых в такие шмотки, которые его сестра и под платье бы не надела! Вот он и пытается быть поближе — чтобы рассмотреть получше, так сказать, — у него же бельмо на глазу. Он ничем не отличается от других парней. Может быть, немного менее льстивый, только и всего.

— Льстивый! — Она почти выплюнула это слово. — Да он почти такой же льстивый, как барсучья...

— Задница, — сказал Джеф. — Да, я знаю. Если бы я заранее знал, что ты такая любительница задниц, я, возможно, не женился бы на тебе.

Наконец она неуверенно рассмеялась.

Они остановились у лавки с выпивкой, купили бренди и большую бутылку кока-колы. И мятно-шоколадный ликер, конечно, для добавки в ночной кофе...

В тот вечер Гвен надела синее с белым платье — очень по-гречески, если бы вырез спереди был чуть поглубже, — и серебристые сандалии. Засовывая носовой платок в нагрудный карман своего белого пиджака, Джеф с восхищением подумал: «Как она хороша!» С ее сердцевидным лицом и стрижкой «паж», которая очень шла к ее блестящим черным с отливом волосам, с зелеными-презелеными глазами она, по его мнению, была очень похожа на француженку. Но сегодня она определенно была гречанкой. И он был рад, что она при этом все же англичанка и что она его жена.

У Дими было оживленно и шумно. Джордж и Петула сидели за столиком в углу, глядя на море. Они расположились с размахом, чтобы занять все четыре места, но, когда появились Джеф и Гвен, они замахали руками, приглашая их за свой столик.

— Мы так и думали, что вы зайдете, — сказал Джордж, когда они уселись. И продолжил, обращаясь к Гвен: — Вы выглядите очаровательно, дорогая.

— Теперь я чувствую, что я по-настоящему на отдыхе, — улыбнулась Гвен.

— Медовый месяц, конечно, — сказала Петула.

— Шшш, — предостерег ее Джордж. — В Англии в этом случае кидают конфетти, а здесь одни тарелки!

— Отдых, медовый месяц, что бы ни было, — сказала Гвен. — Compliments от красивых мужчин; звезды, отражающиеся в море; восходящая полная луна и музыка бузуки, плывущая в воздухе. И...

— Дразнящие запахи греческой еды! — вмешался Джеф. — Вы уже заказали? — Он посмотрел на Джорджа и Петулу.

— Минуту назад, — ответила Петула. — Если ты пройдешь в кухню, вон туда, Дими покажет тебе свое меню — вживую, так сказать. Скажи ему, что вы с нами, и он попытается обслужить нас вместе. Закуску, горячее, десерт — все, что хочешь.

— Хорошо! — сказал Джеф, поднимаясь. — Сейчас я бы отгрыз седло у какого-нибудь осла!

— Съешь лучше его целиком, — посоветовал Джордж. — Того, который собирается разбудить тебя своим ревом завтра в половине седьмого.

— Вы не знаете Джефа, — сказала Гвен. — Он может спать на концерте «Роллинг Стоунз».

— А вы не знаете ахладских ослов! — сказала Петула.

В кухне здоровенный бородатый хозяин присматривал за своими замученными поварами. Когда появился Джеф, он подошел к нему.

— Добрый вечер, сэр. Впервые в Ахлади?

— Да, только сегодня приехали, — улыбнулся Джеф. — Мы приходили сюда на ланч, но разминулись с вами.

— Ах! — выдохнул Димитрос, сконфуженно пожимая плечами. — Я спал! Я сплю днем по два часа. Где вы остановились?

— На вилле «Элени».

— «Элени»? Это я! — Димитрос просиял. — Я — вилла «Элени». Я имею в виду, что она принадлежит мне. Элени — так зовут мою жену.

— Прекрасное имя, — сказал Джеф, начиная понимать, что беседа может затянуться. — Э-э... мы здесь вместе с Джорджем и Петулой.

— Вы ужинаете? Хорошо, хорошо. Я покажу вам мою кухню.

И Джеф получил обстоятельную экскурсию между духовками и тележками со сладостями. Он сделал заказ, стараясь учесть вкусовые пристрастия Гвен.

— А это, — сказал Димитрос, — для вашей леди! — и преподнес ажурную серебряную брошку в форме бабочки с надписью «Дими», выгравированной на металле.

Гвен бы она не особо понравилась, но благоразумнее было не отказываться от подарка. Джеф уже заметил нескольких женщин — явно из числа постоянных клиентов заведения, — на которых были такие же броши, к ним относилась и Петула.

— Очень мило с вашей стороны, — поблагодарил он.

Возвращаясь к столику, он заметил, что Сперос был уже там.

Ну и откуда он взялся, черт побери! И что за дьявольскую игру он затеял на этот раз?

На Сперосе были тесные голубые джинсы и белая футболка, испачканная на животе. Он стоял около столика, опираясь рукой на стену, которая служила ограждением, выходящим на море. И тем не менее его пошатывало. Он буквально нависал над Гвен. Джордж и Петула, с застывшими улыбками на лицах, выглядели искренне удивленными. Джефу не было видно всю Гвен, потому что ее закрывала фигура Спероса. Но то, что он увидел, когда подошел ближе, живо впечаталось ему в мозг. Мозг ответил резким выбросом адреналина в кровь, и Джеф задышал чаще. Он едва заметил, как Джордж поднялся и выскользнул из-за стола. Потом, когда закончилась мелодия бузуки и низкий гул таверны, казалось, стал намного громче, над всем внезапно зазвучал негодующий голос Гвен.

— Убери свои грязные лапы! — закричала она.

Джеф был уже у цели. Петула отодвинулась как можно дальше; она прижала руку к горлу и уже не улыбалась, а растерянно глядела на Спероса. А он тем временем ухватил левой рукой V-образный вырез платья Гвен. Ладонь была внутри платья, а большой палец снаружи. В правой

руке он сжимал украшение, похожее на то, которое Димитрос презентовал Джефу. Он возражал:

— Но я даю ее! Я прикалываю ее на твоё платье! Она красивая. Мы друзья. Почему кричишь? Тебе не нравится Сперос? — Он издавал нечленораздельные звуки своим гортанным булькающим голосом: от него разило парами узо¹, как тухлятиной от дохлой рыбы. Джеф подскочил к Сперосу и врезал ему по локтю, которым тот опирался о парапет. Чтобы удержать равновесие, Сперосу пришлось отпустить Гвен. Он и отпустил ее, но все равно прилично треснулся о стену. Джеф подумал было, что он совсем через нее перемахнет, прямо в море. Но нет, он повис на ней, тряся головой, потом наконец обернулся и взглянул на Джефа. Это был взгляд, который Джеф не смог бы точно описать. Может быть, пьяная настырность, медленно переходящая в ярость. Потом он оттолкнулся, выпрямился и встал, покачиваясь, у стены, сжав кулаки и напрыгая бицепсы.

«Ударь его сейчас, — говорил Джефу внутренний голос. — Ударь, и он отправится через стену, в море. Здесь невысоко, всего семь или восемь футов. Это протрезвит ублюдка, и после он уже не будет тебе надоедать.

Но что если он не в состоянии сейчас удержаться на поверхности? Хотя ты знаешь, он плавает, как рыба, как чертова акула!»

— Думаешь, ты лучше, чем Сперос, а? — Грек опасно накренился, но удержал равновесие и шагнул к Джефу.

— Нет! — Голос бородатого Димитроса взорвался у Джефа в ушах. Всей своей массой он встал между ними, схватил Спероса за волосы и наполовину вытащил, наполовину вытолкал к выходу. — Нет, каждый думает, что он лучше! Потому что каждый лучше! Вон! — И вышвырнул вопящего Спероса в темноту гавани. — Я предупреждал тебя, Сперос: выпей хоть все узо в Ахлади. Это твоё дело. Но не мешай моему бизнесу. Иначе у тебя будут настоящие проблемы!

¹ Узо — греческая анисовая водка.

Естественно, Гвен расстроилась. Но к тому времени, как они закончили есть, все почти вернулось к норме. В любом случае никто, кроме Джорджа и Петулы, казалось, не проявил интереса к инциденту.

Где-то к одиннадцати, когда таверна слегка опустела, появилась известная барышня из «СкайМед». Она подошла к их столику.

— Привет, Джулия! — сказал Джордж, пододвигая ей стул. Будучи завзятым льстецом, он тут же добавил: — Как прекрасно вы выглядите сегодня — впрочем, вы всегда прекрасно выглядите.

— Ай-ай-ай, Джордж, уверена, если бы ты меня не встретил в свое время, к сегодняшнему дню ты стал бы настоящим жиголом! — пожурела его Петула.

— Мистер Хаммонд, — сказала Джулия. — Мне ужасно жаль. Мне следовало объяснить Сперосу, чтобы он от моего имени вернул вам плату за проезд. На самом деле я полагала, что он понял это, но оказалось, нет. Я только что видела его в одном из баров и спросила, сколько я ему должна. Он был немного расстроен, не хотел брать деньги и сказал, что мне надо встретиться с вами.

— Он уже протрезвел? — кисло спросил Джеф.

— Э-э... боюсь, не совсем. Он был невыносим?

Джеф кашлянул.

— Немного.

— Тысячу драхм, — сказала Гвен.

Сопровождающая выглядела слегка обескураженной:

— Но это должно было стоить семьсот.

— Он ведь еще поднес наши чемоданы, — объяснил Джеф.

— А-а! Может быть, дело в этом. В любом случае я уполномочена заплатить вам семьсот.

— Любые субсидии приветствуются, — сказала Гвен, открывая кошелек и беря деньги. — Но на вашем месте в будущем я воспользовалась бы услугами кого-нибудь другого. Этот Сперос не особенно приятный парень.

— Да, кажется, у него проблема с узо, — ответила Джулия. — С другой стороны...

— У него несколько проблем!

Замечание Джефа прозвучало резче, чем он того хотел. В конце концов, это была не ее вина.

— ...у него самый лучший пляж, — закончила Джулия.

— Пляж? — Джеф удивленно поднял бровь. — У него есть собственный пляж?

— Разве мы вам не говорили? — громко спросила Петула. — Двое или трое местных парней держат в гавани маленькие моторные лодки. За несколько сотен драхм они отвезут вас на какой-нибудь из уединенных пляжей. Они уединенные, потому что там никто не живет и туда никак не добраться, кроме как на лодке. Лодочники их ревностно охраняют и называют своими, чтобы другие на них не посягали. Они отвезут вас утром или в любое время, когда захотите, и заедут за вами вечером. Абсолютно конфиденциально, идеально для пикника, романтично! — Она вздохнула.

— Чудесная идея, — сказала Гвен. — Целый день на пляже одни!

— Что касается меня, — заявил Джеф, — пусть Сперос подавится своим пляжем.

— О! — сказал Джордж. — Помяни черта...

Сперос вернулся. Он отворачивался и двигался прямоком в кухню. Теперь он был значительно устойчивее. Димитрос вышел ему навстречу, и они тихо перебросились несколькими фразами. Их беседа быстро становилась все более экспрессивной, временами они тараторили по-гречески с пулеметной скоростью. Сперос, по-видимому, умолял поддержать его. Наконец Димитрос пожал плечами и тяжело протопал к их столику, Сперос тащился следом.

— Сперос, он сожалеет, — сказал Димитрос, — о том, что случилось сегодня. Слишком много узо. Он только хочет дружить.

— Так, да, — подтвердил Сперос, поднимая голову. Он беспомощно развел руками. — Это узо.

Джеф кивнул.

— Ладно, забыли, — сказал он, однако без особого радушия.

— Эта... о'кей? — Сперос поднял голову повыше. Он посмотрел на Гвен.

Гвен заставила себя кивнуть:

— О'кей.

Теперь Сперос просиял или приблизился к этому состоянию, насколько это было возможно для него. Но у Джефа все же оставалось такое чувство, будто было что-то холодное и расчетливое в поведении Спероса.

— Я все исправить! — объявил Сперос, кивая. — В один день я возить вас на лучший пляж! Пикник. Очень отдельно. Двое людей, никого больше. Я не беру деньги, ничего. Это хорошо?

— Прекрасно, — сказал Джеф. — Это будет прекрасно.

— О'кей. — Сперос улыбнулся своей улыбкой, не похожей на улыбку, кивнул и повернулся, чтобы уйти. Выходя, он оглянулся. — Я жалеть, — сказал он и опять развел руками. — Это узо...

— Не очень убедительно, — заметила Петула, когда он исчез.

— Но лучше, чем ничего, — сказал Джордж.

— Дела налаживаются! — Гвен выглядела теперь значительно веселее.

Джеф пока еще не мог понять, что он чувствует. Он ничего не сказал...

— С нас завтрак, — провозгласил Джордж на следующее утро.

Он улыбнулся сверху Джефу и Гвен, когда они пили кофе под лучами раннего утреннего солнца за садовым столиком на патио. Они были в халатах, с заспанными глазами и взлохмаченными волосами.

Джеф взглянул вверх, прищурившись, — смотреть на яркую синеву неба было больно глазам, и сказал:

— Я понял, что вы имели в виду насчет осла! Который теперь час, черт возьми?

— Четверть девятого, — ответил Джордж. — Вам повезло. Обычно он начинает э-э... на час раньше! — Откуда-то снизу, из лабиринта переулков, как будто вызванный их разго-

вором, эхом отозвался отвратительный рев, потом снова и снова, по мере того как деревня постепенно просыпалась.

К девяти они вышли из дома, на этот раз Джордж и Петула повели их к заведению с намалеванной краской вывеской: «Завтрак бар».

Они поднялись по крутым ступенькам на огражденное сосновыми перилами патио, заставленное сосновыми столиками и стульями, под полированным каркасом, поддерживающим навес из расщепленного бамбука. Обслуживание было хорошее; горячий, вкусный и очень дешевый английский завтрак, но кофе поистине ужасный!

— Фу! Отвратительно! — прокомментировала Гвен, понимая, почему Джордж и Петула заказали чай. — Запишите, мистер Хаммонд, — сказала она. — Завтра — никакого кофе. Только фруктовый сок.

— А мы думали, что это мы такие привередливые, — оправдывалась Петула. — Иначе бы мы предупредили вас.

— Обязательно, — вздохнул Джордж. — А теперь мы вынуждены вас оставить, потому что завтра улетаем. Так что сегодня мы делаем покупки, пакуем свои беспошлинные товары, подарки, открытки, которые мы так и не послали, греческие сигареты.

— Но, если вы захотите, мы увидимся вечером! — пообещала Петула.

— С удовольствием! — ответил Джеф. — Ну что вы, танец Зорбы¹, мусака да пара-тройка порций «Метаксы», что подают у Дими? Кто же откажется?

— Не говоря уж о компании, — сказала Гвен.

— Тогда встречаемся где-то в половине девятого, — уточнила Петула.

И они ушли.

— Я буду скучать по ним, — сказала Гвен.

— Но будет славно на этот раз остаться вдвоем. — Джеф наклонился поцеловать ее.

— Привет! — прозвучал уже знакомый булькающий голос снизу.

¹ Музыка Микиса Теодоракиса к фильму «Грек Зорба», сиртаки.

Сперос стоял на улице за перилами, глядя на них, на стеклах его очков играли солнечные блики. Их лица вытянулись, и он не мог этого не заметить.

— Эта о'кей. — Он торопливо поднял руку. — Я не остаюсь. Я занят. Сегодня я делаю такси. Потом лодка.

Гвен облегченно вздохнула и сжала руку Джефа.

— Отдельный пляж! — напомнила она. — Вот то, что я назвала бы остаться вдвоем! — И она обратилась к Сперосу: — Если мы будем готовы к часу дня, ты отвезешь нас на свой пляж?

— Конечно! — ответил он. — В час я около Дими. Моя лодка, ее зовут «Сперос», как меня. Вы увидите ее.

— Тогда до встречи, — кивнула Гвен.

— Хорошо! — кивнул Сперос.

Он смотрел вверх на них еще мгновение, и Джеф пожалел, что не может понять, куда тот смотрит. Возможно, под платье Гвен. Но потом грек повернулся и пошел своей дорогой.

— А теперь в лавку! — скомандовала Гвен.

Они купили для пикника все необходимое: ломтики салями, твердый сыр, два больших мясистых помидора, свежий хлеб, бутылку легкого белого вина, немного феты, яйца, литр кристально чистой воды в бутылке, маленький горшочек меда, острый нож и пачку бумажных салфеток. Плетеную корзинку покупать не стали; небольшой пластиковый термопакет вполне сгодится. И один из рюкзачков, чтобы уложить одеяло, полотенца и купальные принадлежности. Джеф не любил вникать в мелочи. Гвен, напротив, такое занятие радовало. Он предоставил ей полную свободу в деле закупок, оставив за собой лишь функции носильщика. Хотя фактически таскать было нечего. Пока Гвен выбирала продукты, Джеф проводил время, сравнивая цены спиртных напитков с теми, которые они уже взяли на заметку в лавке. Так прошло утро.

В половине двенадцатого они вернулись на виллу «Элени», чтобы заняться кое-чем и принять душ, а потом Гвен собирала продукты, пока Джеф бездельничал под тентом.

Джорджа и Петулы не было видно; пока они тащились вниз к гавани, термометр поднялся до восьмидесяти четырех; деревня закрылась, готовясь переждать самое жаркое время дня, и они не встретили по пути никого из знакомых. Лодка Спероса покачивалась на волнах, как зеркальное пятно на неподвижной глади моря, и Джеф подумал: «Надеюсь, на этом проклятом пляже найдется хоть какая-нибудь тень!»

Из-за спутанных рыболовных сетей появился Сперос. Он остановился, зевнул, приспособившая на голове соломенную шляпу на манер навеса от солнца.

— Лодка, — сказал он в своей манере, помогая им взобраться на борт.

Лодка «Сперос» была пригодна для плавания с большой натяжкой, Джеф заметил это сразу. Фактически в любом другом море ее бы приговорили. Но это было Средиземное море в июле.

Едва достаточная, чтобы вместить троих взрослых людей, лодка слегка покачнулась, когда Сперос безрезультатно дернул стартер. Вода сочилась сквозь борта, прогнившие, потрескавшиеся, черные от постоянной сырости и плохо просмоленные. Сперос заметил выражение лица Джефа, с каким тот смотрел на воду, на полдюйма залившую его сандалии, и только пожал плечами.

— Эта ничего, — проговорил он.

Наконец мотор чихнул, ожил, заурчал, и они отправились. Сперос держал румпель; Джеф и Гвен сидели лицом к нему на носу лодки, который немного поднялся, когда они вышли из гавани и направились в открытое море. Тогда в первый раз Джеф отметил, что Сперос ведет себя как-то воровато: он то и дело оглядывается на деревню, будто опасаясь, что его кто-нибудь увидит. Хотя едва ли его кто-нибудь заметил бы, потому что деревня казалась крепко спящей. Или, возможно, он просто сверял ориентиры, избегая скал, рифов или еще чего-нибудь. Джеф посмотрел за борт. Вода казалась чересчур глубокой для него. Но в ней по крайней мере не было акул...

Выйдя в море, Сперос повернул лодку на юг и следовал вдоль береговой линии две с половиной или три мили. К тому времени, как он снова повернул к суше и стал высматривать бухту в, казалось бы, непрерывной линии утесов, самые высокие из домов Ахлади совсем исчезли из виду. Место было с ориентиром: зубец скалы, стоящей обособленно, торчал из воды, образуя узкий проход между собой и собственно утесами. В прежние времена другой, еще больший столб обрушился в море и теперь лежал, как риф, сразу под водой, протянувшись через всю причальную линию. По существу, это делало место лагуной: песчаный пляж на мелководье и груды разрушенных, густо покрытых мягкими водорослями скал, о которые разбивались маленькие волны.

Войти туда можно было только с одной стороны. Сперос сбавил скорость, аккуратно направляя лодку в глубоководную зону между корявой обнаженной породой и нависающим утесом. Пройдя по каналу, лодка уткнулась носом в берег, и Сперос заглушил мотор. Как только киль заскрежетал по песку, Сперос расторопно шагнул между пассажирами, спрыгнул на берег и затащил лодку на песчаный берег на несколько дюймов. Джеф передал ему вещи для пикника, потом придерживал лодку, пока Гвен снимала сандалии и собиралась шагнуть через борт туда, где посуше, за линию прибоя. Но Сперос оказался проворнее.

Он шагнул вперед, подхватил ее — левой рукой под бедра, правой — под спину, — пронес два шага по песку и поставил. Но, поставив, тотчас же правой рукой прихватил ее за грудь, которую неторопливо сжал.

Гвен открыла рот, задохнувшись от гнева. Джеф уже сошел с лодки и собирал вещи, чтобы отнести их дальше на берег. Сперос похлопал его по спине, потом обошел, оттолкнул лодку от берега, несколько шагов прошлепал по мелководью и ловко запрыгнул в нее. Гвен, сдерживаясь, молчала. Она чувствовала, как кровь прилила к лицу, но надеялась, что Джеф ничего не заметил. Только не здесь, за несколько миль от кого бы то ни было. Не в этом пустынном месте. Нет, здесь не должно быть никаких неприятностей. Потому что она вдруг осознала, на-

сколько здесь пустынно. Прекрасная, нетронутая идиллия для влюбленных, но, боже, как далеко от людей...

— Ты в порядке, любимая? — спросил Джеф, беря ее за локоть.

Она смотрела на Спероса, молча стоявшего в лодке. Их взгляды, казалось, встретились, будто она могла читать его мысли, скрытые за очками, за разными, холодными глазами. Между ними что-то пронеслось. Джеф почувствовал это, но не мог понять, что это было. Казалось, он почти услышал, как Сперос сказал «да», а Гвен ответила «нет».

— Гвен? — спросил он снова.

— Увидимся! — прокричал Сперос, ухмыляясь.

Это разбило чары.

Гвен отвела взгляд, и Джеф выкрикнул:

— В половине седьмого, хорошо?

Сперос покачал кистью ладонью вниз, что могло означать «приблизительно».

— Шесть-полседьмого, где-то так, — ответил он.

Он завел мотор, взмахнул один раз и попытлся к выходу из бухты между торчащей сигнальной скалой и грядой утесов. Когда он исчез из виду, они услышали, как мотор взревел на полных оборотах, а потом хриплый его рев быстро затих в отдалении...

Гвен ничего не сказала об инциденте; она была уверена, что, если бы сделала это, Джеф бы этого так не оставил. И весь день был бы для них обоих испорчен. Достаточно, что для нее этот день уже загублен. Поэтому она решила сохранять спокойствие и, возможно, немного перестаралась. Когда Джеф снова спросил ее, что не так, она сказала, что у нее болит голова. Потом, чувствуя себя запачканной, она разделась донага и плавала, пока он исследовал пляж.

Не то чтобы там было много что исследовать. Он прошел по сырому песку по кромке воды до южного конца пляжа и поднялся около утесов, где они подходили к воде. Они были совершенно неприступные, вздымаясь зубчатыми вершинами на восемьдесят или девяносто футов. Пройдя около сотни ярдов обратно, Джеф вдруг представил, что

Сперос может не вернуться за ними — если что-нибудь с ним случится, — и тогда им придется сидеть тут, пока их не найдут. А поскольку Сперос был единственным, кто знал, куда они отправились, поиски могли занять много времени. Подумав так, Джеф попытался отогнать тревожную мысль, но она не уходила. Это место было настоящей ловушкой. Даже хорошему пловцу пришлось бы десять раз подумать, прежде чем решиться выбираться отсюда вплавь.

Однажды поселившись у Джефа в голове, мысль быстро укоренилась. До этого момента он смотрел на бледно-желтые и костяного цвета утесы на фоне невозможно синего неба с восхищением; пляж был мечтой о покое и уединении, Эдеме со своей собственной Евой; ласково плескавшееся море казалось теплой, успокаивающей ванной, простирающейся до горизонта. Но теперь место стало так похоже на мыс Греко. За исключением того, что в Греко был путь к морю по суше, а здесь...

Северный конец пляжа был во многом похож на южный, единственная разница была в том, что здесь из воды торчал огромный зубец скалы. Джеф разделся, доплыл до него, осознавая, что здесь намного глубже, чем в лагуне вдоль пляжа. Но расстояние было всего лишь тридцать футов или около того, так что беспокоиться было не о чем. И здесь в основании вздымающейся скалы было множество выступов, на которые можно легко опереться руками и ногами. Он вылез из воды на крошечный уступ, вскарабкался чуть выше (но не слишком высоко), сел на другой уступ, болтая ногами, и позвал Гвен. Собственный голос удивил его, потому что показался странно слабым и запыхавшимся. Однако скалы подхватили его, усилили и передали дальше. Его крик долетел до Гвен, где та плескалась на мелководье; она определила, откуда доносился голос, и встала. Она помахала ему, и он залюбовался ее телом, задорно торчащими грудками, она стояла, не стыдясь наготы, как прелестная средиземноморская нимфа. «Афродита, выходящая из пучины волн».

Он взглянул вниз на воду и тотчас ощутил головокружение от одного ее вида: она накатывала на скалу и

спокойно стекала вниз по намытым каменным впадинам, вся как непрерывное течение и сверкающее движение, желудок Джефа тотчас решил последовать ее примеру и, казалось, готов был уже свободно захлюпать у него внутри. Проклятие этому страху! В кого он превратился, поднявшись всего на восемь-девять футов над водой? Эдак дойдет до того, что его затошнит, когда он встанет на ковер потолще!

Он встал, ухнул и прыгнул в воду.

Погрузившись в прохладную жидкую синеву, он вынырнул на поверхность и яростно поплыл к берегу. Доплыв, он лег в полосе прибоя, сердце гулко ухало, мощными толчками прогоняя кровь по телу. Это была малость, которая по силам десятилетнему ребенку, но ему она стоила огромных усилий. И это была победа!

Ликуя, он встал, бросился бежать по пляжу, упал в теплую мелкую воду, как раз когда Гвен выходила из моря. Когда он нес ее обратно, она смеялась, брызгала на него и наконец покорила его объятиям. Ее ноги обвились вокруг него; и там, где волны накатывали на песок, они были нежными, потом неистово страстными, а когда все закончилось, море успокоило их жар и мягко укачивало, медленно растворяя их страсть...

Около четырех часов они поели, совсем немного. Есть не хотелось; солнце слишком припекало; тишина, чарующая вначале, теперь обернулась тягучей, выжженной солнцем монотонностью, что била по ушам еще сильнее, чем городской шум. И запах. Когда легкий бриз с моря поворачивал в определенном направлении, он приносил с собой отвратительную вонь.

Чтобы обеспечить тень, Джеф соорудил тент между ломких, отшлифованных ветвей старого дерева, наполовину вымытого из толщи песка, натянув на раму из стеблей прибившегося к берегу бамбука свою рубашку, брюки и большое пляжное полотенце. В этом импровизированном вигваме они расстелили одеяло и спрятались от беспощадного солнца. Но как только запах принесло снова,

Джеф выполз из скудной тени, встал и, заслонив глаза от солнца, посмотрел вдоль линии утесов.

— Он идет оттуда, — констатировал он, указывая на них.

Гвен встала рядом.

— Я думала, ты уже разведал, — сказала она.

— Я ходил вдоль воды, — ответил он, медленно кивая. —

Не вдоль подножия скал. Они на самом-то деле не выглядят слишком безопасными, в некоторых местах прилично нависают. Но если ты посмотришь туда, куда я показываю, — там, где утесы пониже, — видишь, вода поблескивает?

— Источник? — Она посмотрела на него. — Водопад?

— Водопад вряд ли, — возразил он. — Вода скорее сочится, чем падает. Но что это течет? Я полагаю, родники не воняют, а?

Гвен наморщила нос.

— Думаешь, канализация?

— Фу! — сказал он. — Но по крайней мере это объяснило бы, почему здесь больше никого нет. Пойду-ка взгляну.

Она последовала за ним до места, где в цепи утесов была расщелина. Разогретые на солнце, здесь, в тени, они слегка дрожали. Они надели купальные костюмы просто из соображений приличия, на случай, если мимо будет проходить лодка, но теперь они обхватили себя за плечи, поскольку холод сырого камня вытягивал из них накопленный на солнце жар и вызывал мурашки. Там, под нависающей скалой, в галечнике они обнаружили озерцо, образовавшееся из жидкости, что постоянно стекала сверху. Вне всякого сомнения, озерцо и было источником смрада. Его вода была темной, мутной, абсолютно непрозрачной. Если в ней и скрывалось что-нибудь, то это невозможно было увидеть.

Что касается водопада, высоко на утесе он раздваивался и потом стекал двумя ручейками, один из которых был совсем тонкой струйкой. Наклонившись над озерцом в его самом узком месте, Джеф набрал в пригоршню немного воды из ручейка. Он понюхал жидкость, потом покачал головой.

— Вода чистая, — констатировал он. — Воняет само озерцо

— Или что-то за ним? — Гвен заглянула за озерцо, в темноту грота.

Джеф поднял камень, швырнул его в темноту и безмолвие. Стук от падения камня отразился эхом, и через мгновение...

Мухи! Мухи тучей вылетели из пещеры, заставив Джефа и Гвен с визгом спастись бегством к морю. Гвен поспешило избежать телесных повреждений, а Джефа ужалили дважды; океан был их спасением, защитившим их, когда мухи разлетелись или вернулись на свое смердящее гнездовье.

После мрачного, мерзкого озерца море было прохладным и освежающим. Бормоча проклятия, Джеф стоял на мелководье, пока Гвен выдавливала жала из его правого плеча и омывала их соленой водой. Когда она закончила, он сказал со злобой:

— Задолбало меня это место! Чем скорее грек вернется, тем лучше.

Его слова прозвучали, как заклинание. Вытираясь, они услышали рев лодочного мотора, услышали, как Сперос замедлил ход, и минутой позже нос его лодки вошел в пролив между скалой и грядой утесов. Но вместо того чтобы причалить, он оставался на мелководье.

— Привет, — произнес он в своей дурацкой манере.

— Ты рановато, — отозвался Джеф. И про себя добавил: «Слава богу!»

— Да, рановато, — повторил Сперос. — Но я имею проблемы. — Он развел руками.

Гвен натянула платье, убрала оставшиеся вещи и спустилась к кромке воды вместе с Джефом.

— Проблемы? — переспросила она слегка неуверенным голосом.

— Лодка, — ответил он и указал в открытое чрево качающейся на воде посуды, которое им не было видно. — Я натолкался в скала, когда выходил Ахлади. Это о'кей, но... — И он снова сделал этот знак, покачав рукой с растопыренными пальцами ладонью вниз. Его лицо, однако, оставалось невозмутимым.

Джеф посмотрел на Гвен, потом опять на Спероса.

— Ты хочешь сказать, это опасно?

— Для троих людей — опасно. Может быть. — Грек пожал плечами. — Я думаю, я заберу сначала леди. Если о'кей, я вернусь. Если плохо, я найду другой лодка.

— Ты не можешь забрать нас обоих? — У Джефа вытянулось лицо.

Сперос покачал головой.

— Может быть большой проблема, — ответил он.

Джеф кивнул.

— О'кей, — сказал он Гвен. — Отправляйся налегке. Оставь все эти вещи здесь, чтобы лодка была легче. — И повернулся к Сперосу: — Ты можешь подойти немного ближе?

Грек шелкнул языком и пожал плечами, извиняясь.

— Лодка сломан. Я не хотел еще больше сломать. Ты плавать? — Он посмотрел на Гвен, перегнулся через борт и протянул руку.

Придерживая платье, она вошла в воду, направляясь к борту лодки. Вода доходила ей только до груди, намокнув, ее платье превратилось в прозрачную, облегающую пленку. Она ухватила за борт рукой и сделала попытку забраться в лодку. Сперос, отклонившись, подхватил ее свободную руку.

Джеф видел, как она наполовину выбралась из воды, потом видел, как она вдруг застыла. Она громко ахнула, вывернула мокрую руку из захвата Спероса, выдернула из его лапы и плюхнулась обратно в воду. И пока грек восстанавливал равновесие, она быстро поплыла обратно к берегу. Джеф помог ей выйти из воды.

— Гвен? — воскликнул он.

Сперос дернул стартер, завел мотор и начал медленно и осторожно разворачиваться в маленькой бухте.

— Гвен? — снова позвал Джеф. — Что это? Что не так?

Она была бледная и вся дрожала.

— Он... — Она наконец заговорила. — У него... эрекция! Джеф, я видела, это выпирало в его шортах и подрагивало. О боже — у него встал на меня! И лодка...

— Что с лодкой? — Гнев поднимался в душе Джефа и в голове, кровь застыла в жилах.

— Там не было повреждений — во всяком случае, я не увидела. Он... он просто хотел заполучить меня в лодку, меня одну!

Сперос видел, что они разговаривают. Он направил лодку поближе к берегу и выкрикнул:

— Я привозить лучше лодка. Полчаса. Эта безопаснее. Пока.

Затем лодка вошла в канал между скалой и утесом и в следующий момент исчезла из виду...

— Джеф, мы в беде, — сказал Гвен, когда Сперос уехал. — Мы в серьезной беде.

— Я знаю, — ответил он. — Думаю, я знал это еще с тех пор, как мы сюда приехали.

— И у него проблемы не только с глазом, но и с мозгами, — сказала Гвен. — Он болен. — И она наконец рассказала мужу о том, что случилось, когда Сперос выносил ее из лодки на берег.

— Так вот в чем было все дело, — проворчал он. — Да, что-то нужно с ним делать. Мы должны будем сообщить куда надо.

Она сжала его руку.

— Прежде чем мы сделаем это, мы должны вернуться в Ахлади, — спокойно сказала она. — Джеф, я думаю, что он не собирается нас отпускать!

Эта мысль была у него в голове тоже, но он не хотел, чтобы она об этом знала. Внезапно он ощутил беспомощность. Ловушка, казалось, захлопнулась, и они оказались в ней. Но что он замыслил и как надеялся избежать неприятностей с этим — что бы «это» ни означало? Гвен прервала ход его мыслей:

— Никто, кроме Спероса, не знает, что мы здесь.

— Я понимаю, — сказал Джеф. — А вот те двое...

Он не хотел договаривать. Просто сорвалось с языка. Это было последнее, о чем он хотел бы говорить.

— Думаешь, я не вспомнила об этом? — присвистнула Гвен, сжимая его руку еще крепче. — Он последним видел их — они садились на паром, как он сказал. Но так ли это?

Она стянула платье.

— Что ты делаешь? — спросил он, затаив дыхание.

— Мы приплыли с севера, — ответила она, снова входя в воду. — Там не было пляжей между этим местом и Ахлады. А что там, на юге? Там есть другие пляжи, мы знаем это. Может быть, есть какой-нибудь, всего лишь в полумиле отсюда. Может быть, даже меньше. Если я найду такой, откуда есть проход вверх через скалы...

— Гвен! — крикнул он. — Гвен!

Паника поднималась в нем, сравнимая с его бессилием, его яростью и ужасом.

Она обернулась и посмотрела на него, она выглядела беспомощной в своем бикини — и все же исполненной решимости. И ее он считал наивной! Да, может быть, она и была такой. Но теперь это в прошлом. Она слабо улыбнулась и сказала:

— Я люблю тебя.

— Что если ты выбьешься из сил? — Он не знал, что еще сказать.

— Я пойму, когда повернуть обратно, — ответила она.

Даже на горячем солнце он чувствовал холод и знал, что она, должно быть, чувствует то же. Он двинулся было к ней, но она уже плыла кролем, устремившись к югу, через покрытые водой скалы. Он стоял на берегу, сжимая и разжимая кулаки, и смотрел, как она скрылась из виду за южной оконечностью выступающих утесов...

Долгие мгновения Джеф стоял неподвижно, весь дрожа. Потом его охватило чувство быстро исчезающего времени. Он стиснул зубы, захлебываясь своим отчаянием. Он хотел закричать, но опасался, что Гвен услышит его и повернет назад. Но что-то же он должен сделать. Голыми руками? На что это будет похоже? Оружие! Ему нужно оружие.

У него был нож, который они купили для этого пикника. Он подошел к вещам и нашел его. Лезвие всего три дюйма, но острое! В рукопашной нож должен дать ему некоторое преимущество. Но что если у Спероса нож длиннее? У него, казалось, все было больше или лучше.

Одна из веток прибившегося к берегу дерева была длинная, прямая и тонкая. Отшлифованная песком, она, казалось, дразнила, указывая, словно деревянный палец, на неприступные утесы. Джеф ухватился за ветку поближе к стволу. Когда он подпрыгнул, ветка треснула, и он упал на колени в песок. Теперь нужно найти что-то наподобие веревки. Взяв свой незаконченный дротик с собой, он побежал к подножию утесов. Штормом к берегу прибило разный хлам. Пластиковые бутылки из-под колы, обломки сплавной древесины, куски пробки... Нейлоновая рыболовная леска, запутавшаяся вокруг сломанной катушки!

Джеф отрезал от лески длинный кусок и привязал нож к концу палки. Дротик. Теперь у него есть реальное преимущество. Он огляделся. Солнце неторопливо клонилось к морю, отбрасывая на песок длинные тени. Как давно уехал Сперос? Как много времени осталось до его возвращения? Джеф мельком взглянул на суровую остроконечную вершину сигнальной скалы. Да, сигнальной. Стражник. Или сторожевая вышка!

Он бросил дротик, побежал к северной оконечности пляжа и бросился в море. Через несколько мгновений он уже хватался за скалу, подтягиваясь из воды и карабкаясь наверх. Он почти не думал об опасности — ни от моря или от скал, ни от глубины или высоты. На высоте тридцати футов скала сужалась; теперь он мог, наклонившись влево или вправо, осмотреть море к северу, в направлении Ахлади. Далеко на горизонте виднелась струйка дыма. Больше ничего.

На мгновение — на одно лишь мгновение — вернулось знакомое чувство тошноты. Он закрыл глаза и прижался к скале, крепко вцепившись пальцами в трещины выветренной породы. Огромный камень слегка сдвинулся под нажимом правой руки, и он едва не потерял равновесие. На секунду он закачался, вспомнил о Гвен... Головокружение прошло, и с ним прошли все страхи. Он спустился немного ниже, чтобы обследовать кусок скалы, который он случайно сдвинул. И тут его осенило.

Одновременно Джеф услышал крик Гвен, слабый, как посвист ветра; он доносился со стороны пляжа. Его как

будто ужалило в самое сердце. Он резко завертел головой, увидел ее уже в лагуне, где она устало приближалась к берегу. Она все смотрела вниз, в толщу воды. Он перепугался до смерти и, ни секунды не медля, бросился со скалы «солдатиком», сразу уйдя на глубину. На этот раз никакого намека на страх, на это не было времени; вынырнув, Джеф ринулся к берегу. Выбрался на пляж и побежал, задыхаясь, вдоль кромки воды. Наконец он ворвался на мелководье, где Гвен, стоя на коленях в воде, рыдала, закрыв лицо руками.

— Гвен, с тобой все в порядке? Почему ты плачешь? Что случилось, дорогая?

Она попыталась подняться, упала ему на руки и задрожала; он баюкал ее там, где недавно они занимались любовью. И наконец она смогла говорить.

— Я... я держалась ближе к берегу, — выдохнула она, постепенно восстанавливая дыхание. — То есть к скалам. Я искала... искала дорогу наверх. Думаю, я проплыла около трети мили. Дальше было очень глубоко и скалы совсем отвесные. Тут что-то коснулось моей ноги, и это было как электрошок — я имею в виду, это было так неожиданно там, в глубокой воде. Почувствовать, как что-то скользкое касается твоей ноги вот так. Брр! — Она глубоко вздохнула. — Я подумала: «О боже, акулы!», но потом я вспомнила, что в Греции нет акул. Тем не менее я хотела убедиться, поэтому... поэтому я повернула, нырнула неглубоко и огляделась... — Она снова разрыдалась.

Джеф ничего не мог поделать, кроме как согреть ее, обнимать еще крепче.

— О, в Греции, оказывается, есть акулы, Джеф, — наконец продолжила она. — Одна акула по крайней мере. И ее зовут Сперос! Скорпенопс? Нет, это мелкая рыбешка, а он — настоящая акула! Под водой, там, я увидела... девушку, голую, с веревкой вокруг лодыжек. А в глубине на дне лежал камень, к которому она была привязана.

— О боже! — выдохнул Джеф.

— По ногам и животу ползали эти плавающие зеленые крабики. Она была вся распухшая, раздутая от газов,

потому и плавала вертикально. Рыбы ели ее. У нее не было сосков...

— Рыбы! — выдохнул Джеф.

Но Гвен покачала головой.

— Не рыбы, — отрывисто сказала она. — Ее руки и груди были черными от кровоподтеков. Ее соски были прокушены — насквозь! О Джеф! — Она обняла его сильнее, чем прежде, дрожа так, что дрожь передавалась ему. — Я знаю, что с ней случилось. Это был он, Сперос. — Она помедлила, пытаясь унять дрожь. И наконец она смогла продолжать: — После этого сил у меня не осталось. Но я как-то смогла доплыть обратно.

— Оденься, — сказал он ей. Голос был будто застывший, она никогда прежде не слышала, чтобы он так говорил. — Быстро! Нет, не в свое платье — в мои брюки, рубашку. Слаксы будут тебе слишком длинны. Закатай штанины. Ты оденешься и согреешься.

Она сделала, как он сказал. Солнце садилось, но было еще довольно тепло. Вскоре она согрелась и успокоилась. Тогда Джеф дал ей дротик, который он смастерил, и расказал, что собирается сделать...

Их было двое, похожих как две капли воды. Джеф увидел их, и кусочки пазла сложились в целостную картинку. Сперос и его брат. Законы морали на острове были строги. Эти двое выискивали свободных женщин; свободных в их понимании, разумеется. Из паспортов Джефа и Гвен не было ясно, что они женаты. Это сделало Гвен шлюхой в глазах братьев. Как и ту шведскую девушку, которая встретила с молодым человеком и отправилась с ним в постель так вот, запросто. И Сперос попробовал сначала пойти самым легким путем, просто давая понять, что он не прочь перепихнуться. Когда же это не сработало, пришло время для воплощения более сложного плана.

Джеф увидел их, приближающихся в лодке, и перестал долбить скалу. Он до крови обломал все ногти, но работа была закончена. Он спрятался за скалу, обхватил ее руками и думал только о Гвен. У него был только один шанс, и он не должен упустить его.

Он оглянулся через плечо. Гвен тоже услышала шум мотора. Она стояла на полпути между морем и водопадом с его омерзительным озерцом. Дротик она крепко сжимала в руках. «Как юная амазонка», — подумал Джеф. Но потом он тоже услышал тарахтение мотора и сосредоточился.

«Так-так-так» — выхлопы мотора послышались ближе. Джеф рискнул выглянуть за край скалы. Они были уже здесь, осторожно входя в проход между скалой и утесами. На брате Спероса были широкие брюки; оба были без рубашек; Сперос держал румпель, а у его брата в руках была двустволка!

Один шанс. Только один шанс!

Внизу показался нос лодки, она медленно двигалась прямо под Джефом. С диким криком он навалился на неустойчивый камень. На мгновение ему показалось, что тот не поддается, и он нажал со всей силой. Обломок скалы сдвинулся и накренился.

Оба грека вскинули головы, их глаза широко распахнулись на загорелых, испуганных лицах. Тот, что с ружьем, вскочил на ноги. Он увидел падающий камень за мгновение до того, как тот обрушился на него и пробил вместе с ним днище лодки. Его ружье выстрелило дуплетом, и воздух вокруг головы Джефа загудел, как осиное гнездо. Не давая Сперосу опомниться, он примерился и прыгнул на него. Отброшенный на корму своей тонущей лодки, Сперос уже собирался нырнуть за борт. Получив удар ногами, он кувыркнулся в воду. Чудом избежав столкновения с лодкой, Джеф тоже рухнул в море. И оба неистово замолотили руками и ногами, выгребая к берегу.

Сперос успел первым. Вопящий, иступленный, возмущенный, напуганный, он с трудом выполз на берег. Огляделся и увидел Джефа, подплывающего к берегу, — увидел, что лодка исчезла, только рябь на воде осталась от нее, и нигде не видно брата. Сперос помчался по пляжу. За Гвен. Джеф плыл изо всех сил.

Гвен бежала к расщелине под водопадом. Сперос настигал ее. Джеф бежал следом, воздух горел у него в легких, адский огонь полыхал в сердце. Он уже отведал кро-

ви врага, и ему это понравилось. Но он споткнулся, упал и, когда снова поднялся, увидел Спероса, приближающегося к своей добыче. Гвен была прижата к утесу, ее ступни были уже в воде у мелкого края мерзкого озерца. Грек быстрым, обезьяньим движением попытался достать ее снизу, и тут она ударила его дротиком.

Она поранила ему лицо, как раз когда он схватил ее за рубашку. Непрочная ткань не выдержала, кусок материи спереди оторвался, и грудь Гвен вывалилась наружу. Она снова ткнула в него дротиком, и на этот раз удар пришелся в шею. Он схватился за порез, пошатнулся, запнулся и шлепнулся в воду. Джеф достиг озерца, и Гвен бросилась в его объятия. Он взял у нее дротик и направил его на Спероса.

Но с греком все было кончено. Он вопил и барахтался в озерце, как сумасшедший, которым он и был, и, казалось, не мог подняться на ноги. Его раны были не тяжелыми, но кровь виднелась всюду. Но не это было худшим: то, обо что он споткнулся, теперь всплыло на поверхность. Это был начинающий гнить труп молодого человека. Его руки и ноги, ставшие будто резиновыми, переплелись с конечностями Спероса; страшное избитое лицо раскачивалось; огромная черная дыра показывала, где была прострелена грудь.

Еще некоторое время Сперос пытался освободиться от трупа — он громко визжал, когда зияющий, обличающий рот трупа страшно и безмолвно вопрошал его, — потом перестал барахтаться. Одна рука трупа свешивалась на его вздымающуюся, содрогающуюся грудь. Он закрыл руками лицо и рыдал, и мухи вылетели роем из пещеры, как черное облако, чтобы завладеть им.

Джеф обнял Гвен крепче, увел ее прочь от этого ужаса к морю, которое стало теперь темно-синим.

— Все хорошо, — продолжал он повторять, больше для себя, чем для нее. — Все хорошо. Нас станут искать, рано или поздно.

И это случилось, и случилось скорее рано...

Mort au monde¹

Дес Льюис родился в 1948 году, женат, имеет двоих детей. В 1968 году Август Дерлет отверг два его рассказа за то, что они «слишком уж чудовищны», но впоследствии Льюис много публиковался в небольших издательствах по обе стороны Атлантики.

На его творчество повлияли такие авторы, как Говард Филлипс Лавкрафт, Лорд Дансени, Роберт Эйкман и Филип Дик. В конце 1980-х работам Льюиса был посвящен специальный выпуск отмеченного наградами журнала «Dagon», что свидетельствует о заметной популярности писателя.

Рассказ «Mort au monde» является великолепным образцом его своеобразной, глубокой прозы.

Спал я крепко — слишком крепко и слишком тяжело. Спал и видел, как эти твари вползают на брюхе в открытую дверь, которую я, честью клянусь, запер, и, подвывая, медленно крутили головами в поисках подгнившей человечинки.

Я пробудился, но кошмарный сон еще ворочался где-то в укромном уголке мозга, поскольку твердое убеждение, что я действительно видел несколько пар диких, горящих в темноте кровожадных глаз, не покидало меня.

Но в реальном мире, несомненно, был день, и я вдруг вспомнил собственное имя. Сперва в сознании всплыла фамилия Мюрфилд, затем — Дэвид, и наконец название местечка — Сэнт-Перрин. С некоторой болью я поднялся с кровати и, пошатываясь, шагнул к окну. Распахнув ставни, я удивился яркости солнца, чьи лучи уже били в бреши между вершинами далеких гор.

¹ Уход от мира (фр.).

Так или иначе, все вроде бы было в норме. Впрочем, я никак не мог понять, отчего моя возлюбленная, Марианна, отдыхает в другой комнате. Я знал, что если пройду по пахнущему плесенью коридору от моих дверей с номером два, то обнаружу привинченную к другим дверям табличку с номером пять. Те, кто спал между нами, эти невидимые, безмянные персонажи, шумно ворочались в своих постелях — я слышал их, пока крался мимо чужих комнат к пятому номеру. На лестничной площадке было темно, смутные штрихи перил, ограждающих пролет, терялись во мраке; минутное, головокружительное смятение охватило меня, но я быстро собрался перед встречей с любимой.

Когда я в последний раз видел ее за ужином, волосы Марианны свободно ниспадали на плечи. Сомкнутые в молчании губы... волнующие складки ночной сорочки... ложбинка у горла... выглядывающие из-под подола пальцы босых ног... Создавалось впечатление, что она изо всех сил старается выглядеть естественно. Но покрасневшие глаза выдавали ее.

И когда моя возлюбленная из глубины комнаты глухо проворчала, чтобы я закрыл дверь, я решил, что должен вернуться на свою территорию, под одеяло, к снам — к другим снам, с которыми жить куда легче.

Горячие рогастики и кофе — слишком легкий завтрак для англичанина. Я жаждал тостов и мармелада, яиц и бекона, дымящейся чашки крепкого чая, политых медом кукурузных хлопьев, молока из бутылки и свежавыжатого апельсинового сока. Марианна сидела напротив, вглядываясь в свою огромную чашку с кофе, словно пытаясь прочесть будущее. Я мог бы сказать ей, что прошлое гораздо таинственнее, — мог, но не сказал.

Не знаю, замечал ли я прежде, но глаза ее были совершенно белыми, с яркими, пронзительно-коричневыми крохотными пятнышками радужек, напоминающими атомы под микроскопом. И если у большинства моих знакомых глаза действительно являлись зеркалом души, эти

обманчивые точки не позволяли прочесть ничего. Всегда выходило так, что это она добиралась сквозь мои глаза до самых глубин моей сущности, оставляя меня проигравшим.

— Куда отправимся сегодня? — Она словно к стене обращалась. — Думаю, стоит воспользоваться солнечным днем и махнуть на пляж.

— Не знаю. Почему бы просто не остаться тут, почитать или еще что-нибудь?..

Я так и не выяснил, имели ли эти слова хоть какой-то смысл, поскольку следующая фраза моей возлюбленной никоим образом не являлась их продолжением. Даже в самых несвязных разговорах хоть какая-то, пусть и тончайшая нить логики соединяет всяческие несообразности и нелогичные заключения. Но, по-видимому, только не в беседе с дражайшей Марианной.

— Я полагаю, мы бы не оказались здесь вовсе, если бы не твоя мать, Дэвид.

Однако же я был приятно удивлен, услышав из ее уст свое имя. Воодушевление подсказало мне ответ:

— Ну, с ее стороны было очень мило пустить нас сюда на лето...

— Ночи тут кажутся бесконечными. Одного сна для них недостаточно.

Какого черта, о чем это она? Жизнь научила меня, что сон — не удовольствие, а простая необходимость, «дабы замедлить энтропию», как частенько говаривал мой покойный дед.

Что ж, в тот день мы все-таки пошли на берег, несмотря на неряшливые комья дождевых туч, приползших к полудню со стороны моря. Я надеялся увидеть парочку принимающих солнечные ванны худосочных девиц, но пляж пестрел множеством кружащихся зонтиков.

В итоге мы направились в старую часть города, изобилующую крутыми проулками и бесчисленными церковными шпилями, перечеркивающими горизонт. Пребывание за границей давно уже потеряло свою новизну, но

чужеродность этого места воистину пробирала до костей. Я чувствовал, будто все здесь — эпизод из другой вселенной, в которой я — невоспетый герой, а Марианна — бард.

Она совершенно не замечала меня. Я точно превратился в живую изгородь, поскольку глаз ее ложился лишь на незнакомцев (или, по крайней мере, на людей, незнакомых мне). И вдруг я осознал, что это, должно быть, те, что спят в комнатах между нами. На миг мне даже показалось, что все они дальние родственники, только для вида сохраняющие инкогнито. Голоса их, как бывает всегда, когда разговаривают не с тобой и не рядом, звучали утробным рычанием сквозь стиснутые зубы и неразомкнутые губы.

Я схватил Марианну за руку, потащил к гавани, и мы едва-едва успели на последний паром к берегам Англии — паром, медленно рассекающий узкую лунную дорожку. Когда же нас вновь настигла ночь, мы обнаружили, что наши каюты расположены на разных палубах.

Осознание, что плывем мы не туда, пришло слишком поздно; Марианна крепко обняла меня: даже ее глаза не могли утаить страха. И мы остались бодрствовать этой — возможно, бесконечной, — ночью, даже не заглянув в наши каюты, окликаая друг друга по именам, пытаясь не забыть их, стараясь не выказывать никаких эмоций, чтобы не дать нашим спутникам повод выбраться из их укрытий.

ТОМАС ТЕССЬЕР

Бланка

Томас Тессьер родился в Коннектикуте, где живет и сейчас. Получил образование в университете Дублина, затем несколько лет провел в Лондоне, где работал в издательстве и регулярно писал для «Vogue».

К лучшим романам в жанре хоррор, принадлежащим перу Тессьера, можно отнести «Рок» («The Fates»), «Ударная волна» («Shockwaves»), «Лунатик» («The Nightwalker»), «Фантом» («Phantom»), в 1982 году номинированный на Всемирную премию фэнтези, «Завершающие штрихи» («Finishing Touches») и «Тайные странники» («Secret Strangers»).

Яркий рассказ «Бланка», написанный безукоризненным слогом Тессьера, повествует о призраках, которые встречаются в современной жизни.

Когда я сказал друзьям о том, что собираюсь в Бланку, их реакция оказалась именно такой, как я и предполагал. «Зачем? — спросили они. — Ведь там не на что смотреть. И нечего делать, разве что пропасть. — Здесь собеседник обычно лукаво улыбался. — Смотри, не исчезни!» — «Может, именно поэтому я выбрал это место, — в свою очередь, улыбался я. — Исчезнуть на какое-то время очень даже здорово».

Однако автору, пишущему о путешествиях, причем автору с десятилетним стажем работы, сбежать не так-то просто. Я ведь уже побывал во всех достойных местах, равно как и в посредственных. Если вы назовете какую-либо точку на карте, мне она, вероятно, уже знакома, там я уже оценил гостиницы, попробовал кухню, все разузнал о сфере услуг и увеселениях. Моя работа совершенно замечательная, но тем не менее я подустал от официального мира. Мне казалось просто необходимым сбежать в оздоровительных целях и пару недель провести в какой-ни-

будь тихой заводи, абсолютно ничем не занимаясь, лишь потягивая прохладное пиво на террасе и читая хорошую книгу.

По работе я встречался с теми, кому довелось побывать на Бланке. Там скучно, в один голос твердили они. На многие мили протянулись холмистые долины и пастбища. Есть потухший вулкан, но туда не стоит подниматься. Да, городки там чистенькие, а население весьма приятное. Без проблем можно найти аккуратную комнату. Но там ничего не происходит и делать там нечего. Ни памятников, ни древних руин. Ни карнавалов, ни фестивалей, ни праздников. Ночную жизнь там бурной не назовешь, а посему ежели ищешь подобных развлечений (к ним я не стремился), то лучше отправиться куда-нибудь еще. Бланка — область скотоводов, и единственные добрые отзывы о тамошних достопримечательностях касались стейков, которые, по словам очевидцев, заслуживали наивысших похвал.

Индейцев, исконных обитателей Бланки, истребили около двухсот лет назад. Но все-таки сколько-то их выжило и превратилось в угрюмое меньшинство, одомашненное многими поколениями подневольной жизни и службы в качестве дешевой рабочей силы: пастухов, рабочих мясокомбинатов и слуг. Европейские поселенцы пытались провозгласить Бланку независимым государством, но многочисленные мятежи были обречены на провал, и в конце концов территорию поделили между собой соседи помощнее. Но вне зависимости от обозначенных на карте границ Бланка есть Бланка, как и по сей день любят там повторять.

Поскольку Бланка мало что может предложить туристу, она лежит в стороне от основных магистралей. Мне пришлось сделать две пересадки, причем второй перелет прерывался в стольких безликих поселках, что мне показалось, будто я лечу уже не один день. Наконец мы приземлились в городе Ораниен. Его население насчитывает около ста тысяч, это самый крупный населенный пункт Бланки.

Я поселился в отеле под названием «Des Vacances», от которого пешком можно было дойти до центра, зато тамошний шум до гостиницы не долетал. Комната была большой, воздуха в ней было вдоволь, а небольшой балкон выходил на две жилые улицы сразу и парк. Здесь было очень комфортно и совсем не похоже на все эти современные роскошные отели.

В первую ночь я проспал целых одиннадцать часов, потом плотно позавтракал стейком с яйцами и лениво прошелся по центру города. Узкие улочки сохранили особый шарм первых поселенцев — мостовая, вымощенная булыжником в давние времена, сохранилась такой же до сих пор. Но самой замечательной характерной чертой города была чистота. На глаза мне не попался ни один окурок. Похоже на некоторые районы Швейцарии или Сингапур.

С верхнего этажа универмага мне удалось разглядеть южную часть города — обширный район скотных дворов, боен и железнодорожных путей. Все мясо Бланки, направлявшееся во внешний мир, проходило через Ораниен. Я посетил одну трехэтажную животноводческую ферму и с удивлением обнаружил самое опрятное и чистое заведение такого рода из всех мною виденных ранее.

А потом я слышал о здешней полиции — вот где настоящий закон в истинном смысле этого слова, задирать который не следует, если обладаешь хоть каким-то рассудком. По разумению полицейских, мусорить означало совершать чуть ли не особо тяжкое преступление. Кому-то это покажется чрезмерным, только не мне. Побывав как в безупречно чистых городах, так и в запущенных, я однозначно предпочитаю первые. К тому же меня это абсолютно не касалось: я приехал отдохнуть и очухаться от неприятностей, а также избавиться от бесов (включая жену). В течение первых нескольких дней я заметил лишь полных маленьких мужичков в дурацкой форме — регулировщиков дорожного движения. Они выглядели как персонажи из оперетты Руритании.

— Это не они, — тихо сказал Басма. — Стоит опасаться тех, кого с первого взгляда не заметишь. Те ходят в штатском. И они повсюду.

— Даже здесь? — Я был удивлен и заинтригован.

— Само собой.

Мы сидели в небольшой, но очень приятной пивной на открытом воздухе позади отеля «Des Vacances». За столиками в лучах вечернего солнца нежились человек двадцать пять из числа завсегдатаев и постояльцев отеля. Все казались довольными и непринужденными.

Мой собеседник одновременно являлся местным жителем и заодно иностранцем. Вчера Басма своевольно присел за мой столик, когда я только обнаружил пивную и расположился там, углубившись в чтение «Тринадцатого omnibus» Сименона. Сначала, негодуя на вторжение, я пытался не обращать на мужчину внимания. Не помогло. Наконец я сдался и закрыл книгу.

Больше двух часов мы провели, потягивая пиво и разговаривая, причем труд вести беседу взял на себя Басма, который оказался приятным собеседником. Ливанец средних лет, он против воли покинул Бейрут, где у него остался тайник с валютой. Условия жизни там сделались невыносимыми и невозможными, он стал объектом атак как со стороны христиан («Потому что я мусульманин»), так и шиитов («Потому что они считают, что все бизнесмены в международной сфере деятельности непременно работают на ЦРУ»). К тому же бизнес практически зачах. Басма провел в Ораниене почти три года, занимаясь не приносящей дохода торговлей, чем истощил капитал. Он жаждал перебраться на более плодородную почву, правда, пока не придумал куда. К этому моменту я уже устал и слегка опьянел, поэтому рано отправился спать. Правда, мы договорились встретиться на следующий день и пообедать в городе, когда, собственно, мы и разговорились о местной полиции.

— И кто же, например? — поинтересовался я.

— Давайте только не будем оглядываться и таращить глаза, — тихонько предостерег меня Басма. — Справа от

вас возле стены сидит парочка. Я видел их здесь уже не раз, они меня, право слово, интригуют.

Красивый молодой человек и прелестная дама, обоим лет под тридцать. Мужчина в льняном костюме и белой рубашке без галстука. Волосы темные, лицо здоровое, без особых примет. Одежда женщины была изысканной и определенно заграничной — юбка и жакет под стать ей, стильная блузка. Наверное, дочь местного богача, так надменно она держалась. Глядя на них, я как минимум завидовал их молодости и красоте.

— Мне все равно, — сказал я. — Я здесь лишь проездом. Мне хочется всего-навсего отдохнуть здесь пару недель.

— Конечно, — снисходительно улыбнулся Басма.

Итак, он повел меня на экскурсию по городу. После обеда, непременно включавшего в себя стейк, мы прогуливались по главному торговому пассажи, забитому последними модными новинками из Европы и азиатской электроникой, причем на всех товарах непременно стояли ценники. Заглянув в пару баров, мы ненадолго зашли в танцевальный зал и по совместительству службу знакомств эконом-класса. Потом остановились на сияющей неоновыми огнями дискотеке под названием «Marlene's», где с интересом понаблюдали за толпой. Сюда приходили танцевать, флиртовать, играть в социальные игры, а также выпивать дети местных богачей. Басма называл их недоумками, поскольку самые толковые представители поколения уезжали в Америку или Англию, где учились в лучших частных школах и университетах.

Просадив немного денег в шикарном игорном клубе и мельком с ужасом заглянув в неприметное с виду заведение, где можно было черт знает что вытворять с девушками (или юношами) тринадцати лет от роду, я счел, что на сегодня повидал достаточно. Скудный и аккуратный облик Ораниена маскировал самые обычные распутные наклонности граждан. Меня это не беспокоило, но и не интересовало.

Вернувшись в номер, на сон грядущий я пропустил последний стаканчик бурбона из дьюти-фри и закурил. За ве-

чер я выпил много, правда, с большими промежутками, к тому же плотно поужинал. Я не был пьян, только устал, да в голове немного гудело. Это совершенно точно, потому что, когда я напивался прежде, мне никогда и ничего не мерещилось, или же я просто не помнил об этом. Той ночью мне явилось видение, которого мне никогда не забыть.

Я спал у себя в постели, там, в отеле «Des Vacances». Была середина ночи. Вдруг я проснулся от громкого лязга. Тут же вскочив с кровати, я мигом оказался у окна и во все глаза глядел на то, что походило на пышную процессию, вырядившуюся в исторические костюмы. Я опешил и даже не мог пошевелиться. По улице, ярко освещенной тремя четвертями Луны, верхом ехали солдаты. Одни держали факелы, другие размахивали мечами. По булыжной мостовой со страшным грохотом топали лошадиные копыта. Ни в одном из домов свет не горел, но солдаты заходили в двери и выводили из домов людей. Их швыряли в запряженную лошадьми телегу, где уже находились другие пленники. В ночи раздавались жуткие звуки: крики солдат, тщетные мольбы и увещевания мужчин, плач женщин и детей, ад крошечный. Солдаты вроде бы закончили свои дела и собирались уже уезжать, когда один из них, похоже офицер, обернулся и посмотрел прямо на меня. Я стоял на своем маленьком балконе, изо всех сил сжимая кованые перила. Офицер что-то сказал одному из своих подчиненных, который тоже посмотрел в моем направлении. Указывая на меня, офицер поднял меч. Лицо мне показалось знакомым, только я никак не мог понять, где же видел его. Несколько солдат, подчиняясь приказу, зашагали через улицу к отелю. Но я по-прежнему не мог шевельнуться. Меня сковал жуткий страх, когда я понял, что сейчас меня заберут вместе со всеми. А дальше вот такое ощущение: скручивание, падение, отвратительный сладковатый привкус и то, что нам всем снится чаще, чем хотелось бы перед естественным концом — смертью.

Я спал допоздна — что уже становилось приятной привычкой — и проснулся в приподнятом настроении, чувст-

вужа себя замечательно веселым и полным сил. Сон я помнил и размышлял о нем, пока принимал душ, а также за завтраком и по пути к газетному киоску, куда я пошел за свежим номером «Herald Tribune». Сидя в кафе на открытом воздухе, я выпил две чашки кофе, покурил и прочел об успехе Дэррила Строберри в далеком Монреале.

Отлично, что я жив. От сна уже не веяло ни угрозой для жизни, ни страхом. Ночное видение сделалось чем-то вроде мысленной безделушки. Может, я был счастлив от того, что подобный кошмар мне бы никогда не привиделся в Нью-Йорке. При свете дня он словно оповещал меня: «Вот теперь ты точно знаешь, что находишься в Бланке».

— Такова местная история, — кивнул Басма, когда ближе к вечеру мы встретились в пивной и я рассказал ему о кошмаре. — Вы должны были знать об этом еще до приезда сюда.

— Ну да. Долетали какие-то слухи. — Я раскурил сигарету, пока официантка обслуживала нас вторым заходом пива. — Мне доводилось слышать о якобы пропадавших ночью людях.

— Так и есть, только без «якобы». То, что вам приснилось, именно так и происходило в минувшие времена, да и в наши дни порой тоже случается.

— В самом деле?

— Конечно.

— Что ж, все это политика, которая меня никогда не занимала. С тем же успехом мне может присниться секс.

— Ага! — широко улыбнулся Басма. — Но что за толк предаваться ему во сне?

— Пока что и так сойдет.

Басма уныло пожал плечами. Я знал, что разрушаю сложившийся у него стереотип американского туриста как человека, стремящегося оттянуться по полной. Мы пообедали вместе, а потом я еще больше разочаровал приятеля, решив на этом завершить вечерние похождения. Я все еще до конца не оправился от усталости после прошлой ночи и теперь хотел только одного: почитать лежа в постели и проспять часов двенадцать. На следующий день мне хоте-

лось взять напрокат машину и проехать по окрестностям, какими бы унылыми и безрадостными они ни были.

Как обычно, Сименон подействовал на меня волшебным образом. Вскоре я перенесся в дождливый Париж (даже задыхаясь в душной августовской жаре, Париж Сименона казался дождливым), где инспектор Мегре должен был распутать очередное грязное преступление. Очень интересно, но, к сожалению, я уснул раньше, чем предполагал. В четыре утра я проснулся с книгой в руке. Положив ее на пол, я залез под одеяло. Не помогло. Наконец я сел и тяжело вздохнул, понимая, что уснуть не удастся. Но все же снова улегся и не шевелился.

Заметив странные сполохи света на стекле наполовину открытого окна, я встал с постели. Явно светили на улице, внизу: то ли фары автомобиля, то ли уличное освещение. Но когда я шагнул на балкон и посмотрел вниз, зрелище так поразило меня, что я замер. Опять они. Лошади, телеги, солдаты с мечами и факелами, несчастные, которых вытаскивали из домов, матери и жены, дети. Во второй раз меня посетил тот мрачный кошмар, который я созерцал двадцать четыре часа назад, только на сей раз я уже давно и вполне очнулся от сна. Я заставил себя убедиться, что действительно не сплю: ощутил босыми ногами холодное шероховатое кованое железо балкона, глубоко вдохнул свежий ночной воздух и, обернувшись через плечо, взглянул в комнату. И когда опять посмотрел на улицу, солдаты все еще были там и действие продолжало разворачиваться перед моими глазами. Я бодрствовал, и, значит, кошмар был явью.

Хотя на сей раз все происходило не совсем так, как вчера. Гвалт и грохот — их не было. Лошади ступали по мостовой, солдаты кричали, мужчины пытались их в чем-то убедить, их жены рыдали, но все это я лишь видел, но не слышал. Ночью правила тишина. Внизу снова был тот офицер — главный, который накануне указал на меня мечом. Я снова обратил на него внимание, и он опять показался мне знакомым, и я по-прежнему не мог сообразить, где же видел его. На сей раз он даже не взглянул в моем

направлении. И он, и солдаты занимались своим делом, словно меня не существовало, хотя едва ли можно было не заметить меня на балконе второго этажа, когда за моей спиной в номере ярко горел свет. То, что они меня не видели, могло оказаться следствием еще одного отличия сегодняшней ночи от прошлой: я не боялся. Жуткое зрелище приковывало внимание, я замер как вкопанный и не мог отвести глаз, но в то же время я чувствовал, что не имею к нему никакого отношения, я посторонний. Я был скорее озадачен, чем испуган происходившим.

Наконец я поступил благоразумно. Я отвел взгляд, отодравшись от жуткой процессии, и увидел выше по улице обычный ряд припаркованных автомобилей. Зрелище успокаивало. Но когда я снова посмотрел вниз, драматическое действо все еще продолжалось. Телеги и солдаты, марширующие по направлению к главной магистрали, уже отошли ярдов на сто. Я провожал их взглядом до тех пор, пока они не дошли до перекрестка с той большой дорогой, и больше мои глаза не могли различить ничего, кроме мерцающих отблесков пламени факелов.

Только через несколько минут я осознал, что смотрю на вереницу огней фар движущихся автомобилей. Потом услышал шум дорожного движения, который наконец нарушил тишину. Утренняя смена, сказал я себе. Сотни рабочих спешат к бойням, скотным дворам и мясоперерабатывающим заводам на южной окраине города. Газетчики, повара и водители автобусов. Все те, кто каждое утро до рассвета выходит в город. В любой город. Я вошел в комнату, сел на кровать и закурил, задаваясь вопросом, как мог вчерашний кошмар возродиться в сегодняшней галлюцинации.

— Вы принимаете наркотики? — буднично поинтересовался Басма.

Через парк мы шли к бару, в котором я еще ни разу не бывал. Было около пяти часов дня, и я рассказал ему о галлюцинации — как я расценивал ночное происшествие, — когда мы встретились, чтобы выпить и поболтать.

— Нет, я уже несколько лет наркотиками не балуюсь, но и до этого никогда не злоупотреблял, — усмехнулся я.

— И вы абсолютно уверены, что вполне проснулись, когда увидели это зрелище — что бы оно ни значило?

— Да.

— И вы уже не спали *до того*, как увидели?

— Определенно. Я лежал в постели, сожалея, что так рано проснулся. Потом увидел оранжевые сполохи — балконная дверь застеклена.

— Да, да, — нетерпеливо подгонял меня Басма.

— И, как я уже сказал, я сел, потом подошел к окну, вышел на балкон и увидел процессию.

— Ясно.

Басма больше не сказал ни слова до тех пор, пока мы не пришли в бар, где в продаже имелось лишь местное пиво «Болеро». Как только мы взяли свои напитки и я закурил, Басма снова вернулся к разговору:

— Так вы считаете, что это была галлюцинация?

— Да, конечно, — кивнул я. — Что же еще?

— Призраки. — Он улыбнулся, только не так, как если бы шутил. — Вероятно, вам довелось повидать исторических призраков.

— О, что-то я сомневаюсь насчет этого.

— Почему? По-моему, так и есть. Более того, мне кажется, что вы в предыдущую ночь тоже не спали, когда их увидели. Просто решили, что это был сон, потому что в первый раз были меньше уверены и к тому же выпили больше — так?

— Да, пил я действительно много, но все же считаю, что мне это приснилось. Под конец кошмара я запаниковал и мгновенно забылся сном — никаких воспоминаний о том, как вернулся в постель или хотел это сделать. — Я затушил окурок и принялся за другую сигарету. Мне не хотелось вновь разочаровывать Басму, который, как ребенок, желал верить в существование призраков. — К тому же, даже если я не спал, галлюцинация все равно могла мне примерещиться.

— Одна и та же галлюцинация две ночи подряд... — Басма обдумал это. — В вашем анамнезе подобное значится?

— Нет, вовсе нет, — пришлось признать мне.

— Тогда почему вы решили, что с вами ни с того ни с сего такое могло случиться?

Я пожал плечами:

— Виной тому то, что болтают о Бланке. А еще эмоциональное расстройство как следствие крушения супружеской жизни. Плюс некоторое отчаяние, порой накатывающее на меня по мере приближения к сорока годам. — Я допил пиво и огляделся в поисках официантки, которую в баре искать бесполезно. Потом вдруг осознал, насколько жалостливо по отношению к самому себе прозвучали мои слова, отчего я ужасно рассердился. — По правде говоря, я вообще понятия не имею, отчего это должно было со мной случиться.

— Галлюцинация? — снова тихонько переспросил Басма.

— Предположить это гораздо разумнее, чем воображать целую армию призраков.

— Если вам так угодно.

На самом деле было совсем не угодно, но уже сытый по горло не только разговорами об этом, но даже размышлениями, я сходил еще за двумя бокалами пива «Болеро» и сменил тему. И поведал собеседнику об утренней прогулке. Я взял напрокат «опель-рекорд» и по широкой дороге, мягкими петлями бегущей на север от Ораниена, отмахал многие мили вдоль ферм крупного рогатого скота, проехал через маленькие, но безукоризненно чистые поселки. В общей сложности я ездил около пяти часов и вдоволь насмотрелся на сельский ландшафт. Ничего дурного в окрестностях я не обнаружил — они представляли собой милые неиспорченные пастбища, только уж больно пресные и невыразительные, абсолютно лишенные очарования и всякого интереса. Как раз такие, как мне рассказывали.

— Да, — кивнул Басма. — Я слышал, что если выехать за город, то куда ни глянь — везде одно и то же на протяжении сотен миль. Хотя сам я никогда не видел этого.

— Вы никогда не выезжали за пределы Ораниена с тех пор, как здесь поселились?

— А зачем? Смотреть там решительно не на что. — Улыбка Басмы превратилась в ухмылку. — Разве не так?

— Верно.

— Машина все еще у вас?

— Да, она в моем распоряжении до завтра, нужно вернуть ее в полдень, — ответил я. — Она припаркована возле отеля.

— Отлично. Если вы не прочь прокатиться, то я бы мог вам кое-что показать. Не совсем туристическую достопримечательность, но, думаю, вы сочтете, что зрелище того стоит.

Он не стал уточнять, куда мы поедem, но у нас в запасе была уйма времени: стемнеет не скоро. Басма говорил мне, куда рулить, и вскоре стало ясно, что мы направляемся к южной окраине города.

— Скотные дворы? — догадался я.

— Так вы уже их видели.

— Только издалека. — Я рассказал ему о том, что мне удалось разглядеть с верхнего этажа универсама.

— Теперь посмотрите вблизи.

Мне было немного любопытно. Мы проехали торговый район, потом жилой район, совсем непохожий на тот, где остановился я. Чем дальше от центра, тем более убогими и обветшалыми делались многоквартирные дома; городские кварталы, где обитало население среднего достатка, уступало место окраине, где ютились рабочие-индейцы. Чтобы получше разглядеть все это, я старался ехать помедленней, хотя мне и без того пришлось бы тащиться еле-еле, столько на улицах людей было. Дети играли, не обращая внимания на машины, взрослые беседовали, собравшись группами (мужчины с мужчинами, женщины с женщинами), а старики стоически сидели везде, где могли отыскать спокойное местечко. Похоже на то, что большая часть общественной жизни, включая приготовление и потребление пищи, проходила здесь, на улице.

Вскоре мы оказались на месте. Промышленность и жилые дома для рабочих зарождались и возникали одновременно, причем без всякого проектирования или же долгосрочного планирования. Здесь были здания строчной застройки, вплотную примыкавшие к отверстым дверям скотобойни. Втиснутые между консервным и мясоперерабатывающим заводами многоквартирные дома. Громадный лабиринт загонов с тысячами голов скота и тьмой-тьмущей скотных дворов. Когда мы поехали по округе, я начал понимать, что люди здесь буквально живут на работе: когда заканчивается смена, они идут домой, только вот дом почти не отличается от рабочего места. Нескончаемый тупой рев скотины, тяжелое зловоние крови, сырого мяса и навоза, постоянный грохот поездов, дрожь работающих механизмов — все, что вы видите, слышите, чувствуете и обоняете, говорит о смерти. Таков на вкус здешний воздух.

Мы оказались в самом захудалом районе южной окраины. Люди здесь стояли или сидели перед своими лачугами с каким-то оторопелым видом. По немощеным улицам двигаться становилось все труднее и труднее. В канавах с обеих сторон улиц бежала жижа, красная от крови с боев. Здесь не было слышно шума дорожного движения и прочих звуков, сопровождающих жизнь человека, потому пронзительно ясно слышался лишь визг пневматических пил, рассекающих туши животных. На каждой мусорной куче злобные коты и драные псы состязались в желании урвать кусок посылнее с громадными коричневыми тараканами и полчищами крыс.

Быстро темнело.

— Надеюсь, вы найдете дорогу обратно.

— Конечно.

Басма выдал мне несколько указаний, и вскоре мы выехали на дорогу получше. Путешествуя по бедному району, мы говорили мало. Как только я завидел огни центра города, мой сведенный живот начал расслабляться. Путешествуя по миру, я бывал в самых неблагополучных лагерях беженцев, но никогда еще не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Дело в том, что лагеря, по

крайней мере гипотетически, являются временным прибежищем, и там всегда есть место надежде на возможную перемену участи. Тем же людям, которых я только что видел, надеяться было абсолютно не на что.

— Думаю, мне частенько доводилось есть говядину из Бланки, — сказал я просто для того, чтобы хоть что-то сказать.

— Наверняка, — тут же согласился Басма. — В какой только форме мясо не отгружают отсюда: мозги, язык, сердце, почки, печень, вырезка, спинная часть, стейки и так далее, вплоть до хот-догов и венских сосисок. Консервированное, в вакуумной упаковке и замороженное.

Мы принялись отпускать шуточки на тему того, а не стать ли нам вегетарианцами, описывали салаты, которые могли припомнить, чем и развлекались до тех пор, пока не устроились комфортно с бокальчиками в баре «Номер Первый» — лучшем из двух заведений, где посетителей обслуживают официантки с оголенной грудью. Здесь было дорого, но хорошо. Музыка гремела на полную катушку, женщины привлекали к себе внимание, и сейчас мы с Басмой как раз нуждались в этом, потому что настроение после экскурсии на юг не располагало к серьезным разговорам. Мы пили до закрытия бара, и к этому времени уже ни один из нас не мог сесть за руль, поэтому мы оставили взятую напрокат машину и сели в такси.

Я вовсе не удивился, когда Басма вышел вместе со мной у отеля. Где находится его дом, я точно не знал, но предполагал, что где-то неподалеку, потому что мы познакомились в пивной у отеля и вечером всегда прощались возле отеля.

— Пропустим по стаканчику на сон грядущий у меня дома? — предложил Басма, когда такси уехало прочь.

— Благодарю за приглашение, но больше пить я не в силах.

— Правда? У меня есть бутылочка «Тичерс», виски что надо, а живу я прямо здесь, только улицу перейти. — Басма неопределенно махнул в сторону домов на противоположном углу. — Пойдемте, выпьем еще по рюмочке.

— Нет, в самом деле. Спасибо. Боюсь, что я вот-вот упаду и вырублюсь, а лучше бы сделать это в своей постели, чем у вас на полу.

Басма пожал плечами:

— Как хотите. Увидимся завтра.

— Конечно. Спокойной ночи. — Я пошел было прочь, но затем остановился и обернулся к нему. — Эй, знаете что? Ваш дом входит в число тех, где производят облаву призрачные солдаты.

— Даже не говорите мне об этом, — с середины улицы отмахнулся он. — Знать ничего не желаю.

— Почему? Это же просто призраки и история. Верно?

— Все равно!

Басма погрозил мне пальцем и продолжил путь домой. Я поднялся наверх, заперся на ключ и даже умудрился раздеться перед тем, как провалился в сон. Открыл глаза я только в полдень. Первой мыслью явилась следующая: как прекрасно, когда ночь проходит без галлюцинаций, кошмаров и призраков, о которых потом весь день размышляешь. Я избавился от наваждений и проспал всю ночь, ничем не потревоженный.

Но, с другой стороны, стоило мне встать на ноги, как я почувствовал себя совершенно ужасно. Долго простояв под душем, я несколько освежился, но головная боль не прошла. Уже собравшись перекусить, я внезапно вспомнил о взятой напрокат машине. Платить за еще один день не хотелось, хотя спохватился я слишком поздно. Когда я добрался до машины, то обнаружил под щеткой стеклоочистителя на ветровом стекле штрафной талон за парковку в неподобающем месте. Я сунул его в карман, размышляя о том, можно ли благополучно порвать его на кусочки, или же хваленая полиция Ораниена схватит меня до того, как я улечу отсюда на следующей неделе.

Естественно, агентство проката автомобилей жаждало получить плату за второй день, поскольку с возвращением «опеля» я припозднился больше чем на час. Спорил я впустую до тех пор, пока не достал корреспондентский билет журнала «Vogue», после чего менеджер тут же сде-

лался подобоострастным и угодливым. Все в порядке: никаких дополнительных расходов.

Наконец я зашел перекусить — уже давно пора было. Вернувшись в номер, я первым делом разорвал штрафную квитанцию за парковку, а потом попытался почитать «Herald Tribune» и уснул. После четырех я поплелся в пивную. Поджидая Басму, я удержался от алкоголя и пил минералку. Через час я призадумался: в самом ли деле мы договорились встретиться в том же месте в тот же час или нет? Может, у него были дела, а я вчера в нетрезвом тумане неправильно его понял? Я не рассердился и не разочаровался, потому что на самом деле был не прочь отдохнуть от компании Басмы хоть один вечер. Я подождал еще немного просто из вежливости, а потом вернулся к себе. Если он явится позже, то знает, где меня искать. Но приятель не пришел, и я с радостью лег спать пораньше.

На следующий день я чувствовал себя великолепно и занимался тем, чем изначально планировал заняться на Бланке, то есть сидел в тенечке в саду возле пивной и читал Сименона. Там я позавтракал, позже попил кофе, потом съел ленч и в середине дня заказал лимонад и тарелку ломтиков арбуза. К пяти часам я уже проглотил оба романа о Мегре и позволил себе бокал холодного «Болеро». Это светлое пиво было очень легким, и я к нему прямо пристрастился.

Но где же Басма? Внезапно меня посетило чувство вины, когда я припомнил наше пьяное прощание. Я дразнил его, разглагольствуя о призрачных солдатах, как он их называл, и теперь вдруг мне пришло в голову, что я, возможно, раздражал приятеля. Может, именно поэтому он теперь избегает меня. Когда вспоминаешь свои нетрезвые деяния, они часто кажутся намного гаже, чем были в реальности. Сидеть на одном месте мне уже наскучило, но я решил подождать еще час, пока не стало очевидно, что мой ливанский друг появляться не собирается.

Я решил поискать его. Начал с уголовного дома, располагавшегося по диагонали от отеля. За незапертой заре-

печенной дверью находился крохотный вестибюль с кафельным полом и колченогим деревянным столом. Внутренняя дверь оказалась закрыта, поэтому я нажал кнопку звонка и продолжал звонить минут пять, пока не вышла грузная женщина средних лет.

— Я ищу мистера Басму, — сказал я ей.

— Он уйти.

— Когда он вернется? — В ответ на мой вопрос она пожала плечами и покачала головой. — Что ж, могу я передать ему записку? — Я достал ручку и бумагу, которую специально захватил с собой на всякий случай.

— Он уйти, — выразительно повторила она.

— Разве он не вернется?

— Приходить мужчины. Он уйти с мужчинами.

Все ясно. Вот бы и конец истории, коль скоро хозяйка так уверена, что Басма не вернется. Но я, однако, отступать не собирался.

— Где его вещи?

— Что?

— Вещи — одежда, имущество. — Большинство населения Бланки говорит по-английски, ибо местный диалект — один из тех законсервировавшихся местных диалектов ограниченного употребления, наподобие африкаанс. Но эта особа по-английски изъясняться могла с большим трудом. — Его пожитки, его личные — его вещи, черт возьми!

— Нет.

— Когда он ушел?

— Вчера.

— Могу я взглянуть на его комнату?

— Комнату?

— Да. Комнату Басмы. Пожалуйста.

— Да, да. Иди.

Чтобы добраться туда, потребовалось немало времени — женщина передвигалась с трудом. Она привела меня в комнату на первом этаже. Она была безотрадной и маленькой, все убранство состояло из дивана, двух стульев, стола, уродливого шкафа и односпальной кровати. К ней примыкала крохотная ванная комната, а за полиэтиленовой

занавеской пряталась кухонька того меньше. Мебель была старой и ветхой, стены — выцветшие и невзрачные, ковровое покрытие — тонкое, словно бумага. Я подошел к окну и посмотрел на парк и спокойные улицы. Поднял взгляд и увидел балкон и окно моего номера в отеле на той стороне.

— Хороший вид, — подала голос женщина.

Я рассеянно кивнул. Точно — Басму уже не вернешь. Здесь не осталось даже намека на личные вещи. Лишь то, что обычно входит в обстановку чрезвычайно скромной меблированной комнаты.

— Триста крон, — возвестила женщина.

— Что?

— Триста крон. Один месяц. — В мановении руки женщины читалось желание расхвалить мне преимущества жилья. — Сто американских долларов.

— Нет. — Я заторопился прочь.

Этой ночью я спал возле балкона: устроился в большом кресле и положил ноги на журнальный столик. Не шибко удобно, но терпимо, ибо мне нужно быть начеку. Важно не пропустить появление призраков, если они, конечно, этой ночью покажутся.

Я пытался читать, но не мог сосредоточиться на словах. Басма не уехал бы столь неожиданно, даже не попрощавшись, говорил я себе. Со слов той женщины выходило, что его забрали, а это, конечно же, означало, что увели его против воли. Но кто и почему? Казалось крайне маловероятным, что ливанские враги преодолели такое расстояние ради мести. Приятель так настойчиво предостерегал меня по поводу полиции Бланки, что я просто не мог себе представить, чтобы он хоть как-то оступился здесь. Явно в политику он не вмешивался. Но Басма был предпринимателем, а посему возможно, что его угораздило вляпаться в какую-нибудь аферу.

Могу ли я ему помочь? Наше общение было приятным, он мой друг. Басма никогда не пытался меня надуть или смошенничать. Нехорошо просто позабыть о нем, выкинуть из головы. Но я не мог придумать ничего, кроме как обратиться в полицию, а как раз этого делать не хотелось.

На рассвете меня разбудили звучные хлопки дверей автомобиля. Я тут же обратил внимание на серебристый «мерседес» с тонированными стеклами, припаркованный на углу напротив отеля. Мигали желтые огни аварийной сигнализации. В тот дом, где раньше жил Басма, вошли четверо мужчин в темных очках и льняных костюмах. Пока они были внутри, подъехал фургон и остановился позади «мерседеса». Через мгновение вышли четверо, причем вели пятого — без наручников, но сразу становилось очевидно, что это пленник. Я встал, распахнул окно и вышел на балкон.

— Басма.

Оглушенный недоверием, я назвал имя друга про себя, едва ли даже тихонько шепнул. Но в тот же миг все пятеро остановились и посмотрели на меня. Басма был напуган. Мне показалось, что одного из тех четверых я узнал. Но я сам был так потрясен, что непроизвольно отпрянул и споткнулся. Чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за балконную дверь. Тут же все исчезло, словно никого и не было, и я смотрел на совершенно безлюдный угол перекрестка.

Я сел на кровать и закурил. Руки тряслись, голова гудела. Дым, словно толченное стекло, драл горло, но я все равно глубоко затягивался, словно нарочно стремился сделать себе больно. Я отмотал по миру столько миль, повидал немало как прекрасного, так и гадкого, а в промежутке — бесконечно много всего, но сейчас впервые растерялся.

Потом меня охватила злость. При чем тут мои чувства? В беду попал Басма, ему нужно помочь или, по крайней мере, выяснить, что с ним произошло. К тому же я знал, что, кроме меня, в Бланке у него друзей нет. Ничего предпринимать мне не хотелось — даже думать об этом до невозможности страшно, — но что-то ведь надо делать. Теперь я по крайней мере знал, с чего начать.

Они вошли в пивной сад в четыре часа пополудни, как являлись несколько раз в течение прошлой недели. Дама была, как всегда, прекрасна, хладнокровна и шикарна. Она

принадлежала к тому типу женщин, в которых влюбляться поостережешься, но зато любоваться ими приятно. Однако заворожила меня не она, а ее спутник. Мужчина в льняном костюме. Басма предупреждал меня о них. Я был уверен в том, что как раз он и был тем офицером на коне, которого я дважды видел ночью. Я знал, что он один из тех, кто увел Басму.

Сны, кошмары, галлюцинации, призраки. Выбирай на вкус. Но, может, самым простым и достоверным объяснением происходящему было то, что я переживал упадок сил, вызванный разводом и внезапным перелетом в это гиблое место. Вполне разумно Я колебался, цепляясь за необоснованность своих умозаключений. Но я здесь, Басма пропал, а мужчина в льняном костюме казался таким реальным. Наконец я встал и подошел к столику, за которым сидела парочка.

— Прошу прощения, — начал я. — Извините, что подошел без приглашения. Я могу поговорить с вами?

— Да. Пожалуйста.

Мужчина жестом предложил мне присесть. У обоих был такой вид, словно они ждали меня, отчего я почувствовал себя еще более неловко.

— Я видел вас здесь почти каждый день с тех пор, как приехал сюда, — я в отпуске. Дело в том, что потерялся мой друг. Кажется, он пропал. Зовут его Басма, он ливанец, жил в угловом доме через дорогу. Вы его не знаете?

— Не думаю.

— Может, посоветуете, как мне о нем разузнать?

— Обратитесь в полицию.

В ответе была невыносимая комбинация любопытства и равнодушия. Я так ничего и не узнал.

— Басма полагал, что вы как раз и служите в полиции.

По крайней мере, хоть что-то. Сначала, чуть шевельнув бровью, мужчина тут же улыбнулся, словно какому-то дурацкому недоразумению. А дама сделалась крайне внимательна, и сложно было не вернуть ей всепоглощающего взгляда.

— Я работаю в правительстве, — сказал мужчина, — а не в полиции. Но вы здесь гость. Я попробую разузнать о вашем приятеле у кое-кого. Само собой, ничего обещать я не могу.

— Я понимаю.

— Вы остановились в этом отеле?

— Да. — Я назвал свое имя, номер комнаты и сказал, что пробуду здесь еще пять дней. — Благодарю за помощь. Извините за вторжение.

— Все в порядке.

Потом на меня накатило отвращение оттого, как почтительно я выражался, как лебезил, пытаясь хоть что-то разузнать. Тот человек явно знал Басму и знал всю подоплеку истории гораздо лучше моего, но и лицемером был отменным. «Благодарю за помощь». Но как еще мог я преподнести свой вопрос? В лицо обвинить его в аресте Басмы? Безумство! Абсурд описывать ему историю, которая каждое утро разыгрывается на перекрестке, и сообщать, что я знаю, чем занимается он и его подручные.

Так что возможности мои были в высшей степени ограничены. Я сделал все, что мог. И начал склоняться к мысли, что вот еще один факт моей жизни остается позади. Басма сгниет в мерзкой тюремной камере, если, конечно, уже не превратился в призрака. В любом случае я не могу предпринять ничего, что облегчит его положение. Я могу попытаться написать о Басме и о Бланке что-нибудь политическое и зубастое — только не здесь, конечно. Когда благополучно вернусь в Нью-Йорк. Только я ничего подобного никогда не писал.

Этой ночью я хорошо спал и на следующий день почти ничего не делал. Пару раз я немного прогулялся, но главным образом слонялся поблизости от отеля, читал и отдыхал. Тот правительственный чиновник с прекрасной спутницей не появлялся. Следующая ночь тоже прошла мирно: никаких снов и призраков. Было так приятно проводить дни в пивном саду, потягивая чай со льдом и лениво жуя кусочки холодной дыни. Я очень радовался тому, что мужчина в льняном костюме второй день подряд не показывается.

Порой я в самом деле думал о Басме, но по долгу службы я во всех уголках земного шара встречался со столькими людьми. Память о нем ускользала от меня. Я остыл настолько, что понял: задуманную статью я не напишу никогда. Потому что не смогу ее должным образом написать. Мой конек — туризм, а не политика, призраки и исчезнувшие люди. К черту Бланку. Может, это своего рода признание собственной несостоятельности, но зато я почувствовал, что нахожусь на пути к духовному исцелению, что как раз и было основной целью поездки.

Вечером я намеревался сходить в новый ресторан и поужинать чем-нибудь другим, только не стейком. А потом посетить какой-нибудь ночной бар. Наконец-то я созрел для серьезных отношений с противоположным полом. В самом начале восьмого я вышел из гостиницы. И в тот же миг у отеля резко затормозил серебристый «мерседес», из которого выпрыгнул мужчина в льняном костюме. И напрямик направился ко мне. Я решил больше не позволять этому неприятному типу меня запугивать.

— Хотите увидеть своего друга?

— Да. Где он?

— Я вас отвезу. — Жестом он указал на открытую дверцу автомобиля. — Прощу вас. Пока еще светло.

Я знал, что все остальные люди на улице стоят неподвижно и смотрят на нас. Спокойно и неторопливо я подошел к машине и сел, оказавшись между уже знакомым мне мужчиной и еще одним, который осмотрительно меня игнорировал. Я совсем не удивился, когда на переднем сиденье рядом с водителем увидел красавицу. Разок взглянув на меня, она отвела взгляд. Мы мчались через центр города. И, как я понял, направлялись на юг. Я задал несколько вопросов, но ответы получил неопределенные.

Водитель скорость не сбавил ни разу. Разве только погнал чуть быстрее, когда мы оказались в густонаселенном рабочем районе. Чтобы спастись, людям и животным приходилось в последний миг выскакивать практически из-под колес. Я чувствовал, как остальные пассажиры «мер-

седеса» пытаются сдерживать улыбку. Мы пронеслись мимо заводов, скотобоен, многоквартирных домов, скотных дворов, мясоперерабатывающих и консервных заводов, предприятий по замораживанию продуктов. Пролетев через убогие трущобы, пронеслись мимо того места, где мы с Басмой завершили экскурсию по южной окраине. Наконец «мерседес» помчался по грунтовой дороге, которая пересекала обширную пустошь, заросшую кустарником. Проехав по ней пару миль, я увидел, что мы приближаемся к скоплению автомобилей с включенными фарами, которые светили в одном направлении.

Меня подвели к краю длинного рва глубиной футов восемь. Сгустился сумрак, но еще не совсем стемнело, к тому же место действия освещали подключенные к генератору прожекторы. Яркий свет резал глаза. Здесь собралось около десятка людей, которые курили, спокойно разговаривали, что-то писали в блокнотах и фотографировали. Когда глаза привыкли, я заставил себя осторожно заглянуть в котлован.

Там оказались тела, двадцать или даже больше. У всех руки были связаны за спиной, затылки разворочены, лица вспухли. Я заметил, что среди тел кишмя кишат насекомые, а запах шел просто ужасный. Какое-то время я просто стоял и смотрел, но, ей-богу, ни единая мысль не приходила на ум. Мужчины в защитных очках и масках собирались опрыскать котлован каким-то химикатом.

— Вы можете опознать этого? — спросил мужчина в льняном костюме, указывая на конкретный труп. — Вон там.

— Да, это он. — Несмотря на распухшее лицо, я узнал моего последнего друга. — Это Басма.

— Мне жаль, — небрежно бросил он. — Ужасная смерть. Можно подумать, что смерть бывает прекрасной.

— Почему с ним случилось такое? Он был безобидный малый, гость в этой стране. Почему же они, — я чуть было не сказал «вы», но в последний миг удержался, — такое с ним сотворили?

— Пройдемте, пожалуйста.

Он провел меня к машине, где ожидала молодая дама. Она выглядела, как всегда, сногшибательно и на сей раз нарядилась в брючный костюм с тропическим рисунком, причем блузка была расстегнута на целых три пуговицы. Мужчина кивнул ей. Она открыла папку, которую я прежде не заметил, и что-то ему передала. Он показал мне.

— Это ваше?

Я почувствовал, как кровь отхлынула от щек, а потом вновь прилила к голове, пока я в замешательстве пытался собраться с мыслями. Он показал мне лист картона, на который были приклеены все клочки порванного штрафного талона за неправильную парковку.

— Да, в Нью-Йорке все так поступают. Надеюсь, здесь это не расценивается как особо тяжкое преступление. Я заплачу штраф, какова бы ни была сумма, и сделаю это прямо сейчас, если хотите.

— Отказались ли вы внести комиссию за просрочку в агентство проката автомобилей «Болеро», грозили ли написать негативный отзыв о компании в вашем журнале?

Я глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Я опоздал примерно на час, описал менеджеру ситуацию, и агентство, похоже на то, мои объяснения удовлетворили. Если это не так, я готов заплатить им тоже.

— Будьте добры ваш паспорт.

Я достал его.

— Зачем?

— Теперь можете садиться в машину. Офицер отвезет вас обратно в отель. Благодарю за содействие.

— Мне нужен паспорт, — заявил я ему. — Через три дня я улетаю домой. В воскресенье днем.

— Я знаю, — отвечал он. — Мы свяжемся с вами.

На обратном пути я пытался поговорить с водителем, но он игнорировал мои вопросы. Я был взбешен, но также напуган. Абсурд! Для опознания Басмы я не был нужен, но они заставили меня пройти через это, зная наверняка, что у меня не хватит мужества обвинить их в убийстве. Хорошенько взглядишь в котлован, говорили они мне, вот на что мы способны.

Если уж на то пошло, что же такое натворил Басма, что его угораздило закончить жизнь в лапах этих людей? Может, он был как-то связан с исламскими фундаменталистами? И местные власти считали, что ликвидируют мусульманского террориста? Или он был аферистом или контрабандистом, очаровательным злоумышленником, который сбежал из Бейрута лишь для того, чтобы удача изменила ему в Бланке? Мне он показался приятным и довольно-таки ленивым, с милыми манерами и тягой к спиртному. Но, по сути, я ведь едва его знал. Несколько раз мы обедали вместе и много раз пили — вот и все. Знакомство-то шалочное. Наши биографии и обстоятельства жизни слишком разные. Они не смогут так поступить со мной.

Здравый смысл подсказывал мне, что бояться нечего. Штрафы за парковку и просрочку автомобиля — пустяк, который легко уладить, заплатив наличкой. Я же американец, автор статей о путешествиях, работаю на известный международный журнал. Они могут изводить и запугивать меня, но вредить не посмеют.

И все же я решил предпринять меры предосторожности. На следующее утро я попытался связаться с ближайшим американским консульством, находящимся милях в четырехстах. Сначала оператор гостиницы сказала мне, что все междугородние линии заняты. Через час бесплодных попыток дозвониться мне сообщили, что линии связи повреждены и неизвестно, когда заработают снова. Я пошел на центральное почтовое отделение и попробовал позвонить оттуда, но с тем же успехом.

Тогда я попытался взять напрокат автомобиль — в другом агентстве. Пока я еще не составил четкий план действий, но в машине мне все равно отказали — паспорта не было.

Есть не хотелось. Я выпил два бокала пива и много курил. И бродил по городу до тех пор, пока не нашел железнодорожный вокзал. Там купил билет на ближайший поезд, даже не зная, куда он идет. Но полицейский в форме с улыбкой конфисковал мой билет:

— Мы не хотим, чтобы вы скрылись от нас, сэр.

Ну конечно. Ведь в распоряжении полиции находится штраф за парковку из мусорного ведра. Они разузнали обо мне в пункте проката. И все время следили за мной, ходили по пятам. Зачем — понять невозможно. Я вернулся в отель и, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие, написал письмо своему юристу в Нью-Йорке. Я рассказал, где нахожусь, что у меня проблемы с властями и что если он не услышит обо мне — то есть мой голос по телефону — к моменту получения письма, то непременно должен вытащить меня с Бланки: созвать пресс-конференцию, уведомить конгресс, задействовать государственный департамент, все, что угодно. Моему редактору я написал примерно то же самое. Я воспользовался бумагой гостиницы, но не проставил имя на конверте. Почта отеля мне не казалась безопасной, почтовые ящики на улице тоже, но все же я решил, что за пределами гостиницы мои шансы несколько выше. Я пошел прогуляться и как можно незаметнее опустил письма в почтовый ящик на углу. Потом пошел в парк, присел на скамейку и закурил. Ничего. Я вернулся в гостиницу как раз вовремя, чтобы взглянуть в окно и увидеть, как от почтового ящика отъезжает серебристый «мерседес».

«Моя последняя ночь в Бланке. Завтра я должен был улететь отсюда. В полдень. У меня все еще билет на руках. Но у меня нет паспорта. Я ждал два дня и две ночи. И ничего. Я все еще жду. Некуда идти, нечего делать, только курить, пить и ждать.

Я все время думаю о них: о красавце в льняном костюме и прекрасной молодой особе. Главным образом о ней и блузке, расстегнутой на три пуговицы. Грудь у нее небольшая, ведь ложбинки я не заметил, но зато форма ее совершенна. Дивная кожа чуть тронута солнцем. Мне бы хотелось лечь с ней, облизать ее всю, но ведь даже коснуться ее невозможно. На таких женщин можно только смотреть и думать, каково было бы затрахать их до смерти.

Вечером, когда я пришел на ресепшен с просьбой утром меня разбудить звонком, мне улыбнулись и сказали „да, конечно“ и улыбнулись еще разок. Никто не записал мою просьбу. Портье сказал, что я выгляжу не очень. Может, я желаю заказать ужин в комнату? Или пообщаться с кем-нибудь? Чистоплотным, поощрительно добавил он.

Все кончится задолго до полудня. В четыре или пять утра приедет серебристый „мерседес“, следом за ним — фургон. Те, что в фургоне, очистят номер от моих вещей, когда меня уведут. Однажды утром вы выглянете из окна и увидите, как это происходит, слишком поздно для меня — и для вас.

Надеюсь, я не один и там есть другие. Многие будут просить, умолять, кричать, наделают от страха в штаны, но кое-кто пойдет без посторонней помощи, спокойно и достойно. Если доведется, я бы хотел пройти именно так.

Хотя какое это имеет значение.

Я раздавил окурок. Открыл еще пива, достал очередную сигарету. Мне не нужно подходить к окну, чтобы узнать, что происходит снаружи. Пляшут сполохи света.

Помолитесь за меня».

ЙЕН УОТСОН

Глаз аятоллы

Йен Уотсон родился и вырос в Тайнсайде, близ Ньюкасла. С отличием закончив Оксфорд, Уотсон в течение нескольких лет читал лекции по английской литературе в Танзании и Японии. В настоящее время Уотсон живет в деревушке Мортон-Пинкни в графстве Нортгемптоншир и является активным сторонником Лейбористской партии и ядерного разоружения.

В 1974 году роман «Внедрение» («The Embedding») был номинирован на премию Джона Кэмпбелла, а через год французский перевод произведения завоевал премию «Apollo». С тех пор Йен Уотсон написал множество успешных романов и рассказов в жанрах научной фантастики и хоррора. Среди них роман «Мухи памяти» («Flies of Memory»), сборник «Слезы Сталина» («Stalin's Teardrops»), а также «Инквизитор» («Inquisitor») — новеллизация игры от «Games Workshop». В 1990 году издательство «Borgo Press» выпустило книгу Дугласа Маккея «Работы Йена Уотсона. Аннотированная библиография и путеводитель» («The Work of Ian Watson: An Annotated Bibliography & Guide»).

Журнал «Interzone» взял на себя смелость впервые опубликовать рассказ, представленный ниже. Несмотря на то что это художественный вымысел, в произведении затрагиваются животрепещущие темы, которые касаются всех нас.

Три года назад, во время войны с Ираком, в одном из боев Али лишился правого глаза вместе с частью лица. Что это был за бой и где он происходил — Али не знал. До грузовика, кашляющего выхлопными газами и набитого такими же, как он, шестнадцатилетними стражами исламской революции, его радостно — сын отправлялся в рай! — провожала мать, закутанная в длинное одеяние, с надвинутым на лоб платком. Лоб Али был украшен материнской кровью — она специально распоролла себе палец кухонным ножом.

Как она выглядела? Миндалевидные глаза, широкий нос, белые пухлые щеки, полные губы. Единственный раз, когда Али видел другие части ее тела, был момент его рождения, который он не осознал и, соответственно, не запомнил. Материнская кровь у него на лбу была священной.

Весь день и всю ночь грузовик ехал сквозь облака пыли. Громыканье, слабое вначале, по мере продвижения перешло в глухой рокот тяжелой артиллерии. Новобранцы молились нараспев хриплыми голосами и призывали смерть, дарующую райское блаженство.

Когда они прибыли на место, похожее на затянутый дымом лунный ландшафт, им выдали ручные гранаты и отправили через минное поле туда, где гремела канонада. Звук этот казался грохотом катящейся с неба каменной лавины, и Али почудилось, что он слышит могучее бие-ние сердца Аллаха, великого и милосердного. Взрыв фугаса разнес на куски его ближайшего соседа, оторванные руки и ноги взлетели к небесам. Этим же взрывом Али оторвало пол-лица.

Следующие несколько недель потонули для него в тумане. Али будто существовал внутри темного, глушившего все звуки грозового облака, время от времени прорезаемого красными сполохами боли. Едва он смог самостоятельно ходить, его выписали — госпиталь был переполнен, раненых некуда было класть. Закутанная по глаза мать радостно встречала своего мученика, лишившегося половины лица, а соседи восхищались, разглядывая его шрамы и изуродованную пустую глазницу.

Война закончилась, хотя исход ее был неясен.

Али часто ходил в центр города к Фонтану Крови — поглазеть на кроваво-красные султаны подкрашенной воды. Казалось, это бьет кровь из разорванных артерий. Вместе с полумиллионной толпой своих вопящих сограждан он призывал смерть на голову этого сатанинского писателя¹, богохульника и вероотступника, который скрывался где-то в землях дьявольского Запада.

¹ Речь идет о Салмане Рушди

И все же смерть настигла не его; умер аятолла¹, отец истины, возлюбленный Аллахом, великим и милосердным.

Горе навалилось на Али, горе терзало еще миллионы, десятки миллионов сердец. Как крот сквозь толщу земли, он пробирался к кладбищу Бехеште-Захра сквозь плотно спрессованную массу людей, составлявших одну из самых многочисленных толп в истории. Миллионы живых камешков спаял вместе цемент вселенской скорби. Хотя нет, эта толпа не была похожа на однородный конгломерат, что мог бы образоваться из камней, цемента и воды в некоей гигантской бетономешалке. Люди падали в обморок, визжали, тянулись, пробирались куда-то, они почти теряли рассудок от непереносимого горя; миллионная туча саранчи, и только один съедобный листок на всех — вскоре должен был прибыть гроб с телом. Али пробился к центру толпы, к площадке, образованной несколькими грузовыми контейнерами. Тысячи плакальщиков в унисон колотили себя кулаками по голове. Мистики набивали горшки землей со дна могилы и передавали их наверх; толпа жадно поедала драгоценную землю.

Вертолет приземлился. Не прошло и нескольких секунд, как буйная кучка молодежи накинута на гроб и выволокла закутанное в саван тело наружу. К нему протянулись сотни рук, и саван вмиг был изорван в клочья и растащен на реликвии. «Айя, Али, айя, Хуссейн» — скандировало десять тысяч глоток. Мелькнули в воздухе тощие бледные ноги праведника, похожие на палки, и тело тяжело рухнуло на землю.

Али боролся за добычу на передовой линии бойцов, но неполноценное зрение подводило его. Пробиваясь в задние ряды все прибывающей толпы, он гадал, что же это такое оказалось у него в правой руке. На ощупь предмет напоминал склизкий шарик для настольного тенниса. Выбравшись наконец на свободное место, отдуваясь, Али

¹ Аятолла Хомейни был первым духовным лидером исламской Республики Иран

раскрыл ладонь: в ней лежал остекленевший человеческий глаз с торчащим хвостиком глазного нерва. Он был похож на большого пухлого головастика.

Неужели произошло чудо? Неужели обрывок савана превратился в давно потерянный собственный глаз Али, который вернулся к нему? Ибо разве его самого не называли в честь святого мученика Али, основавшего школу истинного ислама?

В конце концов до него дошло, что же сотворили его пальцы и ногти: он, Кривой Али, вырвал глаз у аятоллы.

Позади него раздавались выстрелы: вертолет приземлялся повторно...

Позже Али узнал, что тело наконец удалось поместить в отведенное ему место в земле, и его накрыли тяжелыми могильными плитами, передавая их из рук в руки, и завалили могилу сверху дюжиной грузовых контейнеров. Никто, однако, не сумел бы описать, во что это тело в итоге превратилось.

Глаз покоился на полочке возле кровати Али, вперив в него свой немигающий взгляд (ибо как может мигать глаз, не имеющий века?). Он неотступно отслеживал все его перемещения по маленькой комнате; зрачок напряженно косил и поворачивался.

Али молился. Он думал о консерванте. Как лучше поступить? Нельзя же, в самом деле, залить глаз мусульманского праведника спиртом, хотя бы и медицинским? Поразмыслив, он отправился в аптеку: хочу замариновать дохлую лягушку, что посоветуете? Домой Али вернулся с баночкой формалина. Попад в жидкую среду, глаз обрел способность двигаться. Теперь он следил за Али, плавая в банке от стенки к стенке.

Следил именно за ним, за Кривым Али? О нет. Глаз просто стоял на страже, неусыпно бодрствуя. Али молился. Он видел сны. И вот однажды его посетило видение, в котором праведник превратился в ястреба. За кем же охотился ястреб, за кем следил его глаз? Он прочесывал взглядом поверхность Земли в поисках спрятавшегося где-то сатанинского писателя.

Когда воля Аллаха наконец проявилась, настало время действовать. Воистину в эти дни в Тегеране был спрос на видения. Ангелы привели Али в кабинет доктора Омара Хафиза, старейшины государственной ракетной программы, которому тоже снились вещие сны. В первом из них он взрывал атомную бомбу в Тель-Авиве, способствуя освобождению палестинцев. Те снаряженные мощной взрывчаткой стальные птички, что он направил на Багдад, были лишь прелюдией к основному шоу. Увы, проект был неосуществим из-за отсутствия нужной боеголовки. В следующем видении он запускал разведывательный спутник, чтобы шпионить за передвижениями иракских войск, — но тут подоспело объявление мира. Совсем недавно доктору Хафизу пригрезилось, что он применяет прототип ракеты-носителя для запуска на орбиту спутника связи; он должен был охватить вещанием всю Землю, неся ее народам истинное слово Аллаха.

Ангел посетил и доктора Хафиза. «Мы сумеем запустить твоего ястреба на орбиту, — заверил доктор Али. — Холод космоса убережет глаз от гниения. С высоты он увидит Европу, Америку, Африку. Этот сатанинский писатель может скрываться где угодно. Может быть, он даже сделал пластическую операцию. Глаз найдет его везде, узнает под любой личиной благодаря своей чудесной сверхвосприимчивости. Ведь ищет-то он именно его — если понадобится, будет искать хоть пятьдесят лет».

«И я, Кривой Али, в нужный момент, когда ястреб увидит свою жертву, должен оказаться под рукой, не так ли? — спросил Али. — Разве не сам Аллах вручил мне этот глаз?»

События разворачивались, словно благоуханная роза из бутона. Хирурги исправили его лицо, восстановили глазную орбиту и вставили стеклянный глаз. Преподаватели подтянули Али в языках, и теперь его английский и французский можно было при желании назвать беглым. Коммандос дали Али неплохую военную подготовку, которой так прискорбно недоставало ему, когда он был на фронте. Согласно выданным ему фальшивым документам, Али стал натурализованным австралийцем.

Вскоре его страна запустила свой первый искусственный спутник Земли под названием «Глаз аятоллы». На весь мир было объявлено (и, соответственно, доведено до сведения сатанинского писателя, где бы тот ни скрывался), что название не аллегорическое и в спутнике действительно находится поименованный глаз. Погрязшие во мраке невежества неверные, живущие за пределами твердыни ислама, только посмеялись. Недостойные, живущие внутри твердыни ислама, косились на ночное небо с опаской.

Всецкой правды об Али не знал никто, кроме узкого круга правящей иерархии. Когда он закрывал свой левый глаз, его искусственному собрату открывался вид Земли из космоса. Ибо этот стеклянный глаз был чем-то большим, нежели простая стекляшка. Чудесным образом Али мог видеть то, что видел сквозь линзы телескопа на спутнике глаз аятоллы. Все было так, как и обещало видение доктора Хафиза...

В ледяной пустоте, за пределами земной атмосферы «Глаз аятоллы» вращался на своей орбите год, два года, пять лет... Под видом стопроцентного австралийского иммигранта в отпуске Али разъезжал по всему миру, оплачивая расходы с помощью принимаемой в любой стране золотой карточки *American Express*. И все же он экономил на всем — ему по-прежнему было жалко тратить деньги.

Допустим, спутник летит над Пакистаном. Глаз, кажется, дергается — Али едет в Пакистан. Осечка: должно быть, виновата вспышка на Солнце. Над Никарагуа — опять судорога, и Али едет в эту беспокойную страну. Может быть, космические лучи так подействовали? Он оказывался то в Швеции, то в Ирландии, то в Америке, Англии, Франции. И продолжал наблюдение. В своем потайном укрытии сатанинский писатель написал и опубликовал вторую книгу, что только удвоило усердие Али.

Прошло семь лет. Глаз наблюдал. Али наблюдал.

И вот в конце концов глаз бешено запульсировал. Он смотрел в этот момент на некий остров вблизи юго-западного побережья Шотландии. Островок был крошеч-

ный, он угнезвился в бухте более крупного острова, напоминая новорожденного китенка, прижавшегося к боку матери-левиафана. Глаз на спутнике пролетел дальше, но увиденный образ уже накрепко запечатлелся в памяти Али.

Он прилетел в Лондон, получил в посольстве пистолет и гранаты и сел в поезд до Глазго.

Надо было несколько недель подождать повторного пролета спутника над нужной частью Шотландии. Али накопил карт и путеводителей и вскоре выяснил, что большой остров называется Арран, а маленький — Святой¹. Прочитав название острова, Али сжал челюсти.

Когда пришло время, он сел в автобус, идущий к морю. На Арран он перебрался на пароме, взял напрокат подержанный автомобиль и отправился исследовать остров. Это был край гранитных скал и моховых болот, поросших папоротником ущелий и быстрых ручьев, текущих меж огромных валунов, моренных отложений, рощиц хвойных деревьев, среди которых паслись рыжие олени. На юге острова ландшафт резко менялся. Появлялись пологие холмы, поросшие вереском, ровные пастбища, а побережье украшали песчаные пляжи с редкими пальмами.

Али поселился в отеле небольшого городка Ламлэш, расположенного на берегу пролива ровно напротив Святого острова. Согласно легенде, он был геологом-самоучкой и завзятым любителем птиц, для чего привез с собой геологический молоток и бинокль.

Островок был самой заметной деталью пейзажа. Его береговая линия протянулась мили на две. Гряда островерхих утесов и густые вересковые заросли давали приют диким козам, длинноногим небольшим овцам соэйской породы и огромному количеству птиц. Остров Святой был природным заповедником, центром изучения дикой природы. На его южной оконечности, на берегу залива Клайд, возвышался маяк.

«Нечестивый остров», — подумал Али.

¹ Холи-Айленд, Англия.

Во времена пророка Мухаммеда (да будет благословенно его имя) на острове жил христианский святой Молез¹. К его келье можно было пройти и сейчас; викинги в свое время обезобразили ее стены руническими надписями. В чем-то наподобие кельи-клетки оказался теперь и сатанинский писатель. Неужели, поселившись здесь, он думал, что сможет спокойно гулять вместе с овцами по вересковым пустошам, не опасаясь за свою жизнь? Прутьями клетки его были теперь лучи зрения подлинного святого праведника, чей глаз продолжал жить и видеть.

Но прежде необходимо было вернуть на Землю приборный отсек, в котором бережно хранился сей орган зрения, ибо таков был замысел доктора Хафиза. Ястреб должен броситься на свою жертву.

Изучив карты, Али выбрал нужное место — узкую долинку, ведущую к небольшой возвышенности. Он сделал звонок на секретный номер в Австралии, откуда сообщение ушло в Тегеран. На следующий вечер самый важный отсек спутника «Глаз аятоллы» вошел в атмосферу, снизился и совершил мягкую посадку среди зарослей вереска.

А на следующее утро Али переправлялся на пароме на Святой остров в компании полудюжины орнитологов. Море было беспокойно, дул свежий бриз, и очень скоро усаженная линзами коробка, в которую Али поместил глаз аятоллы, вся покрылась брызгами. Она висела у Али на шее и была похожа на позолоченную фотокамеру. Али уже несколько раз ловил заинтересованные взгляды. Вероятно, это путешествующий инкогнито арабский нефтяной шейх, любитель птиц, который не смог преодолеть желание хоть как-то выделиться, казалось, говорили они.

«Ах, — подумал он про себя, — я всего лишь смиреннейший слуга Аллаха».

К счастью, плавание не совпало со временем молитвы, однако Али обнаружил, что его зрение странным образом

¹ Согласно легенде, ангелы дали святому Молезу возможность своими глазами увидеть ад, дабы он мог рассказать о его ужасах своим знакомым-пьяницам с целью излечить их от этого греха.

затуманилось. Укрывшись от взглядов за какими-то мешками, он открыл золоченую коробку и вновь ощутил у себя на ладони священный глаз. От мягкого на ощупь шарика исходил жгучий холод, как будто глазное яблоко все еще было заморожено. Повинуясь внезапному наитию, Али вытащил из глазной орбиты свой стеклянный протез и вставил вместо него глаз аятоллы.

Перед глазами все поплыло. Он увидел перед собой одновременно две накладывающиеся друг на друга картины: близящуюся гряду мрачных утесов с шапками пены у подножия и то, что не могло быть не чем иным, как картиной рая. Перед ним простиралась зеленая долина, где били фонтаны молока, которое затем ручейками бежало по земле, где повсюду сверкали разноцветные драгоценные камни, — и все это великолепие окружали танцующие всплески сияния нежных пастельных тонов, похожие на прозрачные розовые покрывала танцовщиц (не хватало только самих девушек). Это было неопределенное обещание наслаждений, не имеющее, однако, материальной основы, как будто он глядел на Эдем, давно затерянный в прошлом, который ему любезно согласился показать его ангел.

Должно быть, эта картинка всегда таилась в его подсознании, в фокусе его внутреннего зрения. В этот мистический момент он, казалось, понял, что видит то, к чему всегда стремилась его душа. Все вокруг было преисполнено чистой светлой радости творения, даже с некоторой долей озорства. Мед тек, как лава с вершины холма.

Он прикрыл собственный глаз и оком праведника вновь увидел перед собой все те же мрачные утесы во всей их непреложной подлинности. Чайки издавали пронзительные воинственные крики. Солнце казалось язвой, источающей желтый гной, а его остаточный образ, который сохраняется некоторое время на сетчатке, когда закрываешь глаз, — кровавым кругом. Шум прибоя отдаленно напоминал грохот камнепада, который чудился ему тогда, на фронте.

— Ну и ну, — удивленно пробормотал Али, — а ведь ты, писатель, уже живешь в аду.

Он закрыл правый глаз и взглянул на мир собственным. Вновь засверкали многоцветные радуги — результат взаимодействия разных визуальных полей, — пробуждая глубоко запрятанные воспоминания о тех давних временах, когда он смотрел на новый удивительный мир глазами младенца и ему приходилось самому создавать вокруг себя вселенную.

— Действительно в аду, — добавил он, — если, конечно, твои глаза не видят по-другому.

Сойдя с парома, Али пошел по острову, попеременно открывая то один глаз, то другой. Его правый, праведный глаз наблюдал все ту же скучную картину — камни, небо да траву, в то время как левый дразнило зрелище полупрозрачных вуалей нежных тонов, скрывающих за собой манящие красоты рая.

Али шел, останавливался, снова шел. Глаз аятоллы вел его по каменистой тропе, и конечной точкой его пути был старый фермерский дом, ныне почти развалившийся, с пыльными окнами, окруженный высокой проволоочной оградой, очевидно служившей защитой от коз. Сейчас его охраняли только чайки.

Сатанинский писатель сидел за письменным столом. Вид у него был довольно измученный, один глаз подергивался; он был почти полностью лыс. И все же при виде незваного гостя, словно бы нехотя наводившего на него пистолет, он улыбнулся:

— Ну вот и дождался наконец.

И эта чертова улыбка — свидетельство его нормальности!

Али закрыл глаз праведника. Левым, собственным глазом он видел нимб над головой писателя. Сжав покрепче рукоятку пистолета, вперился правым глазом в лицо презренного писаки. Через секунду открыл и левый глаз; немедленно все перед ним поплыло, голова закружилась — он закрыл левый глаз.

— Ты похож на оживший светофор, — заметил писатель с таким видом, будто он отбирал афоризмы для некоего будущего словаря крылатых слов и выражений.

Взор аятоллы привлек нож для разрезания бумаги, привыкший вскрывать пухлые конверты, набитые чеками в валютах Сатаны — долларах, фунтах стерлингов, франках, марках, — коими оплачивались богохульные услуги этого писаки.

Левым глазом Али также увидел нож с острым кончиком. Розоватые, цвета разбавленной крови отблески лежали на лезвии. Ручка отсвечивала перламутром. Али вспомнил войну с Ираком и вдруг почувствовал себя обманутым. Странное желание зародилось у него в душе.

— Который из моих глаз, — спросил он, словно загадывая загадку, — который из них мой настоящий — мой истинный глаз?

Поражаясь, очевидно, странностям человеческой природы, писатель уставился на незнакомца, который поглядывал на него то одним, то другим глазом по очереди. Неужели ему действительно предлагали выбор, как это бывает в сказках? Выбор между жизнью и смертью — или всего лишь выбор между различными видами смерти?

Немного поколебавшись, он выпалил наугад:

— Левый.

— Сам ангел говорит твоими устами, — сказал Али; он схватил нож, открыл оба глаза и направил кончик стального лезвия на глаз праведника.

Писатель напрягся — он решил, что ошибся, хотя, наверное, в данном случае и нельзя было сделать верный выбор, — но Али воткнул нож в глаз аятоллы, вырвал его из глазницы и всадил нож вместе с распоротым, сочащимся глазом в доску стола.

— Этот глаз видит ад, — сказал он.

С его души свалилась огромная тяжесть, копившаяся в ней все эти годы обладания глазом аятоллы, и в первый раз за всю свою жизнь он почувствовал, как из его левого глаза текут слезы.

КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР

Призрачное лицо¹

Карл Эдвард Вагнер, издатель, писатель, лауреат Британской премии фэнтези и Всемирной премии фэнтези, родился в Ноксвилле, штат Теннесси. По образованию Вагнер психиатр. Его первая книга «Паутина тьмы» (*«Darkness Weaves With Many Shades»*), в которой появляется Кейн, положила начало серии динамичных, захватывающих романов в жанре героического фэнтези. Среди произведений о Кейне — «Тень Ангела Смерти» (*«Death Angel's Shadow»*), «Кровавый камень» (*«Bloodstone»*), «Поход Черного Креста» (*«Dark Crusade»*) и сборники «Ветер ночи» (*«Night Winds»*) и «Книга Кейна» (*«The Book of Kane»*).

В романах «Дорога королей» (*«The Road of Kings»*) и «Легион теней» (*«Legion from the Shadows»*) Вагнер поведал о новых приключениях героев Роберта Говарда — Конана и Брана Мак Морна. Лучшие рассказы в жанре хоррор представлены в сборниках писателя «В безлюдном месте» (*«In A Lonely Place»*), «Почему не ты и я?» (*«Why Not You and I?»*) и «Не боясь утреннего света» (*«Unthreatened by the Morning Light»*). Вагнер выступал в качестве составителя антологий «Лучшее за год. Ужасы» (*«The Year's Best Horror Stories»*), впоследствии переизданных в твердой обложке под названием «Рассказы в жанре хоррор» (*«Horrorstory»*), а также сборников «Эхо бесстрашия» (*«Echoes of Valor»*) и «Безумный страх» (*«Intensive Scare»*).

Вагнер часто бывал в Лондоне, и повесть «Призрачное лицо» отражает его восхищение древним городом и его тайнами, а также популярным в 1960-е годы телесериалом «Мстители» (*«The Avengers»*). Это произведение является частью романа, над которым Вагнер работал в течение нескольких лет.

¹ В оригинале название рассказа «At First Just Ghostly», представляет собой фразу из песни «A Whiter Shade of Pale» (1967) британской рок-группы «Procol Harum». Полностью фраза звучит так: «Her face at first just ghostly, turned a whiter shade of pale» («Ее лицо, сначала лишь слегка походившее на лицо призрака, стало бледным как смерть»).

І. Мы начинаем снижение

Его звали Коди Леннокс, и он возвращался в Англию для того, чтобы умереть, а может быть, просто для того, чтобы все забыть, — ведь, в конце концов, это почти одно и то же.

Примерно час назад он задремал и проснулся, когда стюардесса «Бритиш Эйрвэйз» вежливо предложила ему заполнить иммиграционную форму. Он положил бумагу рядом с незаконченным пасьянсом и законченным бокалом скотча — и напомнил себе, что теперь в баре надо будет называть его «виски». Это была одна из немногих вещей, которые он забывать не собирался.

Леннокс постучал по бокалу:

— Может, еще один?

— Разумеется, сэр. — Стюардесса была блондинкой, хорошенькой, прекрасно сложенной, и говорила, словно дикторша Би-би-си, но с едва заметным ланкаширским акцентом. В ее профессиональную подготовку входило умение не коситься неодобрительно на пассажиров бизнес-класса, отказывающихся от завтрака в пользу лошадиной дозы виски.

Сосед Леннокса одарил его хмурым взглядом из-за бифокальных очков и снова уткнулся в сборник кроссвордов. Леннокс решил, что он — бухгалтер какого-то особенно отвратительного телевизионного проповедника и, несомненно, направляется по срочным делам в Швейцарию. Они обменялись несколькими фразами в самом начале перелета, когда Леннокс после выпитого в аэропорту шампанского и трех виски подряд признался, что он — писатель.

Сосед (*язвительно*): А, ну тогда назовите книги, которые вы написали.

Леннокс (*внешне добродушно*): Вы первый. Назовите книги, которые вы прочитали.

Далее воцарилось ледяное молчание, во время которого Леннокс раскладывал бесконечные пасьянсы при помощи принесенной стюардессой колоды карт и выпил бес-

численное количество бокалов виски, которое та усердно налиwała ему. Он подумывал было подняться наверх, в комнату отдыха, но визит в уборную убедил его в том, что он вряд ли осилит подъем по лестнице. Поэтому он продолжал терпеливо раскладывать пасьянсы, несмотря на постоянные неудачи, и, раз за разом проигрывая, подавлял настойчивое желание жутьничать. Когда-то один друг в пьяном озарении сообщил ему, что Полный Неудачник — это тот, кто жутьничает в пасьянсе и все равно проигрывает, и Ленноксу не хотелось рисковать.

В конце концов он заснул.

Коди Леннокс любил летать бизнес-классом. Он был долговязым — за метр девяносто, и хотя лицом и прической еще напоминал Джеймса Дина¹, телу его уже перевалило за сорок, и оно протестовало, когда его втискивали во фруктовый ящик под названием «место эконо-класса». Он часто говорил, что съедобная пища и выпивка без ограничений в течение семичасового перелета стоят потраченных денег, а в качестве профилактики против скуки и расстройства биоритмов он обычно напивался до блаженного отупения и всю дорогу спал. Когда-то они с Кэти летали на «Конкорде», и в память о ней он больше никогда так не делал.

Он еще не привык путешествовать в одиночку и не думал, что привыкнет когда-нибудь.

Выглянув в окно, он увидел, что тьма сменилась серым рассветом. Они двигались навстречу солнцу, появились облака, затем рассеялись; вдаль, на краю однообразного серого моря, мелькали кусочки зеленого берега. Наверное, Ирландия, решил Леннокс и допил виски.

Он почувствовал себя увереннее и заполнил иммиграционную карточку, поморщившись, — он заранее знал, что поморщится, — над строчками о семейном положении и прочем. Затем вложил бумажку в паспорт, стараясь не смотреть на свою фотографию. Настало время для очередного пасьянса; он собрал и перетасовал карты.

¹ Джеймс Дин (1931–1955) — американский киноактер.

— Мы приближаемся к лондонскому аэропорту Хитроу, — объявили по громкой связи. Леннокс клевал носом. — Пожалуйста, пристегните ремни, приведите спинки кресел в вертикальное положение, поднимите откидные столики...

— Уважаемые пассажиры, воздержитесь, — подсказал Леннокс, сгребая в кучу карты и поднимая столик. — Задраиваем люки, салаги. Приготовьтесь покинуть корабль.

— Знаете, почему у вас никак не получается ваш пассажанс?

— А? — удивился Леннокс — это была первая фраза соседа с тех пор, как берег Нью-Джерси скрылся из виду.

Загадочный бухгалтер указал остроконечным пальцем на пол салона:

— У вас в колоде не хватает карты.

Из-под подошвы блестящей черной туфли бухгалтера выглядывала пиковая дама.

— Возможность произнести подобную реплику выпадает только раз в жизни, — с восхищением ответил Леннокс и наклонился, чтобы поднять сбежавшую карту, но в этот миг самолет коснулся земли, и ее отшвырнуло в сторону.

Возможно, основным преимуществом перелета бизнес-классом через Атлантику является то, что вы первым покидаете самолет и первым проходите паспортный и таможенный контроль. Леннокс до смерти боялся оказаться среди толпы болтающих без умолку вдов с голубыми волосами из Нью-Джерси или бурного потока студентов, увешанных рюкзаками и спальными мешками. «Американцы не умеют стоять в очереди, — когда-то заметил он, обращаясь к терпеливому джентльмену у окошка в лондонском банке. — Они просто кружат на месте и издают недовольные возгласы».

— Какова цель вашего визита в страну, сэр? — спросил сотрудник иммиграционной службы, листая паспорт Леннокса.

— Вообще-то, я в отпуске, — начал Леннокс. — Хотя налоговой службе я сообщил, что у меня здесь кое-какие дела, — через несколько дней я поеду в Брайтон на Международный съезд писателей-фантастов.

Чиновник автоматически поставил в паспорт штамп.

— Значит, вы писатель, правда, сэр? — Внезапно он очнулся от своей спячки и открыл паспорт на странице с фотографией.

— Коди Леннокс! — Он, не веря своим глазам, переводил взгляд с фотографии на оригинал. — Боже мой, а я как раз только что закончил «Они не умирают!».

— Мир тесен, — оригинально отозвался Леннокс. — Так вы меня впустите?

— Вы первая знаменитость, с которой я встретился. — Чиновник вернул ему паспорт. — У нас с женой от ваших книг прямо мурашки по коже бегают. Сейчас работаете над чем-то новеньким?

— Может быть, напишу что-нибудь, пока буду здесь.

— Тогда я обязательно прочту.

Леннокс отправился в зал получения багажа и нашел два своих потрепанных чемодана. Они были наполовину пусты, поскольку он предпочитал покупать все необходимое на месте и ненавидел укладывать вещи. Еще он ненавидел ручную кладь, людей с ручной кладью и всяческие камеры. Подобная эксцентричность порой порождала толки насчет его национальности.

Но Коди Леннокс был американцем: он родился в Лос-Анджелесе в семье статистики из Скандинавии и сотрудника киностудии; потом отец его бросил семью и уехал в Мексику. Коди учился чуть ли не во всех штатах, два раза почти получил ученую степень и сейчас жил в Нью-Йорке. За последние пять лет он написал восемь романов в жанре хоррор, которые стали бестселлерами, не считая первых книг, позволивших ему с самого начала платить по счетам. Его романы ненадолго задерживались в списках бестселлеров, но они тем не менее туда попадали, и в его завидную копилку входили права на фильмы и работа над сценариями. Его дважды приглашали к

Джонни Карсону¹, но он ни разу не появлялся в программе «В субботу вечером»². Его книги по месяцу красовались у касс супермаркетов рядом с таблоидами и телепрограммами. Это было его образом жизни и давало ему средства к существованию. Когда-то он был счастлив.

Коди Леннокс потащил свои чемоданы по «зеленому коридору» таможни Хитроу. Он проделывал этот путь больше десяти раз, и его никогда не останавливали. Иногда он подумывал о том, чтобы сделаться контрабандистом. Вероятно, он казался таможенникам слишком безобидным, чтобы копаться в его багаже.

В своих дорогих джинсах, футболке и мятом льняном пиджаке он выглядел, как рок-звезда на закате карьеры. У него еще было лицо молодого Джеймса Дина, но его пепельные волосы были такими светлыми, что казались седыми. Левое ухо у него было проколото, но он редко надевал серьгу, и модная недельная щетина была едва заметна. Его светло-голубые глаза скрывали очки с синими стеклами, но он носил очки не как дань моде, а по необходимости — яркое солнце буквально слепило его.

Леннокс задержался у стойки банка, расположенной у выхода из аэропорта, чтобы обналичить туристские чеки, и перевел стрелки исцарапанных часов на лондонское время. Он нигде не видел своего соседа и был этому рад. Этот гад несколько часов не мог сказать ему об упавшей карте!

Туда, куда собирался ехать Леннокс, вела линия Пикадилли, но он был не в том настроении, чтобы пихаться в подземке в час пик. В голове у него еще шумело после перелета и перебора с выпивкой, и он встал в очередь на такси, подталкивая чемоданы ногой и стараясь не обращать внимания на растерянных американских туристов и воинственно настроенных немцев, которые нагло протискивались в начало очереди.

¹ Джонни Карсон (1925—2005) — американский телеведущий и комик, ведущий ток-шоу «The Tonight Show Starring Johnny Carson».

² «Saturday Night Live» — ночная телепрограмма на канале NBC.

Леннокс очень устал, с похмелья у него разболелась голова, когда очередной черный «остин» затормозил рядом. Он бросил чемоданы на место отсутствующего переднего пассажирского кресла и залез назад. После самолета сиденье показалось ему просторным, и он вытянул длинные ноги.

— ОТЕЛЬ «Блумсбери Парк», — сказал он. — Небольшое здание на Саутгемптон-роу. Рядом с Рассел-сквер.

— Знаю это место, папаша, — ответил водитель. — Снова название поменяли, а?

— Точно. Раньше назывался «Гранд-ОТЕЛЬ». И одному богу известно, как до этого.

II. Затерян в одиночестве

Было около девяти утра, когда таксист аккуратно развернулся на сто восемьдесят градусов на Саутгемптон-роу и высадил Леннокса и его чемоданы у дверей отеля. Кроме названия, в отеле «Блумсбери Парк» за последний десяток с лишним лет, когда Леннокс здесь останавливался, полдюжины раз менялись хозяева, но главный швейцар служил здесь, наверное, еще с довоенных времен, и он приветствовал Леннокса радостной улыбкой.

— Рад видеть вас снова, сэр.

— Рад возвращению, мистер Эдвардс.

В последний раз он останавливался здесь около года назад, и Эдвардс помнил, что нельзя спрашивать его о жене.

Новые хозяева приказали снова переделать холл; на этот раз в модном стиле арт-деко, который в сочетании с остатками предыдущего оформления в стиле модерн смотрелся так же нелепо, как килт на пожилом туристе, который тащился через холл за женой, бубня что-то себе под нос.

Джек Мартин у стойки администратора царапал что-то на листке бумаги с названием и адресом отеля.

— Привет, Джек.

— Коди! Глазам своим не верю! А я как раз писал тебе записку, хотел сообщить, где я остановился.

— Синхроничность¹, старик. Ты давно здесь?

— Прилетел в воскресенье из Лос-Анджелеса. Еще не отошел от смены поясов, но дополз сюда, чтобы узнать, приехал ты или нет. Завтракал? Наверное, вас в самолете кормили. Нормально долетел?

— Нормально. Все, что заканчивается так или иначе, — нормально. А теперь дай-ка мне зарегистрироваться.

Пока Мартин доставал сигареты, Леннокс принялся заполнять бумаги. Нет, его номер еще не был готов, но Леннокс этого ожидал и отдал свои чемоданы в распоряжение носильщиков.

Девушка за стойкой была рыжеволосой ирландкой, вдвое моложе Леннокса, и он стал вспоминать, служила ли она здесь в прошлый раз. Скорее всего да, а может быть, она от природы не страдала застенчивостью.

— Вы очень популярны, сэр. Вам уже дважды звонили.

— Скорее, уже десять раз, принимая во внимание мои взаимоотношения с гостиничными коммутаторами. — Леннокс прочел записки. — Майк Карсон просил перезвонить и передал, что с меня пинта. А другая — от какого-то мистера Кейна?

— Он сказал, что свяжется с вами.

— Никогда о таком не слышал. Может, это секретарь по протокольным вопросам из Букингемского дворца, а? Пошли, Джек, пора выпить.

— Пабы открываются в одиннадцать, — напомнил ему Мартин.

— Я покажу тебе свой частный клуб.

На Саутгемптон-роу, чуть дальше от отеля, находился мини-маркет, где Леннокс купил Мартину коробку апельсинового сока, а себе — две банки светлого пива. Они прошли по Космо-плейс, переулку, упиравшемуся в Ку-

¹ *Синхроничность* — термин из аналитической психологии, обозначающий группирование двух или более событий вокруг одного смыслового центра. Для того чтобы быть синхроничными, два или более события должны произойти одновременно и иметь большое влияние друг на друга, но при этом у них не должно быть причинно-следственной связи друг с другом.

ин-сквер, и нашли под деревьями свободные скамейки. Леннокс, изо всех сил стараясь унять дрожь в руках, откупорил банку.

Мартин пытался сообразить, как открыть сок.

— Ну, Коди. Как у тебя дела?

Это был не просто традиционный вопрос, и Леннокс ненавидел осторожный, сочувствующий тон, которым он был задан; но он успел ко всему этому привыкнуть, и рана уже не болела так сильно.

— Грех жаловаться, Джек. «Они не умирают!» еще на первом месте в рейтингах, и Мак говорит, что акулы уже кружат, чтобы заполучить следующую вещь.

— Ну а сам-то ты как?

Леннокс прикончил пиво, со вздохом протянул руку и с задумчивым видом открыл следующее. Затем заговорил:

— Мы с Кэти часто приходили сюда посидеть. Здесь неподалеку, на Теобальдс-роуд, есть одна забегаловка, где делают лучшую рыбу с жареной картошкой, которую я когда-либо пробовал. Мы брали ее навынос, сидели и ели здесь, а потом шли обратно к «Солнцу» и запивали все это пинтами ужасающего эля.

Он закрыл глаза, сделал большой глоток и погрузился в воспоминания. Открыв глаза, он увидел обшарпанные скамейки, загаженные голубями, урны, переполненные бутылками из-под сидра, валяющиеся повсюду пивные банки и пакеты из-под чипсов. В сквере воняло мочой и невымытыми телами: по ночам здесь спали бродяги.

— Отпусти это, Коди.

— Не могу. Мне не за что больше держаться, кроме воспоминаний.

— Но ты же просто себя убиваешь.

— Я уже мертв.

На церковной колокольне пробило десять. Леннокс всегда подозревал, что вместо колоколов там подвешены старые кастрюли. И глухой гном колотит по ним поварешкой. Колокольня представляла собой тяжеловесное оружие, контрастировавшее с остатками простой архитектуры эпохи королевы Анны.

— Церковь Святого Георгия Великомученика, — про-
изнес Леннокс. — Здесь сплошная история. Видишь баш-
ню? К ней приложил руку Хоксмур¹.

— Что еще за Хоксмур?

— Герой известной трилогии в жанре фэнтези. А ты
знаешь, что, например, церковные крипты соединены тун-
нелем, проходящим под Космо-плейс, с подвалами того
паба на углу — «Кладовка королевы»?

— Не знал, что ты читаешь путеводители.

— Не читаю. Это рассказал нам старик, с которым я и
Кэти часто пили. Его звали Деннис, и он всегда пил «пур-
пурный бархат» — это смесь стаута с портером. С тех пор
я его не видел.

— С такими привычками это неудивительно. — Мар-
тин бросил коробку из-под сока в урну. — А почему свя-
той Георгий — мученик? Я всегда думал, что старик Ге-
оргий прикончил своего дракона. Наверное, был еще один
такой святой.

— Или еще один дракон, — сказал Леннокс. — Пошли
посмотрим, не готов ли мой номер.

Комната была готова. Леннокс налил себе скотча из
бутылки, найденной в чемодане, — что называется, привез
уголь в Ньюкасл, — затем позвонил Майку Карсону. Кар-
сон сказал, что будет ждать их в «Лебеде» после один-
надцати, и он действительно оказался там.

Леннокс был у бара, заказывал по первой порции пива.
После прошедшего ночью дождя выглянуло солнце, потеп-
лело, и они уселись за столиками на улице, на Космо-плейс.

— А ты никогда не замечал, — заговорил Карсон, —
что Коди всегда привозит с собой хорошую погоду?

— Нет, не замечал, — ответил Мартин. — Наверное, ему
просто везет.

Карсон достал сигареты, и они закурили.

— Как-то раз Коди сказал мне, — начал он, затягива-
ясь, — что англичане берут с собой зонтики, потому что

¹ *Николас Хоксмур* (1661–1736) — английский архитектор.

ждут дождя. Коди говорит, что никогда не носит с собой зонт, потому что ждет хорошей погоды.

— Это первое оптимистичное высказывание, которое я слышу от Коди.

— Это не оптимизм, — возразил Карсон. — Это его чертово самомнение.

Мартин обернулся и взгляделся внутрь паба. Леннокс еще ждал очереди у стойки. Мартин сказал:

— Видит Бог, везение тут ни при чем. Только не с Коди.

— Ты думаешь? И как он?

— Да бог его знает. Это на него плохо подействовало. Я за него беспокоюсь.

Джек Мартин был невысокого роста, ниже большинства своих сверстников, в его аккуратно подстриженной бороде серебрилась седина, а под спортивной курткой из шелка-сырца выступал намечающийся живот. Он был знаком с Ленноксом еще с тех времен, когда они оба были энергичными начинающими писателями в Лос-Анджелесе, до того, как Леннокс переехал в Нью-Йорк. Он был автором нескольких книг, которые не могли соперничать по продажам с романами Леннокса, но написал сценарии для трех успешных фильмов ужасов (одного — по мотивам раннего романа Коди) и обзавелся верными поклонниками среди ценителей жанра. Он хотел стать популярным писателем. Они с Ленноксом дружили с колледжа.

Майк Карсон был повыше Мартина, но ниже Леннокса. Он был худощав, с короткими черными волосами и задумчивым выражением лица. Он носил длинное пальто, широкую рубаху и мешковатые брюки и внешне чем-то напоминал панка или психически неуравновешенного чахоточного художника, медленно умирающего голодной смертью в мансарде; на самом же деле он был ирландцем и вполне неплохо жил на гонорары от умеренного количества проектов и зарабатываемые женой деньги. Карсон был дизайнером обложек для британских изданий последних пяти романов Леннокса, и, хотя Леннокс никогда об этом не говорил, Карсон знал, что он настаивал на включении его

имени в свои контракты. Карсон знал Леннокса еще со времени их с Кэти первого визита в Лондон, — когда пинта пива в Вест-Энде стоила тридцать пенни, и Карсон сделал ошибку, попытавшись напоить его до бесчувствия.

— Два горьких и твое светлое, Джек, — сказал Леннокс, расплескивая пиво на неровный алюминиевый стол. — Боже мой, ненавижу эту посуду. Они похожи на гигантские стаканы для кока-колы.

— Твое здоровье.

— Спасибо, Коди.

Они выпили.

— Ну что, — заговорил Леннокс, одним глотком осушив полбокала. — Так кто тут еще околачивается?

— Я мало видел заблудившихся американских писателей, — сообщил ему Мартин. — Думаю, еще рановато. Джефффри Марш приехал — живет в «Вансбеке». Я видел Сэнфорда Вейда, он выходил из магазина спиртного с двумя малолетками и бутылкой «Джим бимс чойс». А кстати, сегодня утром в холле я буквально наткнулся на Кента Олларда. Он спросил, приедешь ты или нет.

— Как всегда. — Леннокс допил пиво. — Ты сказал, что остановился в «Расселе»?

— Точно.

— Я принесу еще. — Карсон опрокинул остатки пива.

— Мне пока не надо, — сказал Мартин, посасывая свое светлое.

Леннокс рыгнул.

— Дурацкий город — ты вынужден напиваться между одиннадцатью и тремя часами, а потом бегать искать сортир. По крайней мере через год они хоть будут открыты по двенадцать часов.

— Поехали как-нибудь со мной в Мексику, — предложил Мартин. — За те деньги, которые здесь дерут в день, мы там неделю будем жить. Я знаю несколько классных местечек.

— Моя судьба связана с этим местом.

— Дерьмо собачье! В Мексике можно напиться точно так же за гораздо меньшие деньги.

— Деньги для меня ничего не значат.
 — Дерьмо собачье!
 — А кроме того, в Мексике я могу наткнуться на своего отца.

Карсон стукнул об стол тремя бокалами. Мартин поднял руку в протестующем жесте. Столик накренился, и новая пинта светлого для Мартина покачнулась. Леннокс протянул руку, чтобы поймать пиво, и тяжелый браслет часов расколол верхнюю часть его недопитого бокала. Леннокс подхватил бокал Мартина и поставил его ровно.

— Рефлекс, — гордо заявил он.
 — У тебя кровь идет, — заметил Мартин.
 — Да нет, я не поранился.
 — Тогда откуда вот это? — показал Карсон.

Леннокс осмотрел запястье и вытащил из руки осколок стекла.

— Вот дерьмо. Пиво пропало.

Рана была неглубокая, но сильно кровоточила. Мартин дал ему скомканный носовой платок, чтобы зажать ее, затем Карсон принес несколько бумажных салфеток и пинту горького.

— Эту не пей, — предупредил он. — Там полно осколков и крови.

— Пойду спрячу улику, — сказал Леннокс, пощупав порезанное запястье.

Он отнес разбитый стакан к решетке водосточной трубы между «Лебедем» и «Кладовкой королевы». Наклонившись, чтобы вылить смешанное с кровью пиво, он заметил у решетки игральную карту. Это была пиковая дама.

Леннокс неловко потянулся за ней, но вылившаяся из бокала жидкость задела ее край и унесла карту в темноту.

III. Чертовка

— Я так понял, ты порезал руку.
 — Привет, Кент, — сказал Леннокс без энтузиазма. — Рад тебя снова видеть. Ты здесь давно?

Кент Оллард присоединился к ним, пока Леннокс ходил выбрасывать свой стакан. Выглядел он как все преуспевающие голливудские дельцы — ему было вечно тридцать пять лет и он был вечно загорелым. Он писал о писателях, создавал книги о книгах и написал половину автобиографий за знаменитостей последнего десятилетия, повествуя об их любовных похождениях. Леннокс подозревал, что Оллард был каким-то образом связан с одним из Великих Покойников. Мартину нравился Оллард, он называл его демоническим гением в волчьей шкуре; именно из-за людей, подобных Олларду, Леннокс сбежал из Лос-Анджелеса.

— Какое совпадение, — заметил Леннокс, потянувшись за новым пивом.

— То, что ты порезал руку?

— Нет, то, что мы здесь встретились.

— Это все из-за Гармонической конвергенции¹, — сказал Оллард. — Синхроничность носится в воздухе. А потом, я остановился в квартале отсюда, в «Расселе», и Джек сказал, что вы, возможно, встретитесь здесь за ланчем. Ну, так как у тебя дела, Коди?

— Дел по горло. А что такое Гармоническая конвергенция?

— Ты хочешь сказать, что пропустил ее? Шестнадцатого—семнадцатого августа? Несколько часов назад закончилась.

— Я был в дороге. Приехал буквально только что.

— Вообще-то, ты не много потерял. Ну так что, как насчет ланча?

— Нет, я пока не перестроился на здешнее время, — взмолился Леннокс. — Думаю, я еще немножко побалдею здесь да пойду на боковую.

¹ *Гармоническая конвергенция* — одновременное завершение нескольких космических, галактических и земных циклов, приводящее к «энергетическому толчку». Так называлось событие, в котором участвовали последователи движения нью-эйдж 16—17 августа 1987 года. Предполагалось собрать для медитации 144 тысячи человек в «священных местах планеты» (Великая пирамида в Египте, озеро Байкал в Сибири, скала Айрес в Австралии, Гластонбери в Англии, Мачу Пикчу в Перу, гора Хелеакала на Гавайях и гора Шаста в США).

— Я как раз недавно поел, — соврал Карсон.

— Ну, тогда мы с тобой закусим, Джек, — сказал Оллард. — Мне что-то хочется итальянской кухни. Кто-нибудь знает приличное местечко?

Мартин указал:

— Вон там неплохо кормят.

Они ушли, и Леннокс сказал Карсону:

— Пошли отсюда.

Леннокс не переставая ощупывал свое запястье, но кровь давно уже перестала идти. В конце концов они с Карсоном без всякой определенной причины забрели в «Нелли Дин» в Сохо. Внутри было тесно, шумно, накурено и жарко, и они, прислонившись к стене снаружи, осушили бессчетное число кружек. Леннокс уже успел дважды удариться головой о балки, спускаясь в уборную.

— В английских пабах такая особенная аура, — произнес Леннокс.

— Какая именно?

— Запах крепкого табака, разлитого горького, несвежей одежды, пота и людского дыхания.

— Ты хотел сказать, атмосфера.

— Очень возможно. — Леннокс взглянул на часы, не заметил крови и решил, что у них осталось меньше получаса, чтобы напиться. — А ты заметил, что все женщины одеты в черное?

— Сейчас черное в моде, — объяснил Карсон.

— Все сплошь черное. С ног до головы. И облегающее. И эти широкие пояса, чтобы затягивать их талии. Ты знаешь, что все это означает?

— Моя очередь покупать пиво, — сказал Карсон.

— Это возвращение декаданса, *fin de siècle*. Сейчас восемьдесят седьмой год, начало нового «конца века». Нового века декаданса. Нью-эйдж. И все это началось с Гармонической конвергенции.

Карсон вспомнил, что Мартин просил его пригласить за Ленноксом. Он купил еще два пива.

— Вот тебе, пожалуйста, чертовка, — кивнул Карсон.

Она была одета в черную кожаную мини-юбку; ей было не больше семнадцати. Они серьезно смотрели, как она дефилирует мимо на своих шпильках.

— Ух ты, у меня уже стоит. — Леннокс опрокинул кружку. — И мне надо в сортир. А еще мне надо поспать.

— Твоя очередь идти за пивом, — напомнил ему Карсон. Скоро пробило три, и паб закрылся.

Обратная дорога в отель представляла собой неуверенное блуждание по забитым народом тротуарам и заминки на каждом перекрестке. Карсон играл роль гида.

— Эй, ты это видел?

Они стояли, прислонившись к телефонной кабине, стараясь отдышаться и сориентироваться в пространстве.

— Видел — что?

— Да вот это.

Изнутри будка была оклеена стикерами с номерами телефонов и предложениями интимных услуг, нацарапанными печатными буквами:

...Наказание для Венди — испорченная девчонка в школьной форме... встань на колени, мальчишка... я свяжу и буду дразнить тебя... хочешь безопасного секса? Можешь кончить между сиськами... панки у стены... Плохие мальчики получают двойки...

— Смотри. — Карсон вдруг начал обрывать стикеры, протянул их Ленноксу. — На случай, если тебе станет одиноко.

Леннокс послушно вложил обрывки бумаги между страницами своей записной книжки.

— Да нет, меня не привлекает бить плохих мальчиков, пока они не заплачут, и все такое. У меня просто стоит. Там есть что-нибудь именно про это? Ну, то есть просто потрахаться можно?

— Ты же сказал, что ты декадент.

— Ну, не настолько. А что происходит, если позвонить по одному из этих номеров? Копы приедут?

— Понятия не имею. Никогда не пробовал. Но знаю одного сдвинутого, который позвонил. К нему в номер пришла женщина, а у нее за спиной в коридоре мелькал здоровенный детина, якобы приглядывал, чтобы с ней ничего не случилось.

— И что дальше?

— Она впустила сутенера, он избил парня, они забрали его бумажник и часы.

— Это что, за дополнительную плату?

Когда они добрались до его отеля, было около четырех. Ленноксу было плохо от смены часовых поясов и слишком большого количества выпивки на голодный желудок. Карсон, исполняя свой долг, проводил его до комнаты, выпил с ним стаканчик виски, затем, посоветовав Ленноксу прилечь, ушел. Тот последовал его совету.

Он спал крепко, что в последнее время редко с ним случалось, и проснулся в одиннадцатом часу вечера. Он чувствовал знакомую головную боль — приближалось похмелье, он умылся, сменил рубашку и пиджак, затем отправился в бар для постояльцев.

На мгновение он растерялся: новые хозяева перенесли бар в помещение бывшего ресторана, в цокольный этаж. Направляясь туда, Леннокс заметил в фойе, рядом с лестницей, ведущей вниз, в бар, несколько неплохих новых витражей. Там было изображено нечто вроде гербов, один — несколько кричащий.

Леннокс для начала заказал большой бокал виски, за которым последовали три таблетки аспирина и пинта светлого. Пиво улеглось хорошо, и он взял еще и медленно пил его, пока стихала головная боль. Он снова почти ожил, а после третьего уже весело болтал со стройной блондинкой-барменшей. Она не спешила отвечать на его заигрывания, но терпела их. Бар был почти пуст, и Леннокс зашел бы дальше, если бы не вдовы с голубыми волосами за одним из столиков, обсуждавшие чудачества англичан голосами, которые, наверное, было слышно в Нью-Джерси.

Покончив с четвертым пивом, Леннокс вышел из бара. По пути в свой номер он остановился у стойки. Ему оставили два сообщения: одно было от его агента в Англии, второе — от какого-то мистера Кейна. Оба сказали, что перезвонят.

Леннокс на этот раз смог самостоятельно вставить в щель пластиковую карту, открывавшую дверь. Предполагалось, что это нововведение, в отличие от прежних замков с ключами, обезопасит номер от гостиничных воров. Леннокс мысленно пожелал, чтобы эти воры забрали его грязные носки.

Он щедрой рукой налил себе скотча и рухнул в кресло. «Снотворное» не оказало действия, и он налил себе еще. После дневного сна он был не в состоянии заснуть, а в Нью-Йорке лечь было еще рано. Выудив из кармана записную книжку, Леннокс решил подсчитать сегодняшние расходы. Пусть налоговая порадует.

В книжке он нашел стикеры, прихваченные из телефонной будки. Леннокс уже и забыл об этом эпизоде и, перечитывая объявления, захихикал:

«Мисс Соски».

«Отшлепай грязную сучку».

«Игры и развлечения».

Он решил, что позвонить по одному из телефонов будет забавно — просто послушать, что там скажут.

Леннокс рассмотрел бумажки. Карсон порвал большую часть объявлений, отдирая их от стены, а Леннокс смял их в кучу, запихивая в книжку. Нет, он не хотел разговаривать со специалистками по клизмам. Он закрыл глаза и наугад ткнул пальцем. Палец попал на телефонный номер; больше на бумажке ничего не было, половина ее с текстом была оторвана, и осталось только несколько размазанных цифр.

Ну что ж, так даже лучше. Позвоним наугад. А кроме того, он совершенно не собирался сообщать мисс Хлыст или как ее там свой адрес. Это 2 или 7?

Леннокс опрокинул третий стаканчик и как раз пытался разглядеть кнопки на телефоне. Он еще хихикал, когда в трубке раздались длинные гудки.

После третьего гудка трубку подняли.

— Эй, привет! — произнес Леннокс в ответ на молчание. — Меня зовут Бубба Джо Мак-Боб, я из Техаса, и мне хотелось бы немножко поразвлечься. Что у тебя есть для меня, милочка?

— Вы хотите, чтобы я к вам приехала? — Голос звучал холодно и официально, но, по крайней мере, он принадлежал женщине.

— А как же, обязательно, моя конфетка.

— Как пожелаете, Коди Леннокс.

Леннокс тупо уставился на телефонный аппарат. Из трубки раздавалось жужжание. Он начал было заново набирать номер, затем рассмеялся.

— Да это барменша, — фыркнул он, кладя трубку на рычаг. — Она сидит на коммутаторе, бар-то закрыт. Включилась в разговор.

Он сбросил ботинки и поразмыслил, не стоит ли позвонить еще раз. Может, барменша поднимется к нему в номер после работы? Она могла. Она даже запомнила его имя. Почему бы не воспользоваться возможностью переспать со знаменитым писателем?

После третьей порции виски его стало клонить ко сну. Леннокс выключил свет, оставил только лампу у кровати и вытянулся на постели, ожидая появления горячей блондинки. И почти сразу захрапел.

Леннокс был уверен, что не спал, когда дверь открылась и в комнату вошла женщина.

У нее служебный ключ, подумал он, приподнимаясь на локтях.

Но это была не барменша.

— Ну, привет, — произнес он и подумал: «Вот тебе и пластиковые карты и надежные замки».

Она скользнула по нему взглядом, словно он был предметом мебели, и медленно оглядела комнату. Она была

одета в черное, и из-под низко надвинутой на лоб шляпы едва виднелось бледное лицо. Если бы ее глаза не привлекали его внимание, он мог бы разглядеть его получше.

Леннокс откашлялся, не зная, как вести себя дальше. Кто она — обычная воровка, а может, у этих служб эскорта имеются какие-то мудреные устройства слежения? Управляющему отеля не понравится, если он позвонит и попросит выгнать женщину, которую сам же и позвал. А кроме того...

— Коди Леннокс? — спросила она — это был тот же голос, что и по телефону.

— К вашим услугам, — ответил Леннокс. — То есть наоборот, как я предполагаю.

Она сняла шляпу; у нее были короткие прямые черные волосы. Они оттеняли бледность ее лица — оно было совершенно лишено красок, кроме темно-красного пятна губ. Леннокс решил, что глаза у нее тоже должны быть черными.

Пальцы ее были унижены кольцами, ногти покрыты черным лаком. Она растегнула широкий пояс, сняла черную водолазку. У нее были маленькие груди; торчащие соски были такими же бледными, как все тело. Она отшвырнула в сторону черные туфли на шпильках, высвободилась из плотно облегающей юбки и чулок волнообразным движением, которое напомнило Ленноксу о змее, сбрасывающей кожу. У нее были узкие, но округлые бедра, на белой коже выделялся узкий клин черных волос.

Леннокс вдруг сообразил, что у него отвисла челюсть.

Она прыгнула на кровать — словно кошка, подумал Леннокс, — и затем все понеслось слишком быстро. Ее пальцы с черными когтями впились в его ремень и молнию, и мгновение спустя джинсы его уже полетели прочь, открыв возбужденный член.

— Эй, помедленнее! — запротестовал Леннокс, пытаясь растегнуть рубашку. — погоди, дай мне хотя бы...

Должно быть, дверь открылась, потому что в комнате внезапно появился еще один человек.

Женщина замерла.

— Слушайте, — сказал Леннокс. — Вам чертовски не повезло — я положил все ценности в сейф отеля.

Он смолк. Почувствовал напряжение, слишком сильное напряжение, понял, что это не просто ограбление, и отчаянно уцепился за мысль, что это всего лишь сон.

Человек был ниже Леннокса, но сложен как лучший игрок НФЛ. На нем были ботинки на толстой подошве, штаны и куртка из черной кожи, какие носят панки, и множество цепей, значков и тому подобного. Рыжие, зачесанные назад волосы и короткая борода, обрамлявшие жестокое лицо, походили на ржавчину, и голубые глаза смотрели со зловещим выражением. Леннокс быстро отвел взгляд. Настало время ущипнуть себя. Он попробовал. Оказалось больно.

— Не лезь не в свое дело, Кейн! — воскликнула женщина, отпрянув, как кошка перед питбулем.

— Давай-ка лучше убирайся отсюда, — сказал Кейн. — Пока можешь.

— Мы стали сильнее.

— Но вы еще недостаточно сильны. Я пришел вовремя.

— Послушайте, — встрял Леннокс. — А вы двое уверены, что не ошиблись номером? Или просто скажите мне, может, я сделал...

Она взмахнула рукой. Из кончиков ее пальцев возник голубой огненный шар и устремился в сторону Кейна. Но, не долетев, растаял в воздухе.

— Жалкое зрелище, — усмехнулся Кейн. — А теперь убирайся отсюда.

Она в порыве девической стыдливости бросилась к своей одежде, схватила ее и прижала к груди; Леннокс едва успел заметить, что ноги ее превратились в раздвоенные копыта. А потом она исчезла. Просто исчезла, и все.

— Я пошел, — сказал Кейн.

— Никогда не видел таких ужасных кошмаров, — поздравил его Леннокс. — Если смогу все это вспомнить, когда проснусь, вы, ребята, попадете в мою следующую книгу. У тебя есть агент?

— Запомни вот что, Коди, — ответил Кейн. — Если ты параноик, это не значит, что на самом деле никто за тобой не следит.

Должно быть, после этого Леннокс погрузился в сон без сновидений, потому что он не помнил, как ушел Кейн, и не помнил, откуда у него под кроватью появилась пара черных туфель на шпильках.

IV. Синие лодочки

Леннокс проснулся около полудня с жутчайшим похмельем, какого он давно уже не испытывал; в дверь стучала горничная. Он с трудом влез в одежду, посмотрел на себя в зеркало и поклялся никогда больше не брать в рот спиртного. Направляясь в бар, он сказал горничной:

— Предыдущий постоялец оставил под кроватью туфли. Можете забрать их себе. Не мой размер.

Две пинты лагеря более или менее привели его в чувство, и он вспомнил, что они с Джеком Мартином встречаются за ланчем. После третьей пинты он смог трясущимися руками вытащить записную книжку и найти в ней время и место встречи. Он с любопытством уставился на пачку стикеров из телефонной будки в Сохо. Среди них не было того номера, который, как ему приснилось, он набрал вчера вечером.

— А мы уже подумали, что ты помер, — сказал Майк Карсон, сядя рядом. — Извини за опоздание, мой автобус застрял в пробке. Как рука?

— Рука? — Леннокс с изумлением оглядел небольшую распухшую ранку рядом с часами.

— Ты что, забыл? Ты же вчера срезал кусок своего бокала, как каратист. Что пьешь, светлое?

Карсон принес две пинты, и в этот момент по ступеням поспешно сбежал Джек Мартин.

— Простите, я опоздал, — выпалил он. — Но я не виноват.

— Ты что будешь, светлое? — спросил Карсон.

Леннокс наконец обнаружил неразборчивые каракули, которые, видимо, означали, что он встречается с Мартином и Карсоном в полдень здесь, в баре «У Питера». Довольный собой, он закрыл книжку.

— Ну что, — осторожно начал Мартин, — отдохнул?

— Спал как убитый, — сообщил Леннокс. — Во сне меня посетила страстная леди в черном.

— Ух ты!

— Она убежала, спасаясь от какого-то Халка Хогана¹, прежде чем я успел испачкать простыни. — Ленноксу уже стало намного лучше. — Как вы смотрите на то, чтобы допить это и пойти в «Друг под рукой»? Там делают суперский ланч.

Леннокс нашел в себе силы одолеть завтрак крестьянина² со стилтонским сыром и всего один раз ударился головой о причудливые медные фонари, свисавшие с фальшивых потолочных балок. Еда привела его в хорошее настроение, и после трех пинт пива он вновь ощутил желание опустошить Лондон.

Мартин спустил всю мелочь в игровом автомате, несмотря на свои заявления о том, что в Вегасе он всегда выигрывал, а когда он попросил последний десятипенсовик, Леннокс сам сунул монету в щель и получил пять фунтов.

— Синхроничность, — объяснил Леннокс, который нажимал на кнопки наугад. «Новичкам везет», — подумал он при этом и истратил выигрыш на выпивку.

Небольшой зал был забит народом, и они нашли столик на улице, около дверей. Они смотрели, как люди снуют по Хербранд-стрит позади отеля «Рассел»; это была кратчайшая дорога от станции метро «Рассел-сквер» до Саутгемптон-роу и Британского музея. Вокруг, озадаченно листая путеводители, бродили туристы. Офисные работники целеустремленно шагали по своим делам.

¹ Халк Хоган (Терри Джин Боллеа, р. 1953) — американский рестлер, актер и шоумен.

² Завтрак крестьянина — холодная закуска, состоящая из куска сыра, маринованных огурцов, хлеба и масла.

— Синие лодочки, — произнес Леннокс.

— А? — Карсон как раз пошел внутрь за пивом.

— Моя новая книга, — заговорщически сообщил ему Леннокс. — У тебя фотоаппарат с собой, Джек?

— Конечно. А что? — Мартин старательно выуживал куски почек из пирога.

— В Наш Гармонический Август Лета Господня тысяча девятьсот восемьдесят седьмого, — сказал Леннокс, — женщины Лондона все без исключения носят лодочки.

— Лодочки? — Карсон бросил взгляд на обувь окружающих. — Ты хочешь сказать — туфли?

И он исчез в баре.

— Простите, я не настолько хорошо владею вашим языком. Нет, ты посмотри. Все туристы носят теннисные туфли или что-то другое, страшное на вид, но удобное. Женщины Лондона носят туфли на каблуках. У них такая быстрая, целеустремленная поступь; они никогда не оглядываются по сторонам, они знают, куда идут, даже если им совсем не хочется туда идти.

— А я и не знал, что ты фетишист и помешан на обуви, — сказал Мартин.

— Изящная щиколотка, — продолжал Леннокс. — Чистый *fin de siècle*.

— Юбки теперь немного короче.

— Мы сейчас найдем такси, — заявил Леннокс, — будем кататься по Лондону. Ты будешь снимать туфли. Я напишу комментарии. «Синие лодочки». Хочешь, для британского издания назовем это «Синие шпильки». Книга для журнальных столиков. Поп-арт. Разойдется миллионными тиражами. Тебе нужны еще фильмы?

— Мне нужно отлить, — решил Мартин. — Ты здесь без меня посидишь?

— Ну-ка, налетай! — воскликнул Карсон, ставя на стол новые кружки. — Тебе как, лучше?

— Хорошо, как никогда. — Леннокс устался в недра паба. — Видишь ее?

— Кого?

— Девчонку в черном.

— Которую?

— Там, на углу, рядом с сигаретным автоматом. Около мужского сортира. Джек только что прошел мимо нее.

— Не пойму, о ком ты.

— Это Леди в Черном из моего сна.

— Слушай, Коди, берись-ка за пиво. Это тебе поможет успокоиться.

— Нет, погоди. — Леннокс поднялся. — Я хочу разобраться. В любом случае мне надо отлить.

Леннокс, войдя в паб, столкнулся с Мартином, и тот с озабоченным видом оглянулся на него.

Она стояла одна у стойки, спиной к нему, и была одета во все черное. Рядом с ней толкалась компания рабочих в белых комбинезонах, перепачканных сажей и пылью. Через боковую дверь, выходящую в узкий переулок под названием Колоннада, время от времени проносился свежий ветерок, разбавлявший плотный табачный дым.

Со спины она выглядела привлекательно, облегающая черная юбка подчеркивала фигуру. Леннокс хотел пройти мимо нее, купить в автомате пачку сигарет и затем обернуться, чтобы взглянуть ей в лицо. Потом он как бы невзначай подойдет к стойке рядом с ней, закажет большой «Гленфиддик» (весьма впечатляюще), откроет пачку, вежливо предложит ей закурить, а потом они разговоятся. Он знал, что Карсон и Мартин наблюдают за его успехами через главную дверь.

Леннокс почти подошел к ней, но один из рабочих — здоровенный лоб — отодвинулся от своей компании и положил на стойку ручищу, загородив ему дорогу. Леннокс открыл было рот, чтобы возразить.

— Не надо, — сказал Кейн, поворачиваясь к нему лицом. — Это очередной неверный шаг.

Леннокса охватила пьяная храбрость.

— Мы встречались?

Кейн не обратил внимания на вопрос, но руку от стойки не убрал. Вместо этого он обратился к Леди в Черном:

— Посмотри на нас, Яркие Глазки.

Она медленно повернулась лицом к Ленноксу. Лицо, полускрытое черной шляпой, представляло собой отвратительную маску из клочков кожи и полусгнившей плоти, свисавших с почерневшего черепа.

Леннокс почувствовал, что пиво сейчас выберется наружу.

— Оставь нас, — приказал ей Кейн. — Обеденный перерыв окончен.

Леннокс крепко зажмурил глаза, изо всех сил стараясь подавить рвотные позывы. Когда он открыл глаза, женщина — кем бы она ни была — исчезла.

Кейн стоял на месте.

— Уже во второй раз, — сказал он. — Нам с тобой нужно поговорить, Коди. Как насчет обеда? Я пришлю к тебе свою девчонку.

Леннокс прижал руку ко рту и рванул в туалет. Кейн пропустил его и крикнул вслед:

— Увидимся позже.

Когда Леннокс, пошатываясь, выбрался из туалета, Кейна в баре не было. Вытираясь, он взглянул на свое отражение в зеркале и заметил, что бледен как смерть. Он остановился у бара и быстро осушил двойной виски. Он сильно трясся, но вторая порция помогла ему успокоиться.

Когда он рухнул на свой стул, Карсон и Мартин старательно отводили глаза.

— С тобой все в порядке, Коди? — спросил Мартин.

Леннокс хотел было ответить: «Все нормально, Джек», но вместо этого выдавил:

— Не знаю.

— Ничего страшного, просто успокойся, — посоветовал Карсон. — Это после перелета.

Леннокс одним глотком осушил свою кружку.

— Послушайте, вы ее видели?

— Кого? — Мартин и Карсон переглянулись.

— Так. Что я сейчас делал?

— Делал? Прямо сейчас?

— Пару минут назад, после того, как вышел из-за стола.

Мартин положил сигарету в пепельницу.

— Ну, Коди, вообще-то я особо на тебя не смотрел. Ты сказал Майку, что узнал какую-то девчонку у стойки и что тебе надо отлить. Потом ты протиснулся мимо рабочих и скрылся в сортире. Майк хотел было за тобой сходить — когда ты вышел, то шатался, — а потом ты выпил подряд два стакана и пришел к нам. Я действительно думаю, что тебе надо пойти поспать.

— Эта девушка! Девушка в черном у бара. Куда она пошла?

— У бара не было никакой девушки, — возразил Карсон. — По крайней мере, мы никого не видели.

— По-моему, моя очередь идти за пивом. — Леннокс собрал кружки и бросился внутрь.

— Не давай ему слишком много пить, — предупредил Мартин Карсона.

— Да, он действительно принимает это чересчур близко к сердцу, — ответил Карсон. — Насчет Кэти.

Мартин вытряхнул из пачки сигарету.

— А чего ты ожидал? Я надеюсь на одно: хороший отпуск с выпивкой будет тем катарсисом, в котором он нуждается. Иначе...

Леннокс грохнул кружки на стол, вылив относительно немного. Ему действительно сильно полегчало. Опохмелиться — самое верное средство от белой горячки.

— Итак, Джек. Значит, фотоаппарат с собой?

— Для «Синих лодочек»?

— И для этого тоже. Но в основном для того, чтобы в следующий раз ты смог снять меня с моей новой подружкой.

— Вы Коди Леннокс?

Коди заметил темно-синие лодочки на шпильках, затем взгляд его скользнул по темно-синим колготкам, обтягивавшим стройные ноги, к короткой джинсовой юбке и куртке. У нее были небольшие упругие груди, и он ре-

шил, что сможет рассмотреть их целиком, если расстегнет увешанную значками куртку. У нее был особенный, совершенный английский цвет лица, черты модели, ежик рыжих волос. Глаза за зеркальными очками, должно быть, были голубыми, и она была почти такой же высокой, как Леннокс. В руке она держала экземпляр «Они не умирают!»

— Извините, что я так бесцеремонно вмешиваюсь в ваш разговор, — начала она. — Но я ваша поклонница, и я слышала, что вы приехали на конференцию в Брайтон. Ну, и я только что купила вашу новую книгу у Диллона, а потом увидела вас здесь и пригляделась к фотографии на суперобложке. Это вы. Не возражаете?

Леннокс не возражал. Он выудил из кармана ручку.

— Мне подписать книгу для...

— Клесст. Два эс и одно тэ.

Он пытался определить, что у нее за акцент. Не совсем как у дикторши. Что-то ирландское?

— А фамилия и номер телефона?

— Просто «Клесст», пожалуйста.

Леннокс написал:

«С наилучшими пожеланиями для Клесст.

Подписано по ее просьбе.

С любовью из Лондона —

Коди Леннокс,

19.08.87, 13.18».

Потом закрыл книгу и положил ее на стол.

— Пожалуйста. Не хотите присоединиться ко мне и вот этим распушенным знаменитостям и выпить?

— Спасибо огромное, но мне надо бежать. — Клесст забрала свою книгу. — Но я уверена, мы скоро встретимся.

И она быстро направилась в сторону станции «Рассел-сквер».

— Синие лодочки, но шагает слишком размашисто, — заметил Леннокс. — Она родом не из Лондона.

— Бог ты мой! А вообще, ей уже есть двадцать один? — Мартин вытянул шею, наблюдал, как девушка скрывается за углом.

Карсон указал на что-то:

— Она оставила тебе записку, Коди. Глянь, вдруг там адрес.

На том месте, где лежала книга, остался конверт. Леннокс, перевернув его, прочел свое имя, написанное крупными буквами мужским почерком. Он открыл конверт. На листе бумаги из его отеля тем же почерком была написана короткая записка:

«19.08.87, 13.20

Коди!

Пообедаем вместе.

Встречаемся в холле отеля „Блумсбери Парк“ сегодня в 18.30.

Я угощаю.

Кейн».

— Вот дерьмо! — выругался Леннокс.

Мартин протянул руку:

— Дай мне прочитать.

Прочитав, он передал бумажку Карсону.

— Знаешь, что я думаю?

— И что ты думаешь?

— Кент Оллард. Такие дурацкие шуточки как раз в его духе. Вместо того чтобы просто позвонить тебе в отель, он нашел какую-то твою симпатичную поклонницу и попросил передать тебе это. Бьюсь об заклад, он сейчас наблюдает за нами из своего номера, который через дорогу, и помирает со смеху.

— Больше похоже на «Заклятие рунами» М. Р. Джеймса, — заметил Карсон, возвращая записку Ленноксу.

Леннокс скомкал конверт и записку и сунул их в пепельницу.

— Я знаю одно: где меня *не* будет сегодня вечером в полседьмого. Джек, тебе идти за пивом.

V. Когда я блуждал среди игральных карт¹

Леннокс отправился обратно в отель, с трудом открыл дверь и нашел кровать. Там он оставался до половины шестого, когда его разбудила головная боль. Он проглотил шесть таблеток аспирина, запил их несколькими большими глотками виски, затем решил допить бутылку. Потом он сидел на краю кровати, разглядывал свои руки и думал о Кэти.

В шесть он умылся, причесался, почистил зубы и отправился на поиски приключений. Он оставил свой ланч в мужском туалете паба «Друг под рукой», и его желудку не очень понравилось появление виски. Он решил, что настало время съесть что-нибудь, поэтому довольно быстро добрался до паба у Британского музея и выпил три пинты светлого.

После этого самочувствие его намного улучшилось, и он пошел через Сохо к району театров. В «Шефтсбери» шли «Чудачества»², но ему уже говорили, что билеты достать невозможно. Он стоял на улице, жалея, что нельзя прижаться носом к стеклу, а потом перекупщик продал ему билет в партер всего за тридцать фунтов. Леннокс был в таком восторге, что умудрился не заснуть во время представления, несмотря на ужасную головную боль и вялость. Он хорошо провел время и почувствовал даже некоторое разочарование, когда ему пришлось возвращаться в отель одному вместо позднего ужина с Дайаной Ригг.

Леннокс зашел в первый попавшийся паб. К моменту закрытия он поглотил шесть порций виски и выиграл двадцать фунтов в автоматах, потратив всего пятьдесят пенсов. Уходя, он чувствовал на себе неодобрительные взгляды барменов. Леннокс играл в автоматы от скуки, он так толком и не понял, зачем все эти кнопки. Джек Мартин, можешь удавиться от зависти. Леннокс решил

¹ Строка из песни «A Whiter Shade of Pale»

² «Folies» (1971) — мюзикл Стивена Сондхейма по книге Джеймса Голдмена

подарить Джеку горсть жетонов, когда они встретятся завтра за ланчем.

Леннокс почувствовал, что он в голосе. Он решил, что путь из Сохо в отель сойдет за вечерний моцион, тем более что узкие улочки порождали прекрасное эхо для его попурри из хитов «Bon Jovi». Леннокс успел визгливо спеть несколько запомнившихся строчек из «You Give Love a Bad Name», когда наткнулся на даму бубен.

Она лежала в сточной канаве и была немного испачкана: потерянная игральная карта с грудастой голой женщиной, похожей на модель с разворота «Плейбоя» начала шестидесятых, но довольно скромной по меркам Таймс-сквер¹.

Еще одна песня, очередной поворот, и он обнаружил даму трэф. На нее кто-то наступил, но она была еще в довольно хорошем состоянии: симпатичная негритянка с заманчивой улыбкой. Леннокс сунул ее в карман пиджака и пошел дальше.

К этому моменту он уже заблудился, но был еще уверен в себе, когда нашел даму червей. Она была прислонена к фонарному столбу; высокая рыжеволосая женщина напомнила ему о Клесст, чье имя ему запомнилось. Леннокс старательно засунул ее к остальным и, шатаясь, свернул в очередной темный переулок, уверенный, что сейчас найдет и даму пик.

Он уже порядком охрип и подумывал о том, чтобы пропустить очередной стаканчик, когда понял, что действительно заблудился; в этот момент он заметил, что из темноты показались пять человек и окружают его.

Среди них была дама пик, одетая во все черное, с бледным лицом, словно светившимся в темноте. Остальные были оборванными ханыгами и еле шевелили ногами — «паяльники», или какое там выражение есть в кокни для алкашей? Не важно. Важно было другое: в руках они сжимали очень длинные ножи.

¹ *Таймс-сквер* — площадь в Нью-Йорке, где сосредоточены театры, рестораны, офисы и имеется большое количество неоновой рекламы

Еще интереснее было то, что по мере их приближения Леннокс разглядел: одежда их была на самом деле не изорванной, а полустгнившей, как и их физиономии.

— Взять его, — приказала Леди в Черном.

Леннокс бросился бежать.

Из темного перехода, как раз когда Леннокс проносился мимо, выступил Кейн. На нем был деловой костюм-тройка в узкую полоску, явно из лучшего магазина на Бонд-стрит, и со своей аккуратной бородкой, котелком и зонтиком он имел вид преуспевающего бизнесмена.

Кейн с недовольным видом швырнул ближайшего к нему бандита к стене. Поскольку стена находилась на противоположной стороне улицы, человек замер там на мгновение, затем сполз на тротуар, словно грязная ломаная кукла. К тому моменту Кейн уже успел снести голову следующему нападающему и метнуть ее куда-то в сторону Леди в Черном. Третий мертвец бросился на Кейна с ножом, но тот обезоружил его, бросил руку и нож в темноту, после чего ловко вырвал у врага сердце.

Последний мертвец отпрянул, бросил в Кейна нож и, пока тот ловил оружие, спрятался за большим мусорным баком и вытащил из-под плаща «узи».

Кейн швырнул Леннокса на тротуар, и мгновение спустя над ними просвистела очередь девятимиллиметровых пуль. Перекатившись на спину, Кейн выхватил из наплечной кобуры пистолет и направил его на мусорный бак. Бак, бандит, припаркованная рядом машина и большая часть стены превратились в тлеющие головешки.

Пиковая дама исчезла.

Взвыли шины, и рядом с ними, развернувшись на двух колесах, затормозил черный «ягуар» с откидным верхом.

— Давай его сюда! — крикнула Клесст. На ней был комбинезон из черной кожи.

Машина рванулась с места, и Кейн на ходу швырнул внутрь свой котелок, зонт и Леннокса и прыгнул внутрь сам, едва не переломав это все.

С момента его появления прошло не более тридцати секунд. Леннокс еще пребывал в состоянии шока.

Кейн усадил его вертикально на заднее сиденье, а Клесст гнала так, словно они находились не в Сохо, а в Ле-Мане.

— Знаешь что, Коди, — проорал Кейн, — мне действительно кажется, что тебе не стоило пренебрегать обедом со мной.

VI. Это не лето любви¹

— У тебя весь костюм в кусках мертвечины, — упрекнула Кейна Клесст.

Кейн пробормотал что-то и уронил Леннокса на кожаное сиденье; все это время он поддерживал его в вертикальном положении за ворот пиджака, и теперь Леннокс рухнул, словно марионетка.

Он произнес:

— Мне нужно выпить.

— Односолодовый, льда нет. — Кейн кивнул Клесст. — Думаю, побольше. Мне то же самое.

— Ты только что разнес вдребезги половину Сохо, — вспомнил Леннокс.

Кейн, передернув плечами, высвободился из пиджака и с отвращением взглянул на руки, перепачканные полуразложившейся плотью.

— На этот раз они решили действовать земными методами. Интересно, это из-за тебя или из-за меня? Побудь за хозяйку, Клесст. Мне нужно помыться.

Леннокс рассматривал оружие в наплечной кобуре Кейна. Казалось, пистолет был сделан из полупрозрачного черного пластика; он напомнил Ленноксу игрушечный пистолет «Whitney Lightning» 22-го калибра, о каком он мечтал в детстве.

— Он только что разнес вдребезги половину Лондона, — сообщил Леннокс, принимая у Клесст бокал. — Это что, лучевой пистолет?

¹ «This Ain't the Summer of Love» — песня американской рок-группы «Blue Oyster Cult». Лето любви — лето 1967 г., когда в Сан-Франциско собралось около ста тысяч хиппи, употреблявших психоактивные вещества

— Лазер на космических лучах, если тебе так понятнее.

Леннокс, поднеся бокал ко рту, посмотрел на Клесст.

— Ах да, конечно. Я слишком много читаю научной фантастики. А в какой руке держать термоядерный реактор или что у него там?

— Это просто селективный передатчик. Передает энергию плотными пучками. Переход во времени. Две черные дыры, запертые в матрице из антивещества. Папа долго над ним работал, если измерять в реальном времени.

— И что, предполагается, что я поверю во все это?

— Нет, Коди. На самом деле это просто волшебство.

— Совершенное императором Мином и его очаровательной дочерью. Ну вы знаете, именно там писатели черпают свои идеи. — Некоторое время он молча потягивал виски и ждал пробуждения.

— Можно еще? — Леннокс протянул девушке пустой бокал. У нее были очень длинные ноги, и вообще она выглядела весьма привлекательно, затаенная в черную кожу.

Он решил, что, в конце концов, в белой горячке нет ничего такого ужасного.

— А знаешь, друзья меня предупреждали, что когда-нибудь дело этим кончится, — сообщил он Клесст.

— Ты все еще думаешь, что это галлюцинации, Коди?

Кейн отчистил свои огромные ладони и переоделся в смокинг. Они оказались в каком-то просторном кабинете, отделанном дубовыми панелями. Леннокс огляделся по сторонам в поисках дворцового и чучела головы лося.

— Я сейчас не готов спорить с галлюцинацией.

— А если я начну отрывать тебе пальцы по одному? — предложил Кейн.

Леннокс обернулся к Клесст.

— Ты что, в самом деле родственница этому людоеду? Ты совсем не похожа на Мирну Лой¹.

¹ *Мирна Лой* (1905–1993) — американская актриса, исполняла роли роковых женщин.

Кейн кивнул, и Клесст вышла из комнаты.

— Нас вообще-то друг другу не представили, — заметил Леннокс, проглотив воображаемый виски. Превосходный виски из сна.

— Если не считать трех раз, когда я прикрыл твою задницу. Я Кейн.

— Чарльз Фостер Кейн?¹

— Просто Кейн.

— Итак, Кейн, — сказал Леннокс, выпрямляясь. — Как у вас делишки? Я слышал, что вас, ребята, давно изгнали. Вы с братом все еще не ладите?

— Ну как, все нормально? — поинтересовалась Клесст, вернувшись с какой-то агатовой шкатулкой.

— Не похоже. Он обладает силой, но не в состоянии ее контролировать. Вот почему он им нужен. И почему они еще могут до него добраться.

Кейн открыл шкатулку. Она была наполнена каким-то белым порошком.

— Не хочешь немножко подзарядиться, Коди? Пора тебе обрести нечто близкое к ясности мысли.

— Вы, британцы, достаете обалденный кокс, — одобрительно заметил Леннокс. — Давайте веселиться и гулять до зари. Знаешь, ты прекрасный хозяин, Кейн, извини, что назвал тебя людоедом. Я на самом деле буду скучать по тебе, когда проснусь. Кстати, сколько твоей дочке лет?

— Достаточно много, чтобы я была в состоянии сломать тебе хребет, — заверила его Клесст.

— Интересно. — Леннокс набрал золотой ложечкой белого порошка, вдохнул, наполнил снова и втянул в другую ноздрю. — Мягкий.

Он быстро повторил процесс и протянул шкатулку и ложку Кейну.

— Моя особая смесь, — объяснил Кейн. — Пришлось потрудиться, чтобы получить то, что нужно. Первая доза бесплатно.

¹ Герой фильма «Гражданин Кейн» (1941), медиамагнат

— Дерьмо, — пробормотал Леннокс.

Он испытывал наркотическое опьянение, подобного которому не помнил. Секунду назад он уже был готов вырубиться — если допустить, что он уже не валяется где-то на тротуаре. Наркотик — явно не кокаин — разрезал пропитанную алкоголем завесу перед его глазами. Это было потрясающее чувство — как будто в его мозг впились осколки льда. Леннокс внезапно протрезвел, внезапно понял, что сидит в шикарно обставленном кабинете с затянутой в кожу девушкой и очень крупным, устрашающего вида мужчиной в черном галстуке. Внезапно он заподозрил, что это вовсе не сон.

— Я так рад, что ты наконец смог к нам присоединиться, Коды, — произнес Кейн. — Если хочешь прожить еще какое-то время, тебе нужно узнать несколько вещей относительно себя и тех, кто все про тебя знает.

Леннокс взглянул на свои руки. Они должны были дрожать, но не дрожали. Значит, это, скорее всего, сон.

— Ты знаешь, что означает популярное слово «синхроничность», когда его употребляют в смысле «совпадение»?

— Конечно, дорогой хозяин. Это несколько случайных событий, которые, как нам кажется, происходят неслучайно. Ты хочешь позвонить своей двоюродной бабушке Бидди, с которой уже много лет не разговаривал, и когда уже тянешь руку к телефону, он звонит — оказывается, это твоя бабушка Бидди. Некоторые называют это экстрасенсорным восприятием. Параноики во всем видят скрытый смысл.

— А насчет Гармонической конвергенции?

— Это какое-то особое положение планет. Якобы при этом высвобождаются некие астрологические силы, мумбо-юмбо и прочее и прочее, и мир навсегда изменяется. Кстати, кто ты по гороскопу?

— У нас разные знаки зодиака. Клесст, дай ему еще дозу.

Леннокс набрал себе еще две ложечки белого порошка с верхом.

— Это какой-то спид, верно? Может, винт с коксом?

— Наш секрет, — ответил Кейн. — Может, я дам тебе немножко с собой.

Он устроился в кожаном кресле, потягивая виски и разглядывая Леннокса.

— Предположим, некий человек обладает способностью контролировать случайные события. Что будет?

— Он станет очень везучим игроком и разбогатеет.

— Ты часто выигрываешь в автоматы, Коди?

— Ну, бывает, а что?

— Допустим, что твое желание поговорить с двоюродной бабушкой Бидди явилось достаточно мощным, чтобы побудить ее саму позвонить тебе?

— А если, наоборот, желание Бидди пообщаться было причиной моего внезапного порыва? Touché¹, мой друг.

— В этом-то и состоит главная проблема, Коди. Причина или следствие? Если синхроничность — не случайное совпадение, кто ее контролирует? Кто всем заправляет?

— Клесст, солнце мое, сходи принеси своему папочке его вечернюю дозу торазина², пока мы тут обсуждаем проблему курицы и яйца. Кстати, где ты купила такие шмотки?

— На Кенсингтон-маркет³. У меня там магазинчик. Приходи. Мы делаем тату и пирсинг.

Несмотря на наркотик, Леннокс почувствовал, что отключается.

— У меня ухо уже проколото.

— Это только начало.

— Какое совпадение, — произнес Кейн. — Клесст, может, ты подаришь Коди что-нибудь из своего ассортимента, сувенир на память?

Леннокс налил себе виски.

¹ Зд. Вот так (фр.)

² Торазин (торговое наименование в России — аминазин) — первый синтезированный нейролептик

³ Кенсингтон-маркет — крытый рынок в лондонском районе Кенсингтон, существовавший в 1960-х и 1970-х гг., популярный у хиппи и представителей богемы

— Мне действительно пора просыпаться... э... то есть возвращаться. Это все на самом деле было так реально, ребята. Я только надеюсь, что завтра успею все записать, прежде чем оно выветрится у меня из головы.

— Не выветрится, — заверил его Кейн. — Я об этом позабочусь.

Леннокс одним махом осушил бокал, налил следующий. Это же сон, он может делать все, что хочет.

— Так что там насчет моронической индульгенции?

— Гармоническая конвергенция — проявление синхроничности во вселенском масштабе. Она открыла дорогу некоторым силам, высвободила скрытое могущество. Твое, например.

— Значит, отныне Земля станет лучшим местом для всех?

— Боюсь, что нет, Коди. На свободу вырвались только те силы, которые принято считать силами зла.

— Вот облом!

— Примерь-ка вот это. — Клесст протянула ему серебряную серьгу размером с фунтовую монету, изображавшую солнце. Солнечный диск в виде рычащего демона был окружен лучами, похожими на змей.

Леннокс неуверенно взглянул на амулет.

— Позволь мне, — сказал Кейн и быстро вдел серьгу в левое ухо Леннокса.

Леннокс поморщился, прикоснулся рукой к мочке и увидел на пальцах кровь. Ухо было проколото довольно давно, и отверстие, должно быть, начало зарастать.

— Неплохо смотрится, — одобрительно заметила Клесст.

Леннокс вспомнил, что во сне люди якобы не чувствуют боли, — но ведь он был готов хлопнуться в обморок, а такого во сне тоже не бывает.

— Где у вас этот кокс?

— Мы же не хотим перестараться в первый раз, правда, Коди? — сказал Кейн. — Мне кажется, на сегодня с тебя хватит. Но не волнуйся: завтра я с тобой свяжусь. Боюсь, для такси уже поздно, но мы тебя доставим в твой отель в целости и сохранности.

— Ключи, — произнесла Клесст и поймала брошенную Кейном связку.

— Я на самом деле протрезвел на пару минут, — объяснил Леннокс, приваливаясь к могучему плечу Кейна.

— Это кратковременный эффект, — ответил тот. — Придется тебе довольствоваться тем, что есть.

— А как получилось, что освободились только силы зла?

— Потому что они не несут добра.

— Понятно. Ты, значит, не веришь в Бога.

— Когда-то был один бог.

— Ну, хорошо. А где он сейчас?

— Я убил его, — заявил Кейн.

VII. Настали странные дни¹

Леннокс проснулся в полдень от звонка телефона. Он находился в своем номере, но совершенно не мог вспомнить, как очутился здесь. У него остались какие-то смутные воспоминания о прошедшей ночи... Но сначала телефон.

Это был Карсон.

— Просыпайся, лентяй. Мы все тебя ждем.

— Где?

— Внизу, в баре. Я, Джек, Джефффри Марш и Кент Оллард. Давай быстрее, а то останешься без завтрака.

— Иду.

Леннокс механически оделся. В том, чтобы проснуться утром, ничего не помня о вечере, для него не было ничего нового. Он пожалел только, что нет времени принять душ, и вместо этого ополоснул лицо и грудь холодной водой и как следует растерся полотенцем. Полотенце зацепилось за какой-то предмет в его ухе и больно потянуло. Леннокс вытер воду с лица и увидел в зеркале амулет в виде солнца.

¹ «Strange Days Have Found Us» — из песни рок-группы «Doors»

— Вот это уже серьезно, — сказал он своему отражению. Должно быть, купил его на каком-то лотке в бессознательном состоянии.

И тут же в памяти его всплыли вчерашние события. Четкие воспоминания о Кейне и зомби-убийцах. Нет, все это чушь. Очередной кошмар, слишком близкий к реальности. Наверное, ему действительно пора завязывать с бухлом.

Леннокс ощупал серебряный амулет; крючок, видимо, застрял у него в ухе, и, попытавшись снять серьгу, он почувствовал боль. Сейчас у него не было времени с этим возиться. Леннокс плеснул на мочку уха немного виски, чтобы избежать заражения, оделся и спустился в бар. Из-за витражей в стиле модерн, сквозь которые светило полуденное солнце, лестница превратилась в нечто вроде калейдоскопа; когда Леннокс добрался до бара «У Питера», его шатало, у него закружилась голова.

— Налетаем, — сказал Карсон. — Я решил, что ты будешь не против светлого.

Леннокс шлепнулся на стул и одним глотком осушил полпинты.

— Боже, хорошо!

Он с удивлением заметил, что руки у него не дрожат. Должно быть, вчера он вернулся раньше, чем обычно. Неплохо. Он заметил, что окружающие стараются не смотреть на него.

— Итак, ребята, куда вы хотите пойти на ланч? — спросил Джек Мартин. — Здесь поблизости есть какое-нибудь местечко, где можно получить, скажем, нормальную пиццу?

— В «Пицца-экспресс» в Сохо подают американскую пиццу, — предложил Джефффри Марш. — Ну, как ты, Коди? Как отпуск?

— Пока нормально. — Коди пожал руки всем сидевшим за столом. — Рад тебя видеть, Джефффри. Джек говорил, что ты в городе.

Марш был человеком атлетического сложения; волосы его начинали редеть, в каштановой бороде проглядывала седина. Он был ровесником Леннокса и Мартина, и они

утешали друг друга тем, что тренировки и теннис явно не могут замедлить процесс старения и поэтому нет смысла вести здоровый образ жизни. Марш под разными псевдонимами писал романы в стиле, как он любил выражаться, «спокойного хоррора»; несколько его книг весьма хорошо продавались. Он, Мартин и Леннокс были друзьями и коллегами достаточно долго, чтобы их начали считать «старой гвардией» жанра.

— Симпатичная серьга, Коди, — сказал Кент Оллард. — Ты что, решил удариться в киберпанк?

— Скорее, в киберпьянку, — фыркнул Леннокс, прикончив свою пинту. — Вчера прорвался на «Чудачества», потом как-то дополз сюда. Гляньте, выиграл по дороге целое состояние.

Высыпав на стол пригоршню жетонов для игровых автоматов, Леннокс небрежно спросил:

— Не знаете, что вчера произошло в Сохо? Могу поклясться, я слышал стрельбу или что-то вроде того.

— Да скорее всего, сопляки с хлопушками баловались, — предположил Карсон.

— Может, в газетах будет, — сказал Марш.

— Я никогда не читаю дальше третьей страницы, — заявил Оллард.

Мартин жадно разглядывал кучу жетонов.

— Давай попробуем сыграть в здешний автомат. Эти жетоны для него подойдут?

— Только присматривай за мной, — сказал Леннокс. — Меня несет. Это как-то связано с Гармонической конвергенцией.

Когда они с Мартином отошли к автоматам, Марш озабоченно взглянул им вслед и спросил Карсона:

— Как Коди? Только честно.

Карсон прекрасно понимал, что у Олларда, известного сплетника, уже уши были на макушке.

— Он нормально держится, — солгал он. — Не хуже, чем любой другой человек после того, как его жена и ее любовник были найдены мертвыми в номере шикарного отеля. Он справится.

— Интересно, как это у него получится, — сказал Оллард.

— Приглядывай за ним, Майк, — предупредил Марш. — Мне кажется, он сейчас не владеет собой.

— А он вообще когда-нибудь владел собой? — спросил Карсон.

Менее чем за десять минут Мартин спустил все жетоны Леннокса и еще пять фунтов, которые Леннокс выиграл за него, подсказав, на какую кнопку нажимать. Мартин начал:

— Я готов...

Леннокс уже направился к двери, но резко остановился. Голос Мартина смолк, облачко его сигаретного дыма замерло в воздухе. Леннокс развернулся. В пабе никто не шевелился. Ничто не шевелилось. Словно остановилось время. Это было ужасно.

— Повторить, приятель? — спросил Кейн, стоявший за стойкой, наполняя его кружку. — Светлое, я правильно запомнил? — Он был в форме бармена отеля.

— Что ты сделал такое? — спросил Леннокс, беря кружку.

— Время, — объяснил Кейн, наливая себе пинту «Ройял оук». Затем подождал, пока осядет пена.

— Еще нет трех, — запротестовал Леннокс.

Паб и все его содержимое было абсолютно неподвижно.

— Мне правда нравится твое чувство юмора. Вообще-то, я хотел сказать, что ненадолго остановил время. А ты знаешь, Коди, что энергии, потраченной на это, было бы вполне достаточно, чтобы создать пару звездных систем среднего размера?

— Ну хорошо, ты меня впечатлил, — признался Леннокс. — Так ты настоящий или у меня все-таки крыша поехала?

— И то и другое, Коди. — Кейн поднял кружку. — Твое здоровье.

Леннокс выпил, поставил кружку на стойку. Шевелились только он и Кейн.

— Еще одно? — спросил Кейн.

— Может быть. А кто-нибудь еще тебя видит?

— Ты что, принимаешь меня за Харви?¹ — Кейн наполнил кружки. — И это после того, как я в очередной раз спас твою задницу.

— Это как? — Леннокс выпил, потому что в данный момент он ничего больше не мог предпринять.

— Ужасная злобная тварь со щупальцами шныряла вокруг. Здесь. Прямо сейчас. Думаю, она искала тебя.

— Ничего такого не заметил. Где? В сортире?

— Нет. Вон там, за камином. Кстати, взгляни повнимательнее на его облицовку.

— Я ее видел. Там святой Георгий убивает дракона.

— Я сказал, повнимательнее. И я, как опытный борец с драконами, скажу тебе: Георгию приходится туго. Тварь сейчас могла бы сожрать тебя.

— Мне нужно присесть.

— Встретимся попозже.

— Я пойду в свой номер.

— В таком случае с вас четыре восемьдесят, пожалуйста.

Леннокс подал Кейну пятифунтовую банкноту, и внезапно все окружающее снова пришло в движение.

— ...пойти съесть что-нибудь, — закончил Мартин, хлопая кулаком по игральному автомату.

— Мне нужно выйти отсюда! — Леннокс бросился к лестнице.

Но Кейн уже сидел за их столиком. На нем были ва-реные джинсы, футболка «Grateful Dead» и зеркальные темные очки. Увидев очки, Леннокс обрадовался.

— Привет, Коди, — произнес Кейн. — Я так ждал случая с вами познакомиться, и вот наконец вы здесь.

— Это мистер Кейн, — представил его Оллард, прерывая этот серьезный разговор. — Он принес нам всем приглашения...

¹ Главный герой пьесы американской писательницы Мэри Чейз (1906—1981) «Харви» (1944) считает, что у него есть друг — огромный не видимый остальным кролик по имени Харви

— Я ухожу.

— ...на издательскую вечеринку сегодня вечером...

— Прошу вас, садитесь же, Коди, — пригласил его Кейн.

Ленноксу показалось, что кто-то потянул его за левое ухо, и боль заставила его опуститься на свое место.

— Вот так-то лучше, — сказал Кейн. — Я давно хотел с вами поболтать.

— ...где соберутся все его авторы, — закончил Оллард.

— А вы, должно быть, Джек Мартин. — Кейн поднялся, чтобы пожать руку. — Я прочел все ваши книги. Мне нравится та, что про Деймона.

— Вы писатель? — спросил Мартин, поморщившись. — Или кто?

— Он — или кто, — сказал Леннокс, проглотив залпом все пиво Марша.

— Мистер Кейн — или это ваше имя, а не фамилия?

— Я просто Кейн. Как Стинг, Шер или Донован.

— Так вот, Кейн, — без запинки продолжал Оллард, — недавно приобрел «Мидленд букс». Теперь он наш основной английский издатель. Думаю, ребята, вы слышали эту новость.

— Только что заключил сделку. Уверен, это будет хорошим вложением. Но ведь, в конце концов, мы все представители одной противозаконной профессии. — Кейн поднял кружку. — Смерть издателям.

— «Мидленд букс» сегодня устраивает вечеринку для своих авторов, — сообщил Оллард, думая, что удачно позвонил сегодня своему агенту за информацией из первых рук.

— Так как, вы сами пишете? — настаивал Мартин.

— Фэнтези из жизни варваров, — ответил Кейн. — Под псевдонимом. Правда, это давно уже было. Уверен, вы ни одну из моих книг не читали.

— А вы, парни, что, тоже его видите? — удивился Леннокс.

— Вот приглашения, Кент, как я и обещал, — сказал Кейн, раздавая карточки с выгравированными надпися-

ми. — Довольно скромное собрание нескольких моих авторов и сотрудников. Пожалуйста, приводите с собой друзей. Это неподалеку, в отеле «Рассел», уверен, вы не заблудитесь.

— Вы ведь не британец? — спросил Леннокс.

— Я гражданин мира, — туманно объяснил Кейн. — И кстати, по-моему, я должен вам двадцать пенсов сдачи. — Он протянул Ленноксу монету.

— Что, у нас будет гулянка в узком кругу? — спросил Марш.

— Естественно, мы обсуждаем дела за бокалом шампанского. В конце концов, ради налоговой службы нужно все делать как надо. Особенно мне интересно обсудить с вами ваши текущие проекты, Коди.

— Я пишу роман о дьявольских трилобитах, пожирающих человеческие мозги. Называется «Укус».

— Благодатная тема. Где происходит действие — в Новой Англии или в Калифорнии?

— А откуда вы узнали, что мы здесь?

— Синхроничность.

— Майк, пошли съедим что-нибудь. — Леннокс поднялся.

— Вообще-то, Кент позвонил мне в офис и сообщил, что вы встречаетесь здесь за ланчем.

— Кейн приглашает нас всех на ланч, — самодовольно сказал Оллард. — Мне нравится этот парень.

— У меня назначена встреча. Пора бежать. Идем, Майк.

— Передайте Клесст, что я опять рассчитываю на нее сегодня вечером в качестве хозяйки, — крикнул им вслед Кейн.

— Вы должны, понимаете, сделать скидку на состояние Коди, — сказал ему Марш. — Он, конечно, слишком пьет. Но ему действительно пришлось пройти через ад.

— И похоже, он там и останется, — заметил Кейн, — если друзья не помогут ему немного. А я уже считаю себя его другом. По-моему, моя очередь делать заказ.

VIII. Большая хромированная детка и куколка в черной коже¹

Карсон разглядывал карточку с приглашением.

— Как ты думаешь, стоит мне сегодня вечером прихватить с собой несколько оттисков, показать ему?

Леннокс высматривал такси.

— Кейн никакой не издатель.

— Мы можем поехать на метро. Вход вон там.

— Под платформами внизу шныряют ужасные злобные твари со щупальцами.

— Так куда мы все-таки идем?

— Кенсингтон-маркет. Мне нужна неприличная татуировка и несколько просторных футболок.

Леннокс поймал такси, и они втиснулись внутрь.

— Кенсингтон Хай-стрит. Остановите поблизости от Холланд-роуд.

— Ты пропустишь ланч, а ведь платит издатель. И все-таки, что ты думаешь насчет оттисков?

— Ты знаешь что-нибудь про Кейна? Хоть что-нибудь?

— До сегодняшнего дня о нем не слышал. Кент сказал, что Кейн купил «Мидленд», а кому знать, как не ему. Ты же видишь, как это сейчас делается: владельцы меняются чуть ли не каждый день. И вот так бросать своего издателя — это нехорошо. Он собирался угостить нас ланчем. Может, всего несколько оттисков, как ты думаешь? Хотя он все равно наверняка увидит обложки, которые я делал для «Мидленд».

— Пабы еще открыты, а я не покупал выпивку сегодня. Какие у тебя впечатления от Кейна?

— Крепкий мужик. В высшей степени. Потрясающе. Наверное, два раза в день в спортзале качается. — Внезапно Карсон сделался серьезным. — Он угощает нас ланчем, но я не хотел бы, чтобы он зашел ко мне домой после закрытия. Выглядит он так, словно может при желании разорвать тебя на части.

¹ Телайн к фильму о банде байкеров «The Hard Ride» (1971)

— Я никогда не видел этого Кейна до сегодняшнего дня. По крайней мере, мне кажется, что в реальности я его не видел. — Леннокс нашел у себя пачку сигарет, сунул одну Карсону. Он почти бросил курить. — Но Кейн мне снился. Я видел его раньше, говорил с ним раньше, и это казалось совершенно реальным. Во сне. В кошмарах.

Карсон зажег свою и Леннокса сигареты и осторожно начал:

— Иногда, когда сильно выпьешь...

— От всей души надеюсь, что дело тут только в выпивке. Завтра или через неделю я могу протрезветь. А что если этот Кейн все еще будет здесь?

— Да что ты так волнуешься? Дело просто в том, что он твой новый издатель. Должно быть, ты читал о нем в газетах, видел где-нибудь его фотографию. Давай просто пойдем да и хлопнем по пинте, Коди. Это тебя успокоит.

— Приехали, — объявил Леннокс, постучав по стеклянной перегородке «остина». — Высадите нас.

— А где это мы? — удивился Карсон.

— Кенсингтон-маркет. Клесст говорила, что у нее здесь магазин.

— Та штучка, которой ты вчера дал автограф? Леди в синих лодочках?

— Она говорит, что она дочь Кейна.

— А когда это она успела тебе про себя рассказать?

— Она сказала, что у нее здесь магазин. В одном из моих снов. А что если сны — это правда?

— Тогда мы найдем ее, а потом все вместе забьемся в ближайший паб.

— Это будет означать, что все это был не сон. Что все это была правда.

— Да что там за правда такая?

— Кейн. И все сумасшедшие вещи, которые он мне говорил.

— Ты же только что увидел его. И все мы. Он всего лишь твой издатель.

— В свое время в Хайт-Эшбери¹ я здорово перебирал с кислотой, — признался Леннокс.

Карсон становился все более озабоченным.

— Давай просто пройдемся здесь, а потом найдем какой-нибудь паб. Может, купим пару банок в магазине, а потом посидим на скамейке за церковью вон там, через дорогу.

Кенсингтон-маркет представлял собой трехэтажное здание, где теснилось множество крошечных магазинчиков; здесь преимущественно продавались товары для панков. Люди в латексе и коже, черной, блестящей и облегающей, толпились повсюду — это напомнило Ленноксу популярные бутики в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Он решил, что ПВХ, скорее всего, означает винил или что-то вроде этого, и хотя все эти шмотки блестели и были сексуальными, на вид казалось, что в них очень жарко, а в рынке стояла страшная духота. Пахло здесь, как на свалке шин в знойный день, и бардак был примерно такой же. Все здесь было немного слишком сверхмодное. Повсюду толкались панки, и Леннокс внезапно осознал, что сейчас он впервые выглядит приличнее остальных присутствующих. Он почувствовал себя спокойнее, когда заметил, что некоторые поглядывают на вездесущие фотографии Джеймса Дина, затем оборачиваются и смотрят ему в лицо.

Карсон задумчиво изучал записи «Dead Kennedys».

Серьга в виде солнца, казалось, потянула Леннокса и отвлекла его от прилавка с пластинками. Было невыносимо жарко. И тесно. В голове роились иллюстрации Доре к «Аду» Данте. Он бесцельно брел по переполненным рядам. Ему ужасно хотелось выпить.

— Привет, Коди. Так рада, что ты зашел.

У Клесст была небольшая забегаловка неподалеку от магазина под названием «Xotique». На девушке были бюстгальтер из черной кожи, черная кожаная мини-юбка, из-под которой торчали подвязки, поддерживающие чер-

¹ *Хайт-Эшбери* — квартал Сан-Франциско, где в 1967 г. во время так называемого Лета любви собрались тысячи хиппи.

ные чулки, и черные сапоги на шпильках. Это Леннокс заметил с первого взгляда. Со второго он увидел у нее в ухе серьгу, похожую на его собственную, — но у солнца было ее лицо.

— Клесст? — неуверенно спросил Леннокс. Возможно, это была очередная галлюцинация. Надо думать о них, как о снах. И не больше.

— Итак, Коди. Ты отошел после вчерашнего. Папа вышел из дома рано, искать тебя. Видел его?

Леннокс замялся, потом решил отбросить сомнения.

— Он поймал меня в баре отеля. Дал мне приглашение. На вечеринку. Сегодня. Просил напомнить тебе, что ты должна быть хозяйкой.

— Скукота.

— Что ты такое? — с паникой в голосе спросил Леннокс.

— Хороший вопрос. А что такое мы все? Зачем мы здесь? Ты знаешь Жан-Поля Сартра?

— Лично не знаком. В последнее время он мало бывает в обществе¹.

— Следующий вопрос.

— Что со мной происходит?

— По-моему, Кейн вчера вечером начал тебе это объяснять.

— Иногда я не могу отличить сон от реальности.

— А иногда это одно и то же.

— И мне кажется, что я уже не улавливаю различия.

— Ну что, ты и дальше собираешься стоять здесь, как парализованный, размышляя о смысле жизни, или все-таки купишь что-нибудь?

Леннокс, словно сквозь туман, смотрел на кучу панковских побрякушек и аксессуаров из кожи с металлическими шипами. Это уже слишком. Краем глаза он заметил Карсона — тот перебирал пластинки на прилавке. Он решил, что должен вернуться в реальный мир, если сможет найти вход туда, или хотя бы притвориться,

¹ Жан-Поль Сартр скончался в 1980 г

что он в реальном мире. Нужен ли ему ошейник с шипами?

— Может, возьму серьгу.

— Тогда я проколю тебе правое ухо. Бесплатно.

— Не надо. Я вытащу вот эту.

— Это невозможно.

— Да ты что? И почему?

— Помнишь вчерашнюю ночь?

— Я, как обычно, напился как сапожник. Мне снились дурацкие сны. Во сне я видел тебя. И Кейна. Вот и все. Откуда тебе знать, что мне снилось?

— Это происходило в параллельном времени, но это совершенно реально. Кейн поставил на тебе свой знак. Теперь ты носишь знак Кейна. И снять его невозможно. Никогда.

— Скажи это Ван Гог.

— Мне никогда не нравились картины с цветами. На тебе стоит печать.

— Он еще придет?

— Тебе радоваться надо. Они попытаются тебя убить, потому что не могут завладеть тобой. Что, как ты думаешь, на самом деле произошло с тобой вчера вечером?

— Я сильно напился и пешком вернулся к себе в отель.

— Кейн думает, что они гнались не только за тобой, но и за ним. Иначе бы они не действовали реальным оружием. Гармоническая конвергенция увеличила их могущество, но они все еще не могут контролировать время.

— Послушай. Я сегодня прочитал «Сан», дошел до третьей страницы и дальше, до конца. Там ничего не было о взрыве в Сохо или о разбросанных по улице кусках зомби.

— Я же сказала тебе: это произошло в параллельном времени. Это очень опасно. Кейн там гораздо слабее, вот почему они заманили тебя туда. Но теперь, когда ты объединился с Кейном, они будут искать тебя и в реальном времени.

— Ты из этого мира?

— Нет.

- А Кейн действительно твой отец?
- По-моему, это очевидно.
- Он слишком молод для этого.
- И тем не менее.
- А твоя мать?
- Кейн убил ее.
- И как ты к этому относишься?
- Она собиралась принести меня в жертву одному хорошо известному демону. Она заключила с ним договор, когда я родилась.

Леннокс удивился: неужели он тут один в здравом уме? И насколько в здравом?

— Клесст, ты на самом деле красивая девчонка. Я бы даже сказал, дьявольски интригующая. И будь я на двадцать лет моложе, я бы влез в один из этих кошмарных костюмов, которые здесь продаются, и повел бы тебя в какой-нибудь клуб в грязном подвале, где танцуют до рассвета, стучаясь друг о друга головами. Потом сказал бы Кейну, что мы убежали и будем жить в моем недавно отремонтированном доме в Сохо, в Нью-Йорке, а если бы он возразил, просто дал бы ему в зубы. Однако мне не двадцать лет, и Кейн здоровее меня, поэтому я просто хочу предложить тебе прием у очень хорошего психиатра.

- Я намного старше, чем ты думаешь.
- Очень рад слышать. Я точно не знаю, что на этот счет говорится в английских законах.
- Так ты собираешься что-нибудь купить или нет?
- На самом деле я еще не огляделся. Может, сексуальный кожаный лифчик украсит мой гардероб?
- У тебя не проколоты соски? Я могу проколоть, и у меня есть симпатичные золотые кольца.
- Как-нибудь в следующий раз.
- И все-таки мне бы хотелось. — Внезапно Клесст двинулась к нему, и Леннокс отчего-то испугался.

— Боже, ты и правда нашел здесь свою леди. — Карсон забрел в магазинчик с альбомом Нико в пластиковом пакете. Он смотрел на часы, рассчитывая, сколько пинт можно будет выпить до закрытия.

— Она хочет проколоть мне соски, — пожаловался Леннокс.

— Почему бы не ограничиться татуировкой? — примирительно заметил Карсон. Он закатал левый рукав, и Леннокс увидел голову дьявола над числом 666. — Не могу вспомнить, когда я ее сделал. Я неделю пил, прежде чем заметил ее.

— Это я сделала, — сказала Клесст. — Здорово смотрится.

— Это дочь Кейна, — объяснил Леннокс. — В основном я видел ее во сне, но мне кажется, она вполне реальна.

— Сегодня вечером у тебя будет возможность выяснить, насколько она реальна.

— Послушай, Карсон. Они на меня просто бросаются. Клесст, почему ты сказала, что я объединился с Кейном?

— Тебе следует более внимательно смотреть, где ты ставишь свою подпись, Коди. Вчера. Книгу помнишь?

— Мне нравятся британцы, — сказал Леннокс. — Нужно просто привыкнуть к их своеобразному чувству юмора.

— Я не англичанка, — возразила Клесст. — И ты до сих пор ничего не купил. Возьми вот этот ошейник за пятерку.

— Пабы еще не закрылись? — спросил Леннокс у Карсона.

— Примерь.

— Мы лучше пойдем, — сказал Карсон.

Клесст двигалась невероятно быстро, и прежде чем Леннокс смог сообразить, в чем дело, все было кончено.

— Радикально выглядит, — сказала она. — С тебя пятерка.

— Клесст, ты прекрасна, но ты прямо какой-то десантник из космического патруля. Закрывайся, я угощу тебя ланчем. Ты ведь на самом деле из Калифорнии, да? Это можно исправить.

— Реальность тоже можно исправить, Коди. Вечером увидимся.

Леннокс оцупал ошейник с шипами. Ошейник тер шею, но он все равно заплатил. Он сообразил, что ему грозит

серьезная опасность протрезветь, и он решил исправить это без дальнейших проволочек.

— По-моему, мне здесь кое-что светит, — сказал он Карсону. — Она делала мне намеки. И весьма серьезные.

Карсон огляделся по сторонам.

— А куда она делась?

Леннокс обернулся. Неподвижный воздух, казалось, дрожал над прилавками. Он не видел магазинчика Клесст. И Клесст тоже не было.

— Стой! Подожди здесь минутку. — Он отправился было назад.

Карсон взял его за руку.

— Давай просто пойдем и выпьем по кружечке.

Леннокс неловко попытался снять ошейник.

— По-моему, замок не открывается.

— Раздобудешь ключи потом, когда паб закроется.

IX. Помолись во тьме о том, чтобы магия пришла к тебе на помощь¹

Леннокс едва не проспал вечеринку, но в семь проснулся от похмелья и боли в мочке левого уха. Он нашел полбутылки скотча и полечился. В зеркале ухо не выглядело воспаленным и больше не болело. Он потянул за серьгу, но она не вынималась. Наверное, присохла. Леннокс на всякий случай налил на ухо еще виски.

Он удивился, откуда у него ошейник с шипами, затем вспомнил, что Клесст надела его ему и не дала ключа. Он неловко подергал замок, стараясь его открыть, замок щелкнул. Должно быть, тут какой-то секрет, подумал он и бросил ошейник на стол.

У него оставалось немного времени для того, чтобы принять душ. Холодная вода помогла ему проснуться. У него остались отрывочные воспоминания о скамейке за

¹ Строка из песни «Tonight Is What It Means to Be Young» из фильма «Улицы в огне» (1984).

какой-то церковью в Кенсингтоне и нескольких банках крепкого пива; вроде бы при этом он объяснял Карсону, что такое синхроничность. Затем Карсону удалось записать его в такси и доставить в отель.

После душа Ленноксу стало намного лучше, и он не торопясь сбрил щетину, уже начинавшую превращаться в бороду. Затем надел мешковатую хлопчатобумажную дизайнерскую рубашку и подходящие по цвету брюки, узкий, свободно болтавшийся галстук и свой любимый льняной пиджак. Когда идешь к издателю, надо выглядеть прилично, а к тому же там будет Клесст.

Кейн снял большой номер в «Рассел», и Ленноксу нужно было лишь немного пройти по Саутгемптон-роу. Он нашел в кармане несколько помятое приглашение, еще раз взглянул на себя в зеркало и отчалил в приподнятом настроении.

Вечеринка уже началась; у дверей его встретил здоровенный байкер в смокинге и попросил предъявить приглашение.

— Впусти его, Блэклайт, — крикнула Клесст. — Он из наших.

Клесст подала ему руку.

— Шампанского?

— Разумеется.

На ней было блестящее черное платье в обтяжку с большими вырезами на груди и спине. Платье и чулки плотно облегли ее изящное тело, и Леннокс решил, что эта сексуальная лондонская мода в конце концов не так уж и плоха и стоит поразмыслить серьезнее о возможности романа с накачавшейся наркотой дочкой издателя.

— Пожалуйста. — Клесст взяла у проходящего официанта два бокала шампанского и протянула один Ленноксу.

— Твое здоровье, — сказал он, прикасаясь к ее бокалу.

— А, вот ты где, Коди. Я так рад, что ты пришел. Вижу, Клесст уже развлекает тебя.

Кейн пожал ему руку. Он был одет в удобную повседневную одежду, как и большинство присутствующих, и изображал радушного хозяина.

— Вон там полно закусок, думаю, ты голоден, а? Мне кажется, бо́льшая часть гостей тебе знакома. Пообщайся с людьми, развейся. Попозже поговорим.

Леннокс осушил бокал и потянулся за вторым. Он действительно знал большинство присутствующих, которых было около тридцати. Это и вправду напоминало обычную вечеринку, устроенную издателем. Джек Мартин заметил Леннокса и пробирался к нему.

— Ну, Клесст, — произнес Леннокс, — у тебя симпатичное платье, почти прикрывает твои прелести. Ты — пиковая дама?

— Нет. Выпей еще, Коди.

— Точно. У нее же черные волосы. Вы мне обе снились. — Коди схватил очередной бокал. — Но ты гораздо сексуальнее.

— Как дела, Коди? — Мартин как раз обсуждал с Майком Карсоном их утренние приключения. Он был близок к панике и расспрашивал об английских законах по поводу принудительного помещения в психиатрическую лечебницу.

— Мисс Клесст Кейн, познакомьтесь, это известный писатель Джек Мартин.

— А мы уже знакомы, — сообщил Мартин. — Помнишь синие лодочки? Мы же все встретились вчера в «Друге под рукой». Но никто не сказал нам, что вы дочь издателя.

— Это моя тайная ипостась, — улыбнулась Клесст и отправилась приветствовать опоздавшего, как всегда, Кента Олларда; он считал, что опаздывать — шикарно.

— Все в порядке? — спросил Мартин.

— Нет. Не думаю. — Леннокс одним глотком осушил бокал.

— Жаль, что ты не пошел с нами на ланч, — было здорово. Тебе нужно что-нибудь поесть. Только посмотри, сколько закусок!

— Мы с Карсоном недавно обедали, у нас был поздний ланч. Интересно, Клесст согласится на поздний ужин?

— Коди! — Мощная рука Кейна обхватила его за плечи. — Давай бери шампанского и посидим минутку в со-

седней комнате. Я хочу поговорить о твоей новой книге. Джек, прошу извинения. Бизнес есть бизнес.

— Бизнес, — эхом отозвался Леннокс и, направляясь вслед за Кейном, на ходу взял еще шампанского.

Кейн закрыл за ними дверь.

— Ну, как провел день?

Леннокс маленькими глотками пил шампанское. Кейн взял из ведерка со льдом новую бутылку.

— Очень приятно. Заглянул в магазин к Клесст. Замечательное место для твоей дочери.

— Такова современная молодежь. — Кейн вытащил пробку. — Я слышал, ты купил у нее какой-то ошейник. Почему не надел?

— Я его снял. Он не сочетается с галстуком. Однако с застежкой пришлось повозиться.

— Хорошая работа, Коди. У этого замка нет ключа. — Кейн наполнил бокалы. — Я потрясен.

Коди поднялся и сжал кулаки.

— Только не думай, что я верю во все это. Да, сейчас я допил до чертиков, и я знаю, что с бухлом надо кончать. Если ты действительно существуешь, давай завтра пообедаем, тогда и поговорим о новом романе. Сейчас я, наверное, несу полную чушь, ты уж извини, но жизнь — такое дерьмо.

— Прими-ка пару щепоток, и протрезвеешь достаточно. — Кейн бросил ему флакон с белым порошком. — Ты нужен мне сегодня вечером.

Леннокс покопался во флаконе ложкой, висевшей на цепочке.

— Кейн, ты очень странный тип.

— Возьми пару ложек. Больших, как следует.

Леннокс поморгал и огляделся. Он сидел в гостиничном номере напротив могучего мужика, который в лучшем случае был просто чокнутым. И внезапно Леннокс впервые за несколько месяцев почувствовал себя трезвым. Хотя нет, вчера ночью...

— Так-то лучше, — сказал Кейн, забирая флакон. — Ты просто посиди минутку — и привыкнешь к этому ощущению.

— Ты не издатель.

— В данный момент я издатель. Мне нужна была какая-то легенда для реального времени. Я купил «Мидленд букс» и оставил всех сотрудников. Отличное прикрытие, я могу даже получить кое-какую прибыль. Поговорим насчет аванса за твою будущую книгу?

— Те несколько раз, когда я тебя видел... это все было на самом деле?

— Поверь мне, Коди. Это действительно произошло.

— Значит, я не схожу с ума.

— Боюсь, что нет, Коди.

— Вот как. — Леннокс потер лоб и подумал: неужели он уже переступил ту грань, после которой нет возврата к нормальной жизни? — Но если я не сумасшедший и ты — настоящий, тогда кто ты такой?

— Я друг, Коди. Разве я не спас тебе жизнь?

— И это тоже было в реальности?

— Все-все. И кстати, ты прекрасно это понимаешь, несмотря на алкогольный туман, за которым ты прячешься. Ты сунул голову в песок, Коди. Но это не работает. Они все равно видят тебя.

— Нет, реально вот что: я сижу в номере лондонской гостиницы и разговариваю со своим издателем, у которого вечеринка. Один из нас или мы оба совершенно безумны. Думаю, пора мне пойти пообщаться с народом.

— К этому не сразу привыкаешь, — сказал Кейн, провожая его к остальным. — Вот почему я приближался к тебе не сразу, а в несколько заходов. — Он дружески сжал Ленноксу плечо, и Леннокс почувствовал, что эта рука достаточно сильна, чтобы в одно мгновение сломать ему кость. — А теперь иди веселись. Впереди долгая ночь, и у нас много дел.

Карсон приветствовал его, подав бокал.

— Ну что, договорились о чем-нибудь?

— Боюсь, что да. — Леннокс отстранил шампанское. — Майк, я начинаю думать, что все это действительно происходит со мной.

— Лучше съешь что-нибудь, — пробормотал Карсон, озираясь в поисках Мартина.

Мартин болтал с Клесст.

— Мне нужен свежий воздух. Я просто пойду прогуляюсь вокруг Рассел-сквер. Через минуту буду.

— Я с тобой.

— Нет. Я хочу минуту побыть один. Оставайся здесь, поговори с Кейном. Хочу знать твое мнение о нем.

Оллард загнал Кейна в угол, и Леннокс, идя к двери, махнул ему.

— Пойду проветрюсь.

— Я тебя прихвачу попозже, Коди, — крикнул в ответ Кейн, и Блэклайт открыл дверь.

Леннокс не стал переходить улицу по направлению к Рассел-сквер, а вместо этого, чувствуя себя немного конспиратором, пошел по Саутгемптон-роу, свернул на Космо-плейс и добрался до Куин-сквер. Передернувшись, он прошел мимо человеческих обломков, скрючившихся на мостовой и скамейках над своими бутылками, и через железные ворота прошел в скверик. Здесь не так сильно пахло мочой и немытыми телами — если не приближаться к кустам, посаженным вдоль забора. Из-за деревьев почти не было слышно шума ночного Лондона, и было приятно пройти по прохладной траве после бесконечного асфальта.

Леннокс медленно дошел до конца Куин-сквер, где стояла статуя женщины — раньше считалось, что это королева Анна, но сейчас победило мнение, что это королева Шарлотта, супруга Георга Третьего. Он остановился, ни о чем не думая, и ему снова пришел в голову вопрос: на что могла указывать правая рука королевы Шарлотты, устремленная вниз.

Именно в этот момент и в этом месте Леннокс встретил Пиковую даму.

Она была одета во все черное, и сначала он разглядел лишь ее лицо, в темноте походившее на лицо призрака. Он не отрываясь смотрел на нее, пока она приближалась к нему из ночи.

Он сказал:

- Привет, Кэти.
- Привет, Коди.
- Ты же умерла, Кэти.
- Тебе лучше знать, Коди.
- Значит, вот оно что. Это не просто выпивка и наркота. Я действительно окончательно и бесповоротно сошел с ума.

— Конечно сошел, если связался с Кейном.

Она двинулась к нему, соблазнительно покачиваясь на шпильках, наклоняясь вперед, чтобы они не уходили в землю. На ней были блестящие черные чулки и узкое платье из какой-то непромокаемой синтетики, которое обтягивало талию даже без широкого кожаного пояса. Бретелек на платье не было, в темноте белели голые плечи, грудь и верхняя часть рук, которую открывали длинные черные вечерние перчатки.

Черные волосы были уложены в высокую прическу, и казалось, что ее бледное лицо и плечи — это алебастровый бюст, выплывающий из темноты. А может быть, гипсовая посмертная маска. Леннокс узнал этот чувственный рот, прекрасные черты лица, узнал оттенок ее зеленых глаз еще до того, как их взгляды встретились.

Леннокс схватил ее обнаженные плечи. Тело ее было холодным.

- Ты действительно Кэти?
- Если ты этого хочешь.
- Кэти умерла. Ее похоронили, и я это видел. С тех пор прошло больше года.
- Смерть — явление не постоянное, Коди. Особенно когда ты обладаешь могуществом.
- Это очередной трюк Кейна.
- Я не прислужница Кейна. Это ты его лакей. Я пытаюсь помочь тебе освободиться от него.

— Отлично, решено. Меня много раз обзывали по-всякому, но лакеем — никогда. Хватит с меня его белого порошка, одному богу известно, что в нем такое, и мое зер-

кало этого больше не выдержит. Я сейчас пойду в свой номер, лягу в кровать с бутылкой виски и забуду обо всем. Если завтра со мной будет то же самое, то, клянусь, на этот раз я обращусь к врачу.

Кэти, крепко схватив его за руку, не дала ему уйти.

— Я могу отвести тебя к тому, кто тебе поможет.

Леннокс резко развернулся, и она заметила в его левом ухе серьгу в виде солнца. Она тут же выпустила его руку и отступила.

— Прощу тебя, — сказала она. — Пожалуйста, пойдем со мной, Коди. В любом случае, что тебе терять?

— Да уж, рассудок, во всяком случае, я уже потерял. С мозгами можно попрощаться. Я стою в лондонском парке и разговариваю со своей умершей женой. Ты не можешь быть Кэти.

— Я могу быть кем угодно — кем ты хочешь.

— Правда? Так это ты пару дней назад оставила в моей комнате туфли? И это тебя на следующий день в пабе прихватили ужасные прыщи? Это ты шатаешься по несуществующим улицам Сохо в компании гниющих мертвецов? Потому что если ты на все эти вопросы ответишь «да», то ты не Кэти. Кэти вела двойную жизнь, но не настолько экстремальную.

— По-моему, тебе нужно выпить, Коди. Пойдем ко мне. Там мы поговорим. — Кэти взяла его за левую руку.

— Знаешь, — сказал ей Леннокс, — я думаю, что я неплохо держусь пока. Дело все в этом мегакоксе, который дал мне Кейн, правда ведь? В молодости, когда я увлекался кислотой, я понял, что, если глюки становятся слишком чудными, лучше не сопротивляться и просто идти, куда ведут. Поэтому давай води меня к своему хозяину.

Кэти крепко вцепилась в его правую руку и потащила в сторону станции метро «Рассел-сквер».

— Ты действительно ничего не понимаешь, правда?

— Я в полном тупике.

Наркоманы и бомжи валялись в кустах, скрючились на скамейках.

— Пообещай, что живых мертвецов больше не будет.

— Ты носишь знак Кейна.

Усталые туристы и припозднившиеся гуляки спешили на последний поезд. Мимо проносились такси, едва тормозя на пешеходных переходах, и все это действовало весьма успокаивающе на человека, вышедшего прогуляться со своей покойной женой.

— Скажите, вы ее тоже видите? — обратился Леннокс к группе дам с голубыми волосами, копавшихся в своих картах у входа в метро.

В ответ он получил сердитые взгляды через бифокальные очки и бормотание: «Отвратительно!» Кэти потащила его мимо.

— Давай поймаем такси, — возразил он.

— Но мы уже спустились.

— Нам нужны билеты.

Леннокс, спотыкаясь, подошел к автомату по продаже билетов. Автомат выдал две бумажки, и Кэти схватила их, прежде чем он успел возразить.

— Ненавижу эти лифты, — сказала она. — Пойдем по лестнице.

На станции «Рассел-сквер» имелись два деревянных лифта, построенных, видимо, еще при королеве Виктории. Открытые кабины ползли по покрытым сажей шахтам, где просматривались геологические слои, в недра Лондона; они часто застревали, перегруженные слишком большим количеством народа. Современные конструкции, новые блестящие стальные коробки, призванные заменить устаревшие лифты, только увеличивали столпотворение.

— Эта лестница длиной в сотню миль, — возразил Леннокс, указывая на знак, призывающий особенно торопливых пассажиров к осторожности. — Это то же самое, что взбираться на верх Эмпайр-стейт-билдинг.

— Но лестница-то ведет вниз, Коди. Прекрати стонать и иди за мной.

Лестница представляла собой спираль. Стук каблук Кэти эхом отдавался от стен, и у Леннокса начала кружиться голова. По лестнице обычно спускалось мало пассажиров, а сейчас они вообще никого не встретили.

— Кэти, — произнес Леннокс, остановившись, чтобы отдышаться. — Если это действительно ты, я просто хочу сказать, что очень рад снова видеть тебя.

На лестнице было душно, стены словно надвигались на него со всех сторон, и Леннокс был уверен, что они уже давно должны были добраться до платформы.

— Кэти, помнишь, мы смотрели фильм «Линия смерти»? Некоторые сцены снимались здесь.

— Идем, Коди.

— По-моему, та копия, которую мы видели, называлась «Сырое мясо».

— Точно. Это было нечто вроде угощения на день рождения, Коди.

— А потом мы повеселились.

— Да. Ты надел мой чулок себе на голову и гонялся за мной по квартире с криками «Двери, берегись!», размахивая резиновым цыпленком.

— Это было до или после того, как ты начала встречаться с Аароном?

— Просто иди, не останавливайся, Коди. Мы почти пришли.

— Я не слышу поездов.

— Так скажи мне, почему ты связался с Кейном?

Леннокс вцепился в перила. Медный поручень был теплым, казалось, его покрывала какая-то слизь. Он споткнулся и привалился всем телом к Кэти.

— Он купил контору моего английского издателя, все мои контракты. Да и вообще, я просто с ним познакомился. У него есть потрясный кокс и симпатичная дочка. Поскольку ты мертва, ты простишь мне чувственные желания, правда?

Ему показалось, что лестничный пролет заполняется каким-то паром. На лице его оседали странные капельки, и Леннокс с любопытством стер их. Медные перила все больше походили на развернутый кишечник. Он боялся, что его вот-вот вырвет на ступеньки.

— По-моему, мы идем слишком быстро.

Ступеньки стали такими скользкими, что он буквально чувствовал какое-то желе под ногами. Он вцепился в Кэти.

— Его имя, вероятно, покажется тебе более знакомым, если написать его так: «*Каин*», — сказала она.

— А, этот садовод-братоубийца? Но ведь он умер несколько тысяч лет назад.

— Он бессмертен, — возразила Кэти. — Если ты не можешь нам остановить его. Вот почему он привязал тебя к себе.

Лестница закончилась, и они вышли на нечто вроде подземной платформы. С потолка туннеля, из трещин между плитками, свисали какие-то отвратительные, сочащиеся слизью липкие щупальца, рельсы походили на червей, платформу и пути скрывал плотный туман, а может быть, пар.

Сквозь эту завесу Леннокс различал толпы пассажиров в гниющих обрывках средневековой одежды, бесцельно бродивших взад-вперед и толкавших друг друга.

— Извини за беспорядок, — произнес некто, стоявший на платформе. — Много лет пришлось держать здесь весь этот народ. Хотя, если учесть все обстоятельства, они довольно хорошо сохранились, как ты думаешь? Коди Леннокс? — Человек приблизился. — Позволь представиться. Меня зовут Сатана.

— Мне кажется, это уже чересчур, — решил Леннокс. — Хотя не важно, я атеист.

— Никаких проблем, — ответил Сатана, но руки не протянул.

Это был высокий смуглый человек с залысинами на лбу и аккуратно подстриженной черной бородой, довольно театрально одетый в средневековый костюм и шляпу.

— У меня нет ни рогов, ни копыт, — сказал Сатана. — Может быть, ты почувствуешь себя увереннее, если они будут?

— Ты — театральное преувеличение.

— Это первое впечатление, — сказал Сатана.

Его фигура внезапно расплылась, и вдруг на нем оказался смокинг, какие носили в начале двадцатого века. Одежда Кэти превратилась в черное вечернее платье того же времени.

— Изыди! — взмолился Леннокс, отчаянно надеясь, что сейчас проснется.

— Это ведь на самом деле не имеет значения, верно? — спросил Сатана. — Внешность обманчива. Как и твоя. Нам нужно поговорить.

— Именно это сказал мне Кейн.

— Коди, я понимаю, что ты запутался. А кто бы не запутался на твоём месте? Так и получилось, что ты вступил в сделку с Кейном. Мы можем все переиграть. Чего ты хочешь? Я уже вернул тебе Кэти. Это абсолютно бесplatно.

— Это не Кэти, — возразил Леннокс.

— Она может превратиться в Кэти. Или в кого хочешь. Оглядишься, Коди. Все, что хочешь. Назови это, и ты все получишь.

— Мы не на вершине горы. Это кошмарный туннель подземки, и я не вижу здесь ничего привлекательного. Отойди от меня¹.

— Хорошая работа, Коди, — произнес Кейн. В руках у него были два бокала шампанского, один он подал Ленноксу. — Мы там соскучились по тебе, и я пошел тебя искать.

— Умный ход, Кейн, — заметил Сатана. — Значит, он привел тебя сюда.

— Извини. Я должен был прихватить еще бокальчик. Сатана, если я не ошибаюсь? Ты теперь под таким именем работаешь? Не возражаешь, если я для удобства стану называть тебя старым именем, под которым давно тебя знаю, Сатонис?

— Кейн, тебе не следовало в это вмешиваться.

— Приятное местечко, — одобрительно заметил Кейн. — Мне нравится дизайн. Смесь Гигера² и Босха. Это же как-то комбы под детской площадкой на Корэмс-филдс, я угадал? Сюда ведет подземный ход под Куин-сквер. Очень

¹ Ответ Иисуса сатане: «Отойди от меня, сатана» (Лк. 4:8).

² Ганс Рудольф Гигер (р. 1940) — швейцарский художник, представитель фантастического реализма, наиболее известен по своей дизайнерской работе для фильма «Чужой».

удобно. Ты, как я вижу, набираешь себе народ в общих могилах жертв чумы.

Леннокс постарался говорить спокойным голосом:

— Кейн, мы в аду или где?

— Где мы? Да в глубокой заднице, вот где, — ответила Клесст. — Папа, у нас скоро закончится шампанское.

— Восхитительная Клесст! — воскликнул Сатана. — Ну и ну, как ты выросла!

— Пусть Блэклайт позвонит в отдел обслуживания номеров, — сказал ей Кейн.

— Клесст, — начал Леннокс, — это и есть тот самый знаменитый...

— Мы были здесь давно, очень давно, Коди.

— Нам лучше возвращаться на вечеринку, Коди, — решил Кейн. — Я не могу доверить гостей Блэклайту.

— Предлагаю перемирие, — сказал Сатана. — Нам уже много раз приходилось сражаться на одной стороне.

— Но сейчас ты играешь на моем поле, — предупредил его Кейн. — И мне не нравятся твои планы по его переустройству.

— Тебе меня не остановить.

— Ну, не сердись, Сатонис. Ты же мне как брат.

— Вот дерьмо! — воскликнула Клесст.

Левая рука Кейна дернулась, и в ней откуда-то возник пистолет; Кейн выстрелил.

Сатана мгновенно исчез, но в том месте, где он только что стоял, прямо из ничего возникла шипящая, пылающая масса.

— Коди, пошевеливай задницей, прячься за меня!

От стен начали отделяться мертвецы, они поползли по покрытому слизью полу. Кейн выпустил еще один разрушительный снаряд. Часть стены превратилась в кучу раскаленных докрасна головешек.

Клесст вытащила из-под юбки нечто вроде «дерринджера». Она прицелилась в рельсы как раз в тот момент, когда их щупальца потянулись к ним. Большая часть платформы и рельсы исчезли в ослепительной вспышке, и их

троих швырнуло назад, в скользкую грязь, где только что находилась лестница.

Потолок начал обваливаться. Кейн выстрелил прямой наводкой в сужающееся кольцо мертвецов. Сверху падали огромные камни. Несколько секунд спустя лабиринт туннелей окутал дым с тошнотворным запахом. Кейн и Клесст не прекращали стрелять, и перед глазами Леннокса, как в стробоскопе, проносились картины разлетающейся на куски кладки и наступающих безумных мертвецов. Дальше, за смертоносными вспышками, виднелись какие-то смутные фигуры.

— Что скажешь, Коди? — крикнул Кейн. — Хочешь обратно на вечеринку?

Что-то давно мертвое протянуло лапу из-за поворота катакомбы и схватило Леннокса за горло. Серьга-солнце в его ухе ослепительно вспыхнула, и вражеская рука рассыпалась в прах.

— Выпустите меня отсюда! — пронзительно завопил Леннокс.

Внезапно воцарилась полная тишина. Было совершенно темно. На них по-прежнему как будто давили влажные стены.

— По-моему, нам туда, вверх по лестнице, — сказал Кейн, держа оружие наготове. — Прикрывай нас, Клесст. Пошли, Коди.

— Где мы? — Леннокс споткнулся и, ударившись коленом о невидимую ступень, выругался.

Клесст схватила его за локоть железной хваткой и удержала от падения в неизвестность.

— Не на лестнице станции «Рассел-сквер», как я надеялся, — ответил Кейн. — Там мы тебя выследили. Могу предположить, что мы поднимаемся на Куин-сквер.

Леннокс снова споткнулся, но Клесст подхватила его.

— Вы что, оба видите в темноте? — спросил ее Леннокс.

— Да. — Клесст успокоительно сжала его руку.

— Я хочу выбраться отсюда.

— Молодец, Коди, ты нашел выход! — поздравил его Кейн. — Эта дверь наверняка ведет в подвалы «Кладовки королевы». Мы явим собой ошеломляющее зрелище.

Кейн отодвинул засов и толкнул дверь-крышку.

— А может быть, и нет, — пробормотал он.

Кейн отбросил в сторону какой-то мусор, и они вылезли наверх.

От «Кладовки королевы» остались обугленные руины, как и от всех близлежащих зданий, кроме церкви Святого Георгия Великомученика через дорогу от паба. Под желтым, словно горящий натрий, небом тянулись бесконечные кучи почерневшего сплавленного камня и стекла. Сквозь желтую мглу не было видно никаких признаков луны или солнца. Время от времени вдали, под мертвым небом, мелькали какие-то твари с черными крыльями; кроме них не заметно было никаких признаков жизни. Абсолютно никакой жизни.

— Дерьмо! — выругался Кейн.

— Да уж, неплохую вечеринку вы закатили, — выдавил Леннокс и опустился на кучу черных кирпичей. — Послушайте, мой запас здравого смысла уже давно истощился. Здесь где-нибудь можно найти выпивку?

— Ты, убудюдок! — заорала на него Клесст. — Ты привел нас не к той двери!

— Эй, полегче! Я просто шел за твоим папашей. Ведь это вы видите в темноте, ты что, забыла?

— Все еще хуже, чем кажется на первый взгляд, — сказал им Кейн.

— Да, выглядит действительно хреново, Кейн, — согласился Леннокс. — А что же случилось со временем, и где вечеринка?

Кейн вдруг взглянул прямо в глаза Ленноксу, и тот в первый раз понял, окончательно и бесповоротно, что все это действительно происходит с ним. И он испытал приступ настоящего страха.

— Я пытался подготовить тебя к этому постепенно, — объяснил Кейн. — Проблема в том, что ты нужен мне. Ты

сейчас смотришь на свой мир в параллельном времени, и такое творится на всей планете.

— Ядерная мировая война?

— Хуже, Коди. Это скорее похоже на Армагеддон или день Страшного суда. Гармоническая конвергенция дала им силу. Они собираются открыть врата Ада и выпустить мертвых. Только на Небеса никто не отправится. Оглянись.

— А сейчас отвечай мне конкретно, Кейн. Это действительно был Сатана?

— Для ваших теологов — да. Если отбросить иудейско-христианскую терминологию, это был повелитель демонов. Ты видел физическое воплощение враждебных, кровожадных сил, чуждых этому миру.

— А ты — тоже иудейско-христианский миф?

— Очень возможно. Но не верь прочитанному буквально. На каждую историю можно взглянуть по крайней мере с двух сторон.

— Ты человек?

— И да, и нет.

— Если бы не мускулы, — сказал Леннокс, — я бы с трудом смог отличить тебя от Сатаны.

— Я — реальное существо, — заверил его Кейн. — И Клесст тоже. И ты. Но Сатана, каким ты его видел, является физическим воплощением силы, существующей вне наших трех измерений.

— А Кэти?

— Это был суккуб. Демон, как его называют в вашей теологии. Не вини себя за то, что позвал ее. Тебя подставили.

— Но зачем?

— Потому что ты можешь контролировать синхроничность, Коди. Это была твоя скрытая сила, используемая бессознательно. Гармоническая конвергенция увеличила ее во много раз. Ты еще не можешь контролировать ее в полном смысле слова, но я научу тебя, как это делать.

— А почему я должен верить тебе?

Кейн развел руками:

— Просто взгляни на то, что скоро произойдет. На то, что *уже* произошло. Это реальность, Коди.

— А я думал, ты обладаешь властью над временем, Кейн.

— Над течением времени, Коди. И над реальным временем — в определенных пределах. Мы последовали за тобой в параллельное время, чтобы найти их логово. По пути обратно в реальность они переместили нас в параллельное будущее. Здесь я обладаю только обычной физической силой. Ты нужен мне, Коди, чтобы вернуться обратно, чтобы предотвратить все это.

— Давай, Коди, — подбодрила его Клесст. — Здесь такая скукотища.

— Итак, что именно я должен сделать? Я забыл дома свои волшебные башмачки¹.

— Если ты взломаешь дверь, — объяснил Кейн, — я разберусь с теми, кого мы там найдем. Думай об этом так: ты открываешь дверь, а я врываюсь туда с дробовиком.

— Кейн, мне кажется, лучше просто вызвать эвакуатор.

— Я и вправду восхищаюсь чувством юмора в человеке, которому угрожает весьма неприятная смерть. — Кейн шагнул к нему, и Ленноксу внезапно пришло в голову, что настоящая опасность может вполне исходить от него.

— Это все случайные события, Коди. Это похоже на гигантскую запутанную головоломку с бесконечным числом правильных решений. Когда кусочки выстраиваются в картинку — это реальное время. Параллельное время постоянно изменяется. Синхроничность определяет, каким образом будут совмещены эти две картинки. Ты можешь ее контролировать. Сделай это, и на этот раз сделай правильно.

— Сделать что? Мне сейчас следует состроить потустороннюю гримасу и взглянуть сквозь тебя?

¹ В оригинале — «красные туфельки», которые носила актриса, игравшая Дороти в фильме «Волшебник из страны Оз».

— Монстр из подсознания, Коди. Все, что тебе нужно, — захотеть, чтобы что-то произошло. А я уж позабочусь о том, чтобы оно произошло.

— Я все никак не могу понять, о чем ты толкуешь.

— Тебе и не надо. — Клесст обняла его. — Слушай, разве ты не хочешь, чтобы мы все вернулись на вечеринку и хорошо провели время? Например, мы все трое ушли в спальню поболтать. Потом папа отправился взглянуть, не кончилась ли выпивка, и оставил нас наедине. Наши взгляды встречаются, а затем твои губы прижимаются к моим...

— Оторвемся по полной! — крикнул Коди.

На это раз не было вспышек выстрелов, скрывавших кошмарное зрелище рвущейся ткани пространства-времени...

— Простите, как всегда, дела, — извинился Кейн перед своими гостями. — Блэклайт, как у нас с шампанским?

— Нормально, — ответил Блэклайт. — Я заказал еще два ящика. У меня тут была пара зайцев. Парень нехорошего вида в смокинге и симпатичная девчонка Гибсона¹ в черном платье. Сказали, они ваши старые друзья, и я их впустил. Сейчас они куда-то подевались. Но не важно, они сказали, что еще вернутся.

— Вернутся, я уверен. Иди работай.

— Эй, Кейн! — К ним пробирался Кент Оллард. — Вы нашли Коди?

— Нашли.

— Мы за него волновались. Вы знаете...

— С Коди все в порядке.

Именно в этот момент в дверях спальни рука об руку появились Леннокс и Клесст. Они о чем-то оживленно разговаривали.

— Ну-ну, — заметил Оллард. — Он у нас ловкач, наш Коди.

¹ *Девушка Гибсона* — идеал женской красоты, созданный на рубеже XIX и XX вв. американским иллюстратором Чарльзом Гибсоном.

— Шампанского, Коди? — предложил Кейн.

— Может быть, но только один бокал, — согласился Леннокс. — Прощу прощения, Кент, мы отойдем на минутку.

— Разумеется, давай действуй, приятель.

Леннокс отвел Клесст в угол, к Кейну, прихватив по дороге поднос с шампанским. Каждый взял по бокалу.

Он сказал:

— Кейн, я не уверен, что действительно верю во все это, но я на твоей стороне.

— Разумное решение, Коди.

— Мне не дает покоя только одна вещь, Кейн. Допустим, я встретил силы Зла...

— Всего лишь враждебные силы, Коди. Все так относительно.

— Это мы потом обсудим. Так вот, а когда я встречу силы Добра?

— Я уже сказал тебе, Коди. Таких нет. Я единственная надежда этого мира.

Кейн и Клесст чокнулись с Ленноксом.

— За нас, — произнес Кейн.

РИЧАРД ЛАЙМОН

Дурные вести

Ричард Лаймон является автором нескольких романов в жанре хоррор, в том числе «Подвал» («The Cellar»), «Игры в воскрешение» («Resurrection Dreams»), «Страна забав» («Funland»), «Кол» («The Stake») и «Тревога» («Alarms»). Лаймон родился в Чикаго в 1947 году, много лет прожил в Лос-Анджелесе с супругой Энн и дочерью Келли.

Роман «Плоть» («Flesh») в 1989 году был признан лучшим романом в жанре хоррор по версии «Science Fiction Chronicle» и номинирован на премию Брэма Стокера.

Рассказы Лаймона выходили в таких журналах, как «Elery Queen», «Mike Shayne», «Cavalier», «Gallery», а также в антологиях «Лучшее за год. Ужасы» («The Year's Best Horror Stories»), «Книга мертвых» («Book of the Dead»), «Охотники» («Stalkers»), «Ночные видения. Выпуск 7» («Night Visions 7»), «Убийцы» («Slashers»), «Кровь? Горячая!» («Hot Blood»), и других.

Рассказ «Дурные вести» — убедительный пример того, насколько мастерски Лаймон владеет жанром.

Утро выдалось солнечным и тихим. Пол даже не хлопнул за собой дверь и по мощеной дорожке дошел до подъездной аллеи. Осторожно обогнул припаркованную «гранадую», чтобы не замочить ноги в росистой траве и не выпачкать халат о грязный бок машины.

Обойдя задний бампер, он приметил свежий номер «Мессенджера».

Отличненько. На сей раз его никто не опередил.

Частенько, особенно по выходным, кто-то уводил прессу. Сегодня обошлось. Кто рано встает, тому Бог дает. Схваченный резинкой тугой толстый сверток газеты лежал на траве за подъездной дорожкой Пола.

То есть на лужайке Джо Эплгейта.

Нагибаясь за «Мессенджером», Пол бросил взгляд на соседскую дорожку, сад и крыльцо.

Газеты соседа нигде не было видно.

«Может, он ее уже забрал, — подумал Пол. — Если никто не умыкнул, конечно. Надеюсь, этот проклятый неотесанный чурбан не подумает, что я спер его газету.

Пол распрямился, сунул сверток под мышку и по узенькой полоске между машиной и травой двинулся в обратный путь.

Вошел в дом и запер дверь. Бросил газету на журнальный столик и начал было отходить, когда ему вдруг показалось, что она покачивается.

Пол присмотрелся внимательнее.

На стеклянной столешнице неподвижно лежал «Мессенджер», который был свернут довольно-таки толстой кривобокой трубой. Замеченное краем глаза покачивание, вероятно, происходило оттого, что сверток только что приземлился на столик.

Но вот он опять зашевелился.

Пол вздрогнул.

Оттуда высунулась заостренная мордочка, похожая на крысину. Только кожа была гладкой, без шерсти, и маслянистой на вид. Существо впилося в Пола розовыми глазками. И оскалилось.

— Господи Иисусе! — ахнул Пол, а зверек тем временем шустро выскочил из свертка и, клацнув коготками по столешнице, бросился прямо к нему, яростно хватая зубами воздух.

Пол попятился.

«Ерунда какая-то!»

На поверхности стекла остался склизкий след. На краю стола существо не остановилось, а с мягким шлепком приземлилось на ковер и тут же помчалось напрямик к ногам Пола.

Он отпрыгнул вбок. Зверь тут же резко изменил курс и продолжил наступление.

Пол метнулся в сторону, в несколько прыжков добрался до своего любимого кресла и запрыгнул на сиденье.

Ступни утонули в мягкой подушке. Он пошатнулся и взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, а потом присел и уткнулся коленом в подлокотник.

И смотрел, как приближается неведомое нечто.

Это не крыса. Совсем нет. Да, голова напоминала голову грызуна, но дальше, за тощей шеей, следовало похожее на пулю тело: мясистый блестящий белесый цилиндр длиной дюймов пять, скругленный в плечах и заканчивающийся сразу за задними конечностями совсем не сужаясь, словно вместо зада у зверька был ровный диск. Хвоста не было вовсе.

Добравшись до кресла, существо вонзило когти в обивку и начало карабкаться вверх.

Пол сдернул с ноги мокасин — оружие не шибко грозное, но лучше, чем ничего, — и метнул в тварь. Тонкая кожаная подметка скользнула по боку зверька, который не обратил на помеху никакого внимания и продолжал ползти вверх, не сводя с Пола глаз и щелкая маленькими зубами.

Тогда Пол сунул руку в мокасин и попытался спихнуть тварь. Из тут же появившейся на подошве дыры показалась морда зверя с куском кожи в зубах. Пол выдернул руку из башмака и соскочил с кресла. Бросившись прочь, он оглянулся через плечо и увидел, как тварь вместе с мокасином свалилась на пол.

Оказавшись у камина, Пол схватил остроконечную кованую кочергу. И крутанулся, спеша встать лицом к противнику, который уже пролез через дырку в башмаке и готовился атаковать. Пол замахнулся кочергой.

Что-то слегка коснулось лодыжки Пола. Пронесся пушистый воинственный сполох.

Кот Джек, который только что спал в комнате Тимми, свернувшись клубочком на коврик у кровати мальчика. Вероятно, Джека заинтересовала царившая в гостиной суматоха.

— Нельзя! — вскрикнул Пол.

Полосатый кот, прыгнув, как лев набросился на тварь. «Глупый кот! Думает, что это мышь!»

Из-за Джека было плохо видно, и, чтобы разглядеть, чем увенчалась охота, пришлось наклониться в сторону. Из пасти Джека свешивался тупой обрубок туловища и маленькие лапки.

— Поймал ублюдка! — задохнулся от радости Пол.

Джек заработал челюстями и проглотил, возбужденно размахивая хвостом.

— Пол? Что здесь происходит? — послышался в отдалении тихий голос Джоан.

Не успел он ответить, как кот пронзительно взвыл и метнулся вперед, а потом, сгорбившись, скакнул назад.

— Пол! — Теперь уже голос Джоан казался встревоженным.

Джек умолк. Все четыре лапы одновременно коснулись пола. На мгновение кот замер, потом завалился на бок. Анус вспучился. Оттуда появилась голова твари, перепачканная кровью.

Онемев от ужаса, Пол взирал на то, как тварь выбирается из тела Джека. Из похожего на обрубок зада выделялось красновато-коричневое месиво.

— Господи! — выдохнул Пол, пятясь. — Джоан! Не входи сюда! Забери Тимми! Прочь из дома!

— Да что здесь?.. — Слова замерли в горле Джоан, когда она миновала обеденный стол.

Женщина увидела, как Пол в халате согнулся в три погибели и молотит по полу каминной кочергой. Острая оконечность железного прута чуть не попала по гадкому существу, которое Джоан на мгновение приняла за крысу. На самом деле оно не походило ни на одну из крыс, которых Джоан прежде доводилось видеть.

И тут она заметила распластавшегося на ковре кота, позади которого расплылось пятно крови.

— Боже мой, — прошептала она.

Пол отпрыгнул в сторону, когда тварь устремилась к его ноге.

Джоан сделала шаг вперед, готовая броситься на помощь, но тут же остановилась. Она безоружна. К тому же боса и в ночной рубашке.

— Черт! — Пол запрыгнул на диван и встал поустойчивее, взмахнув кочергой над головой.

Тварь уже подбиралась к обивке дивана и явно намеревалась вцепиться в нее когтями.

— Делай, как я сказал! Уведи Тимми из дома. Ради бога, позови на помощь! Позвони в полицию!

Зверек вдруг заколебался.

Обернулся на Джоан.

Она похолодела.

Повернулась и ринулась прочь. Прямоком в комнату Тимми. Когда Джоан взяла его на руки, мальчик проснулся.

— Мама! — Малыш был напуган.

— Все хорошо. — Прижав к груди Тимми, она бросилась вон из детской. Метнувшись к обеденному столу, схватила свою сумочку и помчалась на кухню. На миг опустила сына на пол, пока открывала заднюю дверь, вновь взяла его на руки и выскочила из дома.

— Мама, что случилось? Где папа?

— Все в порядке. — Джоан поставила сына на землю около «гранады». — В доме кое-что не так. Сейчас папа как раз наводит там порядок. — Порывшись в сумочке, она нащупала ключи, открыла дверцу с водительской стороны. — Ты должен побыть здесь, — наставляла она Тимми, подсаживая на сиденье. — Не выходи из машины. Я скоро вернусь.

Джоан закрыла дверцу. И остановилась на краю дорожки.

Как быть? Вернуться в дом и помочь Полу? Он вооружен кочергой. А она? Станет бегать за тварью со столовым ножом?

Только ведь у них в доме не какая-то там мышка завелась.

Пол велел позвонить в полицию. Ну да, конечно. Позвонить и сообщить, что какая-то тварь преследует мужа, гоняет его по дому. И когда они появятся здесь через десять-пятнадцать минут...

Джоан переключила внимание на дом соседа.

Эплгейт, помешанный на ружьях.

Она нагнулась и посмотрела на Тимми в окошко. Мальчик неглуп. Он понял, что в доме случилось что-то нештучно опасное. В его расширившихся глазах застыл страх. Джоан почувствовала, как судорожно сжалось горло.

«По крайней мере ты, милый, в безопасности», — подумала она.

Джоан выдавила улыбку, потом развернулась и полезла прямо через густую живую изгородь возле дорожки. Кусты Эплгейта царапали кожу, цеплялись за ночную рубашку, но она продралась напролом и помчалась через сад.

Очутилась на крыльце.

Пластиковая дощечка на двери Эплгейта гласила: «ДАННЫЙ ДОМ ЗАСТРАХОВАН КОМПАНИЕЙ „СМИТ И ВЕССОН“».

«Что за чушь!» — подумала Джоан.

Надеясь на то, что хозяин дома, она нажала кнопку звонка.

Из-за двери донеслась слабая трель.

Джоан взглянула на свой наряд и покачала головой. Эту ночную рубашку она получила в подарок от Пола на день святого Валентина. Ткани в ней было немного, да и та полупрозрачная.

«Эплгейту явно понравится. Вот черт! Только где же он?»

— Ну давай же, открывай, — бормотала Джоан себе под нос. Позвонив еще несколько раз, она замолотила в дверь кулаками. — Джо! — завопила она.

Никто не открывал. И шагов никаких тоже не слышно.

— Черт поberi.

Осторожно, чтобы не поскользнуться, Джоан поспешила к краю бетонной плиты. Сойдя с нее, она сделала несколько шагов по влажной траве и оказалась в цветнике перед соседским домом. Наверняка Эплгейт дома и уже встал: занавески-то раздвинуты. Он всегда задерживал их, когда спал или уходил из дома.

Джоан пробралась между камелиями, прильнула к окну, загородив от света глаза.

И вгляделась в залитую солнцем гостиную.

Эплгейт был дома. Он лежал в халате в луже крови прямо на полу.

Пол спрыгнул с другого конца дивана. И оказался у входной двери.

«К черту все, скорее вон отсюда!» — подумал он.

Как же! Оставить эту тварь здесь? Разве потом можно будет ее отыскать, когда все-таки придется вернуться домой?

Не пойдет. Нужно убить ублюдка. Тварь соскочила с подлокотника дивана, и Пол метнулся в сторону. Он действовал быстро, но вдруг почувствовал несильный рывок за халат и вскрикнул. Тварь вцепилась когтями в халат в самом низу и уже поползла вверх. Пол сорвал пояс, и крутанулся, чтобы скинуть с себя мерзкое животное, одновременно выворачиваясь из рукавов. Халат скользнул вниз.

Кочергу пришлось выпустить из рук, чтобы рукав за нее не зацепился, и она громынула об пол. Одной рукой Пол попытался откинуть халат подальше, накрыв зверя.

Пол снова схватил кочергу и на мгновение задумался: стоит ли колотить халат железякой, которая слишком тонка? Попасть по твари будет непросто.

С возгласом «Вот черт!» он обеими ногами вскочил на горку ткани. Подпрыгнул еще раз, и еще. По ногам пробежала дрожь. Такое чувство, словно в мошонку впились холодные пальцы. Пол ощутил, как на затылке волосы встают дыбом, но все прыгал на халате, плясал, вколачивал пятки в пол.

До тех пор, пока ему не показалось, что под правой пяткой какая-то выпуклость.

С воинственным кличем «Йаааааа» он отпрыгнул в сторону.

Замахнувшись кочергой, он пригнулся, готовый обрушить удар на тварь.

Смятый халат был слишком толстым, чтобы Пол мог определить местонахождение зверька.

«Должно быть, мертв, — подумал он. — Я раздавил его. Хорошенько расплющил».

Но тут он осознал, что на самом деле даже не почувствовал, как у него под пяткой что-то хлюпнуло.

Пол треснул по халату кочергой. Металлический прут оставил на горке ткани длинную узкую вмятину. Ничто не шелохнулось. Опять удар, который пришелся примерно по тому же месту, что и прежний. Последовала серия ударов, но она обрушилась лишь на ткань и пол.

Он отошел чуть дальше, наклонился вперед и вытянул руку. Просунул кончик кочерги под ткань и протолкнул дальше, затем медленно потянул вверх.

Все выше и выше поднимался халат, все меньше и меньше становилась на полу покрытая тканью область.

Твари нет.

Вот уже кончик халата покачивается над ковром.

Все еще не видать твари.

И вот она, стремительно перебирая лапками, бежит по узкому пруту кочерги прямо к руке.

Пол закричал.

Выронил из рук оружие и побежал.

Мчась по дорожке Эплгейта к задней части дома, Джоан размышляла о том, не стоит ли попытаться счастья у соседей через дом. Там жила пожилая пара. Джоан их едва знала. К тому же они вполне могли быть мертвы, как и Эплгейт.

И вдруг у них нет ружья?

Чего-чего, а этого добра у Эплгейта было навалом. Они с Полом побывали в доме соседа один-единственный раз, но этого оказалось достаточно для того, чтобы понять: сей гражданин не их круга. Республиканец, помилуй господи! Пристрастившийся к пиву реакционер с узким кругозором, выступающий против аборт и прав женщин, с важным видом рассуждающий о высшей мере наказания и ядерных средствах устрашения. Короче, совершенно чуждый им человек.

Зато у него были ружья. Дом его напоминал самый настоящий арсенал.

Бегом завернув за угол, Джоан заметила на заднем дворе грабли. Беспечно забытые прямо на траве зубцами вверх. Она вбежала во дворик, схватила грабли, затем повернулась и помчалась через бетонное патио.

И остановилась у раздвижной стеклянной двери. Черенком граблей ударила по стеклу. Осколки со звоном посыпались внутрь, на пол, а в стекле зияла дыра с острыми краями размером с кулак. Просунув руку в отверстие, Джоан открыла замок. Вытаскивая руку, она порезалась.

— Вот ведь, — пробормотала Джоан.

Всего лишь царапина. Но пошла кровь.

«Я гублю себя», — решила Джоан, но тут же подумала о том, каково теперь Эплгейту, вспомнила Пола, который мечется по гостиной, спасаясь бегством от маленького монстра, преследующего его по пятам.

«Если не поспешить, то он может кончить так же, как Джо, — напомнила она себе. — Но какого черта он сидит там, в доме?»

Решив не обращать внимания на кровотечение, Джоан распахнула дверь, которая лязгнула на бегунках. Женщина широко раскрыла ее и вошла в логово Эплгейта, направляясь налево от разбитой двери.

На другой стороне комнаты была стойка с оружием. С граблями наперевес Джоан поспешила туда, внимательно осматривая пол.

Что если Эплгейт убит вовсе не одной из этих жутких тварей? Ведь нельзя же только из-за того, что один такой монстр попал к ним в дом, подозревать... Может, соседя убил кто-то другой, и преступник все еще в доме...

Но именно одна из этих жутких тварей выскочила из-под кресла и бросилась напрямик к ногам Джоан.

Она стремительно обрушила грабли на жуткое существо.

«Попался!»

Зубцы не вонзились в слизкую плоть, зато монстр застрял между ними.

Джоан уронила грабли.

И бросилась к оружейной стойке — ужасной конструкции, которая стояла на чем-то напоминающем копыта то ли оленя, то ли вола. Поморщившись, Джоан схватила ближайшее к ней ружье. Двустволка?

Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как монстр освободился из ловушки. Уперев оружие в плечо, она направила дуло на тварь, взвела один курок и нажала спусковой крючок.

От выстрела даже уши заложило.

Двустволка дернулась так, словно хотела оторвать ей руки.

Разнесло черенок граблей, как раз посередине.

И монстра тоже. Его разорвало на красные ошметки и размазало по паркету.

— Господи Иисусе, — тихонько взмолилась Джоан.

Потом улыбнулась.

Пол захлопнул дверь в ванную комнату. И повернул задвижку замка.

Через миг он вздрогнул, когда с другой стороны тварь бросилась на дверь.

«Вот попробуй доберись до меня теперь», — подумал он.

Послышался тихий хруст, словно дерево раскалывалось на щепки.

— Вот гад! — воскликнул Пол и пнул дверь вниз.

Он представил себе, как с другой стороны тварь, прогрызая дверь, расщепляет древесину крошечными острыми зубками.

Если бы он не бросил кочергу, можно было бы разможжить череп твари, как только она сунется в дыру.

В поисках средства самообороны Пол кинулся к застекленному шкафчику. К его безопасной бритве «Шик» прилагались, конечно, сменные лезвия. Только проку от них — ноль. Тогда Пол схватил педикюрные ножницы. Лучше, чем ничего. Хотя он знал, что не сможет заставить себя

встать на колени, чтобы заманить мерзость в засаду. Только не сейчас, когда все его вооружение состоит из ножниц длиной четыре дюйма.

Если бы только у него было ружье.

Если бы только появились полицейские.

Позвонила ли Джоан в полицию? У жены была уйма времени, чтобы добраться до соседского телефона. А если она пошла к соседу, то Эплгейт и сам мог бы прийти на помощь с ружьем из своего арсенала.

Дверь тихонько громыкала: тварь продолжала вгрызаться в нее.

Должно же здесь найтись что-то пригодное!

Корзина для грязного белья! Накрыть тварь корзинкой!

Пол присел подле нее. Ивовые прутья. Черт! Раньше у них была тяжелая пластиковая корзина, пока пару недель назад Джоан не заприметила вот эту в магазине. Тварь за секунду прогрызет ее и выберется наружу.

Пол перевел взгляд на низ двери, где уже появились две маленькие трещины. Вспучился кусок дерева шириной с палочку от мороженого, треснул сверху и приподнялся.

В отдалении послышался приглушенный грохот, похожий на обратную вспышку в карбюраторе.

Кусочек дерева отломился и отвалился. Из дыры высунулась морда зверя.

Пол бросился к ванне и перелез через бортик, скинув на пол коврик, висевший на краю.

Занавеска для душа была сдвинута в сторону и свешивалась внутрь.

Без коврика или занавески тварь не сможет забраться к нему.

Ведь по бортику ванны ей не вскарабкаться.

— Только попробуй, — пробормотал Пол, когда тварь метнулась к нему по плиточному полу.

Она остановилась на коврике и посмотрела на него. Кажется, она ухмылялась. Потом прыгнула, и Пол вскрикнул. Только прыжок не удался, и зверь ударился о бортик

в нескольких дюймах от верха. Какой-то миг передние лапы скользили, царапая когтями по эмали. Потом тварь упала, задом приземлившись на коврик. Белесое тельце опрокинулось, но зверек тут же перевернулся и встал на все четыре лапы.

Пол зажал ножницы зубами. Потом нагнулся. Обеими руками крутанул краны. Хлынула вода, брызнула на ноги, и Пол заткнул водосток. Взял ножницы в руку, выпрямился и взглянул на пол рядом с ванной.

Тварь исчезла.

«Где?...»

Опрокинулась корзина с грязным бельем, из нее вывалились скомканные вещи. И корзинка начала подкатываться к ванне.

— Думаешь, ты умен, ха? — ухмыльнулся Пол. Он ударил ногами, вода плеснулась вокруг икр и голеней. — А плавать ты умеешь? А? Как, на спине нормально гребешь, ты, маленькая дрянь?

Когда корзина оказалась в футе от ванны, тварь забралась на нее. Пол метнул в него ножницы. Промажнулся. Зверь прыгнул.

Пол отшатнулся, когда тварь скакнула в ванну. Она приземлилась на бортике, скользнула на брюхе и плюхнулась в воду. Взметнулись брызги, и тварь погрузилась на дно.

— Попался! — завопил Пол.

И выскочил из ванны. Наклонился поглядеть. Тварь все еще была на дне и медленно шагала под водой глубиной несколько дюймов.

Пол выдернул занавеску из ванны, чтобы та свешивалась теперь наружу.

На поверхности показалась голова, тварь взглянула туда-сюда, заметила Пола и поплыла к нему.

— Ну давай же, тони, — бормотал Пол.

Тварь доплыла до бортика, когти передних лап быстро заскребли по эмали. Залезть по гладкой стене она не могла, но и тонуть явно не собиралась.

Пол отшатнулся от ванны.

На полке рядом с раковиной стояла зубная щетка Тимми в пластмассовом держателе. Пол схватил ее. Потом опустился на колени подле ванны.

Тварь все пыталась выбраться из воды.

Нужно ее утопить. Концом зубной щетки он ткнул в голову твари, и та погрузилась под воду. Но тут же вывернулась и освободилась. И зверь опять поплыл к бортику. Не успела морда коснуться эмали, как Пол снова щеткой погрузил ее под воду.

— Сколько времени ты можешь не дышать, гадина?

Тварь попыталась вывернуться, но Пол снова утопил ее и рассмеялся.

— На сей раз точно не уйдешь.

Но тварь вновь ускользнула из-под зубной щетки и всплыла на поверхность.

Пол опять ткнул ее. Кулак ударил по воде так, что брызги долетели до лица. Пока Пол моргал, резкая боль пронзила палец.

Он взмахнул рукой. На которой повисла тварь.

С воплями он шарахнулся от ванны, потрясая рукой, а тварь стремительно взобралась на запястье. Вонзая коготки в кожу, она продвигалась очень быстро.

Тогда Пол с силой ударил по ней другой рукой. Тварь сорвалась, сдирая плоть с предплечья, и полезла вверх уже по другой руке.

Быстро-быстро ползла по левой руке, оставляя цепочку следов от когтей.

Развернувшись, Пол треснул рукой о стену. Но тварь запросто увернулась и уже вверх тормашками стремглав подбиралась к подмышке.

— Пол!

Джоан крутанула ручку двери — заперто. Изнутри донесся жуткий вопль.

Прицелившись в замок, Джоан нажала на курок.

В ушах зазвенело от грохота, отдача рванула ружье из рук женщины, а рядом с ручкой появилась дыра размером с кулак. Дверь распахнулась.

Пол в одних трусах стоял около ванны и пронзительно кричал. Левая рука была в крови. В том, что осталось от его правой руки, он держал монстра.

Тут Пол заметил Джоан. Глаза дико блеснули.

— Стреляй в него! — завопил он, поднимая кулак к потолку. По руке струилась кровь.

— Но твоя рука!

— Плевать!

Джоан взвела один из парных курков, прицелилась в поднятую вверх кровоточащую руку мужа и нажала спусковой крючок. Осечка.

— Боже мой! Стреляй же!

Джоан взвела другой курок, снова прицелилась и дернула спусковой крючок. Курок щелкнул вновь. Двустволка не стреляла.

— Перезаряди! Ради бога, перезаряди!

— Чем? — крикнула она в ответ.

— Идиотка!

Пол сунул монстра в рот, сжал челюсти, дернул, а потом запустил в нее обезглавленной тушкой, которая прочертила в воздухе кровавый след, ударилась о плечо Джоан и отскочила, оставив на ее коже красное липкое пятно.

Пол выплюнул голову. Упал на колени и зашелся приступом рвоты.

В гостиной он надел халат. Вместе с Джоан они бросились прочь из дома. Тимми все еще сидел в машине, его личико прижалось к стеклу, он во все глаза глядел на женщину с разметающимися выющимися волосами в розовой ночной рубашке, которая завывала, скорчившись на тротуаре.

Отовсюду по соседству доносились приглушенные крики, вопли и выстрелы. И вой сирен. Очень много сирен. Кажется, они еще далеко.

— Боже мой, — тихонько пробормотал Пол.

Он пристально вглядывался в землю, пока Джоан открывала дверцу машины и брала Тимми на руки. Коле-

ном она захлопнула дверцу. И понесла мальчика куда-то за машину.

— Куда это ты? — спросил Пол.

— К Эплгейту. Пойдем. Там мы будем в большей безопасности.

— Да, — подтвердил Пол. — Пожалуй.

И пошел за женой к дому соседа.

О составителях

Стивен Джонс, многократный обладатель Всемирной премии фэнтези и Британской премии фэнтези, в частности за «Fantasy Tales», журнал, посвященный фэнтези и хоррору. Джонс — телевизионный продюсер и режиссер, иллюстратор, журналист, специалист по жанровому кино — обзоры таких фильмов, как «Восставший из ада» («Hellraiser»), «Порождение ада» («Hellbound»), «Ночной народ» («Nightbreed») и других. Он выступал в качестве составителя серий «Хоррор. 100 лучших книг» («Horror: 100 Best Books»), «Лучшее из „Fantasy Tales“» («The Best Horror from Fantasy Tales»), «Газовая лампа и призраки» («Gaslight & Ghosts»), «Мы больны» («Now We Are Sick»), «Темные голоса» («Dark Voices»), а также авторских сборников Клайва Баркера «Хроники ночного народа» («The Nightbreed Chronicles») и «Тени в раю» («Shadows in Eden») и сборника «Джеймс Герберт. Преследуемый хоррором» («Herbert: By Horror Haunted»).

Рэмси Кэмпбелл — самый знаменитый из ныне здравствующих писателей в жанре хоррор. Проработав несколько лет в государственных учреждениях и публичных библиотеках, с 1973 года Кэмпбелл полностью посвятил себя литературе. Его перу принадлежит множество рассказов и романов, среди них «Кукла, которая съела свою мать» («The Doll Who Ate His Mother»), «Лицо, которое должно умереть» («The Face That Must Die»), «Паразит» («The Parasite»), «Безымянный» («The Nameless»), «Воплощенный» («Incarnate»), «Одержимость» («Obsession»), «Голодная луна» («The Hungry Moon»), «Влияние» («The Influence»), «Древние образы» («Ancient Images»), «Полночное солнце» («Midnight Sun»). Многократный обладатель Всемирной премии фэнтези и Британской премии фэнтези, Кэмпбелл также занимается составлением антологий, часто выступает на радио «Мерсисайд» с обзорами фильмов и является президентом Британского сообщества фэнтези (British Fantasy Society). Кэмпбелл очень любит читать свои произведения перед аудиторией.

PIN Copyright © 1989 by The McCammon Corporation. Originally published in *Blue World*. Reprinted by permission of the author.

THE HOUSE ON CEMETERY STREET Copyright © 1988 by Cherry Wilder. Originally published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, December 1988. Reprinted by permission of the author.

THE HORN Copyright © 1989 by Stephen Gallagher. Originally published in *Arrows of Eros*. Reprinted by permission of the author.

BREAKING UP Copyright © 1989 by Alex Quiroba. Originally published in *West/Word* Volume 1, Spring/Summer 1989. Reprinted by permission of the author.

IT HELPS IF YOU SING Copyright © 1989 by Ramsey Campbell. Originally published in *Book of the Dead*. Reprinted by permission of the author.

CLOSED CIRCUIT Copyright © 1989 by Laurence Staig. Originally published in *Dark Toys and Other Consumer Goods*. Reprinted by permission of the author's publishers, Pan/Macmillan Children's Books, London.

CARNAL HOUSE Copyright © 1989 by Steve Rasnic Tem. Originally published in *Hot Blood: Tales of Provocative Horror*. Reprinted by permission of the author.

TWICH TECHNICOLOR Copyright © 1989 by Kim Newman. Originally published in *Interzone* No.28, March/April 1989. Reprinted by permission of the author.

LIZAVETA Copyright © 1988 by Gregory Frost. Originally published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, December 1988. Reprinted by permission of the author.

SNOW CANCELLATIONS Copyright © 1989 by Donald R. Burleson. Originally published in *2AM* No.13, Fall 1989. Reprinted by permission of the author.

ARCHWAY Copyright © 1989 by Nicholas Royle. Originally published in *Dark Fantasies*. Reprinted by permission of the author.

THE STRANGE DESIGN OF MASTER RIGNOLO Copyright © 1989 by Thomas Ligotti. Originally published in *Grue* No.10, Fall 1989. Reprinted by permission of the author.

...TO FEEL ANOTHER'S WOE Copyright © 1989 by Chet Williamson. Originally published in *Blood Is Not Enough*. Reprinted by permission of the author.

THE LAST DAY OF MISS DORINDA MOLYNEAUX Copyright © 1989 by Robert Westall. Originally published in *Antique Dust*. Reprinted by permission of the author.

NO SHARKS IN THE MED Copyright © 1989 by Brian Lumley. Originally published in *Weird Tales* No.295, Winter 1989. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

MORT AU MONDE Copyright © 1989 by D. F. Lewis. Originally published in *Dagon* No.26, October-December 1989. Reprinted by permission of the author.

BLANCA Copyright© 1989 by Thomas Tessier. Originally published in *Post Mortem: New Tales of Ghostly Horror*. Reprinted by permission of the author.

THE EYE OF THE AYATOLLAH Copyright © 1989 by Ian Watson. Originally published in *Interzone* No.33, January /February 1990. Reprinted by permission of the author.

AT FIRST JUST GHOSTLY Copyright © 1989 by Karl Edward Wagner. Originally published in *Weird Tales* No.294, Fall 1989. Reprinted by permission of the author.

BAD NEWS Copyright © 1989 by Richard Laymon. Originally published in *Night Visions* 7. Reprinted by permission of the author.

Содержание

Роберт Маккаммон. БУЛАВКА <i>Пер. Е. Александровой</i>	5
Черри Уайлдер. ДОМ НА КЛАДБИЩЕНСКОЙ УЛИЦЕ <i>Пер. М. Савиной-Баблюян</i>	13
Стивен Галлагер. ЗОВ <i>Пер. О. Ратниковой</i>	40
Алекс Кироба. РАСПАД ЛИЧНОСТИ <i>Пер. Т. Казаковой</i>	67
Рэмси Кэмпбелл. ПОЙ, ЭТО ПОМОЖЕТ <i>Пер. В. Двининой</i>	76
Лоуренс Стейг. ЗАМКНУТЫЙ КРУГ <i>Пер. О. Ратниковой</i>	86
Стив Разник Тем. ДОМ ПОХОТИ <i>Пер. Т. Казаковой</i>	105
Ким Ньюмен. СПАЗМ ЦВЕТА <i>Пер. Н. Кудрявцева</i>	117
Грегори Фрост. ЛИЗАВЕТА <i>Пер. О. Ратниковой</i>	131
Дональд Бурлесон. СНЕГОПАД <i>Пер. М. Савиной-Баблюян</i>	163
Николас Ройл. ЛИЦО В ТЕНИ <i>Пер. О. Ратниковой</i>	177
Томас Лиготти. СТРАННЫЙ ЗАМЫСЕЛ МАСТЕРА РИНЬОЛО <i>Пер. Н. Кудрявцева</i>	198
Чет Уильямсон. «СОЧУВСТВИЮ К ДРУГОМУ НАУЧИ...» <i>Пер. О. Ратниковой</i>	211

Роберт Уэстол. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МИСС ДОРИНДЫ МОЛИНО <i>Пер. О. Ратниковой</i>	230
Брайан Ламли. В ГРЕЦИИ АКУЛ НЕТ <i>Пер. О. Гайдуковой</i>	267
Д. Ф. Льюис. MORT AU MONDE <i>Пер. В. Двининой</i>	313
Томас Тессьер. БЛАНКА <i>Пер. М. Савиной-Баблюн</i>	317
Йен Уотсон. ГЛАЗ АЯТОЛЛЫ <i>Пер. О. Гайдуковой</i>	344
Карл Эдвард Вагнер. ПРИЗРАЧНОЕ ЛИЦО <i>Пер. О. Ратниковой</i>	355
Ричард Лаймон. ДУРНЫЕ ВЕСТИ <i>Пер. М. Савиной-Баблюн</i>	426
О составителях	441

Литературно-художественное издание

УЖАСЫ ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редактор Валентин Бобрецов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Татьяна Никонова, Елена Орлова
Верстка Степана Долбнина

Подписано в печать 15.11.2010.

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 24449.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-АТТИКУС» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

***Новый роман знаменитой саги
Хлои Нейл «Чикагские вампиры»!
Впервые на русском языке!***

Хлоя Нейл «Вампиры города ветров»

Когда существование вампиров было официально признано, а злодейка Селина Дезалньер, чьи попытки спровоцировать войну между вампирами и людьми были если не пресечены окончательно, то значительно отсрочены, выслана из Чикаго, Мерит, Страж Дома Кадогана, вроде бы получила небольшую передышку.

Это время ей понадобится, чтобы разобраться с чувствами по отношению к двум Мастерам вампирских Домов. Итак, Кадоган или Наварра? Этан Салливан или Морган Гриер? В общем, обстановка опять накаляется, и в это напряженное время в Чикаго возвращается Селина Дезалньер, бывший Мастер Дома Наварры, смертельный враг Мерит.

Информацию о приобретении книг по почте
или через Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

BEST NEW HORROR

Все лучшее в жанре ужасов за два
последних десятилетия в новой серии
«Best New Horror»!

От всемирно известного составителя
сборников, признанного мэтра Стивена
Джонса!

Впервые на русском языке!

Привидения и вампиры, маньяки и
психопаты, таинственные монстры и
ходячие мертвецы — все самые популярные
персонажи жанра хоррор на страницах
произведений Рэмси Кэмпбелла, Ричарда
Лаймона, Роберта Маккаммона, Йена
Уотсона и многих других знаменитых
писателей. Смертоносные твари выползают
из тьмы, сходят с экранов телевизоров,
являются с того света или из глубин вашего
воспаленного сознания. Если вы не прочь
пощекотать нервы, не страдаете
бессонницей и нечасто выходите из дома
по ночам, двадцать душераздирающих
историй, собранных в этой антологии,
доставят вам истинное удовольствие!

ISBN 978-5-389-01489-3

01

9 785389 014893

www.azbooka.ru

Издательство «Азбука»